2019, № 4 (48)

ISSN 2311-0546

ВкА

HERALD OF ANTHROPOLOGY

методология
история науки
этногенез
эволюционная антропология
расогенез
морфология человека
этноархеология
культуры народов мира
эволюция форм культуры
народные знания
этнические процессы
этнорелигиоведение
этнополитология
этносоциология
кросскультурная психология

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ 2019 № 4 (48)

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

HERALD OF ANTHROPOLOGY

№ 4 (48) 2019

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

HERALD OF ANTHROPOLOGY

№ 4 (48) 2019

Журнал «Вестник антропологии» учрежден решением Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России № 21-р «Вестник антропологии» был включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринова Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б., Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Дубова Н.А., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Мартынова М.Ю. (гл. редактор), Григорьева О.М. (отв. секретарь), Халдеева Н.И., Харламова Н.В.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М.Ю. (РФ), Пашалы П.М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чаеван Лим (Республика Корея), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:
По вопросам физической антропологии
Васильев Сергей Владимирович
8 (495) 954 93 63
8 (495) 125 62 52
odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии
Мартынова Марина Юрьевна
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 65980

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2019
© Журнал «Вестник антропологии», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-летию кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Карлов В.В., Миронова Н.П. Лев Павлович Лашук: кафедра в научной судьбе ученого 5

Туторский А.В. Поле жизни Алексея Алексеевича Никишенкова 18

Воронина Т.А. Воспоминания о кафедре этнографии МГУ (1968–1974 гг.) 33

Антропология государства и этномониторинг

Белова Н.А. Этнологический мониторинг в России: необходимость или навязанное новшество (на примере Костромской области) 37

Белова Н.А., Каунов Д.А. Сравнительный этнологический мониторинг в Калужской и Костромской областях 44

Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г. Реализация языковой политики в школьном образовании Чувашской Республики (конец 1980-х – 2019 гг.) 56

Шиян О.В. Тернистый путь трудовых мигрантов в Россию: опыт включенного наблюдения 76

Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. Русская молодежь Москвы в системе межэтнического взаимодействия 88

Кульбачевская О.В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму 106

Традиции и современность

Сбитнева А.М. «Жизнь» и «смерть» клубов исторической реконструкции в современной России 120

Андрюнина М.А. Семейная обрядность Пружанщины по материалам полевой экспедиции 2019 г. в Пружанский район Брестской области Белоруссии 130

Турекеев К.Ж. Традиция почитания духов предков в современных представлениях каракалпаков 149

Каппасов М.М. Земледелие у кочевников Лбищенского уезда Уральской области в начале XX века 162

Каландаров Т.С. Таджикская мигрантская религиозная поэзия 169

Физическая антропология

Герасимова М.М. Краниологические особенности населения верховий левобережья реки Кубань в VIII–XII вв. 178

Лейбова Н.А., Гадиев У.Б. Средневековое население Горной Ингушетии по данным одонтологии 197

Фризен С.Ю., Гадиев У.Б. Краниологические материалы из склепов горной Ингушетии. (Предварительные итоги исследования) 210

Боруцкая С.Б. Остеометрическое исследование некрополя Батальное (Ленинский район, Республика Крым) 235

Иванов А.В., Васильев С.В. Краниологическая характеристика позднесредневековых крымских татар: по материалам некрополя у с. Батальное 243

Пестряков А.П., Григорьева О.М., Пеленицына Ю.В. Австралийские аборигены. Территориальная изменчивость краниологических особенностей 252

Куфтерин В.В., Волкова Е.В. Физический тип населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа по данным остеометрии (материалы Ново-Сасыкульского могильника) 268

Личности в науке

Герасимова М.М., Лейбова Н.А., Дедик А.В. Международная научная конференция «Проблемы изучения изменчивости в антропологии. Новое в многообразии традиционного», посвященная 85-летию со дня рождения выдающегося антрополога, д-ра ист. наук, профессора Александра Александровича Зубова (1934–2013) 286

Герасимова М.М., Дедик А.В. Максим Григорьевич Левин (1904–1963): 115 лет со дня рождения 292

Халдеева Н.И., Спицына Н.Х. , Васильев С.В. Маргарита Михайловна Герасимова. Человек в науке и наука в человеке 303

Рецензии

Анчабадзе Ю.Д. Рецензия на: *Д.В. Громов.* Немцов мост. Стихийная мемориализация. М.: ИЭА РАН, 2017. - 230 с., илл. 308

Деметер Н.Г. Рецензия на: монографии серии «Этнокультурные процессы историко-этнографических регионов Беларуси» 312

Contents 316

К 80-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ КАФЕДРЫ ЭТНОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

УДК 39+82-94
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/5-17

© В.В. Карлов, Н.П. Миронова

ЛЕВ ПАВЛОВИЧ ЛАШУК: КАФЕДРА В НАУЧНОЙ СУДЬБЕ УЧЕНОГО

Авторы статьи прослеживают научный путь профессора Льва Павловича Лашука, одного из ведущих преподавателей кафедры этнографии (ныне этнологии) Московского университета в 1960–1980-е годы. Л.П. Лашук окончил обучение на кафедре в 1950 г. Здесь он получил качественную профессиональную подготовку, которая позволила ему успешно и плодотворно работать до 1960 г. в Сыктывкаре в Коми филиале АН СССР и внести большой вклад в изучение этнографии народов коми, способствовала росту его известности как специалиста. После приглашения на кафедру этнографии Л.П. Лашук возвратился в Москву. В своей преподавательской и научной деятельности в МГУ ученый использовал богатый полевой опыт, последовательно расширял круг своих исследовательских интересов и в результате стал одним из ведущих в стране этнологов и создал свою научную школу. Авторы считают, что кафедра сыграла огромную роль в становлении Л.П. Лашука как специалиста – одного из ярких представителей «второго поколения» ученых-этнографов МГУ и отечественной науки в целом

Ключевые слова: *Л.П. Лашук, кафедра этнографии МГУ, этнография коми, научная судьба ученого*

Кафедре этнологии (в 1939–1992 гг. – этнографии) исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2019 г. исполняется 80 лет со дня основания. За длительный период существования учебного подразделения сменилось несколько поколений профессиональных этнологов, подготовленных в МГУ, и во многом трансформировались представления о предмете, методах и подходах к объекту изучения, как

Карлов Виктор Владимирович – д.и.н., профессор исторического факультета, кафедры этнологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Ленинские горы, д. 1). Эл. почта: vikarlov@mail.ru. **Karlov Victor V.** – Moscow State University (Moscow, Lenin Hills, d. 1). E-mail: vikarlov@mail.ru

Миронова Наталья Петровна – к.и.н., научный сотрудник ФГБУН ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН» (Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 24). Эл. почта: sidnap@mail.ru. **Mironova Natalya P.** – Federal State Budgetary Institution of Education and Science, Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, GSP-2, 24 Kommunisticheskaya St.). E-mail: sidnap@mail.ru

и о самом объекте, в мировой и отечественной науке. Профессор Лев Павлович Лашук работал в Московском университете с 1960 по 1990 г. Он относился ко второму поколению преподавательского состава кафедры этнографии (далее – кафедра), подготовленному ее основателями из числа своих выпускников, научное мировоззрение и профессиональные навыки которых сформировались уже в стенах МГУ. В конце 1940-х – начале 1950-х годов окончили обучение на кафедре, прошли аспирантуру и были зачислены в штат К.И. Козлова, Г.Е. Марков, М.В. Витов, Г.Г. Громов. Л.П. Лашук был из этой же плеяды, но его путь в МГУ лежал через десятилетнюю работу в Сыктывкаре в Коми филиале АН СССР (далее – Коми филиал) – он стал одним из ведущих преподавателей кафедры после возвращения в Москву в 1960 г.

Направление на работу в Коми филиал Л.П. Лашук получил в 1950 г. после завершения обучения на кафедре. Прочный фундамент профессиональных знаний, видение объекта и предмета изучения, владение методами этнографической работы с полевыми и письменными источниками способствовали раскрытию и реализации научного потенциала молодого ученого в Сыктывкаре. А приобретенный в Коми богатейший опыт полевой работы этнографа оказал не меньшее влияние на московский период его научного творчества, которое само по себе стало ценнейшим вкладом в образовательную программу кафедры, ибо профессор Лашук был ученым, которого отличало масштабное системное мышление и понимание предмета. Он сумел создать свою школу и внес весомый вклад не только в исследование конкретных региональных проблем этнографии, нуждавшихся в детальном изучении и новом подходе, но и в разработку актуальных вопросов теории и методологии отечественной науки. Весь творческий путь ученого – от учебы на кафедре и становления специалиста в годы работы в Коми филиале и до последних лет преподавательской работы в МГУ – свидетельствует о высоком уровне и глубине профессиональной подготовки специалиста «среднего» периода 80-летней истории кафедры.

Родился Лев Павлович Лашук 7 декабря 1925 г. в с. Песочная Бежецкого уезда Брянской губернии. Отец его был техником-землеустроителем, мать вела домашнее хозяйство. В 1931 г. семья переехала в Москву, откуда перебралась в г. Дмитров Московской обл. В начале Великой Отечественной войны отец ушел добровольцем на фронт, самого Льва в 1942 г. тоже призвали на военную службу, но из-за сильной близорукости он получил отсрочку от мобилизации до окончания учебы в школе. Летом 1943 г. юноша работал в районной газете корреспондентом и литсотрудником, уже тогда проявилось его художественное чутье. Близкие, ученики и коллеги Льва Павловича помнят, какие замечательные стихи он писал, как хорошо знал художественную прозу и поэзию, каким безупречным литературным вкусом обладал. После окончания школы летом 1944 г. Л.П. Лашук был направлен райвоенкоматом в Москву, где работал землекопом, плотником, слесарем, затем уполномоченным по мобилизации рабочей силы в системе Особого строительно-монтажного управления, а в 1945 г. – на строительстве газопровода Саратов–Москва (НАКНЦ-1. Д. 186).

В 1945 г. Л.П. Лашук поступил на исторический факультет Московского государственного университета и выбрал специализацию на кафедре этнографии. Здесь он увлекся этнографией финно-угорских народов. Учителями Л.П. Лашука были блестящие исследователи и педагоги С.А. Токарев, С.П. Толстов, М.О. Косвен, Н.Н. Чебоксаров, В.И. Чичеров, Б.И. Шаревская. Студент Лашук сразу обратил на себя внимание преподавателей отличавшей его любознательностью и эрудированностью. По

воспоминаниям К.И. Козловой (она окончила обучение на кафедре на четыре года раньше), М.О. Косвен с первого курса звал Лашука не иначе как «профессор».

Дипломное сочинение Л.П. Лашука написано под руководством Н.Н. Чебоксарова[1], оно посвящено этнической истории народа коми и этнокультурным связям коми и русских. Рукопись его дипломной работы «Основные этапы этнической истории коми» хранится на кафедре этнологии исторического факультета МГУ. Это 168 страниц машинописного текста и 13 листов рукописных приложений: список источников, библиографии и карандашные рисунки карт – «Карты расселения Северных племен XI–XIV вв. и русских торговых путей» и «Карты Коми АССР» (*Лашук* 1950).

В дипломной работе Л.П. Лашук, рассматривая этнокультурные связи коми и русских, впервые выделил в исторической ретроспективе основные этапы этнической истории народов коми, осветил вопросы их этногенеза. Хотя это была учебная квалификационная работа молодого специалиста, но само обращение к такой теме, постановка принципиально новых вопросов были чрезвычайно важны по причине слабой разработанности на тот период проблем истории и этнографии коми, недостаточности источниковой базы (*Жеребцов* 2007). Дипломное сочинение студента Лашука представляло собой весьма серьезное, законченное самостоятельное исследование, с четкой структурой и проработанностью поставленных задач.

В качестве источниковой базы своей работы Л.П. Лашук указал летописи, договоры, акты и писцовые книги, которые прямо или косвенно касаются древней истории народов коми, а также важнейшие документы, отражающие их новую и новейшую историю. В основе первых исследований Льва Павловича, безусловно, лежала марксистско-ленинская методология истории – никакой другой и не могло быть у студента исторического факультета в конце 1940-х годов. При этом молодой исследователь показал объективные закономерности исторических явлений, все многообразие связей между разными формами государства и его экономическим базисом в рамках социально-экономических формаций, диалектику борьбы антагонистических классов, роль государства в этой борьбе в проекции на этнокультурную сферу с применением категорий исторического материализма к анализу конкретного исторического процесса (НАКНЦ-1. Д. 187). Поскольку историко-этнографическая работа Л.П. Лашука предполагала привлечение данных и концепций языкознания, то он не мог не указать в методологических основаниях дипломного сочинения актуальное в то время «новое учение о языке» Н.Я. Марра применительно к проблематике этнолингвистического исследования о древнейших обитателях Волго-Камья и Приуралья, включая новейшие данные по Коми АССР и населению сопредельных областей. Сторонники марризма активно призывали интенсивно изучать малые языки, к этой теории многие присоединялись из соображений универсализма, интернационализма, необходимости ускорить развитие малых народов, подтянуть их лексику до уровня развитых цивилизованных языков (НАКНЦ-1. Д. 227: 36). Историков в марровской теории тог-

[1] Чебоксаров Николай Николаевич (1907–1980), крупный советский антрополог и этнограф, специалист по антропологии древних и современных народов Восточной Европы и Прибалтики, Восточной и Юго-Восточной Азии, расоведению, этногенезу и общим вопросам этнографии. Совместно с М.Г. Левиным сформулировал принципы этнографической классификации народов по хозяйственно-культурным типам и историко-этнографическим областям. Полевые исследования Н.Н. Чебоксарова среди народов Приуралья, особенно коми, дали ему богатый материал для доказательства расового полиморфизма финских народов. С финно-угорскими исследованиями Н.Н. Чебоксарова связана была и его работа среди русского населения северных районов.

да привлекало то, что языковедческие и этнографические исследования рассматривались в ней в тесном взаимодействии, история языка прямо связывалась с историей материальной культуры, историей общества. Сегодня признается, что общей трагедией отечественной науки о языке 1930-х – начала 1950-х годов стало то, что пользовавшиеся государственной поддержкой идеи академика Н.Я. Марра внедрялись в качестве догм, а «новое учение о языке» было чрезвычайно идеологизированным (НАКНЦ-1 Д. 262: 7). В последующем, уже будучи научным сотрудником Коми филиала, Л.П. Лашук критически высказывался о теории Н.Я. Марра, указывая на ее объективные недостатки применительно к этнографическим и историческим исследованиям (НАКНЦ-1. Д. 263. Л. 20–21).

Дипломное сочинение – первая самостоятельная работа Л.П. Лашука – носит во многом реферативный характер, что не снижает его ценность, поскольку начинающему исследователю удалось объединить наиболее актуальные на тот период данные целого ряда смежных гуманитарных дисциплин, касающиеся вопросов происхождения и историко-культурного развития народов коми. Один из основных выводов Л.П. Лашука заключался в том, что народы коми сложились в процессе социально-экономического развития местного автохтонного населения Прикамья, Приуралья и Вычегодского бассейна, уже с древнейших времен находившегося в хозяйственном и культурном взаимодействии с племенами Восточной Европы, Средней Азии и Сибири (*Лашук* 1950: 61). Л.П. Лашук указывает на благотворное влияние русского народа: «Культура русского народа, его язык и богатейшее духовное творчество оказали глубокое влияние на все стороны быта коми-зырян, на их язык и духовную культуру» (*Лашук* 1950: 75). Возможности национальной консолидации коми-зырян, по мнению Л.П. Лашука, были заложены в советском государственном и общественном строе, в социалистическом способе производства и нашли свое выражение в областной автономии коми-зырян 1921 г., а после создания Коми АССР в 1936 г. – в республиканской автономии (*Лашук* 1950: 169). Уже в дипломном сочинении студента Лашука проявляются комплексность, глубина анализа этнографического материала, следование принципу историзма – ведущему при характеристике этногонических процессов. Таким образом, дипломное исследование Лашука убеждает, что на кафедре он получил серьезную научно-теоретическую подготовку.

Кафедра этнографии, созданная в 1939 г. по инициативе известного этнографа, археолога и историка С.П. Толстова, наряду с Институтом этнографии АН СССР, составляла организационную основу этнологии в Советском Союзе. Характерными чертами научной деятельности кафедры были сочетание изучения общей этнографической проблематики с разработкой региональных историко-археологических вопросов и целенаправленная установка на расширение и укрепление связей этнографии с другими общественными и естественными дисциплинами: археологией, языкознанием, антропологией, географией и т.д. (НАКНЦ-1. Д. 302: 131).

Следуя такому комплексному подходу, усвоенному в процессе обучения на кафедре, выпускник исторического факультета начал свою деятельность в Коми филиале. Уже имевший определенный научно-исследовательский опыт и серьезную методическую базу Лашук заметно выделялся среди молодых коллег. Работа в Сыктывкаре стала для него временем напряженного научного поиска, сбора полевого и архивного материала по проблемам этногенеза народов Северного Приуралья. Лев Павлович начал свою профессиональную деятельность в Коми филиале в должности млад-

шего научного сотрудника сектора языка, письменности, литературы и истории, с 1956 г. работал старшим научным сотрудником отдела языка, литературы и истории (НАКНЦ-1. Д. 338: 394). В 1950–1959 гг. совместно с Л.Н. Жеребцовым молодой исследователь разрабатывал проблемы этнической истории коми и русского населения Печоры и Ижмы, вымских, верхневычегодских, сысольских и прилузских коми, провел ряд этнографических экспедиций в эти районы, осуществил сплошное этнографическое обследование территории республики (НАКНЦ-2. Д. 37, 38, 48–52). За несколько лет работы успешному научному тандему Л.П. Лашука и Л.Н. Жеребцова удалось очень многое. Ученые побывали во всех районах Коми АССР, собрали богатейший материал о быте, культуре, хозяйстве, этнической истории местного населения. Также они занимались археологической разведкой – открыли несколько древних памятников (НАКНЦ-1. Д. 429: 29–39).

В историографии этнографического изучения коми Л.П. Лашук, наряду с Л.Н. Жеребцовым, занимает почетное место одного из основоположников этнографического районирования Республики Коми и основателей первого профессионального коллектива этнографов Коми филиала. На начальном этапе институциализации этнографии коми в сфере внимания исследователей находились этническая история, принципы выделения этнографических групп, жилище и поселения, календарная обрядность и народные художественные традиции, а также религиозность (которая тогда изучалась в форме «религиозных пережитков») (НАКНЦ-1. Д. 463: 11). Л.П. Лашуком и Л.Н. Жеребцовым были выделены семь основных этнографических районов: прилузский, сысольский, вымский, удорский, ижемский, верхнепечорский и вычегодский (НАКНЦ-1. Д. 465). Дальнейшее изучение вопроса позволило уточнить их границы и выявить подрайоны (напр., в удорском районе это вашский и верхнемезенский микрорайоны, в вычегодском – локчимский и т.д.) (НАКНЦ-1. Д. 558, 612).

Работы в области этнической истории финно-угорских народов сделали имя Л.П. Лашука широко известным в отечественной науке. Однако его научные труды этим не ограничиваются. Исследования Льва Павловича до сих пор остаются образцом изучения проблем этнической и этнокультурной истории народов с точки зрения методологического подхода к предмету, ставшего одним из важнейших в отечественной этнологической науке второй половины XX в. Этот подход отличает не только комплексность в прямом смысле слова, требующая широчайшей эрудиции в самых разных смежных областях знания (археология, лингвистика, фольклористика, антропология, ономастика), но и высокий уровень теоретического осмысления предмета исследования. Пристальное внимание к проблемам качественного состояния этноса и этнических связей, их изменения на различных этапах истории под влиянием конкретных условий и факторов, определяющих ход и особенности протекания этнолингвистических и этнокультурных взаимодействий, а также учет характерных типологических признаков их развертывания во времени и пространстве – вот отличительные черты творческого почерка Л.П. Лашука, свойственные его работам с молодых лет (НАКНЦ-1. Д. 194: 3). В сыктывкарский период деятельности особенно подробно Л.П. Лашук изучал этническую историю Печорского края: процессы заселения бассейна Печоры, духовную и материальную культуру, быт, хозяйство местного населения XVII–XIX столетий, культурное взаимодействие. Эта обширная территория, отличаясь богатством природных условий и этническим своеобразием многоязычного населения, заслуживала профессионального внимания

ученых разных специальностей, в т.ч. этнологов. Особенно активно индустриальное, экономическое и культурное развитие края шло в годы советской власти после создания Печорского промышленного района. Научно-исследовательские задачи Коми филиала в аспекте комплексного изучения производительных сил Республики Коми были непосредственно связаны с развитием Печорского края (НАКНЦ-1. Д. 338: 364).

При подготовке кандидатской диссертации, анализируя этническую историю населения Печорского края – русских, коми, ненцев, – Л.П. Лашук отработал основные принципы подхода к предмету, расширил и разнообразил комплексный методический инструментарий своей исследовательской лаборатории.

Л.П. Лашук разграничивал понятия «этногенез» и «этническая история». «Этногенезом», по его мнению, следует считать процесс возникновения и формирования определенной этнической общности (этнической группы или народности), сложившейся на основе ряда исходных компонентов (племен и групп) различного происхождения. Многие народности Севера сложились в эпоху Средневековья и за несколько веков прошли большой путь не только социально-экономического, но и этнического развития. В процессе этого развития происходило оформление (как и изменение) их этнической территории и границ, завязывались взаимоотношения с соседними народами, что не могло не привести к смешению населения в полосе этнических контактов, образованию смешанных и переходных этнических групп. Наконец, эти народности по-разному вписывались в структуру крупных общностей как этнического, так и регионального, государственно-административного, национального уровней. Такие процессы вряд ли следует характеризовать понятием «этногенез». Они относятся к «этнической истории», составной частью которой представляется этногенез (НАКНЦ-2. Д. 32. Л. 7). По мнению исследователя, только полное, систематическое изложение фактов и явлений, касающихся этнического развития какого-либо народа или этнической группы с древнейших времен до современности, анализ и объяснение этих фактов и явлений с позиций исторического материализма могут дать нам ясное представление об этнической истории данного народа.

В авторском предисловии к книге «Очерк этнической истории Печорского края», изданной в 1958 г. в Сыктывкаре, Л.П. Лашук характеризовал свой труд следующим образом:

> историко-этнографическое исследование, в котором главное внимание уделяется вопросам этногенеза в широком смысле, а ход социально-экономической истории освещается в весьма сжатом объеме, необходимом для понимания глубокой подосновы процесса этнического развития, являющегося лишь одной из сторон общего исторического процесса (*Лашук* 1958: 3).

Разработанный исследователем подход был реализован им и при подготовке докторской диссертации, посвященной этнической истории и консолидации коми-зырянского этнокультурного сообщества. В монографии 1972 г. «Формирование народности коми» Л.П. Лашук предложил более емкое содержание понятия «этническая история», которое включает не только раскрытие этногенеза народов, но и процессы развития этнических (по существу этносоциальных) общностей от древних племенных образований до современных народностей и наций.

Подводя итоги анализа истории формирования этноса коми, Лев Павлович обращает внимание на то, чем именно его подход к освещению данных процессов отличен от существовавших до этого. Основное отличие виделось им в том, что авторы,

касавшиеся таких сюжетов, представляли процесс этногонии в основном линейным – как единое движение от племени к более высоким формам сообщества.

> Прежде всего, следует согласиться, что понятие «этническая история» имеет куда более емкое содержание. Как научная проблематика, «этническая история» включает не только раскрытие этногенеза народов, но и процессов развития этнических (по существу этно-социальных) общностей от древних племенных образований до современных народностей и наций, процессов этнических дроблений, сближений, ассимиляций и консолидаций (*Лашук* 1972: 288–289).

В основании такого подхода к главному объекту науки этнографии (этнологии) лежало прежде всего отношение автора к этому объекту как к живому и постоянно развивающемуся в своем движении во времени и пространстве социальному организму, далеко не ограничивавшемуся ни на одном этапе этого развития каким-либо стандартным набором явлений исключительно этнического характера.

В сыктывкарский период Лев Павлович написал 31 научную работу, из них 20 было опубликовано, в т.ч. монография «Очерк этнической истории Печорского края» (1958). В эти же годы Л.П. Лашук в соавторстве с Л.Н. Жеребцовым подготовил и монографию «Вымские и удорские коми (историко-этнографические очерки)» (18 а.л.), рекомендованную к печати в 1955 г., но оставшуюся неизданной. Л.П. Лашук немало сил приложил к созданию «Очерков по истории Коми АССР». По поручению руководства Коми филиала он составил план-описание первого тома этой работы – от происхождения коми до гражданской войны, написал три раздела. В 1954 г. Лев Павлович защитил кандидатскую диссертацию по специальности «этнография» на тему «Этническая история Печорского края». В основу его докторской диссертации легло целостное исследование процесса формирования народности коми-зырян и консолидации этноса коми. Этот труд – «Этническая история и национальная консолидация коми (зырян)» – был им почти завершен еще в годы работы в Сыктывкаре. Защита прошла в 1964 г. уже в Москве, куда ученый переехал в 1960 г. по приглашению заведующего кафедрой этнографии С.А. Токарева. На кафедре Лев Павлович проработал до конца жизни – сначала доцентом, затем профессором.

С переездом в Москву начинается новый период в научной и педагогической деятельности Льва Павловича. Ученики вспоминают его как блестящего лектора, умевшего заинтересовать и заинтриговать слушателей увлекательной формой изложения, как человека, поражавшего своей огромной эрудицией (*Карлов* 2001, 2017; *Мартынова* 2007). Л.П. Лашук руководил дипломниками и аспирантами, он подготовил ряд работ по теории этнографической науки и внедрению социологии в сферу этнологического познания, опубликовал труды «Формирование народности коми» (*Лашук* 1972), «Введение в историческую социологию» (*Лашук* 1977).

В 1960-е годы Л.П. Лашуку поручалось ведение важных дисциплин на факультете и кафедре. Он читал первокурсникам «Историю первобытного общества и основы этнографии», для стремящихся попасть на кафедру второкурсников вел факультатив «Проблемы исторической этнографии», для уже принятых – «Этнографию Сибири» и «Историографию». Его лекции пользовались большой популярностью, благодаря им желающих специализироваться по этнографии каждый год было намного больше, чем могла принять кафедра. Лев Павлович был уже сложившимся ученым со своим пониманием и видением проблем науки.

Научное мировоззрение Л.П. Лашука полноценно отразилось, например, в рецензии на близившуюся к завершению серию «Народы мира» из 18 объемистых томов, издаваемую Институтом этнографии (*Лашук* 1966). Обзор уже вышедших томов не случайно был заказан Л.П. Лашуку. Читая лекции по основам этнографии, он считал своим долгом знакомиться с каждой книгой серии сразу после ее выхода. Лев Павлович воспользовался возможностью не только дать оценку конкретному изданию, но и высказать свое мнение о задачах, стоящих перед современной этнографической наукой. Перечисленные в обзоре положения убеждают: ученый отчетливо представлял и предметную область науки, и стоящие перед ней исследовательские задачи. Высоко оценив проделанную отечественными учеными работу, Лашук справедливо указал на объективно не до конца отработанные положения и на необходимость развития этнографии в содружестве со смежными отраслями знания, что, несомненно, характеризует автора как высококвалифицированного специалиста. Анализируя материал, посвященный народам ряда регионов СССР, Л.П. Лашук заметил, что в описании этнографической современности авторы дают этнографические зарисовки и количественные данные по принципу «как было и как стало», но не поднимаются до уровня глубоких разработок и теоретических обобщений, тогда как «за всем этим должна просматриваться качественная сторона, то есть самая суть развертывающихся в нашей стране этнических и культурных процессов».

> В целом ряде случаев […] авторы этнографических очерков свели свою задачу к тематическому обобщению материала и дали в общем-то неплохую его научную подборку, но ведь даже самая добросовестная сводка материала еще не есть его синтез, раскрывающий исторические закономерности развития, взаимодействия и взаимопроникновения культур не только родственных и соседящих, но и более отдаленных народов (*Лашук* 1966: 147–148).

Целый ряд серьезных замечаний высказан рецензентом в адрес трактовок этнолингвистических данных, особенно по части генезиса народов индоевропейской, алтайской и уральской языковых семей. Эти замечания показывают его прекрасную осведомленность в новейших трудах по языкознанию, понимание тенденций научного поиска. В наше время почти все новые на тот момент исследования по лингвистике считаются общепризнанными. Наконец, очень важными представляются мысли Л.П. Лашука относительно того, что этнография почему-то долго считалась исключительно описательной вспомогательной эмпирической дисциплиной, тогда как «назревшей задачей являются ныне широкие обобщения и уточнения методологических основ историко-этнографических и этногонических исследований». По его мнению, издание серии непременно должно быть закончено теоретическим томом, где будут изложены понятийно-методологические основания науки. К стоящим перед этнографами вопросам, требующим теоретического осмысления, считал Лашук, следовало отнести и пересмотр триады «племя–народность–нация» с точки зрения типов этнической общности. Насущной необходимостью в исследовании современности (в частности, таких явлений, как этническое/национальное самосознание, национальный характер, этническая психология, идентичность) должно стать внедрение и использование социологических исследований на основе полевых методов работы (*Лашук* 1966: 154, 155). Один из главных тезисов автора – обязательный синтез этнографии со смежными дисциплинами (археологией, антропологией, языкознанием, историей и социологией) в научном познании этнокультурной действительности.

В 1960–1970-х годах отечественная этнографическая наука вплотную подошла к проблеме разработки методов исследования этнокультурной современности, обратившись к поискам адекватных новым реалиям жизни народов второй половины XX в. подходов к объекту изучения. Перед наукой встала задача осмысления хода и закономерностей происходящих перемен. Институт этнографии АН СССР, руководить которым в 1960-е годы пришел Ю.В. Бромлей, предложил свой выход из гносеологических лабиринтов, видевшийся в обращении к социологии и социологическим методам исследования этнической и этнокультурной действительности (*Бромлей, Шкаратан* 1969). В институт были привлечены видные социологи, имевшие опыт массовых опросов населения – Ю.В. Арутюнян и О.И. Шкаратан, был создан «Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР».

Не была в стороне от новых веяний в науке и университетская кафедра, где работал Л.П. Лашук. Именно он был инициатором открытия при ней социологической лаборатории, в необходимости чего убедил заведующего кафедрой профессора С.А. Токарева. Однако тогда, в 1970–1971 гг., этот проект осуществлен не был. Фактически единственным на тот момент результатом разработки профессором Л.П Лашуком социологической проблематики применительно к задачам как исторической этнографии, так и этнографии современности стал подготовленный им курс «Историческая социология», читавшийся студентам-этнографам. Постановка проблематики, связанной с историко-социологическим видением объекта и предмета изучения, основанной на выработанном Л.П. Лашуком комплексном подходе (учет и анализ всех без исключения связей и зависимостей в социуме) стала логическим развитием его системных представлений о феномене этноса и этнического. Свои взгляды Лев Павлович подробно и последовательно изложил в опубликованном в 1977 г. двухтомном учебном пособии «Введение в историческую социологию». По мысли автора, понятийная система исторической социологии и вытекающие из нее конкретные методы историко-этнографического анализа были насущно необходимы как этнографам, которым нередко остро не хватало комплексного видения и понимания изучаемых ими явлений и процессов, так и историкам, далеко не всегда обладавшим необходимой этнографической эрудицией и практическим опытом для исследования конкретно-исторической действительности.

Работа логически обоснованно разделена Л.П. Лашуком на две части. Первая – «Историография и методология исторической социологии» – содержит изложение понимания автором предмета и задач, базовых понятий дисциплины, а также весьма содержательный очерк развития с XIX в. до современности историко-социологических видения и знания в общественных науках. Вторая часть – «Конкретные проблемы исторической социологии» – начинается с приведения содержательных дефиниций («историческая среда», «этноисторическая среда», «понятие социального организма», «форма и структура», «превращенные» общественные формы») и их анализа. Далее показаны возможности и способы применения этих базовых понятий по отношению к общностям доклассового, раннеклассового и развивающегося классового обществ. Это изложение основано на свободном владении как источниковой базой применительно к изучению описываемых социальных феноменов, так и на широчайшей эрудиции, прекрасном знании современной исторической и философско-методологической литературы. Хотя работа издана как учебное пособие, но, по существу, она стала системным теоретико-методологическим описанием подхода к объекту исследования,

показавшим необходимость историко-социологического «измерения» современных процессов этнической и национальной жизни. Этими задачами Л.П. Лашук и обосновывал идею создания при кафедре этнографии МГУ социологической лаборатории.

Но то, что не удалось организационно осуществить в начале 1970-х годов, профессор смог внедрить в научно-преподавательскую практику 10 лет спустя. Произошло это довольно неожиданно: в 1981 г., когда приближался юбилей создания СССР, по инициативе декана факультета Ю.С. Кукушкина одна из лабораторий, завершившая свою научную программу, была преобразована в Лабораторию истории советского народа как новой исторической общности, а ее заведующим был назначен Л.П. Лашук. Будучи руководителем, он предложил постановку проблемы формирования новой общности в совершенно неконъюнктурном аспекте (*Лашук* 1982). В его подходе ключевым моментом было рассмотрение вопроса через широкий диапазон функционирования всей многосложной системы связей (социодемографических, отраслевых, административных и региональных) в их воздействии на социальные структуры общества. И эти замыслы на факультете многими были встречены с очевидным непониманием.

Как руководителю лаборатории Л.П. Лашуку удалось организовать и провести в 1981–1982 гг. две историко-социологические экспедиции (в Ставропольский край и Карачаево-Черкесию) и собрать методом анкетирования интересный полевой материал. В ходе исследования были предприняты попытки зафиксировать влияние форм общения на идентификацию человека с социальными группами разного уровня. Опыт этих опросов был доложен на одной из всесоюзных конференций (*Карлов* 1985). Но в 1983 г. после перенесенного инфаркта Лев Павлович был вынужден отказаться от заведования лабораторией и вернуться на кафедру этнографии. Тем не менее он активно продолжал педагогическую работу, читал общие и специальные курсы студентам, руководил аспирантами. К этому периоду относится ряд написанных им статей теоретико-методологического характера, в которых высказаны глубокие идеи относительно концепции специфического начала теории этнической общности (сокращенный вариант концепции см.: *Лашук* 1981), подходов к историко-социологическому освещению проблемы образа жизни, принципов различения и интеграции «этнического» и «национального», преемственности и изменчивости в историческом развитии этноса, понятия узла этногонического процесса и др. Профессор не стремился к немедленной публикации своих разработок, если у него оставались сомнения в чем-то, он предпочитал откладывать рукопись, продолжал обдумывать проблему. Вместе с тем многие идеи, изложенные в этих рукописях, не потеряли актуальности до сих пор, о чем говорят, например, публикации 2001 г. в журнале «Этнографическое обозрение» (*Лашук* 2001а, 2001б).

В течение 1980-х годов профессор Лашук много работал над подготовкой большого труда по истории отечественной этнологической науки, делал выписки из различных публикаций этнографов и теоретико-методологических трудов по науковедению. Последняя его статья, посвященная этим сюжетам, вышла в свет в 1989 г. (*Лашук* 1989). С середины 1980-х годов состояние здоровья Льва Павловича постепенно ухудшалось, он перешел на ставку профессора-консультанта, но продолжал активно трудиться. 7 декабря 1990 г. ему исполнилось 65, а через три дня его не стало…

В своих трудах Лев Павлович Лашук во многом предвосхитил направление в этнологии, которое связывается с аспектами социально-антропологического видения

предмета. Он убедительно показал, что этническое есть лишь одно из многочисленных проявлений собственно социального. Уже в своем исследовании по этнической истории населения Печорского края Л.П. Лашук выработал стройную комплексную методологию на основе общепринятой в советской исторической науке историко-материалистической парадигмы. Но при этом в научном творчестве Льва Павловича – с первых его работ и до последних – конкретные сюжеты неразрывно связаны с разработками теоретического характера, с интересом к постижению взаимосвязей явлений и процессов этнокультурной истории и действительности. Во многом введением подобной проблематики в сферу исследовательского внимания специалистов по этнической истории наша наука обязана работам Л.П. Лашука.

Следует отметить, что Л.П. Лашук всегда был убежденным сторонником историко-материалистического подхода к этнокультурной истории человечества. В марксистской научной традиции его привлекала стройная диалектика сущности изучаемых явлений и процессов, целостного постижения предмета в его историко-культурной эволюции. Марксистская парадигма была для него отнюдь не застывшей догмой, он видел в ней в первую очередь инструмент свободного, не ограниченного ничем познания мира человеческой истории и форм человеческого бытия.

Профессор Лашук за недолгий, но очень плодотворный период своей научной жизни успел создать собственную научную школу. Многие его ученики, ныне действующие этнологи, – ведущие специалисты в своих областях. Среди них, например, директор Музея антропологии и этнографии РАН член-корреспондент РАН, профессор А.В. Головнев, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор М.Ф. Пилипенко, сотрудники ИЭА РАН д. и. н. С.С. Савоскул, заведующая отделом Севера и Сибири к. и. н. Е.А. Пивнева, старший научный сотрудник к. и. н. Е.П. Батьянова, работающие в вузах и научных центрах страны доктора наук и профессора Т.Б. Уварова, Н.Р. Маликова, Е.П. Мартынова, В.Е. Владыкин и мн. др.

Характеризуя творческий путь профессора Л.П. Лашука, следует отметить, что системное видение объекта исследования, проявившееся уже в его ранних работах, органически выразилось в разработке им теоретико-методологических подходов к полномасштабному целостному научному отражению и реконструкции социально-этнических процессов. И в этом отношении научное наследие Л.П. Лашука остается востребованным. Можно не сомневаться, что исследователи сложных проблем этнолого-антропологического постижения действительности еще не раз будут обращаться к работам Льва Павловича, где смогут почерпнуть немало плодотворных идей, стимулирующих и облегчающих научный поиск.

Источники и материалы

Лашук 1950 – *Лашук Л.П.* Основные этапы этнической истории коми. Дипломная работа. Машинопись. Московский Ордена Ленина государственный университет им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Кафедра этнографии. М., 1950.

НАКНЦ-1 – Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп. 1.

НАКНЦ-2 – Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп. 13.

Научная литература

Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. О соотношении истории, этнографии и социологии // Советская этнография. 1969. № 3. С. 3–19.

Жеребцов И.Л. Этнограф Л.П. Лашук (биографический очерк) // Очерки по истории изучения этнографии коми / Отв. ред. Ю.П. Шабаев. Сыктывкар: Изд-во Кола, 2007. С. 108–119.

Карлов В.В. Формы общения и их влияние на развитие этнокультурной среды (по материалам исследования на Северном Кавказе) // Личность в системе национальных отношений. Актуальные проблемы национального и интернационального в духовном мире советского человека. Вып. 3. Баку: Элм, 1985.

Карлов В.В. Лев Павлович Лашук // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 3–6.

Карлов В.В. Научное наследие Л.П. Лашука: разработка историко-социологических подходов в этнологии // Вестник антропологии. 2017. № 1. С. 125–135.

Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1958.

Лашук Л.П. Многотомная серия «Народы мира» и некоторые проблемы развития этнографии // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 144–155.

Лашук Л.П. Формирование народности коми. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972.

Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. Вып. 1, Историография и методология исторической социологии; Вып. 2, Конкретные проблемы исторической социологии. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977.

Лашук Л.П. Концепция специфического начала теории этнической общности // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 1981. № 6. С. 60–76.

Лашук Л.П. Об исторической необходимости возникновения социально-интернациональной общности трудящихся СССР // Социальные аспекты истории советского народа как новой социально-интернациональной общности людей / Отв. ред. Ю.С. Кукушкин. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. С. 32–60.

Лашук Л.П. Проблема становления русской этнографической науки // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран / Отв. ред. Г.Е. Марков. М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. С. 8–30.

Лашук Л.П. Понятие узла этногонического процесса в современном освещении // Этнографическое обозрение. 2001а. № 3. С. 7–20.

Лашук Л.П. Преемственность и преобразование в историческом развитии этноса // Этнографическое обозрение. 2001б. № 3. С. 20–29.

Мартынова Е.П. Об учителе // Очерки по истории изучения этнографии коми / Отв. ред. Ю.П. Шабаев. Сыктывкар: Изд-во Кола, 2007. С. 120–124.

References

Bromlei, Yu.V., and O.I. Shkaratan. 1969. O sootnoshenii istorii, etnografii i sociologii [On the correlation of history, ethnography and sociology]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 3–19.

Karlov, V.V. 1985. Formy obshcheniia i ih vliianie na razvitie etnokul'turnoi sredy (po materialam issledovaniia na Severnom Kavkaze) [Forms of communication and their influence on the development of ethnocultural environment (based on research in the North Caucasus)]. In *Lichnost' v sisteme nacional'nyh otnoshenii. Aktual'nye problemy nacional'nogo i internacional'nogo v duhovnom mire sovetskogo cheloveka* [Personality in the system of national relations. Actual problems of national and international in the spiritual world of Soviet man]. Vol. 3. Baku: Elm.

Karlov, V.V. 2001. Lev Pavlovich Lashuk [Lev Pavlovich Lashuk]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 3–6.

Karlov, V.V. 2017. Nauchnoe nasledie L.P. Lashuka: razrabotka istoriko-sociologicheskih podhodov v etnologii [Scientific heritage L.P. Lashuka: development of historical and sociological approaches in ethnology]. *Vestnik antropologii* 1 (37): 125–135.

Lashuk, L.P. 1958. Ocherk etnicheskoi istorii Pechorskogo kraia [Essay on the ethnic history of the Pechora region]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo.

Lashuk, L.P. 1966. Mnogotomnaia seriia «Narody mira» i nekotorye problemy razvitiia etnografii [The multivolume series "Peoples of the World" and some problems of the development of ethnography]. *Voprosy istorii* 10: 144–155.

Lashuk, L.P. 1972. *Formirovanie narodnosti komi* [The formation of the Komi people]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Lashuk, L.P. 1977. *Vvedenie v istoricheskuiu sociologiiu* [Introduction to historical sociology]. Vyp. 1, *Istoriografiia i metodologiia istoricheskoi sociologii* [Historiography and methodology of historical sociology]; Vyp. 2, *Konkretnye problemy istoricheskoi sociologii* [Specific problems of historical sociology]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Lashuk, L.P. 1981. Koncepciia specificheskogo nachala teorii etnicheskoi obshchnosti [The concept of the specific principle of the theory of ethnic community]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriia 8, Istoriia* 6: 60–76.

Lashuk, L.P. 1982. Ob istoricheskoi neobhodimosti vozniknoveniia social'no-internacional'noi obshchnosti trudiashchihsia SSSR [On the historical need for the emergence of a social and international community of working people of the USSR]. In *Social'nye aspekty istorii sovetskogo naroda kak novoi social'no-internacional'noi obshchnosti liude*i [Social Aspects of the History of the Soviet People as a New Social and International Community of People], edited by Yu.S. Kukushkin, 32–60. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Lashuk, L.P. 1989. Problema stanovleniia russkoi etnograficheskoi nauki [The problem of the formation of Russian ethnographic science]. In *Istoriografiia etnograficheskogo izucheniia narodov SSSR i zarubezhnyh stran* [Historiography of ethnographic study of the peoples of the USSR and foreign countries], edited by G.E. Markov, 8–30. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Lashuk, L.P. 2001. Poniatie uzla etnogonicheskogo processa v sovremennom osveshchenii [The concept of the site of the ethnographic process in modern lighting]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 7–20.

Lashuk, L.P. 2001. Preemstvennost' i preobrazovanie v istoricheskom razvitii etnosa [Continuity and transformation in the historical development of an ethnos]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 20–29.

Martynova, E.P. 2007. Ob uchitele [About the teacher]. In *Ocherki po istorii izucheniia etnografii komi* [Essays on the history of the study of Komi ethnography], edited by Yu.P. Shabaev, 120–124. Syktyvkar: Izdatel'stvo Kola.

Zherebcov, I.L. 2007. Etnograf L.P. Lashuk (biograficheskij ocherk) [Ethnographer L.P. Lashuk (biographical sketch)]. In *Ocherki po istorii izucheniya etnografii komi* [Essays on the history of the study of Komi ethnography], edited by Yu.P. Shabaev, 108–119. Syktyvkar: Izdatel'stvo Kola.

Karlov,Victor V., Natalya P. Mironova. **Lev Pavlovich Lashuk: department in the scientific fate of a scientist**

The authors give an overview of the academic career of Professor L.P. Lashuk. He was one of the leading professors of the Department of Ethnography (now Ethnology) of Moscow State University in the 1960-1980-ies. L.P. Lashuk received his degree at the Department in 1950, having obtained high-quality training. This enabled him to work successfully and fruitfully until 1960 in Syktyvkar, at the Komi branch of the USSR Academy of Sciences. He obtained national recognition for contributing greatly to the development of ethnography of the peoples of the Komi Republic. Having returned to Moscow to work at the History Faculty of the Moscow State University, the scholar used his rich experience in the field, expanded his research interests, became one of the Russian leading ethnologists, founded his scientific school. The authors believe that the Department of Ethnology played a tremendous role in the formation of LP. Lashuk as a professional, one of the most prominent representatives of national science among "second generation" professors of the Department of Ethnography

Key words: *L.P. Lashuk, MSU Department of Ethnography, ethnography of Komi, academic career*

УДК 39+82-94
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/18-32

© А.В. Туторский

ПОЛЕ ЖИЗНИ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА НИКИШЕНКОВА

В статье представлена биография доцента кафедры этнологии МГУ А.А. Никишенкова, выдающегося этнографа и исследователя истории науки. Автор выделяет особенности научного стиля ученого, говорит о том, что значительное место в его жизни занимали полевые исследования, описывает его организационную деятельность в должности заведующего кафедрой этнологии исторического факультета МГУ. Никишенков был одновременно проводником идей российской (советской) и британской антропологических традиций, последнюю он изучал в 1970-х годов. Его полевые исследования в Бурятии мало походили на экспедиционные выезды других советских ученых: он был там членом семьи и регулярно возвращался туда на протяжении всей жизни. А.А. Никишенков воспитал плеяду замечательных ученых, однако его наследие не получило должной оценки

Ключевые слова: *советская этнография 1970–1980-х годов, А.А. Никишенков, антропология антропологии, полевые исследования, Московский государственный университет*

12 марта 2019 г. исполнилось 70 лет со дня рождения отечественного этнолога, историографа британской социальной антропологии, профессора исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Алексея Алексеевича Никишенкова. Настоящая статья – дань памяти учителя, именно поэтому хочется, чтобы она была не просто перечислением регалий и ключевых положений его научных трудов, но этнографическим исследованием самой этнографической науки. А.А. Никишенкова отличала этнографическая мудрость, а не просто обладание набором методик и знание ключевых терминов. Алексей Алексеевич понимал этнографию не как дисциплину, а как мировоззрение, как призвание. В этой статье хотелось бы показать научные практики и особенности этнографического мировоззрения через призму восприятия одного человека – А.А. Никишенкова. Иными словами, мы попытаемся описать этнографическое мировоззрение так, как этнографы описывают народы или социальные группы. Наука «этнография» предстанет перед читателями не как упрощенный клон естественнонаучной дисциплины, а как собрание «племенных традиций» и «неразрешимых вопросов», которые каждый этнограф, начиная с отцов-основателей, решает сам.

Вместе с тем, «согласно традиции» написания подобных статей, нельзя не отметить объективные заслуги ученого. В 1996 г. он стал лауреатом Ломоносовской премии МГУ за педагогическую деятельность. В 1990–2000-е годы был членом орг-

Туторский Андрей Владимирович – к.и.н., доцент исторического факультета, кафедры этнологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Ленинские горы, д. 1). Эл. почта: tutorski@hist.msu.ru. **Tutorskiy Andrey V.** – Moscow State University (Moscow, Lenin Hills, 1). E-mail: tutorski@hist.msu.ru

комитета Ассоциации российских этнологов и антропологов, редколлегий журналов «Этнографическое обозрение», «Личность. Культура. Общество», «Вестник Московского университета. Серия 8. История», экспертных советов ВАК РФ, РФФИ. Его ученики – Н.В. Ссорин-Чайков, О.Б. Христофорова, А.Л. Елфимов, М.В. Ахметова – играют заметную роль в российской антропологии, составляя школу А.А. Никишенкова (*Ssorin-Chaikov* 2019). Впрочем, студенты МГУ знали его не как «известного ученого» или статусного деятеля образования, а как блестящего лектора и человека, который готов ответить на многочисленные вопросы после занятий.

Биографические сведения

Алексей Алексеевич Никишенков, согласно официальным данным, родился в г. Спасск-Дальний Приморского края 12 марта 1949 г. Впрочем, эта информация не совсем точна. Дело в том, что семья проживала в то время на территории военной части, расположенной в Китае. Младшая сестра – Ирина Алексеевна, родившаяся в 1954 г., была уже зарегистрирована в г. Далянь Китайской Народной Республики. Как сказал однажды сам Алексей Алексеевич, «возможно, что регистрировать на территории Китая еще нельзя было, и зарегистрировали в ближайшем пункте на территории СССР, а возможно, там находилась сама часть».

Отец будущего ученого – Алексей Кириллович Никишенков служил техником наземной службы в одной из частей ВВС, он происходил из Смоленской области. Как сказал однажды Алексей Алексеевич, «наша фамилия, по всей видимости, была раньше “Никишенко”, без “в” на конце. Наверное, у нас были белорусские корни». Мать – Клавдия Алексеевна Митина была медсестрой, уроженкой Подмосковья. Ее родной дом находился в д. Чоботы, на территории современного городского района Солнцево. Мать умерла в 1958 г., когда Алексею Алексеевичу было 9 лет.

В 1955 г. эскадрилью, где служил отец Никишенкова, перевели в г. Чертков Тернопольской обл. Украинской ССР, и именно там прошли детство и юность ученого. Благодаря этому периоду у него на всю жизнь сохранилось хорошее знание украинского языка, которое он иногда демонстрировал. Так, лекцию о системах родства курса «Культура и социальные структуры традиционных обществ» он начинал примером, свидетельствовавшим, что в украинском языке есть два разных термина для обозначения дяди. Дядя по отцу именуется «стрыйко», а дядя по матери – «вуйко»… в доме родителей Алексея Алексеевича было много книг и журналов «Вокруг Света». Дети регулярно читали их и мечтали о море. Море навсегда останется одной из главных привязанностей А.А. Никишенкова.

В 15 лет, в сентябре 1964 г., Алексей Алексеевич поступил в Одесское мореходное училище Министерства Морского флота СССР, где проучился два года. За месяц до сдачи итоговых экзаменов при прохождении очередной медкомиссии окулист дал заключение: «Не годен для работы на судах морского транспорта». Никишенков был вынужден написать рапорт об увольнении из училища. Это был серьезный удар, поскольку море было его мечтой. В своем дневнике Алексей Алексеевич писал о себе в третьем лице: «Учебный корабль “Экватор” с его горячей и дымной кочегаркой, с его тесным кубриком и койками в два яруса останутся в памяти Лёньки как воспоминания о днях, прожитых среди моряков, о первой вахте на руле, о мозолях, натертых на полированных валиках весел… Это все было, но больше не будет никогда» (Личный архив 1).

Никишенков был вынужден вернуться в Чертков, устроиться на работу и параллельно посещать занятия в вечерней школе, чтобы получить аттестат. В июле 1967 г. он

приезжает в Москву для поступления в Московский Государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, однако не выдерживает экзамен по английскому. Алексей Алексеевич сдает документы в Москве в ПТУ и одновременно устраивается в «Госстрой СССР», где работает на строительстве подземных переходов.

В 1968 г. его призывают для прохождения срочной службы в Советскую армию в пограничные войска и направляют в часть, дислоцированную в пустыне Гоби на юго-востоке Монголии. Алексей Алексеевич любил говорить о себе: «Я – старый солдат». С армейской службой связано несколько историй, которые Никишенков облекал в форму притч. Так, он рассказывал: «Возможности человека безграничны. Однажды я оказался между стеной и танком, который двигался к стене. Была зима, на мне были валенки и тулуп, кроме того, я был с автоматом… Я не помню как, но через секунду я оказался “на броне”… Позже я пытался повторить этот трюк без тулупа и автомата… Но танк слишком высокий, почему-то в другие разы так сделать не получалось…». На годы службы А.А. Никишенкова (1968–1970 гг.) пришелся приграничный конфликт на о. Даманский, который привел к обострению ситуации вдоль всей границы КНР с СССР и Монголией. Как емко сказал о годах военный службы ученого его друг Н.С. Борисов: «За дисциплинированность и надежность его регулярно производили в унтер-офицерские звания, но за правдолюбие и гордость столь же регулярно разжаловали» (*Борисов* 2016: 48).

Университетские годы

В 1971 г. Алексей Никишенков поступил на дневное отделение исторического факультета МГУ. Его однокурсниками были Д.Д. Дамдинова, впоследствии ставшая его женой, М.Ю. Мартынова – в 2015–2018 гг. директор Института этнологии и антропологии РАН, Н.Г. Деметер – этнограф, исследовательница цыганской культуры, И.А. Снежкова – специалист по этнопсихологии. После начала специализации на кафедре этнографии в 1974 г. по договоренности с Г.Г. Громовым, который впоследствии стал его научным руководителем, Никишенков перевелся на вечернее отделение и пошел работать лаборантом на кафедру. В круг его обязанностей входило обустройство только созданного этнографического музея, который располагался в аудитории 547 первого корпуса гуманитарных факультетов МГУ и был частью единого археолого-этнографического музея. Именно А.А. Никишенков заказывал витрины, располагал там экспонаты, описывал музейные фонды, составлял картотеку вещей этнографической части экспозиции, а впоследствии ассистировал во время проведения занятий в музее и проводил экскурсии. Согласно индивидуальному плану работы он должен был ежедневно находиться в музее «с 15:00 до 20:00 (всего 20 часов в неделю)» (Личный архив 2).

В 1973–1975 гг. Алексей Алексеевич участвовал в работах Севернорусской экспедиции под руководством Г.Г. Громова. Небольшая зарисовка о событиях, связанных с экспедицией 1973 г. В Устьянский р-н Архангельской обл., есть в статье Т.И. Ведерниковой «Северорусский традиционный свадебный обряд» (*Ведерникова* 2016: 168–169).

В 1976 г. Никишенков защитил диплом на тему «Этнические процессы в раннесредневековой Польше», в котором рассматривался вопрос о времени и месте формирования польского этноса. Как признался однажды сам Алексей Алексеевич, его интересовал этот регион как место, откуда происходили его предки по мужской

линии. Но в 1977 г. с кафедры ушел преподаватель В.М. Бахта, который вел курсы «Народы Австралии и Океании» и «Зарубежная историография»; «оголялся» этнографически важный регион, и «проседала» важная часть историографии – англо-американская этнография. Г.Е. Марков, заведовавший кафедрой в 1973–1986 гг., предложил перспективному молодому сотруднику, хорошо знавшему английский язык, поменять тему научных исследований и заняться британской социальной антропологией, а в качестве региона выбрать Австралию и Океанию. На долгие годы этнография Австралии и Океании стала магистральной темой лекций А.А. Никишенкова. Возможно, читая научные работы о южных морях, он частично исполнял свою заветную мечту о море.

Защита кандидатской диссертации и формирование научного стиля

В 1982 г. под руководством Г.Е. Маркова Никишенков защитил кандидатскую диссертацию по теме «Структурно-функциональный подход в британской социальной антропологии (20-е – 40-е гг. XX в.)». Текст диссертации был переработан в монографию «Из истории английской этнографии. Критика функционализма». Именно в рамках этого исследования сложился научный стиль Алексея Алексеевича, который впоследствии проявлялся и в чтении лекционных курсов, и в публикациях, и в рассуждениях о судьбах науки. На мой взгляд, его очень хорошо охарактеризовал Н.В. Ссорин-Чайков в статье «О дискурсе как обмене и об изобретении Запада в антропологии антропологии: предварительные заметки». Он пишет, что Алексей Алексеевич находился одновременно в двух традициях. С одной стороны, его работа «Из истории английской этнографии» может быть поставлена в один ряд с трудами С.А. Токарева, Ю. П. Аверкиевой и И.С. Кона, поскольку подобно этим советским ученым он открывал мир зарубежной антропологической науки русскоязычным читателям. С другой стороны, А.А. Никишенков формулировал «такие же науковедческие задачи, как и западный так называемый рефлексивный поворот, причем в одно и то же время с влиятельными публикациями этого направления» (*Ссорин-Чайков* 2016: 80). Если рассматривать работу ученого с этого ракурса, то ее можно поставить в один ряд с трудами К. Гирца, Дж. Маркуса, Ф. Майера и других представителей рефлексивного или интерпретативного поворота. Именно об этом одновременном существовании в рамках двух традиций мне хотелось бы поразмышлять.

Диссертация была тяжеловесной по стилю. Этому способствовали как направление исследования – структурно-функциональное, так и марксистская методология критического разбора. Предметом анализа выступала, в частности, «универсальная схема строения института». Само понятие института как «конкретного изолята организованного поведения, или организованной системы целенаправленных действий» (*Никишенков* 1986: 61) является высокой формой абстракции. Здесь не важны конкретные условия, конкретные люди, конкретное время – от всего этого мы отрешаемся, сосредотачиваясь на устойчивых, системных действиях. В исследовании этой темы Б.К. Малиновский, однако, идет дальше и выводит универсальную схему института, что является попыткой создать абстракцию высшего порядка. Изучение построений такого рода, безусловно, вело к созданию терминологически насыщенного текста.

Тяжеловесности стиля способствовала и марксистская критическая методика. В первой главе диссертации автор выделяет четыре уровня исследования методо-

логии: общетеоретический, философский, конкретно-научный и эмпирический. На каждом из этих уровней скрупулезно и последовательно препарируются воззрения сначала Б.К. Малиновского, а затем А.Р. Редклифф-Брауна. Однако успешно защитив диссертацию, А.А. Никишенков, по всей видимости, «устает», а может быть, и разочаровывается в излишней научности. Уже в монографии, написанной на основании диссертации, проявляются особенные авторские черты научного анализа А.А. Никишенкова, которые студенты кафедры и читатели его работ хорошо помнят.

Во-первых, это внимание к личному и частному в противовес научной абстракции. В работе мы находим подробные биографические очерки о жизни Б.К. Малиновского и А.Р. Редклифф-Брауна. Это, впрочем, не идет вразрез с марксистским подходом. Внутри этих очерков мы видим яркие случаи из жизни или «проблески реальности». Так, А.А. Никишенков пишет: «Отказ университета финансировать экспедицию, служебные обязанности, молодая жена, брак с которой был только что оформлен, – ничто не смогло помешать реализации плана. Редклифф-Браун взял отпуск за свой счет, а деньги на поездку получил, увлекши своими идеями одного богатого австралийского овцевода и некую мисс Бейтс, филантропку и любительницу этнографии. Вынужденный взять мисс Бейтс с собой (условие, на котором она участвовала в финансировании экспедиции), он без всякого сожаления покинул ее в австралийской Западной пустыне, как только ее присутствие показалось ему помехой в исследованиях» (*Никишенков* 1986: 17). Подобные примеры в книге не единичны, а в лекциях именно они служили иллюстрации неочевидных особенностей и сложных закономерностей научной мысли.

Во-вторых, это внимание к научному сообществу как объекту исследования. Изучая сообщества Кембриджа, Оксфорда и Лондона, Алексей Алексеевич видел в них, как в зеркале, отражение академической жизни СССР, а позже России. Внимание к схожести на первый взгляд несхожего всегда было отличительной чертой научного стиля ученого. В книге немного сравнений британского научного сообщества с другими, хотя и они встречаются. Так, в последней главе о прикладных исследованиях А.А. Никишенков цитирует воззвание индийского этнографа С. Сабервала к «коллегам из других освободившихся стран: “Недостаточно указать западным антропологам на их этноцентризм: от этого толку мало. Наша главная задача – создать наши собственные академические центры”» (*Никишенков* 1986: 197).

Гораздо более показателен пример аргументации А.А. Никишенкова, когда, критикуя высокую степень абстрактности научных построений А.Р. Редклифф-Брауна, он приводит цитату В.И. Ленина о ценности индивидуального и отдельного: «Прекрасная формула: “Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного” (все богатство особого и отдельного!)!!» (*Никишенков* 1986: 77). Положение одного из видных теоретиков марксизма и тенденция этого направления к объективности и научности противопоставляются западной антропологии, которая всегда была ориентирована на социально второстепенные формы, описание частного. Но в рамках данной ситуации все переворачивается с ног на голову: идеолог марксизма выступает сторонником учета индивидуального в противовес антропологам, стремящимся к излишней схематизации. Именно такие ситуации, разбивающие стереотипы, выявляющие общие тенденции в несхожих воззрениях, были важны для научного анализа и, пожалуй, мировоззрения Алексея Алексеевича.

В-третьих, это интерес к окраинам цивилизованного мира: к Русскому Северу и Сибири, а также к Океании. Особое внимание уделялось ученым австралийским аборигенам как своеобразному эталону «традиционного общества». Доля дисциплин, посвященных проблемам «первобытных» обществ, была велика. Согласно отчету об учебной работе за 1978/1979 учебный год, на кафедре читалось три обязательных курса: «История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе» (Г.Е. Марков), «История социальной организации в доклассовом обществе» (К.И. Козлова) и «История религии в доклассовом обществе» (Л.П. Лашук). Более того, в рамках этих курсов у этнографов была возможность применять различные теоретические подходы, в то время как учебные дисциплины, касающиеся современности, были более эмпирическими. Не случайно именно к тематике, связанной с теорией, у А.А. Никишенкова появился особенный интерес (Архив кафедры этнологии).

Словосочетание «традиционное общество» являлось уже тогда (да и значительно раньше) одним из широко распространенных в этнографии (социальной антропологии) *вечно неправильных концептов*. Многие современные ученые сейчас, в начале XXI в., говорят о том, что понятие «традиционное общество» устарело и должно быть исключено из научного лексикона. Однако именно такую мысль высказал в 1927 г. (sic!) П.Ф. Преображенский. Он писал: «…термины “бескультурный”, “дикий”, “первобытный” как бы потеряли свою прежнюю значимость…», «рухнуло прежнее представление о принципиальном контрасте между “природными народами” (Naturvolk) <…> и “культурными народами” (Kulturvolk)». Впрочем, через несколько строк он замечал: «…еще не придумано достаточно ясного и убедительного термина для замены этой устаревшей и условной терминологии» (*Преображенский* 1928: 79–80).

Для Алексея Алексеевича первобытность никогда не была «бескультурной» или «примитивной». Она была «доклассовой», «догосударственной», «бесписьменной». Ученый видел ее не как «недоразвитое общество», а как альтернативу нашей цивилизации. В выступлении по случаю 70-летия кафедры Никишенков так сформулировал свое мнение: «Я слово “дикарь” использую в кавычках, это в хорошем смысле слова, в таком смысле, в котором о дикарях писал Жан Жак Руссо» (*Никишенков* 2016: 9). В монографии, созданной на основе диссертации, есть такой пример: «…один индиец, посетивший Лондон, в центре города почистил свою обувь. Чистильщик, сделав свое дело, поинтересовался: “Вы из какой страны, сэр?” И, узнав, что клиент из Индии, спросил: “Ну, а что Вы скажете о нашем правлении там?”» (*Никишенков* 1986: 44).

История такого типа называется в дзен-буддизме «коан». В ней черное объявляется белым, белое черным, и в результате слома культурных шаблонов человек обретает новое знание. В примере из книги состоятельный, образованный индиец должен олицетворять «колонию», «восток», по сути дела, все то, что считалось «бесписьменной» и «первобытной» культурой. Западное же общество – образованное, научное, рациональное и поэтому богатое, – напротив, представляет бедный, малообразованный лондонский чистильщик обуви. Вновь все стереотипы оказываются перевернутыми с ног на голову. За фигурой индийца мы видим века индийской философии, спокойствие и разумность, за чистильщиком ботинок – еще не сложившиеся устои общества «Великой трансформации». Пожалуй, этот пример очень четко характеризует то, как видел дихотомию «традиционное»/«индустриальное» общество А.А. Никишенков.

Подводя итог размышлениям о научном стиле ученого хочется отметить, что, изучая британский функционализм, он пользовался современной ему литературой. В частности, среди цитируемых им работ есть книга А. Кьюпера «Антропологи и антропология. Британская школа. 1922–1972», вышедшая в 1978 г. Эта работа представляет английский вариант интерпретативного поворота. А. Кьюпер раскрывает различные течения антропологической мысли через личности авторов этих идей. Можно и об Алексее Алексеевиче сказать, что, читая литературу 1970–1980-х годов, он проникся идеями интерпретативной антропологии, взял на вооружение ее приемы, разрушающие стереотипные представления, и начал смотреть на окружавшее его научное сообщество, как на поле.

«Роман» с полем

Как уже говорилось выше, работая под руководством Г.Г. Громова, А.А. Никишенков в 1970-е годы регулярно ездил на Русский Север. В 1979–1980 гг. он работал заместителем секретаря приемной комиссии МГУ, а возглавлял ее Н.С. Борисов. На это время полевые выезды пришлось прекратить. Однако в 1981 г., пройдя эту, по его собственным словам, «процедуру инициации», он вновь возвращается к полевым исследованиям. На этот раз Алексей Алексеевич едет в Сибирь. Он организует «Забайкальскую этнографическую экспедицию», работавшую с 1981 по 1983 гг. Основным методом исследования для участников экспедиции стал социологический опрос. Идея социологизации, квантификации этнографических методов была очень популярна в 1970-е годы (*Пименов* 1967: 12; *Туторский* 2010). Выражая эту тенденцию на современном научном жаргоне, можно говорить о «социологическом повороте» в советской этнографии в 1970–1980-х годах.

Для опросов была составлена анкета из 75 вопросов, а также карточки семей и карточки населенных пунктов, которые заполнялись в сельсовете на основании данных похозяйственных книг. Вопросы были разделены на 4 раздела: 1) трудовая деятельность, 2) образование, 3) семья и семейный быт и 4) культурный досуг. Анкета включала в себя проверочные вопросы, в частности вопрос о реакции на брак с представителем другой национальности повторялся дважды в разных формулировках.

Однако гораздо больше о методике полевой работы исследователя может рассказать «Программа-вопросник», которая предлагалась для дополнительной беседы с информантом. В ней выделялось 4 методологических принципа проведения исследования: 1) «<…> опрос населения представляет собой всего лишь одну из научных процедур, наряду с изучением архивных и других документальных источников»; 2) «<…> исследователь имеет дело не с самим объектом, а с его субъективным отражением в сознании информатора, причем это отражение имеет сложную природу – с одной стороны – это представления информатора о некой обобщенной картине традиционного образа жизни (старинный быт), с другой стороны – это его воспоминания о реальных жизненных событиях его личной биографии…»; 3) «Задача этнографа заключается в том, чтобы ориентировать информатора не только на отображение “идеальной” картины “старого быта вообще”, но и на воспоминания о конкретных событиях, процессах, ситуациях, очевидцем и участником которых он был сам»; 4) «Для достижения этих задач при опросе рекомендуется постоянно выдерживать особую тактику беседы, <…> чтобы основой рассказа информатора

стала его личная автобиография». И в последнем абзаце раздела говорится: «Предлагаемый вопросник служит лишь памяткой для ведения беседы. Не рекомендуется читать вопросы с листа и жестко следовать их порядку. Нужно подходить к беседе творчески, учитывая окружающую обстановку» (Личный архив 3: 2–4).

Далее следовало 25 вопросов, разбитых на те же четыре блока, что и вопросы анкеты. К каждому вопросу прилагалось объемное пояснение о том, что надо выяснить. Например, «“Откуда Вы родом?” Выяснить: Старое название местности и ее местонахождение по современному адм. делению; название рода (наводящие понятия: “уг”, “эсэгэ”, “яса” или “яхан”, “халаа”, “уе”, “обог”), к которому принадлежали предки по мужской линии; соотношение различных генеалогических подразделений; соотношение генеалогического рода с административным (воспоминания о названиях административных родов, их территории, родовом управлении)» (Личный архив 3: 5). В этом вопросе, очевидно, проявляются две грани Никишенкова-исследователя. С одной стороны, это полевик и знаток местных понятий. С другой – теоретик, владеющий современной терминологией: вопрос о соотношении генеалогических и административных родов напрямую отсылает нас к книге «Нуэры» Э. Эванс-Причарда, в начале 1980-х годов еще не переведенной на русский язык.

Однако результаты «Забайкальской этнографической экспедиции» остались необработанными. Возможно, еще через пару десятков лет они станут уникальным историческим источником, но источником этнографическим они не стали. Вероятно, в этих экспедициях произошло изменение представлений о поле у Алексея Алексеевича. Как рассказал в своих воспоминаниях Н.С. Борисов – заместитель начальника трех экспедиций, «Алексей Алексеевич советовал перед уходом на опрос: “Только не давайте никому Ваш московский адрес”». Однако, как это часто бывает в драматургии ритуалов, вождь должен нарушить табу, соблюдаемое всем племенем: адрес Никишенкова был открыт знакомым из Бурятии, а основным «полем» Алексея Алексеевича стала его собственная жизнь и его семья.

Еще в годы учебы он женился на своей однокурснице Долгор Дамдиновне Дамдиновой. Она была буряткой по национальности и происходила из рода Бодонгууд. Н.С. Борисов вспоминал сказанные в шутку слова Алексея Алексеевича, что неподалеку от Иркутска пасется его личное стадо баранов, поскольку, взяв в жены Долгор, он получил и определенное приданое. Супруги жили в Москве, но регулярно ездили в гости к родственникам в Бурятию, а также принимали родственников у себя. После прохождения через различные жизненные ситуации вместе со своей семьей (как с женой и сыном, так и с дальними родственниками) ученый по-другому понимал значение слов культура, традиция, этикет. В 2006 г. Долгор умерла после долгой болезни. В 2008 г. Алексей Алексеевич женился на ее младшей сестре Дариме Дашиевне Цынгеевой, которая помогала ему и поддерживала его после смерти Долгор.

И здесь мы подходим к очень важному рубежу – когда меняется точка зрения, а одновременно с ней меняется и предмет исследования. А.А. Никишенков остался предан «пути поля», как он сам его называл, однако он перестал ездить в кафедральные экспедиции-практики. О них Алексей Алексеевич шутливо отзывался: «Это называется словами – “Анна-Ванна, наш отряд хочет видеть поросят”». Он добродушно улыбался мне, когда я рассказывал ему про результаты первых поездок на Русский Север, но не высказывал скепсиса. Он говорил, что надо ездить в поле и «найти свою манеру писать о своем поле».

Манера самого А.А. Никишенкова говорить о поле ярче всего проявлялась в беседах в узком кругу на лестничной площадке пятого этажа в здании первого корпуса гуманитарных факультетов, а затем в кабинете Алексея Алексеевича в новом Шуваловском корпусе. Именно там, «закутавшись в клубы дыма», он рассуждал о том, что родство – это и ограничение, и новые возможности, а этикет – это и запреты, и свободное творчество. Он рассказывал про поездки по Бурятии: «Если не знать, как правильно просить, то и за деньги не договоришься с машиной, а если знать, как правильно просить, то тебя и бесплатно отвезут… Но потом все же надо что-то подарить… Хотя бы те же самые деньги. Но тоже вежливо. И тогда человек будет рад и станет другом». В нескольких фразах заключены глобальные проблемы современной этнографии: где заканчивается поле и начинается дружба, и имеет ли «поле без дружбы» право на существование; что такое свобода и несвобода в традиционной культуре; кому об этом всем можно рассказывать… Однозначных ответов на них нет. Каждый исследователь решает их сам.

Знание этикета, умение пользоваться им, нахождение в рамках заданной степени свободы – все это можно отнести к тем проблемам, над которыми размышлял в 2000-е годы Алексей Алексеевич. Однако он очень четко разделял разные «уровни знания» и разные дискурсы. Им было напечатано несколько солидных работ по этикету и соционормативным практикам (*Никишенков* 1999, 2003; *Аносов, Никишенков* 2001; *Никишенков и др.* 2010). Этой сфере его интересов посвящена подробная статья В.В. Карлова «Нормативная практика и культура общения народов России и СНГ в трудах А.А. Никишенкова» (*Карлов* 2016). Как пишет В.В. Карлов, А.А. Никишенков сделал множество очень глубоких наблюдений. Например, что «природа следования правилам этикета иррациональна и не предполагает рациональную рефлексию об их смысле» или о «месте этикета в этнической культуре и о самом понятии “этническая культура”» (*Карлов* 2016: 59). Однако все они относятся к историко-этнографическим материалам и не связаны с его полем.

О своем поле А.А. Никишенков говорил немного и не писал совсем. Возможно, в данной статье я переступил определенную черту, которую Алексей Алексеевич не хотел бы переходить и давать пересекать другим. Называние своей жизни и семьи «полем» отчасти девальвирует эти понятия, они становятся ненастоящими и второстепенными. Но применительно к Алексею Алексеевичу это было неправдой: выбирая между публикациями и родными, Алексей Алексеевич выбрал родных.

Организатор науки

А.А. Никишенков активно участвовал в общественной жизни и много внимания уделял разговорам со студентами. Эту сферу своей деятельности он видел глазами этнографа или антрополога: приемная комиссия была для него «обрядом инициации», а речь на защите дипломов всегда была подчинена «кафедральной традиции».

В конце 1970-х годов молодой сотрудник исторического факультета А.А. Никишенков стал работать в приемной комиссии. Уже в 2008 г., когда он «отдал» в приемную комиссию автора этой статьи, он так рассуждал об этой обязанности: «Работать, конечно, придется много, но воспринимайте это как своеобразный обряд инициации. У Вас с коллегами сложится особое братство, такое Тэрнеровское “коммунитас”. Потом, когда это закончится, Вы даже скучать будете по этим временам. Вот мы после двух лет работы еще долго встречались и дружили».

После нескольких лет экспедиционных выездов в Бурятию, в середине 1980-х годов Алексей Алексеевич попал в факультетский партком. Он никогда не был ярым поклонником коммунизма. Об этом свидетельствует отсутствие во вводной части его монографии 1986 г. ссылок на марксистско-ленинскую литературу, которая «согласно традиции» была выделена в особый (первый) раздел списка. Наиболее точно сформулировал его отношение к парткому Н.С. Борисов: «Свои казенные службы он считал своего рода платой за то, что давал ему факультет. Это была игра по простым и справедливым правилам: хочешь получить что-то от факультета или университета – заработай. А.А. Никишенков не искал номенклатурной карьеры» (*Борисов* 2016: 49). Именно работая в парткоме, он переработал кандидатскую диссертацию в монографию. Туда были добавлены первая и последняя главы: в первой давались биографические характеристики Б.К. Малиновского и А.Р. Редклифф-Брауна, а в последней – обзор прикладных исследований в британской социальной антропологии. И именно во введении к монографии не было ни одной ссылки на классиков марксизма.

1990-е годы стали для А.А. Никишенкова годами признания: студенты восхищались его лекциями, подходили и задавали большое количество вопросов; он выступал перед разнообразными аудиториями; стал лауреатом Ломоносовской премии. В конце 1980-х годов Алексей Алексеевич был в командировке в Нью-Дели, где вел курс, посвященный культуре народов СССР. Примерно в то же время под эгидой общества «Знание» он читал цикл лекций по широкому кругу вопросов истории и культуры на теплоходе, курсировавшем вдоль побережья Ледовитого океана. Никишенков мог объяснить очень сложные вещи так, что складывалось впечатление, что эти понятия были знакомы вам с детства.

Непреложной истиной и высшим законом была для Алексея Алексеевича университетская традиция общения со студентом на равных. После лекций студенты задерживали его на 20, а иногда и на 40 минут, если это позволяло расписание. Очень часто самый любопытный и настойчивый приходил на кафедру, а в 2000-е годы и в его кабинет и подолгу беседовал с любимым лектором. «Бремя любимого лектора» – это своеобразная нагрузка, которая занимает много времени, но совершенно не отражается в системах цитирования, ранжирования и т.п. Традиция такого общения до сих пор жива в стенах исторического факультета, и многие преподаватели, несмотря на невозможность конвертировать ее в «баллы», придерживаются ее.

В 2006 г. Никишенков становится заведующим кафедрой этнологии, в связи с просьбой В.В. Пименова освободить его от должности по состоянию здоровья. Это был не самый простой период в жизни ученого: в 2005 г. он защитил докторскую диссертацию, а в апреле 2006 г. у него умерла жена.

За семь лет заведования кафедрой А.А. Никишенковым было заложено две важные традиции: публикация кафедральных ежегодников и проведение полевых студенческих сессий. Первый сборник статей вышел в 2010 г. и был посвящен 70-летию кафедры (*Никишенков* 2010). В 2011 г. был издан сборник к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. В нем была опубликована статья Алексея Алексеевича о знакомстве в с. Холмогоры двух этнографов – Петра Саввича и Александры Яковлевны Ефименко (*Никишенков* 2011). Эта рукопись лежала в архиве ученого не меньше двух десятков лет. В следующем году был издан сборник «Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем» (*Никишенков* 2012). Эта традиция продолжалась до 2018 г. (*Соловей* 2013, 2016; *Ларина* 2014; *Гузенкова, Карлов* 2015; *Миськова, Туторский* 2016).

В 2007 г. по инициативе А.А. Никишенкова был изменен формат ежегодной студенческой кафедральной конференции – Токаревских чтений. Вместо обычных реферативных сообщений приоритет отдавался докладам, сделанным на основании материалов летних этнографических практик. В связи с этим была перенесена дата конференции: с конца декабря (29 декабря день рождения С.А. Токарева) на конец марта, чтобы можно было обработать собранные материалы и осмыслить их. До настоящего времени «Полевая студенческая сессия» остается заметным явлением в жизни исторического факультета и первым этапом презентации результатов полевых наблюдений.

Под руководством Алексея Алексеевича Никишенкова при его жизни было защищены три кандидатских диссертации (*Миськова* 2004; *Гринько* 2007; *Трегубова* 2011), а еще три были завершены и защищены после его смерти (*Носырев* 2015; *Опарин* 2015; *Архипова* 2018).

Вместо заключения

Алексей Алексеевич был человеком Советского Союза: родился на Дальнем Востоке, ходил в школу на Западной Украине, служил в Монголии, работал в Москве, полевые исследования проводил на Русском Севере и в Бурятии. Этнография не просто стала его призванием, но и помогла воплощению его юношеской мечты о море (Океания) и актуализировала имевшийся опыт жизни в разных регионах СССР. Никишенков не был марксистом-догматиком, а для многих студентов в 1980-е годы, напротив, он стал проводником «другого знания», таинственной западной «социальной антропологии», но ученый никогда не отказывался от эпистемологических возможностей марксистской методологии и очень умело использовал их. Алексей Алексеевич любил науку этнографию/этнологию/социальную антропологию (эти названия он считал синонимами), был предан ей, жил ею. Однако это не мешало ему критически относиться и к науке, и к себе в науке, подвергать сомнению саму возможность повторения естественнонаучных стандартов в нашей дисциплине. При этом А.А. Никишенков был примером научности и системности мышления для студентов и коллег. Он считал, что для антропологии характерна полифония, в ней не должно и не может быть одной главенствующей теории. Это отражает один из «коанов» современной англоязычной антропологии. В книге о методе сравнения британский антрополог М. Кандеа пишет: «Однажды мой коллега-приматолог Джо Сетчелл блестяще сформулировал это (отличие антропологов от любых ученых естественников. – *А.Т.*): эволюционные антропологи <…> работают с разными [биологическими] видами и одной теорией, в то время как социальные антропологи работают с одним [биологическим] видом и многими теориями» (*Candea* 2019: 21). Именно это знание Алексей Алексеевич пытался передать своим ученикам.

Источники и материалы

Архив кафедры этнологии – Архив кафедры этнологии МГУ. Научный отчет за 1976 г.

Личный архив 1 – Личный архив А.А. Никишенкова. Дневник 1966–1968 гг.

Личный архив 2 – Личный архив А.А. Никишенкова. Личный план работы лаборанта кафедры этнографии А.А. Никишенкова. Февраль 1975 г.

Личный архив 3 – Личный архив А.А. Никишенкова. Никишенков А.А. Программа-вопросник для изучения традиционной культуры и быта бурят.

Научная литература

Аносов И.П., Никишенков А.А. Антропология и традиционные формы общения. М.: ИФРЭ, 2001.

Архипова М.Н. Соционормативные практики в севернорусской деревне: опыт этнологического исследования. Дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет, Москва, 2018.

Борисов Н.С. А.А. Никишенков как этнограф-полевик // Исторические исследования. 2016. № 4. С. 48. http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/62

Ведерникова Т.И. Северорусский традиционный свадебный обряд (по материалам экспедиции кафедры этнографии исторического факультета МГУ 1973 г. В Архангельскую область) // Исторические исследования. 2016. № 4. С. 168–169. http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/69.

Гринько И.А. Искусственные изменения тела в системе социо-культурных символов традиционных обществ. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Московский государственный университет, Москва, 2007.

Гузенкова Т.С., *Карлов В.В.* (отв. ред.) Больше, чем этнограф. Сборник научных статей, посвященный памяти профессора В.В. Пименова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015.

Карлов В.В. Нормативная практика и культура общения народов России и СНГ в трудах А.А. Никишенкова // Исторические исследования. 2016. № 4. С. 52–61. http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/63/154.

Ларина Е.И. (отв. ред) Востоковедческие исследования на постсоветском пространстве. Сб. науч. статей, посвященный памяти профессора Сергея Петровича Полякова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014.

Миськова Е.В. Внутридисциплинарная критика англо-американской антропологии в 80–90-е гг. XX в. Дис. … канд. ист. наук. Московский государственный университет, Москва, 2004.

Миськова Е.В., Туторский А.В. (сост.) А.А. Никишенков: «Изобретая традицию» и создавая «воображаемое сообщество». М.: Новый хронограф, 2016.

Никишенков А.А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986.

Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России. XIX – начало XX вв. М.: Старый сад, 1999.

Никишенков А.А. Крестьянское правосудие (составление, комментарий, глоссарий). М.: Современные тетради, 2003.

Никишенков А.А. (отв. ред.) Кафедре этнологии Исторического факультета МГУ – 70 лет. Сборник научных статей. М.: Изд-во Московского ун-та, 2010.

Никишенков А.А. (отв. ред.) Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сб. научных статей, посвященный 300-летию М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011.

Никишенков А.А. (ред.) Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею д.и.н., проф. К.И. Козловой (Сборник научных статей кафедры этнологии). Т. 57. Серия: Труды исторического факультета МГУ. М.: Изд-во МГУ, 2012.

Никишенков А.А. Речь, произнесенная на 70-летие кафедры этнологии исторического факультета МГУ (декабрь 2009) // Исторические исследования. 2016. № 4. С. 9. http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/59/170.

Никишенков А.А., Перстнева И.П., Туторский А.В. Проблемы этнографического изучения русского крестьянства (соционормативная культура). Учебно-методическое пособие. М.: Новый хронограф, 2010.

Носырев И.В. Русский раскол XVII века как милленаристское движение (на примере старообрядческих беспоповских и хлыстовских общин). Дис. … канд. ист. наук. Московский государственный университет, Москва, 2015.

Пименов В.В. О некоторых закономерностях в развитии народной культуры // Советская эт-

нография. 1967. № 2. С. 3–14.

Преображенский П.Ф. Этнография // Общественные науки СССР. 1917–1927 / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. М.; Л.: Работник Просвещения, 1928. С. 77–89.

Опарин Д.А. Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино и Сиреников, Чукотка. Дис. … канд. ист. наук. Московский государственный университет, Москва, 2015.

Соловей Т.Д. (ред.) Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. К юбилею доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова: сборник научных статей кафедры этнологии. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013.

Соловей Т.Д. (отв. ред.) Революции светские, религиозные, научные. Динамика гуманитарного дискурса: памяти д.и.н., профессора Геннадия Евгеньевича Маркова: сборник научных статей. СПб.: Алейтея, 2018.

Ссорин-Чайков Н.В. О дискурсе как обмене и изобретении Запада в антропологии антропологии: предварительные заметки // Исторические исследования. 2016. № 4. С. 80. http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/65.

Трегубова Д.Д. Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем. Дис. … канд. ист. наук. Московский государственный университет, Москва, 2011.

Туторский А.В. Методы сбора и способы текстуализации полевого материала (на примере Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ) // Кафедре этнологии Исторического факультета МГУ – 70 лет. Сборник научных статей / Отв. ред. А.А. Никишенков. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 273–293.

Candea M. Comparison in Anthropology: The Impossible Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Ssorin-Chaikov N. Reassembling History and Anthropology in Russian Anthropology // Social Anthropology/Anthropologie Sociale. 2019. No. 1. P. 3–21 https://DOI:.org/10.1111/1469-8676.12628.

References

Anosov, I.P., and A.A. Nikishenkov. 2001. *Antropologiia i traditsionnye formy obshcheniia* [Anthropology and traditional forms of communication]. Moscow: IFRE.

Arkhipova, M.N. 2018. Sotsionormativnye praktiki v severnorusskoi derevne: opyt etnologicheskogo issledovaniia [Socio-normative practices in the North Russian village: the experience of ethnological research]. PhD diss., Moscow State University.

Borisov, N.S. 2016. A.A. Nikishenkov kak etnograf-polevik [A.A. Nikishenkov as an ethnographer-field worker]. *Istoricheskie issledovaniia* 4: 48. http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/62.

Candea, M. 2019. *Comparison in Anthropology. The impossible method*. Cambridge: Cambridge University Press.

Grinko, I.A. 2007. *Iskusstvennye izmeneniia tela v sisteme sotsio-kul'turnykh simvolov traditsionnykh obshchestv* [Artificial body changes in the system of socio-cultural symbols of traditional societies]. PhD diss. abstract, Moscow State University.

Guzenkova, T.S., and V.V. Karlov, eds. 2015. *Bol'she, chem etnograf. Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi pamiati professora V.V. Pimenova* [More than an ethnographer. Collection of scientific articles dedicated to the memory of Professor V.V. Pimenova]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Karlov, V.V. 2016. Normativnaia praktika i kul'tura obshcheniia narodov Rossii i SNG v trudakh A.A. Nikishenkova [Normative practice and the culture of communication between the peoples of Russia and the CIS in the works of A.A. Nikishenkova]. *Istoricheskie issledovaniia* 4: 52–61. http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/63/154.

Larina, E.I., ed. 2014. *Vostokovedcheskie issledovaniia na postsovetskom prostranstve. Sbornik nauchnyh statei, posviashchennyi pamiati professora Sergeia Petrovicha Poliakova* [Orien-

tal studies in the post-Soviet space. Sat scientific articles dedicated to the memory of Professor Sergei Petrovich Polyakov]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014.

Miskova, E.V. 2004. *Vnutridistsiplinarnaia kritika anglo-amerikanskoi antropologii v 80–90-e gg. XX v.* [Intradisciplinary criticism of Anglo-American anthropology in the 80–90s. XX century]. PhD diss., Moscow State University.

Miskova, E.V., and A.V. Tutorskii, eds. 2016. *A.A. Nikishenkov «Izobretaia traditsiiu» i sozdavaia «voobrazhaemoe soobshchestvo»* [A.A. Nikishenkov: "Inventing tradition" and creating "an imaginary community"]. Moscow: Novyi khronograf.

Nikishenkov, A.A. 1986. *Iz istorii angliiskoi etnografii. Kritika funktsionalizma* [From the history of English ethnography. Criticism of functionalism]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Nikishenkov, A.A. 1999. *Traditsionnyi etiket narodov Rossii. XIX – nachalo XX vv.* [Traditional etiquette of the peoples of Russia. XIX – beginning of the twentieth centuries]. Moscow: Staryi sad.

Nikishenkov, A.A. 2003. *Krest'ianskoe pravosudie (sostavlenie, kommentarii, glossarii)* [Peasant justice (compilation, commentary, glossary)]. Moscow: Sovremennye tetradi.

Nikishenkov, A.A., ed. 2010. *Kafedre etnologii Istoricheskogo fakul'teta MGU – 70 let* [The Department of Ethnology, Faculty of History, Moscow State University – 70 years. Collection of scientific articles]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Nikishenkov, A.A., ed. 2011. *Proshloe i nastoiashchee etnologicheskikh issledovanii. Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 300-letiiu M.V. Lomonosova* [The past and present of ethnological research. Sat scientific articles dedicated to the 300th anniversary of M.V. Lomonosov]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Nikishenkov, A.A., ed. 2012. *Etnokul'turnye protsessy v proshlom i nastoiashchem. K iubileiu d.i.n., prof. K.I. Kozlovoi. Vol. 57. Seriia: Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU* [Ethnocultural processes in the past and present. To the anniversary of Doctor of History, prof. K.I. Kozlova (Collection of scientific articles of the Department of Ethnology). Vol. 57. Series: Proceedings of the Faculty of History, Moscow State University]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.

Nikishenkov, A.A. 2016. Rech', proiznesennaia na 70-letie kafedry etnologii istoricheskogo fakul'teta MGU (dekabr' 2009) [Speech delivered at the 70th anniversary of the Department of Ethnology, Faculty of History, Moscow State University (December 2009)]. *Istoricheskie issledovaniia* 4: 9. http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/59/170

Nikishenkov, A.A., I.P. Perstneva, and A.V. Tutorskii. 2010. *Problemy etnograficheskogo izucheniia russkogo krest'ianstva (sotsionormativnaia kul'tura). Uchebno-metodicheskoe posobie* [Problems of ethnographic study of the Russian peasantry (socionormative culture). Teaching aid]. Moscow: Novyi khronograf.

Nosyrev, I.V. 2015. *Russkii raskol XVII veka kak millenaristskoe dvizhenie (na primere staroobriadcheskikh bespopovskikh i khlystovskikh obshchin)* [The Russian schism of the 17th century as a millenarian movement (on the example of the Old Believers Bespopov and Khlyst communities)]. PhD diss., Moscow State University.

Oparin, D.A. 2015. *Variativnost' sovremennogo ritual'nogo prostranstva Novogo Chaplino i Sirenikov, Chukotka* [Variability of the modern ritual space of New Chaplino and Lilacs, Chukotka]. PhD diss., Moscow State University.

Pimenov, V.V. 1967. O nekotorykh zakonomernostiakh v razvitii narodnoi kul'tury [About some patterns in the development of folk culture]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 3–14.

Preobrazhenskii, P.F. 1928. Etnografiia [Ethnography]. In *Obshchestvennye nauki SSSR. 1917–1927* [Social Sciences of the USSR. 1917–1927], edited by V.P. Volgin, G O. Gordon, and I.K. Luppola, 77–89. Moscow; Leningrad: Rabotnik Prosveshcheniia.

Solovei, T.D., ed. 2013. *Problemno-tematicheskoe prostranstvo i teoreticheskie granitsy sovremennoi etnologii: к yubileiu doktora istoricheskikh nauk, professora Gennadiia Evgen'evicha Markova* [Problematic and thematic space and theoretical boundaries of modern ethnology. On the anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor Gennady Evgenievich

Markov: a collection of scientific articles of the Department of Ethnology]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Solovei, T.D., ed. 2018. *Revoliutsii svetskie, religioznye, nauchnye. Dinamika gumanitarnogo diskursa: pamiati d. i. n., professora Gennadiia Evgen'evicha Markova* [Secular, religious, scientific revolutions. The Dynamics of Humanitarian Discourse: in memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Gennady Evgenievich Markov: collection of scientific articles]. St. Petersburg: Aleiteia.

Ssorin-Chaikov, N.V. 2016. O diskurse kak obmene i izobretenii Zapada v antropologii antropologii: predvaritel'nye zametki [On discourse as an exchange and invention of the West in anthropology of anthropology: preliminary notes]. *Istoricheskie issledovaniia* 4: 80. http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/65.

Ssorin-Chaikov, N. 2019. Reassembling History and Anthropology in Russian Anthropology. *Social Anthropology/Anthropologie Sociale* 1: 3–21. https://DOI:.org/10.1111/1469-8676.12628

Tregubova, D.D. 2011. *Subetnicheskie gruppy buriat v proshlom i nastoiashchem* [Subethnic groups drill in the past and present]. PhD diss. Moscow State University.

Tutorskii, A.V. 2010. *Metody sbora i sposoby tekstualizatsii polevogo materiala (na primere Severnoi ekspeditsii kafedry etnografii MGU)* [Collection methods and textualization methods for field material (on the example of the Northern Expedition of the Department of Ethnography of Moscow State University)]. In Kafedre etnologii Istoricheskogo fakul'teta MGU – 70 let [Department of Ethnology of the History Department of Moscow State University – 70 years. Collection of scientific articles], edited by A.A. Nikishenkov, 273–293. Moscow: Izdatel'stvo MGU.

Vedernikova, T.I. 2016. Severorusskii traditsionnyi svadebnyi obriad (po materialam ekspeditsii kafedry etnografii istoricheskogo fakul'teta MGU 1973 g. v Arkhangel'skuiu oblast') [Severorussian traditional wedding ceremony (based on materials from the expedition of the Department of Ethnography of the History Department of Moscow State University in 1973 in the Arkhangelsk Region)]. *Istoricheskie issledovaniia* 4: 168–169. http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/69.

Tutorskiy, Andrey V. **The Field of Life of Alexey Alexeevich Nikishenko**

The article depicts the scientific biography of the former head of the Department of Ethnology of the Moscow State University Alexei Nikishenkov, one of the most prominent Russian ethnographers. The author investigates biographical data, the scientific approach, the role the field research played in the life of Nikishenkov and his activities at the Moscow State University as the head of the Department. The author draws attention to the fact that Nikishenkov conveyed the ideas and approaches of both Russian (Soviet) and British anthropological traditions as he had been studying the latter since late 1970s. His field research in Buryatia was clearly different from expeditions of other scientists: having conducted a series of field research there, he later returned there as a family member more than 10 times. Nikishenkov had raised a group of prominent scholars in Russia and the scientific heritage that he left has not been properly praised yet

Key words: *Russian ethnography in 1970s-1980s, Nikishenkov, anthropology of anthropology, field researches, Lomonosov Moscow State University*

УДК 39+82-94
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/33-36

© Т.А. Воронина

ВОСПОМИНАНИЯ О КАФЕДРЕ ЭТНОГРАФИИ МГУ (1968–1974 гг.)*

Статья представляет собой краткие воспоминания, приуроченные к 80-летию кафедры этнографии/этнологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Личные впечатления автора относятся к 1968-1974 гг., когда на кафедре работала целая плеяда талантливых этнографов под руководством выдающегося ученого С.А. Токарева. Они воспитали большое число специалистов, овладевших основами научной работы, методикой полевых исследований и продолживших дело своих замечательных учителей в самых разных уголках страны. Это свидетельствует о преемственности традиций в области этнологической науки и ее актуальности вплоть до настоящего времени

Ключевые слова: *этнография, этнология, кафедра этнографии МГУ, история науки, выдающиеся ученые, методика полевых исследований, преемственность профессии, воспоминания*

Не верится, что кафедре этнографии (этнологии) МГУ – 80 лет! Это солидный возраст как, впрочем, и для любого здравствующего человека. Тем более приятно, что я и мои однокурсники – Наташа Пчелинцева, Миша Потапов, Володя Лебедев, Саша Дубов, Таня Мастюгина, Ира Слепцова и многие другие когда-то занимали в истории кафедры небольшую нишу. Считаю, что нам всем посчастливилось учиться на кафедре, до сих пор сохраняющей приоритетное место в стране.

Будущая профессия нередко определяется в юности. Так вышло и у меня, когда я случайно купила книгу Тура Хейердала «Путешествие на Кон-Тики», увлекшую меня в далекий и загадочный мир Океании. Из нее я впервые узнала, что есть такая удивительная наука «этнография», изучающая культуру и быт разных народов мира. В школьные годы многие из нас настроены романтически, а это очень помогает достижению заветной цели. И в 1968 г. я поступила на истфак МГУ. Специализация, как это было принято, началась с третьего курса, и нашему курсу очень повезло, так как на кафедре преподавали маститые и талантливые ученые. Тогда заведующим кафедрой (с 1953 по 1973 г.) был Сергей Александрович Токарев, он читал нам курсы по общей этнографии и по истории религий. В годы нашей учебы появились такие известные его книги как «История русской этнографии», «История этнографической науки» и др., по которым молодежь учится до сих пор. Научные работы Токарева отличались ясностью

Воронина Татьяна Андреевна – ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский просп., 32-А). Эл. почта: russkie2@iea.ras.ru. **Tatyana A. Voronina** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninskii pr. 32A). E-mail: russkie2@iea.ras.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

мысли и простотой. Он был человеком энциклопедических знаний, ученым редкой эрудиции, свободно владел европейскими языками, что позволяло ему общаться на равных с ведущими учеными мира на международных встречах. Меня тогда удивило, что он легко цитировал многих иностранных авторов, а некоторых мировых светил запросто критиковал, например, Клода Леви-Стросса. Его замечательные лекции расширили наши познания о зарубежной этнографии и вскоре воплотились в небольшой, но ценной книге «История зарубежной этнографии» (*Токарев* 1978).

В годы моей учебы в университете на кафедре успешно работали Лидия Борисовна Заседателева и Клавдия Ивановна Козлова, очень яркие личности и красивые женщины. Они замечательно читали лекции, передавая студентам свои огромные знания. Много ездили с ними по стране. Еще один наш преподаватель – Сергей Петрович Поляков был специалистом по Средней Азии, он также учил нас правильно фотографировать, подробно записывать в полевой дневник собранную от местных жителей информацию и т.д. Хорошо помню Льва Павловича Лашука, он вел курс лекций по социологии, почему-то запомнились его слова: «А у нас социологической науки быть не может». Хорошие и содержательные лекции читал Геннадий Евгеньевич Марков.

Геннадий Герасимович Громов прекрасно знал русскую этнографию, особенно много ездил со студентами по Русскому Северу. Большое внимание он уделял методике полевых исследований, учил постепенно находить путь к сердцу информаторов, чтобы их воспоминания о прошлом быте и культуре раскрылись как можно полнее. Этнография русского народа показалась мне ближе всего, и поэтому научным руководителем выбрала Громова. Летом 1972 г. я отправилась вместе с ним и однокурсниками в Архангельскую область на студенческую практику. Запомнилось, что мы доехали сначала на поезде до Котласа, а потом летели на «кукурузнике» куда-то в глубинку, где и прошли наши экспедиционные исследования. Хорошо помню, что северная деревня меня сразу очаровала, вернее, ее люди, сохранившие патриархальную простоту и былинное гостеприимство. Избы тогда даже не запирались на замок, и в случае отсутствия хозяев просто подпирались палочкой. Да и воровать у них было нечего – народ жил просто и незатейливо. Нередко в деревнях нас угощали щами, гречневой кашей со свежими подосиновиками, приготовленными в русской печке, но особенно запомнилась лесная земляника, томленная с домашними сливками. На всю жизнь остались также в памяти старинные напевы, услышанные от местной песельницы во время теплого летнего дождя. Общение с деревенскими жителями проходило на фоне сказочной природы с ее густыми лесами, широкими полями и полноводными реками, красиво обрамлявшей древние поселения.

После окончания практики по рекомендации Г.Г. Громова я отправилась в Курганскую экспедицию Института этнографии АН СССР, которой руководила этнограф с большим опытом полевой работы Анна Александровна Лебедева. В составе нашего отряда были также Анна Владимировна Сафьянова, Вячеслав Михайлович Суринов, Май Мариевич Мечев и художник с Центрального телевидения. Институт выделил нам большую экспедиционную машину, благодаря чему нам удалось проехать по многим старинным селам Курганской и Челябинской областей, побывать в местных музеях. Кстати, в станице Звериноголовская мы встретили студенческий отряд МГУ, которым руководила Л.Б. Заседателева, там я с радостью увидела Наташу Пчелинцеву.

Работая в экспедиции, мы еще успели соприкоснуться с русской традиционной культурой бывшей Тобольской губернии во всей ее красе и разнообразии. Особенно

нас поражала хорошая сохранность деревянных изб, включенных в замкнутый круг жилых и хозяйственных построек, разнообразие старинной одежды, не потерявшей яркости и прочности в глухих сундуках среди прочей рухляди. Пожилые жители все еще занимались традиционными ремеслами по изготовлению домашней утвари из дерева и бересты, мужских и женских тканных поясов, прялок, веретен. Интересно было общаться с некоторыми местными старообрядцами – «двоеданами», которые сохраняли характерную для них глухую одежду черного цвета и предметы для молитвы (старинные книги, лестовки). Они по-прежнему придерживались канонических установок и к совместным трапезам нас не приглашали. Зато мы с удовольствием уплетали обед, приготовленный в колхозной столовой, и без устали наслаждались свежими пирогами – «рыбниками». Поездка проходила в разгар знойного лета, вызвавшего во многих местностях лесные пожары, но доверительные отношения с местными жителями, их доброта и отзывчивость надолго погрузили нас в мир деревенской культуры, отвлекая нас от привычной городской суеты.

В 1972 г. Г.Г. Громов предложил мне тему диплома - «Русский лубок как исторический источник по русской народной одежде XIX века». Для сбора материала мне больше всего подошла театральная библиотека на ул. Пушкинская (ныне Российская государственная библиотека искусств), в которой было много книг по искусству и по истории одежды. Я с увлечением работала с литературой, приоткрывшей мне уникальный и разнообразный мир народной картинки, и в мае 1974 г. успешно защитилась. Г.Г. Громов остался очень доволен дипломной работой и рекомендовал не бросать начатую тему.

В наше время на кафедре этнографии учились студенты очного, вечернего и заочного отделений, поэтому народу на лекциях было всегда много. Хорошо помню, что Сергей Александрович Токарев часто говорил в 1974 г.: «В этом году будет очень большой выпуск – куда вас девать? В Институте этнографии мест мало, но можно успешно работать не только в Москве». Так сложилось, что почти все наши выпускники остались в Москве и потихоньку устроились – кто-куда. В последующие годы мне иногда приходилось встречать моих однокурсников в разных учреждениях, чаще в музеях, где им, конечно, пригодились полученные на кафедре знания. Не жалея ни о чем, мы всегда с благодарностью вспоминали свои студенческие годы, озаренные уникальными знаниями и стараниями наших дорогих учителей.

После окончания МГУ я сначала работала в одном из московских архивов, но в 1977 г. удалось устроиться на работу в библиотеку Института этнографии АН СССР, которая считалась отделением ИНИОН АН СССР. А с 1980 г. я стала работать в отделе информации и международных научных связей Института этнографии, который тогда возглавлял академик Ю.В. Бромлей. Это было время расцвета деятельности Института, поддерживающего активные связи с ведущими этнографическими центрами в стране и за рубежом. По характеру работы мне пришлось принимать участие в организации международных конгрессов, конференций и встречаться со многими учеными, о которых С.А. Токарев рассказывал нам на своих лекциях. Среди них были Текла Деметер, Тамаш Хофер из Венгрии, Антонин Робек, Божена Филова из Чехословакии, Петер Уорсли из Англии, Патриция Лайсет из Ирландии, Нильс-Арвид Брингеус, Орвар Лефгрен из Швеции, Бьярне Стоклунд из Дании, Кнут Кольсруд и даже Тур Хейердал из Норвегии и другие мировые «звезды». Число иностранцев, посещавших институт, в то время всегда превышало 100 чел. в год.

В 1980-е гг. С.А. Токарев еще работал в отделе этнографии народов Зарубежной Европы, и я зашла в отдел, чтобы он подписал мне книгу, подготовленную по материалам лекций в МГУ по зарубежной этнографии. Он поставил свой автограф и поинтересовался, чем я сейчас занимаюсь. К сожалению, все время у меня уходило на основную работу, и Сергей Александрович посоветовал почаще заглядывать в библиотеку, быть в курсе событий научной жизни: «А тема работы появится сама». Я прислушалась к его совету, и продолжила собирать материалы по истории лубка. Кстати, работая в библиотеке им. Ленина, мне удалось обнаружить советскую гравюру, изображающую в лубочной манере Н.Н. Миклухо-Маклая и его пребывание на острове Новая Гвинея. В 1990 г. благодаря научному руководителю М.М. Громыко я защитила кандидатскую диссертацию «Русский лубок 1820-1860-х гг.: производство, бытование, тематика», построенную на архивных источниках, а докторскую защитила уже позднее – в 2011 г.

С.А. Токарева хорошо знали за рубежом, он был членом редакционной коллегии крупного западноевропейского журнала «Ethnologia Europaea», которая запланировала провести свое очередное заседание в 1985 г. в Москве. Но 19 апреля 1985 г. С.А. Токарева не стало, и приехавшие в Москву зарубежные ученые сожалели, что не успели с ним встретиться.

Сейчас, уже спустя много лет, совсем по-другому оцениваешь прожитые годы и понимаешь, что преподаватели нашей кафедры старались вложить в нас самое лучшее, и я надеюсь, что многие из нас их не подвели.

.

Научная литература

Токарев С.А. «История зарубежной этнографии». М.: Высшая школа, 1978.

References

Tokarev, S.A. 1978. *Istoriia zarubezhnoi etnografii* [«History of Foreign Ethnography»] Moscow: Vysshaia shkola.

Voronina, Tatyana A. **Remembering the Department of Ethnography, Moscow State University (1968–1974)**

These are brief memoirs dedicated to the 80th anniversary of the Department of Ethnography/ Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. The author's personal impressions date back to 1968–1974, when a whole galaxy of talented ethnographers worked under the leadership of the outstanding scientist S.A. Tokarev. They trained a large number of specialists who mastered the basics of scientific work, field research methods and continued the work of their wonderful teachers in various parts of the country. This testifies to the continuity of traditions in the field of ethnological science and its relevance up to the present

Key words: *ethnography, ethnology, department of ethnography of Moscow State University, history of science, outstanding scientists, field research methods, continuity of the profession, memories*

АНТРОПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА И ЭТНОМОНИТОРИНГ

УДК39+28.7+ 394.014+316.48
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/37-43

© Н.А. Белова

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)*

В статье рассматриваются и анализируются итоги этнологического мониторинга в Костромской области за 5 лет. Начиная 2014 года, на регулярной основе с использованием методики, разработанной в ИЭА РАН, проводились исследования в одном из регионов ЦФО – Костромской области. В статье приведены выводы, которые были сделаны нами на основе результатов этнологической экспертизы в указанный период, обоснованы причины необходимости продолжения данной инициативы ученых, а также даны некоторые рекомендации о совершенствовании методов этнологического мониторинга

Ключевые слова*: этнологический мониторинг, методы исследования, опыт, Костромская область, межэтнические отношения*

Россия многоэтничная страна, которая имеет большое историческое прошлое и богатое культурное наследие. История XX века стала опытом конструирования советской властью новой идентичности, при полном уничтожении старой имперской идентичности жителей нашей страны. После распада СССР перед обществом вновь встала схожая проблема. Поэтому вопрос формирования новой, объединяющей граждан страны, идентичности стал предметом дискурса не только ученых (В.А. Тишкова, Л.М. Дробижевой, В.В. Степанова, В.Ю. Зорина, Е.И. Филипповой, М.Ю. Мартыновой и др.), но и политиков, общественных и культурных деятелей, которые спорят о сущности российской идентичности. В частности, активно обсуждается такой проект как «российская нация» и возможность его реализации в условиях современной действительности. В.А. Тишков отстаивает тезис о том, что Россия национальное государство, и важно сформировать у граждан российскую идентичность (*Тишков* 2018). По мнению Л.М. Дробижевой: «Понятие “государственно-гражданская” или “национально-гражданская идентичность” включает в себя отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим

Белова Наталья Андреевна – к.и.н., н.с. Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32А). Эл. почта: belovanatalia86@gmail.com. **Belova Natalya A**. – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky pr. 32A). E-mail: belovanatalia86@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31557 «Модернизация метода этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов в свете новых внутренних и внешних вызовов»

чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии)». Она указывает на медленный и постепенный рост этой идентичности, основанной на доверии к власти (*Дробижева* 2011: 49; 57).

Результаты наших опросов также показывают постепенный рост гражданской идентичности у респондентов и их связи с государством в большей степени, чем с регионом или национальностью. Но возможно ли формирование российской идентичности в современной России? И какие для этого должны быть созданы условия? По нашему мнению, для решения этого вопроса, а также для успешного формирования гражданского общества с многоэтничной российской идентичностью и толерантностью, в котором будет преобладать солидарность и согласие, необходимо более тщательное изучение ситуации на местах, особенно в регионах с низким экономическим развитием и как следствие невысоким уровнем жизни. Замечено, что рост недоверия к тем или иным народам напрямую связан с уровнем жизни граждан, о чем свидетельствуют результаты опросов, начиная с 1990-х годов (*Дробижева* 2011: 53). Этот факт упоминался неоднократно и в наших работах, судя по ответам респондентов, чем ниже уровень доходов, тем чаще можно услышать недовольные высказывания о мигрантах или других национальностях. Именно таким экономически неблагополучным регионом Центральной России и является Костромская область, где местные власти скрывают истинные результаты этнологического мониторинга, указывая невероятно высокую долю (94%) доброжелательности костромичей к представителям других национальностей (Межнациональный мир 2016: 5). В связи с этим в таких регионах важно проводить независимые мониторинги для контролирования результатов.

Костромская область является восточным районом Центрального федерального округа. Ее общая площадь составляет 60 тыс. км^2. В области проживает около 600 тыс. чел., причем доля русского населения составляет 96%. В областном центре Костроме сосредоточено чуть менее половины населения региона – 277,3 тыс. чел. Сейчас в регионе сложилась сложная социально-экономическая ситуация, связанная с низким уровнем жизни местного населения и отсутствием возможности его повысить. Ввиду того, что высокие цены и небольшие заработные платы несовместимы между собой, большинству костромичей приходится выживать, а не жить. Более подробно мы анализировали экономическое положение в других своих работах (*Белова* 2016; 2017; 2018; 2019).

Демография региона характеризуется естественной убылью населения, коэффициент которой с каждым годом только увеличивается, за 2019 г. он вырос на 1%. В целом схожая ситуация характерна практически для всей страны, но если взять соседний регион – Ярославскую область, то процесс сокращения численности жителей компенсируется приростом населения за счет внешней и внутренней миграции. Костромская область по нашим данным не является привлекательной для мигрантов, да и политика администрации направлена на сдерживание приезда иностранных рабочих. Внутренняя межрегиональная миграция также имеет отрицательное сальдо, т.к. происходит большой отток молодежи в другие регионы РФ, которые более благополучны не только для проживания, но и для личного развития (Москва, Ярославль, Санкт-Петербург).

Костромская область является дотационным регионом, с большой кредитной задолженностью. В 2018 г. было принято решение о введении здесь федерального казначейского сопровождения, и в результате реорганизации налоговой системы, произошло

небольшое снижение долга области перед государством. Однако, конечно очевидно, что проблема должна решаться путем развития экономики региона, чего пока не происходит. При этом, в советское время сельское хозяйство ежемесячно приносило стабильный доход, в области развивалось и функционировало множество колхозных и совхозных хозяйств. Было активно развито льнопроизводство, добыча торфа, работали заводы и фабрики. Нарушенные производственные связи привели к сокращению промышленного производства в 1994 г. на 43,2% по отношению к 1991 г. При этом в большей степени спад затронул именно те отрасли, на которых стоит костромская экономика: текстильную промышленность, машиностроение, деревообработку (*Белов* 2009). В 1990-е годы в результате распада СССР большинство фабрик и заводов закрылись, трудовые ресурсы оказались не нужны, производство остановилось. Тоже произошло и с сельским хозяйством. Если проехать по окрестностям Костромского района, то можно увидеть, как разрушаются или уже пришли в негодность многие скотоводческие фермы, колхозные поля превращаются в леса, а еще каких-то 10-15 лет назад там выращивали рожь, овес, горох или кукурузу.

Подъем производства, промышленности и сельского хозяйства невозможно без инвестиций и людских ресурсов. В последнее время, для сельскохозяйственных работ стали все больше задействоваться иностранные трудовые мигранты. Они трудятся намного эффективнее местного населения, которое принимает участие в подобных заработках с неохотой или от безысходности. Мигранты же работают по 12 часов в сутки, выполняют и обрабатывают земельные угодья очень добросовестно. Например, нам в интервью было сказано, что мигранты получают такую же зарплату как и местные жители, но они более трудолюбивые, не пьянствуют и не прогуливают работу. Плантацию обрабатывают прилежно, не пропуская ягод, работая на совесть. Выбор в пользу иностранных рабочих не может негативно отразиться на доходах частных владельцев[1], и конечно, им выгодней нанимать мигрантов. Со временем это может обернуться пользой для всех, и в первую очередь для региональных властей. Иными словами, если не будет дешевой рабочей силы, то и развития местных предприятий тоже не произойдет, а соответственно это сохранит отрицательный баланс их бюджета, отсутствие прибыли, низкий товарооборот, незначительный прирост ВРП. Инициатива же по привлечению трудовых ресурсов извне приведет к появлению новых рабочих мест, но уже офисного плана (т.к. развитие предприятия помогает создать условия для увеличения штата бухгалтерии, администрации, создания вакантных должностей бригадиров рабочих групп и прочих более оплачиваемых и при этом менее физически трудозатратных должностей). Позитивным примером может служить Калужская область, которая активно привлекает для работы в разных сферах мигрантов, компенсируя естественную убыль населения, и тем самым повышая уровень жизни местных жителей. Если сравнить области по этим двум показателям, видно что уровень жизни в Калужской области в три раза выше, чем в Костромской, и причина тому не только географическое положение, но и грамотная политика региональных властей.

Примерно так же можно охарактеризовать ситуацию с привлечением мигрантов к швейному производству, строительным и дорожным работам. Некоторые из них

[1] Если исходить из рыночного механизма, получится: больше урожая – выше доход – больше чистой прибыли – больше налоговых отчислений, дополнительные возможности на расширение производства и как следствие создание новых рабочих мест.

устраиваются в сфере ЖКХ, но, тем не менее, и в этой отрасли хозяйства в Костроме нечасто можно встретить работника неславянской внешности. Ввиду того, что заработная плата для региона в сфере ЖКХ является относительно высокой – 20 тыс. руб., многие костромичи с удовольствием соглашаются на этот вид заработка, положительно сказывается также возможность частичной занятости, неполного рабочего дня и пр. Есть свидетельства того, что предприниматели позитивно относятся к идее найма специалистов из ближнего зарубежья, делая акцент на их «трезвом состоянии», отсутствии прогулов, более продолжительном рабочем дне (при условии сдельной оплаты) и сдачи в срок объектов, что особенно важно в условиях рыночной экономики.

Вместе с тем, несмотря на уже сложившиеся позитивные предпосылки для привлечения мигрантов в Костромскую область, их количество не увеличивается. И это объясняется не только влиянием цикличности экономики, отсутствием спроса и пр. Со стороны местных властей идут директивы по сокращению заявок на патенты для предпринимателей. По словам специалиста миграционного центра, «постоянно приходят указы о снижении количества иностранной рабочей силы, хотя количество заявок с каждым годом увеличивается» (ПМА 2019). Подобная инициатива остается не совсем понятной, поскольку местное население несогласно идти на низкооплачиваемую, тяжелую физическую работу, а расширить производство и увеличить кадры невозможно без использования этого труда, как мы отмечали выше.

Начиная с 2014 г., Институтом этнологии и антропологии РАН, по методике, разработанной академиком В.А. Тишковым и В.В. Степановым, при поддержке фондов РФФИ и РНФ, регулярно проводятся опросы на тему «Взаимоотношения местного населения и мигрантов». В них принимает участие взрослое население от 18 лет с разным уровнем образования. Основной упор делается на россиян в возрасте от 35 до 60 лет, имеющих среднее или среднее профессиональное образование и занимающихся физическим трудом. Именно эта категория населения чаще всего попадает под угрозу увольнения и испытывает своего рода конкурентные настроения по отношению к мигрантам. Последний опрос был проведен в январе–апреле 2019 г. В нем поучаствовало более 500 человек. По результатам исследования в Костромской области 70% респондентов не общаются с мигрантами и никак с ними не взаимодействуют, что подтверждает небольшое количество мигрантов в области, их замкнутое проживание в сообществах и редкое участие в общественной жизни Костромы. По данным УФМС по Костромской области в регионе зарегистрировано и проживает 7756 мигрантов (Социально-экономическое положение 2019: 88). Большая часть из них задействована в строительстве, дорожных работах и швейном производстве. Хотелось бы отметить, что официальные данные о ситуации и характере межнациональных отношений по Костромской области не публикуются, основная информация не выкладывается в свободный доступ и фактически не доступна для анализа или сравнения. Все попытки связаться с официальными представителями власти и получить ответ на запросы о предоставлении информации остаются даже без ответов.

Большинство жителей Костромской области понимает необходимость использования труда мигрантов, но они не готовы к тому, что количество последних в городе или области увеличится. По комментариям респондентов нетрудно догадаться, что к числу нежелательных работников относят даже тех, кто просто имеет неславянскую внешность, но проживают в Костроме с незапамятных времен. Такой казус произошел в отношении татар, их назвали «соседями-мигрантами», хотя мигрировали сюда

они еще в XVII в. по указу царя Алексея Михайловича. Но суть не в этом, а в том, что любые непривычные и выбивающиеся из повседневности события, сразу становятся объектом всеобщего внимания. Иногда даже местное телевидение допускает обидные высказывания в отношении мигрантов. Например, в 2018 г. в ленте новостей центрального канала «КТРГ Кострома» мигранты названы «гастарбайтерами» (Костромские полицейские 2018). По результатам опроса, проведенного среди иностранных граждан «Фондом помощи трудовым мигрантам из Средней Азии», слово гастарбайтер воспринимается как оскорбление 80% мигрантами (Слово «гастарбайтер» 2014). Но необходимо отметить, что подобные упоминания уже скорее редкость, чем закономерность и это, безусловно, результат работы местной администрации.

Если вернуться к материалам наших опросов, то они показывают завуалированную нейтральность, даже «недружелюбность» по отношению к приезжим, как любят говорить в местной администрации. Последние данные мониторинга показали, что только две отрасли экономики воспринимаются, как желательные для найма мигрантов: ЖКХ и строительство, а уровень «конкуренции и социального напряжения» в области довольно высок и составляет более 50%. Именно это и позволяет нам сделать вывод о том, что в регионе межнациональные отношения находятся в состоянии латентного конфликта, который является самым трудным для выявления. Встает вопрос, каким же образом его контролировать?

По нашему мнению, в первую очередь в регионе необходимо проводить регулярные независимые мониторинги, которые смогут показать динамику ситуации и выявить социальную напряженность в самом ее зарождении. Во-вторых, необходимо повышать образовательный уровень граждан и их знания о других народах, культурах и в целом об истории нашей страны. Думаю, что для многих костромичей в принципе может оказаться интересной новость о многоэтничности нашей страны, а мысль, что приехавший ингуш имеет такие же права, как и русский, удивительной (такие споры уже имели место в ходе наших опросов). Из проведенных бесед и других источников, прослеживается еще одно обстоятельство – отрицательно воспринимаются в первую очередь народы Северного Кавказа. Организация спецкурсов не только в школах, средне-профессиональных и высших учебных заведениях, но и на рабочих местах, в виде тренингов или курсов повышения квалификации, которые позволили бы познакомить местных жителей с культурой других народов, видится нам необходимой. Поскольку просветительские занятия помогут донести мысль о важности сохранения «мира и солидарности» для развития и роста благосостояния граждан, позволят им узнать, что с давних времен совместно проживали и мирно уживались представители разных национальностей. Важно убедить жителей страны или объяснить им, что русский народ, хоть и доминирует численно, не имеет по сравнению с другими национальностями никаких преференций и объяснить почему. Знания, обретенные на спецкурсах, дадут возможность получить ответы на многие актуальные вопросы, которые не поставят в тупик профессионала, но избавят граждан от необоснованных фобий, которые приводят, в конечном счете, к росту ксенофобии и зарождению негативных настроений.

Источники и материалы

Костромские полицейские подвели предварительные итоги «миграционных рейдов» // Россия телевидение и радио Кострома. https://gtrk-kostroma.ru/news/Kostromskie-politseyskie-

podveli-predvaritelynie-itogi-migratsionnih-reydov/. Дата публикации: 29 Января 2018, 17:57.
Межнациональный мир Костромской области. Кострома: ООО «НПО Энерго Пром», 2016.
Слово «гастарбайтер» 2014 – Слово «гастарбайтер» расценили как оскорбление. Дата публикации: 18.02.2014. https://stanradar.com/news/full/7900-slovo-gastarbajter-rastsenili-kak-oskorblenie.html.
Социально-экономическое положение Костромской области 2019 – Социально-экономическое положение Костромской области в январе-июне 2019 года: Доклад. – Кострома: Тер. орган Федеральной службы гос. статистики по Костромской обл. (Костромастат), 2019. С. 88.

Научная литература

Белова Н.А. Влияние социально-экономического положения городских жителей на межнациональные отношения: на примере Костромы // Вестник антропологии, 2018. № 3 (43). С. 66–81.
Белова Н.А. Молодежь и мигранты в провинции: проблемы и основные тенденции межнациональных отношений (на примере г. Костромы) // Вестник антропологии, 2017. № 1 (37). С. 82–94.
Белова Н.А. О современных проблемах межнациональных отношений в Костромской области // Вестник Костромского государственного университета, 2018. Т. 24. № 4. С. 60–65.
Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. http://ecsocman.hse.ru/data/2011/03/11/1214896881/Drobizheva_5.pdf. Дата публикации: 11.03.2011.
Мартынова М.Ю. Образование как ресурс конструирования идентичности молодежи. Российский опыт // PolitBook, 2014. № 1. С. 33–60.
Белов А.М. (отв. ред. и сост.) Служение Отечеству. Руководители Костромской губернии и области, 1779—2009 гг: историко-биографические очерки . Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009.
Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 81-87.
Тишков В.А. Российский народ: пространство и культура. СПб. : СПбГУП, 2018.
Тишков В.А., Степанов В.В., Амелин В.В., Бабич И.Л., Белова Н.А., Богоявленский Д.Д., Григорьева Р.А., Дробижева Л.М., Клюева В.П., Малькова В.К., Мартынова Е.П., Мартынова М.Ю., Моргунов К.А., Мчедлова М.М., Пивнева Е.А., Рыжова С.В., Старченко Р.А., Черных А.В., Шнирельман В.А., Ярлыкапов А.А. и др. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. Изд. 2-е.

References

Belova, N.A. 2017. Molodezh’ i migranty v provintsii: problemy i osnovnye tendentsii mezhnatsional’nykh otnoshenii (na primere g. Kostromy) [Youth and migrants in the province: problems and main trends of interethnic relations (for example, the city of Kostroma)]. *Herald of Anthropology* 1 (37): 82–94.
Belova, N.A. 2018a. Vliianie sotsial’no-ekonomicheskogo polozheniia gorodskikh zhitelei na mezhnatsional’nye otnosheniia: na primere Kostromy [The influence of the socio-economic situation of urban residents on interethnic relations: the example of Kostroma]. *Herald of Anthropology* 3 (43): 66–81.
Belova, N.A. 2018b. O sovremennykh problemakh mezhnatsional’nykh otnoshenii v Kostromskoi oblasti [About modern problems of interethnic relations in the Kostroma region]. *Vestnik of Kostroma State University* 24 (4): 60–65.
Drobizheva, L.M. 2011. *Identichnost’ i etnicheskie ustanovki russkikh v svoei i inoetnicheskoi srede* [Identity and ethnic attitudes of Russians in their and foreign ethnic environment]. http://ecsocman.hse.ru/data/2011/03/11/1214896881/Drobizheva_5.pdf.

Martynova, M.Yu. 2014. Obrazovanie kak resurs konstruirovaniia identichnosti molodezhi. Rossiiskii opyt [Education as a resource for constructing youth identity. Russian experience]. *PolitBook* 1: 33–60.

Belov, A.M. (ed.) 2009. *Sluzhenie Otechestvu. Rukovoditeli Kostromskoi gubernii i oblasti, 1779—2009 gg: istoriko-biograficheskie ocherki* [Service to the Fatherland. The leaders of the Kostroma province and region, 1779–2009: historical and biographical essays]. Kostroma: KSU.

Tishkov, V.A., Barash, R.E., and V.V. Stepanov. 2017. Identichnost' i zhiznennye strategii studenchestva v Rossii [Identity and life strategies of student studies in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 8: 81–87.

Tishkov, V.A. 2018. *Rossiiskii narod: prostranstvo i kul'tura* [Russian people: space and culture]. SPb. : SPbGUP.

Tishkov V.A., V.V., Stepanov, V.V., Amelin, I.L., Babich, N.A., Belova, D.D., Epiphany, R.A., Grigoryeva, L.M., Drobizheva, V.P., Klyueva, V.K., Malkova, E.P., Martynova, M.Yu., Martynova, K.A., Morgunov, M.M., Mchedlova, E.A., Pivneva, S.V., Ryzhova, R.A. Starchenko, A.V., Chernykh, V.A., Shnirelman, and A.A. Yarlykapov. *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and religious diversity of Russia], edited by V.A. Tishkov, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAS.

Belova, Natalya A. **Ethnological Monitoring in Russia (the case of the Kostroma region)**

The article analyzes the results of ethnological monitoring in the Kostroma region over 5 years. Starting from 2014 studies in the Kostroma region have been conducted on a regular basis, using the methodology developed at the IEA RAS. The article presents the conclusions that we made based on the results of ethnological examination over this period, outlines the reasons to continue this scientific initiative, and offers recommendations on improving ethnological monitoring methods

Key words: *ethnological monitoring, research methods, experience, Kostroma region, interethnic relations*

УДК 39+28.7+ 394.014+316.48
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/44-55

© Н.А. Белова, Д.А. Каунов

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ В КАЛУЖСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТЯХ*

В статье приводятся результаты проведенного в течение 2019 г. сравнительного этнологического мониторинга в Калужской и Костромской областях. Он основан на включенном наблюдении, собранных первичных полевых материалах, а также анализе официальных источников, предоставляемых региональными властями, и экспертизе публикаций в СМИ и в социальных сетях. Как показало исследование, в первую очередь активную общественность обоих регионов волнует социально-экономическая и социально-политическая ситуация. Хотя наблюдается определенный разрыв между двумя областями в плане социально-экономического развития, критика и недовольство властью в разной степени и по разнообразным поводам присутствует и в Калужской, и в Костромской областях. Было установлено, что межэтнические и религиозные отношения не являются первостепенной проблемой данных регионов, но однозначно говорить о межнациональном и религиозном мире и благополучии пока рано. Ситуация требует более тщательного изучения. Кроме того, нельзя игнорировать такой важный фактор гипотетического возникновения межнациональной напряженности, как миграционная ситуация. На территориях областей ощущается проявляющееся временами скрытое недовольство притоком иностранных мигрантов и обеспокоенность по поводу мнимой «культурной экспансии» извне. В целом озабоченность из-за присутствия внешне отличных от большинства населения людей обнаруживает себя при первичном анализе, поэтому будет важно проанализировать этноконфессиональную ситуацию в будущем году за счет расширения инструментария исследования и на основании массовых опросов получить репрезентативные данные.

Как показало наше исследование, комплексный сравнительный этномониторинг, базирующийся, в том числе, на методах включенного наблюдения и сбора полевых материалов, помогает оценить реальные плоды реализации государственной национальной политики на территории регионов, не ограничиваясь доступными официальными источниками.

Белова Наталья Андреевна – к.и.н., н.с. Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32а). Эл. почта: belovanatalia86@gmail.com. Belova Natalya A. – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Prospekt 32a). E-mail: belovanatalia86@gmail.com

Каунов Дмитрий Александрович – аспирант Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32а). Эл. почта: dkaunov93@gmail.com. **Kaunov Dmitry A.** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32a). E-mail: dkaunov93@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31557 «Модернизация метода этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов в свете новых внутренних и внешних вызовов»

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Ключевые слова: *этномониторинг, сравнение, ЦФО, Калужская область, Костромская область*

В настоящее время в РФ проживает почти 200 различных этнических групп, с доминированием русского населения (80,9%) православного вероисповедания (79%)[1]. Однако существующая в мире неспокойная ситуация, давление на Россию, которая оказалась практически в политической изоляции и дискредитированной в глазах мирового сообщества странами Европы и США, не могут не наносить ущерб стабильности нашего общества, межнациональному миру и согласию. Именно поэтому межнациональным отношениям и проблемам изучения ситуаций в регионах стало уделяться больше внимания не только официальными властями и общественностью, но и научным сообществом.

Метод измерения риска межэтнических конфликтов, разработанный в Институте этнологии и антропологии РАН и который наиболее успешен в оценке межнациональных отношений в регионах РФ, применяется и модернизируется на протяжении более 20-ти лет. Наш проект, базирующийся на практическом применении указанной выше методики, ориентирован на выявление уровней межнациональных рисков в регионах с русским православным большинством. Он также ставит задачу разработки и совершенствования критериев, которые оценят качество применяемых исследовательских методов для измерения межэтнической напряженности. Результаты проекта, мы надеемся, будут способствовать повышению прогностической ценности российских гуманитарных дисциплин в деле предупреждения межэтнических конфликтов, а также выявления реальных проблем регионов. Наши позитивные ожидания подкрепляются высокой оценкой методов этнологического мониторинга со стороны независимых экспертов. Например, один из первых экспертов этномониторинга в России д.и.н. В.В. Амелин так описывает актуальность проводимых экспертиз: «Результаты мониторинга очень нужны для применения в практической работе. Знание и прогноз этнополитической ситуации способствует правильному принятию политических решений управленцами различного уровня» (*Амелин* 2019). Эффективность методики мы хотим продемонстрировать, сравнив два региона Центрального федерального округа по основным индикаторам этнологического мониторинга, основываясь на включенном наблюдении, материалах первичных полевых исследований, а также на анализе официальных источников, предоставляемых региональными властями, и экспертизе публикаций в СМИ и в социальных сетях. Цель статьи – обозначить наиболее актуальные проблемы, существующие в двух регионах Центральной России – Калужской и Костромской областях. Полученные результаты сравнительного этнологического мониторинга необходимы для более объективной дальнейшей организации и проведения качественного опроса на тему межнациональных отношений среди местного населения, а также углубленного исследования в структурах органов власти, национальных и религиозных объединений в двух регионах ЦФО, в которых декларируется межнациональный мир и согласие.

[1] Согласно исследованию Левады-Центра на ноябрь 2012 года, доля верующих в России составила 74% (В России 2012). Вместе с тем данные опросов Института социологии РАН показывают, что 79% жителей России причисляют себя к последователям православия, 4% – мусульмане, 9%, по их признанию, верят в некую «высшую силу», но ни к какой конфессии не принадлежат, 7% придерживаются атеистических взглядов (*Добрынина* 2013).

За последнее десятилетие интерес к возможностям этнологического мониторинга необычайно вырос. Вместе с тем, специалистов, правильно и корректно применяющих методы мониторинга, немного. Недостаточно просто скачать из интернета пример исследования по мониторингу и провести его как по шаблону. Необходимо грамотно составить выборку респондентов, учитывать все особенности региона, проанализировать результаты, сравнить их с официальными данными и выявить так называемый уровень риска. Пока примеров позитивной практики применения мониторинга на деле мало, особенно в регионах. Метод стали активно применять региональные чиновники, но иногда, к сожалению, лишь для увеличения своих показателей и чтобы завуалировать истинное положение дел, т.к. зачастую получаются одни результаты, а в отчетности представляются совсем другие. Поводов для роста межнациональной напряженности в том или ином субъекте РФ множество, но корень ее, по нашему мнению, кроется в значительных диспропорциях развития российских регионов, наличии этнических, экономических и профессиональных «ниш», при неравенстве доступа к властным, экономическим и финансовым ресурсам, а в настоящее время – еще и по причине все более растущей дистанции между богатством и бедностью. Последнее особенно заметно на Северном Кавказе, в Москве, в крупных городах, в некоторых центральных и сибирских регионах. Все это не может не беспокоить общество, которое за отсутствием убедительного объяснения сути ситуации обращается к упрощенным и ложным стереотипам или даже идеологическим выкладкам об этническом «враге», которого «необходимо» подвергнуть стигматизации. Эти образы зачастую создаются и распространяются радикальными идеологами и политиками (*Мартынова*, *Степанов* 2017).

Согласно оценке Калугастата, численность постоянного населения Калужской области на 1 января 2019 г. составила 1 009 380 чел. Для сравнения, 1 января 2018 г. численность населения региона достигала 1 012 156 чел. (1 014 570 чел. на 1 января 2017 г.), то есть за год население области сократилось на 0,27%, а за два года – на 0,51% (Калужская область 2019: 37). В 2019 г. продолжилось снижение показателей рождаемости в области[1]. Кроме того, за счет постепенного снижения рождаемости с 2016 г. в регионе увеличивается разность между числом умерших и числом родившихся (Калужская область 2019: 38; Социально-экономическое положение Калужской обл. 2019: 106–107). Сложившаяся в Калужской области ситуация, связанная с ускорением четвертый год подряд естественной убыли населения, является характерной для страны в целом: об ускорении естественной убыли в России в своем отчете сообщила Счетная палата Российской Федерации (Аналитический отчет 2019). В последние годы естественную убыль населения области пытался компенсировать миграционный прирост, в основном из стран СНГ, увеличивавший численность постоянного населения в регионе в 2014 и 2016 гг. (Калужская область 2019: 42–44). Тем не менее, в период с января по август 2019 г. регистрируется миграционная убыль населения Калужской области, что в первую очередь объясняется отрицательным сальдо миграции со странами СНГ, которое связывают с ужесточением законодательных требований к иностранной трудовой миграции. Однако необходимо учесть, что количество прибывших в область в этот период мигрантов из-за рубежа равняется более чем 7 тыс. чел., и тем самым можно отметить высокий показатель миграционного обмена со странами СНГ по причине экономической привлекательности региона (Социально-экономическое положение Калужской обл. 2019: 109–112).

[1] На момент написания статьи на официальном сайте Калугастата по основным демографическим показателям в Калужской области в 2019 г. доступны данные за январь-август.

Численность населения Костромской области на 1 января 2019 г. составила 637 267 человек, за год сократившись на 3 тыс. чел (0,3%). Естественная убыль населения в январе-июне 2019 г. увеличилась по сравнению с январем-июнем 2018 г. почти на 2%[1]. В 2019 г. миграционный прирост населения составил всего 90 чел.[2] за счет снижения числа выбывших в другие регионы России и в страны СНГ, а также увеличения числа прибывших из стран СНГ на 25,2% (на 157 чел.) относительно аналогичного периода предыдущего года (АППГ), но в целом здесь наблюдается несущественный миграционный обмен со странами СНГ в сравнении с Калужской областью (Социально-экономическое положение Костромской обл. 2019: 92).

Таким образом, мы можем отметить, что в двух регионах с демографической точки зрения складывается одинаковая ситуация – происходит естественная убыль населения, что в целом характерно почти для всей Центральной России. Вместе с тем, регионы отличает один ключевой момент – миграция. В Калужской области внешняя миграция поощряется властями и тем самым частично компенсирует кадровый дефицит, в Костромской области доля внешней миграции несущественна и компенсировать естественную убыль населения в полном объеме не может, а это сказывается на экономическом развитии и как следствие благополучии населения.

Калужская область в настоящий момент декларируется как экономически благополучный регион (регион-донор), один из лидеров общероссийского рейтинга инвестиционного климата, занимая второе место в ЦФО и уступая только Москве (Национальный рейтинг 2019). К слову, Костромская область в этот рейтинг не попала. И даже более того, согласно другому источнику, она является инвестиционным аутсайдером европейской России (Рейтинг инвестиционной 2019).

На странице министерства экономического развития Калужской области на официальном портале региональных органов власти представлена информация о планомерном социально-экономическом развитии области, чему, по данным ведомства, способствуют выгодное экономико-географическое положение региона, четко и продуманно выстроенная инвестиционная политика, последовательное осуществление масштабных проектов в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства (Экономика 2019). Вместе с тем, нет оснований сказать того же о Костромской области. Конечно, можно апеллировать в первом случае к близости Москвы и наличию транспортных магистралей, но есть пример Ярославской области, географическое положение которой мало чем отличается от первой, при этом грамотное управление регионом, экономическое развитие и инвестиционная политика (регион оценивается как средне-привлекательный) помогают успешно ей развиваться.

Калужская область занимает 28 место в национальном рейтинге социально-экономического положения регионов по итогам 2018 г., а Костромская – 70 место (Рейтинг 2019). В 2019 г. и ранее эпизодически появлялись публикации, критикующие так называемое «экономическое чудо» Калужской области, отмечалось, что представление о социально-экономическом развитии области в настоящий момент сильно преувеличено чиновниками и региональными СМИ. Кроме того, 3 июля 2019 г. РБК опубликовал статью, согласно которой губернатор А.Д. Артамонов, который бессменно руководит регионом почти два десятилетия, с 2020 г. может сложить свои полномочия по причине «психологической усталости» населения. РБК сообщает,

[1] В 2018 г. – в 1,6 раза.

[2] В 2018 г. наблюдалась миграционная убыль населения.

что оценки результатов деятельности главы региона у населения довольно неоднозначны. Издание рапортует о том, что социально-экономическое развитие Калужской области в последние годы замедлилось, а регион в настоящий момент по этому показателю является «середняком» в масштабах Центральной России (*Галимова, Антонова, Ткачев* 2019). Вместе с тем, если сравнить калужскую экономическую ситуацию с положением в Костромской области, где дело обстоит намного хуже и, как мы уже отметили выше, в рейтинге регионов она уступает Калужской 42 пункта, то, может, и не стоит так ругать губернатора калужскому населению.

В Костромскую область в конце 2017 г. Москва отправила необычайно крупную сумму – более 12 млрд рублей, а в январе 2018 г. Федеральное Казначейство объявило о введении усиленного надзора за расходами области. Полученные средства из федерального бюджета пошли на возмещение более дорогих коммерческих кредитов, которые были взяты для обеспечения долгов региона (*Михайлов* 2018). За время управления губернатором И.Н. Слюняевым (теперь известного под фамилией Альбин) долг Костромской области увеличился в 3 раза, и местная администрация попыталась сократить его размер (*Граник, Рубанков* 2012). Сейчас социально-экономическая ситуация в регионе оценивается экспертами как «тревожная», несмотря на то, что регион имеет большой экономический потенциал (энергетические и природные ресурсы: запасы леса и торфа, сельское хозяйство). Необходимо отметить, что Костромская область всегда была аграрным регионом, во всем мире известным своей породой коров, сыром, льном и др. сельскохозяйственной продукцией. Сейчас же продукты скотоводческих хозяйств привозят сюда из других регионов, а в рейтинге показателей сельского хозяйства Костромская область занимает 15 место из 18 возможных среди регионов ЦФО (Регионы России 2018: 636).

В Костромской области в социально-экономическом плане существует множество проблем. В регионе сильно развита коррупция, по словам местных предпринимателей, здесь невозможно развивать малый бизнес, выгодней уходить в другой регион или закрывать свое дело и вести его полулегально. Низкие зарплаты (реальная зарплата, которую получает большинство в области – 14 тыс. руб. в месяц)[1] приводят к тому, что некому работать в детских садах, школах, даже в университете. Диплом бакалавра не позволяет работать учителем в школе, и благодаря этому кадровый состав учителей быстро сокращается. Если не будет увеличено количество бесплатных мест в магистратуре на учительские специальности, совсем скоро в регионе некому будет учить детей даже в школах, не говоря о вузах!

Вернувшись к проблемам Калужской области, заметим, что наиболее актуальной из них, с точки зрения реакции активной общественности и отражения в СМИ, является экологическая ситуация на территории региона. В целом в 2019 г. фиксируется определенная обеспокоенность местного населения по поводу экологии, результатом чего являются неоднозначные оценки (как правило, субъективные) со стороны представителей региональной общественности деятельности органов местного самоуправления, региональных органов власти и иных ведомств, ответственных за экологическую ситуацию в регионе. Росту обеспокоенности способ-

[1] По данным Костромастата, средняя зарплата в регионе 32220 руб., а это значит, что медианная зарплата – 24 тыс., а модальная – 14 тыс. руб. (медианная заработная плата – это такое значение, при котором 50% работников получают зарплату ниже этого уровня, а 50% работников – выше; модальное значение зарплаты – это значение заработной платы наиболее часто встречающееся в ряду распределения).

ствует также большое количество промышленных предприятий на территории Калужской области как следствие высокой доли обрабатывающей промышленности в экономике региона. Несанкционированные свалки, продолжающееся функционирование переполненных мусорных полигонов, случаи сброса загрязняющих веществ в водоемы области и в целом санитарное состояние водных объектов, выбросы вредных веществ в атмосферу находят живой отклик у граждан, в результате чего формируется мнение жителей об экологии в регионе как отражение актуальных событий. Все новые сообщения об экологических проблемах в регионе не могут не тревожить общественность высокими показателями частотности, о чем свидетельствуют соответствующие отклики в социальных сетях (в частности, в группе «ВКонтакте» и «Facebook» «Экологические проблемы Калужской области»). Региональные эко-активисты вносят большой вклад в информирование населения об экологических проблемах на территории области не только в социальных сетях, в частности, в г. Обнинске в течение 2019 г. состоялись два митинга, посвященных экологическим проблемам региона. Правда, нужно учитывать определенную долю субъективности в оценках эко-активистов. Ориентируясь на данные министерства природных ресурсов и экологии Калужской области, в целом можно говорить об имеющемся определенном отрицательном воздействии хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду (Доклад 2019: 64–86). При этом органы власти официально декларируют, что Калужская область сохраняет статус экологически благоприятного региона, экологическая обстановка в целом находится под строгим контролем уполномоченных ведомств и предпринимаются все возможные меры для решения возникающих проблем.

Экологическая ситуация в Костромской области, напротив, оценивается как стабильная. В настоящее время область остается одним из наиболее экологически чистых регионов ЦФО. Этому способствует своеобразие природно-климатических условий (около 74% территории занято лесами), а также низкий уровень воздействия на окружающую природную среду промышленных предприятий, транспорта и сельского хозяйства. Отличительной особенностью области является крайне неравномерное распределение производственных мощностей на ее территории. Наибольшая интенсивность выбросов в атмосферу отмечается в городах Волгореченск, Кострома, Мантурово и Шарья. В северо-восточных районах области преимущественно развито лесохозяйственное и сельскохозяйственное производство. Эти территории не имеют развитой промышленности и характеризуются малой плотностью населения, что обусловливает низкий уровень загрязнения атмосферного воздуха (Костромская область. Стат. ежег. 2018: 135–142).

Социально-политическая ситуация в обеих областях в целом характеризуется «следованием линии» политики современного российского государства, за что спорадически критикуется гражданами. Самый свежий пример – идея губернатора Калужской области А.Д. Артамонова сделать общероссийским праздником дату 11 ноября, День победного окончания Великого стояния на Угре 1480 года, который с 2017 г. имеет статус регионального (В Калуге впервые отметят 2017). Идею можно рассматривать в контексте исторической политики властвующей элиты в современной России, которая в том числе характеризуется расширением поводов для коммеморации с целью отображения «тысячелетней истории российского государства». Глава региона также известен своим отношением к оппозиционным

митингам и протестным акциям – он как-то назвал основную массу митингующих «люмпенизированной частью населения», тем самым подвергая их стигматизации с позиции органов власти (*Французова* 2017). Кроме того, временами люди выражают недовольство тем, что власти тесно сотрудничают с региональным казачеством (Калужским ОКО ВКО ЦКВ), считая его искусственно созданной и немногочисленной структурой с малопонятными функциями, которая региону не нужна, тем более за бюджетные средства. Но в целом вся эпизодическая критика выражается в неявной форме, поскольку в области, говоря словами одного из местных Telegram-каналов, «оппозиция отсутствует как класс».

В Костромской области местное население критикует руководство также за фактическое отсутствие льгот для пенсионеров, многодетных семей и других нуждающихся категорий граждан. В регионе нет молочной кухни для детей и беременных. Также происходит постоянное повышение тарифов на оплату ЖКХ и электричества, причем жители не могут отметить качественное обслуживание в этой сфере. Нередко происходят перебои с подачей воды, как горячей, так и холодной, и электричества. По словам костромичей, отсутствует чистота во дворах, придомовые территории нуждаются в благоустройстве, детские площадки и дороги в ремонте и пр. Наоборот, по словам местных жителей, во дворах «сплошь бутылки валяются, не убрано, детские площадки не расчищаются и не убираются, да что говорить, родители сами чистят детские участки в садиках от снега зимой! Вот до чего дожили!» (ПМА Костромская область 2019).

Что касается этноконфессиональной сферы, то здесь оба региона представляются как благополучные (примеров серьезных проблем на религиозной и национальной почве на территориях областей в последние годы действительно практически не наблюдается). В Калужской и Костромской областях, согласно отчетам органов власти, реализуются федеральные и региональные программы, направленные на укрепление российской гражданской нации, социокультурную адаптацию мигрантов и их интеграцию в принимающее общество, а также этнокультурное развитие в регионах. В Калужской области за состояние этноконфессиональных отношений в настоящий момент на уровне региональных органов власти отвечает министерство внутренней политики и массовых коммуникаций, а также уполномоченные структуры органов местного самоуправления. В Костромской области, согласно государственной программе «Гармонизация межэтнических, межконфессиональных отношений и этнокультурное развитие народов в Костромской области на 2014–2020 гг.», ответственный исполнитель – Управление по вопросам внутренней политики администрации Костромской области. Согласно этой программе, к 2020 г.: «1) доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, достигнет 88%; 2) уровень толерантного отношения к представителям другой национальности достигнет 94%; 3) уровень этнокультурного развития народов в Костромской области достигнет 94%» (Об утверждении 2013). Именно поэтому мы хотели бы провести опрос населения города в 2020 г. и отразить основные итоги реализации этой программы. Предварительные результаты наших опросов 2018–2019 гг. показывают совершенно иную картину.

В Калужской области наиболее примечательным официальным документом является постановление «Об утверждении Стратегических основ национальной политики Калужской области на период до 2025 года» от 11 декабря 2017 г. (Постановление

2017). В нем наряду со «стандартными» для современных российских реалий положениями, определяющими цели и задачи региональной национальной политики, в качестве одной из ее целей приведен следующий тезис: «Учет и обеспечение прав русского народа как национального большинства и прав национальных меньшинств, проживающих на территории Калужской области, и гармонизация отношений между ними». Здесь привлекает внимание положение об обеспечении прав русского народа, который составляет 93,1% населения региона от указавших национальность по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (Всероссийская перепись 2010), как «национального большинства» отдельно от остальных этнических групп. Словосочетание «национальное большинство» в дискурсе отечественной властвующей элиты можно услышать крайне редко.

Как правило, «визуальная» часть реализации национальной политики в обоих регионах сопровождается тем, что можно обозначить термином «фестивальная витрина» – стандартным набором мероприятий, призванных продемонстрировать процесс «гармонизации межнациональных отношений и укрепления российской гражданской идентичности» и имеющих лишь косвенное отношение к реальному состоянию этноконфессиональных отношений. Но при этом на официальных сайтах профильных ведомств, за исключением данных о «фестивальной витрине», не публикуется подробная информация о работе ответственных органов по взаимодействию с национальными и религиозными объединениями, профилактике межнациональной напряженности и экстремизма, мониторингу межнациональных отношений, адаптации и интеграции мигрантов. Даже опубликованные отчеты о реализации национальной политики за последние годы были крайне сжатыми и не содержали конкретной информации, ограничиваясь общими фразами, не позволяющими получить полное представление о реализации национальной политики в регионах. Кроме того, в регионах есть Советы при губернаторах по делам национальностей, которые тоже выполняют задачи по реализации национальной политики, но о результатах деятельности которых почти нет информации в открытом доступе.

Что касается существующих в Калужской области в последние годы сложностей в этноконфессиональной сфере, то они связаны, прежде всего, с примерами неоднозначного мнения жителей и отсутствия, в том числе по этой причине, поддержки отдельных религиозных объединений со стороны властей, когда речь заходит о строительстве культовых сооружений. Это происходит также из-за невозможности предоставить землю под строительство, поэтому некоторые религиозные организации в качестве мест для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, а также религиозных образовательных и культурных центров используют помещения и земельные участки, которые либо арендованы, либо находятся в частной собственности (в том числе частные жилые дома). Так поступают, к примеру, еврейская община г. Обнинска и мусульманская община г. Малоярославца (ПМА Калужская область 2019). Кроме того, важно выделить актуальный пример, который может показаться неявным, но должен быть упомянутым. Это проблема стереотипного общественного мнения по отношению к славянскому неоязычеству (родноверию). Калужская область здесь не стала исключением, будучи одним из регионов, где в постсоветскую эпоху развивается славянское неоязыческое движение. В настоящий момент на ее территории действуют немногочисленные общины в составе «Союза славянских общин славянской родной веры (ССО СРВ)» и «Круга языческой традиции (КЯТ)»,

также есть неоязычники, не входящие в какое-либо известное объединение. Ни одна из славянских неоязыческих общин региона не имеет ресурсов для того, чтобы способствовать переформатированию общественного мнения о родноверах региона, из-за чего при упоминании неоязычества в области до сих пор часто можно встретить даже убеждение о его деструктивном характере, что в настоящее время не соответствует действительности (ПМА Калужская область 2019).

Схожие примеры есть и в Костромской области, где поддержка региональным национальным общественным объединениям практически не оказывается. Например, Костромской дом национальностей весьма успешно участвует в «фестивальных» мероприятиях администрации, но есть другие организации, которые испытывают стеснения и трудности. По результатам нашего опроса, проведенного в 2018 г., вышло, что вовлеченность общественных структур оценивается экспертами в области межнациональных отношений всего на 20%, а эффективность существующей деятельности весьма низкая (ПМА Костромская область 2018). В Костромской области в плане этноконфессиональных отношений все довольно стабильно, но нельзя сказать, что спокойно. Например, в Костроме мечеть строили почти 13 лет, и с этим событием было связано множество скандалов и конфликтов. Не стоит забывать о ситуации в Нерехте 2012 г., которая является своего рода индикатором отношения местных жителей к «другим».

В заключение хотелось бы отметить, что наиболее актуальными проблемами в Калужской и Костромской областях, волнующими активную общественность, являются социально-экономическая и социально-политическая ситуации.

Было продемонстрировано, что наблюдается определенный экономический разрыв между двумя регионами. Вместе с тем, критика и недовольство властью в разной степени и по разнообразным поводам имеет место в обоих регионах. Межэтнические и религиозные отношения в данных областях не являются первостепенной проблемой, но однозначно говорить о межнациональном и религиозном мире и благополучии пока рано. Для детального анализа необходимо провести качественные опросы в Калужской и Костромской областях.

При этом нельзя игнорировать такой важный фактор гипотетического возникновения межнациональной напряженности, как миграционная ситуация в регионах. На территории областей временами ощущается скрытое недовольство притоком иностранных мигрантов и обеспокоенность мнимой «культурной экспансией» извне. В целом латентная тревога из-за присутствия внешне отличных от большинства населения людей обнаруживает себя при первичном анализе, именно поэтому будет важно в дальнейшем проанализировать этноконфессиональную ситуацию при помощи дополнительных методов этномониторинга, что позволит получить репрезентативные данные.

Как показало наше исследование, комплексный сравнительный этномониторинг, основанный, в том числе, на методах включенного наблюдения и сбора полевых материалов, помогает оценить промежуточные итоги реализации государственной национальной политики на территории регионов, что дополняет и даже корректирует информацию, предоставляемую официальными источниками.

Источники и материалы

Аналитический отчет 2019 – Аналитический отчет о ходе исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации за январь-сентябрь 2019 года // Счетная палата Российской Федерации. http://audit.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-3/index.html#. Дата обращения: 12.11.2019.

В Калуге впервые отметят 2017 – в Калуге впервые отметят региональный праздник – День победного окончания Великого стояния на реке Угре 1480 года // Весть, 9 ноября 2017 г. http://www.vest-news.ru/news/104610. Дата обращения: 12.11.2019.

В России 74% 2012 – в России 74% православных и 7% мусульман. Левада-центр (17 декабря 2012). http://www.levada.ru/2012/12/17/v-rossii-74-pravoslavnyh-i-7-musulman/. Дата обращения 13.11.2019.

Всероссийская перепись 2010 – Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm. Дата обращения: 12.07.2019.

Галимова Н., Антонова Е., Ткачев И. Губернатор Калужской области не пойдет на новый срок // РБК, 3 июля 2019 г. https://www.rbc.ru/politics/03/07/2019/5d1b82519a7947eb8516e5f5. Дата обращения: 12.08.2019.

Граник И., Рубанков К. Костромскую область освободили от выборов. Глава региона покинул свой пост досрочно // Коммерсантъ, 13.04.2012. https://www.kommersant.ru/doc/1916518. Дата обращения: 25.11.2019.

Добрынина Е. Вера и надежды. Социологи выяснили, каким богам россияне молятся и во что по-настоящему верят // Российская газета – Федеральный выпуск, 2013. № 5(5981). https://rg.ru/2013/01/15/sociologia.html. Дата обращения: 15.11.2019.

Доклад 2019 – Доклад о состоянии природных ресурсов и охране окружающей среды на территории Калужской области в 2018 году. Калуга: Министерство природных ресурсов и экологии Калужской области, 2019. 292 с.

Калужская область 2019 – Калужская область в 2018 году. Краткий статистический сборник. Калуга: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калужской области (Калугастат), 2019. 202 с.

Костромская область. Стат. ежег. 2018 – Костромская область. Статистический ежегодник. В двух томах. Том 1.: Стат.сб./Костромастат. – К., 2018.

Михайлов Г. «Костромская область всегда платит свои долги». 26 января 2018. https://regnum.ru/news/economy/2372472.html. Дата обращения: 15.11.2019.

Национальный рейтинг 2019 – Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ // Агентство стратегических инициатив. https://asi.ru/investclimate/rating/. Дата обращения: 05.11.2019.

Об утверждении 2013 – Об утверждении государственной программы Костромской области «Гармонизация межэтнических, межконфессиональных отношений и этнокультурное развитие народов в Костромской области на 2014-2020 годы» (с изменениями на 18 марта 2019 года). Администрация Костромской Области. Постановление от 8 октября 2013 года № 393-а. http://docs2.cntd.ru/document/460185623. Дата обращения: 19.11.2019.

ПМА Калужская область 2019 – Полевые материалы автора. Калужская область, 2019.

ПМА Костромская область 2018 – Полевые материалы автора. Костромская область, 2018.

ПМА Костромская область 2019 – Полевые материалы автора. Костромская область, 2019.

Постановление 2017 – Постановление Правительства Калужской области от 11 декабря 2017 г. № 727 «Об утверждении Стратегических основ национальной политики Калужской области на период до 2025 года». http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4000201712130001. Дата обращения: 30.07.2019.

Регионы России 2018 – Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. / Росстат. М., 2018.

Рейтинг 2019 – Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2018 года // РИА Новости, 03.06.2019. https://ria.ru/20190603/1555111859.html. Дата обращения: 06.11.2019.

Рейтинг инвестиционной 2019 – Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России по итогам 2018 года // Национальное рейтинговое агентство. М., 2018. http://www.ra-national.ru/sites/default/files/analitic_article/IPR-6-06112018.pdf. Дата обращения: 11.11.2019.

Социально-экономическое положение Калужской обл. 2019 – Социально-экономическое положение Калужской области (январь-сентябрь 2019 года). Калуга: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калужской области (Калугастат), 2019. 142 с.

Социально-экономическое положение Костромской обл. 2019 – Социально-экономическое положение Костромской области в январе-июле 2019 года: Доклад. – Кострома: Тер. орган Федеральной службы гос. статистики по Костромской обл. (Костромастат), 2019. – 97 с.

Французова Е. Артамонов о митингах: «Им копейку дай, покажи, они придут и будут участвовать» // KP40.RU, 06.12.2017. https://www.kp40.ru/news/society/46689/. Дата обращения: 12.11.2019.

Экономика 2019 – Экономика // Министерство экономического развития Калужской области. Доступ: https://admoblkaluga.ru/sub/econom/analitik/. Дата обращения: 11.11.2019.

Научная литература

Амелин В.В. О сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/set_etnolo1/v-amelin-o-seti/o_seti_etn.html. Дата обращения: 13.11.2019.

Мартынова М.Ю., Степанов В.В. (ред.) Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России. М.: ИЭА РАН, 2017.

References

Amelin, V.V. 2019. *About the network of ethnological monitoring and early warning of conflicts* [About the network of ethnological monitoring and early warning of conflicts]. http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/set_etnolo1/v-amelin-o-seti/o_seti_etn.html.

Martynova, M.Yu., and V.V. Stepanov (eds.) 2017. *Etnologicheskii monitoring: razrabotka fundamental'nykh podkhodov etnopoliticheskogo monitoringa dlia optimizatsii mezhnatsional'nykh otnoshenii i predotvrashcheniia konfliktov v Rossii* [Ethnological monitoring: development of fundamental approaches of ethnopolitical monitoring to optimize interethnic relations and prevent conflicts in Russia]. Moscow: IEA RAS.

Belova,Natalya A., and Dmitry A. Kaunov. **The Results of Ethnological Monitoring in the Kaluga and Kostroma regions**

The article presents the results of comparative ethnological monitoring conducted in 2019 in the Kaluga and Kostroma regions, based on the participant observation and analysis of official sources provided by the regional authorities, the media, social networks and primary field materials. The study revealed that the active public in both regions is concerned about the socio-economic and socio-political situation. There is a certain gap between the two regions in terms of socio-economic development, while criticism and dissatisfaction with the authorities are present to varying degrees and for various reasons in both the Kaluga and Kostroma regions. It was found that interethnic and religious relations are not the primary problem of these regions, but it is too early to claim interethnic and religious peace and prosperity – the situation needs to be further studied. In addition, one cannot ignore migration as an important factor of the hypothetical emergence of interethnic tension. In some places of these regions, there is a latent discontent with the influx of foreign migrants and concern about the alleged "cultural expansion" from the outside. In general, the concern for the people who are apparently different from the majority of the population manifests itself in the initial analysis, which is why it will be interesting to analyze the ethno-confessional situation next year more extensively using mass surveys in order to obtain representative data.

As our study showed, comprehensive comparative ethnological monitoring, based on methods of participant observation and field research, is effective in assessing the results of state national policies in the regions beyond the official sources of information

Key words: *ethnological monitoring, comparison, Central Federal District, Kaluga Region, Kostroma Region*

УДК 39+28.7+ 394.014+316.48
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/56-75

© *И.И. Бойко,* **А.П.** *Долгова, В.И. Харитонова*

РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (КОНЕЦ 1980–2019 ГГ.)*

В статье рассмотрены некоторые проблемы языковой политики в Чувашской Республике. Внимание уделено ситуации с преподаванием чувашского языка в образовательных учреждениях после принятия республиканского законодательства о языках в 1990 г. Отмечено, что этот процесс был непростым, он сопровождался непониманием обязательности изучения чувашского языка в районах республики с абсолютным преобладанием русского населения. За более чем четверть века был накоплен значительный опыт в организации и методике преподавания чувашского языка, и несмотря на то, что уровень его распространения изменился незначительно, он стал более привычным на бытовом и общественном уровнях. Переход к добровольному изучению родных языков, начатый во второй половине 2017 г., сопровождался организационными и содержательными трудностями. Приводятся мнения учителей чувашского языка о проблемах его преподавания и бытования в семейной и общественной среде

Ключевые слова: *чувашский язык, языковая политика, преподавание родных языков в школе, русскоязычное население, социологические опросы*

Из истории реализации языковой политики с 1917 по 1960-е годы

После октябрьской революции 1917 г. в учебных заведениях страны расширилось использование языков народов, проживавших в России. Народный комиссариат просвещения РСФСР в 1918 г. принял постановление «О школах национальных меньшинств», в котором определил принципы и порядок организации этого процесса. В

Бойко Иван Иванович – д.и.н., главный научный сотрудник Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Московский пр., 29/1). Эл. почта: boyko2003@yandex.ru. **Boyko Ivan I.** – Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary, Moskovsky pr., 29/1). E-mail: boyko2003@yandex.ru

Долгова Алевтина Петровна – к.филол.н., ведущий научный сотрудник Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Московский пр., 29/1). Эл. почта: enzenz@yandex.ru. **Dolgova Alevtina P.** – Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary, Moskovsky pr., 29/1). E-mail: enzenz@yandex.ru

Харитонова Валентина Григорьевна – к.и.н., ведущий научный сотрудник Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Московский пр., 29/1). Эл. почта: val1957@rambler.ru. **Kharitonova Valentina G.** – Chuvash State Institute of Humanities Cheboksary, Moskovsky pr., 29/1). E-mail: val1957@rambler.ru

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики»

сельских школах Чувашской автономной области (1920 г.), а затем Чувашской автономной социалистической республики (1925 г.) начальное, впоследствии неполное, среднее образование осуществлялось на чувашском языке, за исключением районов с компактным проживанием русских, татар и мордвы. Начал изучаться как предмет и сам чувашский язык, к середине 1920-х гг. вышли первые учебники. Следует также отметить, что чувашский язык стал языком обучения и в регионах компактного проживания чувашей, то есть в Башкирской и Татарской АССР, в Ульяновской и Самарской областях. В период 1918–1937 гг. школьное образование в так называемых национальных регионах СССР было основано на изучении предметов на родных языках. С 1938 г. по всей стране происходит переход к претворению в жизнь новых принципов организации школьного образования, прежде всего – централизации и унификации. После принятия постановления СНК и ЦК ВКП (б) об обязательном изучении русского языка в общеобразовательной школе и некоторых других шагов, предпринятых центром, начался постепенный переход школ на русский язык преподавания, оставивший родной язык в качестве предмета изучения. Но в Чувашии вплоть до реформы образования в Советском Союзе в 1958–1964 гг. в школах, расположенных в сельской местности, обучение до 8 класса шло на чувашском языке. В ходе реализации Закона СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 24 декабря 1958 г. обком КПСС и правительство Чувашии в июле 1960 г. приняли постановление «О переходе к обучению учащихся в V–VIII классах на русском языке и мерах по улучшению изучения русского языка и литературы в чувашских школах». В постановлении процесс модернизации образования намечался на ближайшие два – три года. С 1960/61 учебного года эта работа была начата с предметов политехнического цикла, то есть с математики, физики, химии. Переход на обучение на русском языке, в конечном счете, сыграл положительную роль в развитии школьного образования, в расширении возможностей для выпускников сельских школ, в обеспечении квалифицированными кадрами промышленных предприятий и т. п. Однако этот переход повлек за собой заметное вытеснение национальных языков из обиходной речи в городах, оказал существенное влияние на этническое самосознание чувашей, отчасти повлиял на культивирование пренебрежительного отношения к сельскому образу жизни и традиционным ценностям.

Этнополитические проблемы и чувашский язык

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. языковые проблемы оказались в центре этнополитических дискуссий. В основном речь шла о сохранении и развитии чувашского языка, о расширении его функций в различных общественных сферах. В этот период и в последующее десятилетие критические оценки реформы образования конца 1950-х – начала 1960-х гг. и сложившейся после нее ситуации в языковом пространстве республики стали обыденным явлением.

Языковед Г.А. Дегтярёв отмечал, что «в 1960 г. под благовидным предлогом фактически был введен запрет на обучение в чувашской школе на родном языке» (*Дегтярёв* 1999: 108). Идейный лидер чувашского этнического движения рубежа 1980–1990-х гг. лингвист А.П. Хузангай и ряд других специалистов не без основания считали, что в республике отсутствует реальное чувашско-русское двуязычие (билингвизм), поскольку оно имеется лишь среди малых социальных групп: науч-

но-гуманитарной и художественной «элиты», чувашского учительства, представителей национальных СМИ и пр. Обобщенная точка зрения на языковую ситуацию сводится к тому, что чувашский язык фактически выполняет лишь функции языка деревенско-бытового общения и интенсивно теряет авторитет у подрастающего поколения; в целом же чувашский язык вытеснен на периферию жизни социума (*Хузангай* 1999, *Иванов* 1999: 12–13).

В октябре 1990 г. Верховный Совет республики принял Декларацию о государственном суверенитете Чувашии, а также Закон Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике». Оценки принятых законодательным органом Чувашии документов разные. Для активных участников чувашского национального движения, многих представителей гуманитарной и творческой интеллигенции их принятие означало возможность «раскрепостить» чувашей, почувствовать себя «равноправными» в своей республике. Действительно, многими чувашами, не только представителями гуманитарных профессий, был преодолен комплекс неполноценности, на улицах, в общественном транспорте чувашский язык стал звучать гораздо чаще, чем прежде. Разрушение подобного психологического препятствия стало одним из реальных достижений этих бурных лет в сфере этнической жизни. Безусловно, этот процесс имел и обратную сторону, поскольку представители других этносов, в первую очередь русского, иногда оправданно, а иногда беспричинно, считали (особенно в конце XX в.) многие заявления и действия лидеров идеи чувашского возрождения националистическими, подрывающими давние традиции исторического соседства народов на этой земле. Критический анализ принятых документов имеется в монографии В.Р. Филиппова, который считает, что они легитимизировали фундаментальные, системообразующие элементы национализма как политической доктрины: этническую государственность и дифференциацию населения на первосортное – «коренное» и второсортное – «некоренное» (*Филиппов* 2001: 30).

Реализация республиканских законов в школах Чувашии

В целом можно с уверенностью говорить, что с начала 1990-х гг. начался новый этап в реализации языковой политики в Чувашской Республике. Ряд положений закона «О языках в Чувашской Республике» были изменены в 2003 г. в ходе работы по приведению местных законодательств в соответствии с федеральными. Формулировки статьи об изучении чувашского языка в учебных заведениях республики несколько раз менялись, но в целом речь шла об обязательности этих занятий. В 2014 г. императивная формулировка ст. 7.1.2. звучала следующим образом: «Чувашский и русский языки как государственные языки Чувашской Республики преподаются и изучаются в государственных и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Чувашской Республики» (Закон ЧР 2014). Следует отметить, что в 1990 г. законодатель сделал разъяснение, согласно которому чувашский язык в течение предстоящего десятилетия (до 2000 г.) не должен был изучаться в обязательном порядке в двух районах (Алатырском и Порецком), абсолютное большинство населения которых составляют русские (60,4 и 72,1% в 2010 г.). Кроме того, 15,9 и 21,8% населения здесь составляет мордва. С истечением десятилетия преподавание чувашского языка постепенно началось и в этих районах, хотя дирекция в некоторых школах в г. Алатыре, ссылаясь на отсутствие преподавателей, задерживала введение занятий в

установленные сроки. В этом городе преподавание чувашского языка во всех школах реально началось со второй половины первого десятилетия XXI века.

Таким образом, с начала 1990-х гг. во всех сельских районах (всего их 21), кроме Алатырского и Порецкого, в начальных классах «чувашских» школ преподавание ведется на чувашском языке, затем он изучается как предмет, преподается чувашская литература на родном для детей языке. В районах и сельских населенных пунктах с преобладанием русских, татар и мордвы, а также в городах чувашский язык изучается как предмет с 1-го класса (2 часа в неделю в 1 классе и 3 часа – в 2–4 классах, затем опять по 2 часа). В старших классах этих школ также преподается чувашская литература на русском языке. В 2002 г. в школах с изучением чувашского языка был введен итоговый экзамен по этому предмету, который проводился в 11 классе. Но в 2004 г. испытание по чувашскому языку было отменено; причина – в том, что на школьников-выпускников ложилась большая нагрузка из-за участия Чувашии с 2001 г. в эксперименте по проведению экзаменов в виде ЕГЭ. Единый республиканский экзамен, в котором были вопросы, как по чувашскому языку, так и по чувашской литературе, начал проводиться с 2012 г. Результаты экзаменов учитываются вузами республики при приеме студентов на факультеты чувашской филологии. Знания по чувашскому языку у школьников 9 класса стали проверяться в 2008 г., и организация их шла на муниципальном (районном) уровне. С 2012 г. они приобрели республиканский статус. По данным аттестационных комиссий, отличные оценки в 2012 г. получили 17% школьников, хорошие – 57% и удовлетворительные – 26%. В справке, составленной специалистами Чувашского республиканского института образования, отмечены такие проблемы, характерные для части учащихся, как неумение правильно рассуждать по теме, отсутствие навыков связной речи, дефицит грамотности и другие (ГИА и ЕГЭ 2019). При этом следует отметить, что подобные замечания, хотя и с другими формулировками, с достаточно бóльшим основанием можно было бы написать и по итогам экзаменов по другим предметам.

Отношение к изучению чувашского языка и чувашской литературы в республике – неоднородно, особенно остро воспринимается ситуация с обязательным изучением чувашского языка. С 2000 г. авторы статьи участвуют в исследованиях, инициированных Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), а с 2013 г. и в работах, проводимых по плану Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем. В публикациях, вышедших по итогам таких исследований, значительное место занимают проблемы этнокультурного образования, ситуация с отдельными языками. Из работ последних лет отметим издания, посвященные межэтническим отношениям и этнокультурному образованию в регионах страны (*Тишков, Степанов* 2016), этнокультурному содержанию образования и российской идентичности в регионах ПФО (*Тишков, Воронцов, Степанов* 2017; *Мартынова* 2019), государственной национальной политике в России (*Степанов, Черных* 2018).

Кроме того, с 2009 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук в мониторинговом режиме отслеживает ситуацию с этнокультурным развитием и межнациональными отношениями в республике. За это время накоплен значительный материал, характеризующий в числе других и ситуацию с преподаванием чувашского языка в школе. Приведем материалы некоторых исследований. В 2010 г. в рамках изучения проблем этнокультурного образования одним из авторов данной

статьи был проведен опрос почти 150 родителей школьников, изучающих чувашский язык, в школах Чебоксар и Чебоксарского района, а также города Алатыря. Около двух третей родителей школьников столицы Чувашии и сельской местности, большинство населения которой составляли чуваши, поддержали наличие такого предмета в учебной программе, оставшаяся часть в этом вопросе оказалась скептиками, при этом их ожидаемо оказалось заметно больше среди чебоксарцев. В Алатыре отношение к преподаванию чувашского языка отмечено как нейтрально-отрицательное при положительно-нейтральном восприятии самого языка. Родители полагали, что в городе, в котором практически нет носителей чувашского языка, его изучение воспринимается как достаточно бессмысленное. Не было уверенности в том, что и в будущем их детям пригодится знание чувашского языка, в том числе и потому, что жизненные стратегии были связаны не с Чувашией, а с другими регионами страны. В целом, около 80% родителей были против изучения в школе чувашского языка, сторонников такого предмета насчитывалось 12%, остальные затруднились ответить (*Бойко* 2010). Такая позиция жителей Алатыря, Алатырского и Порецкого районов была ожидаемой, подобную реакцию можно было предположить заранее.

С расширением возможностей для высказывания в социальных сетях своих точек зрения на общественную жизнь проблема образования, в том числе изучение чувашского языка, стала одной из активно обсуждаемых. В ряде наших работ приводятся конкретные примеры жёстких оценок в адрес оппонентов как сторонников изучения чувашского языка в учебных заведениях, так и его противников (*Бойко, Харитонова* 2015, *Бойко, Долгова, Харитонова* 2018, *Бойко, Харитонова* 2018).

К сожалению, обострению ситуации в восприятии проблем этнокультурного образования способствовали безответственные или некомпетентные заявления некоторых политиков, представителей различных общественных движений. Например, в начале 2016 г. на сайте Общероссийского народного фронта было опубликовано заключение экспертной группы «Образование и культура как основы национальной идентичности». Активисты этого движения исследовали ситуацию с законодательным обеспечением преподавания русского языка в некоторых регионах страны и обнаружили, что в 9 из них школьники могут быть лишены возможности обучаться на русском языке, поскольку отсутствуют местные законодательные акты, закрепляющие эти гарантии. Они полагали, что ссылки на федеральные государственные образовательные стандарты, имеющиеся в местных законодательных актах, еще не дают таких гарантий. Чувашская Республика также попала в число этих девяти регионов. Эксперты полагали, что в них обычной практикой является обучение на местных языках, в то время как русский язык изучается как предмет. При этом отмечалось, иногда безосновательно, что школьники, обучающиеся в таких школах, имеют серьезные изъяны в знании русского языка (ОНФ выявил 2018; Школьники Чувашии 2019). Мы не ведем речь о всех девяти регионах, которые привлекли внимание активистов ОНФ. Вполне возможно, что в некоторых из них действительно имеются проблемы с преподаванием на русском языке, но применительно к Чувашии эти опасения являются совершенно беспочвенными. Об этом свидетельствуют материалы ЕГЭ по русскому языку, которые сдаются по единым для страны заданиям. Если судить по данным таблицы 1, то в Чувашии выпускники школ обладают неплохими знаниями русского языка.

Таблица 1

Итоги ЕГЭ по русскому языку в России и некоторых регионах[1]

	2015	2016	2017
Россия в целом	66,2	68,5	69,1
Башкирия	66,2	66,0	68,6
Татарстан	69,2	73,0	72,6
Нижегородская область	68,0	71,1	70,4
Чувашская Республика	69,7	73,9	68,9

Сравнение результатов этого экзамена по отдельным районам и городам республики с учетом этнического состава населения не дает оснований утверждать, что имеется корреляционная зависимость между этим показателем и баллами, получаемыми в ходе ЕГЭ. Речь в бóльшей степени идет о качестве преподавания, опыте и умении учителей и т.д. Иначе говоря, нельзя использовать во многом шаблонные подходы без учета ситуации в конкретных регионах. Как раз такие безосновательные оценки подпитывают этнические спекуляции.

Приведем пример еще одного исследования. Весной 2017 г. в Чувашии по программе Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем изучались проблемы этнокультурного образования, в ходе которых выявлялось и отношение к преподаванию родного (в нашем случае чувашского) языка. Всего было опрошено 300 студентов вузов и школьников, по 150 человек в каждой категории. Все студенты учились в Чебоксарах, среди школьников были как городские, так и сельские жители. Молодым людям среди прочих задавался вопрос об их проективном отношении к возможности изучать иностранные, русский и родные языки. Предполагались такие варианты ответов: стандартный вариант, углубленное или дополнительное изучение, обучение на нем, общее знакомство с языком (для русского – обучение в начальной школе), обучение без иностранного или родного языка. Если иметь в виду ответы на вопрос о родном языке, то отметим, что как среди школьников, так и студентов модальными оказались те из них, где речь шла о стандартном изучении языка – 46 и 43% соответственно. Углубленный вариант или же обучение на языке оказались предпочтительными практически для каждого десятого опрошенного из обеих категорий респондентов. Отказ от национального языка отмечен у 24% школьников и 17% студентов, а за общее знакомство с ним выступили 17 и 29% данных категорий участников опроса. Иначе говоря, достаточно критическое отношение выявлено свыше, чем у четырех из десяти молодых людей. Более положительный настрой к изучению чувашского языка проявляется в сельских населенных пунктах, где абсолютное большинство населения составляют чуваши, и в

[1] Составлено по: http://минобрнауки.рф/%D1%81/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/5802; http://www.ctege.info/ege-2016/srednie-ballyi-ege-2016.html; https://minobr.government-nnov.ru/?id=104878; http://cheboksari.bezformata.com/listnews/rezultati-ege-po-russkomu-yaziku/34005574/; https://kazanfirst.ru/articles/420088; https://vpr-ege.ru/ege/russkij-yazyk/104-srednij-ball-ege-po-russkomu-yazyku-2017-god.

школах, где обучение в начальных классах ведется на родном языке, а затем он изучается до 10 класса. Здесь 22% предпочли углубленный вариант изучения языка или же обучение на нем, а 58% – стандартный тип обучения. В то же время практически каждый пятый ученик заявил, что при изучении родного языка можно ограничиться только общим знакомством с ним или же совсем исключить из учебной программы. Конечно, следует учитывать, что у сельских школьников родители в абсолютном большинстве являются чувашами, и дети достаточно свободно владеют родным языком, по крайней мере, на разговорном уровне. Исходя из этого, часть из них считает, что таких знаний для будущего достаточна.

Мы не будем анализировать ответы на вопрос о проективном отношении к иностранным и русскому языкам, но в целом тенденция наблюдается следующая: в вузе у студентов сравнительно со школьниками происходит увеличение внимания к иностранным и русскому языкам, а интерес к чувашскому языку остается на таком же уровне, как в школе или же происходит снижение его значимости.

Трудности перехода к добровольному изучению родных языков

В целом, несмотря на все дискуссии, преподавание чувашского языка в течение двух с половиной десятилетий с небольшим во всех школах республики проводилось в обязательном порядке по описанной нами схеме. Изменения начались после высказывания В.В. Путина о соблюдении добровольности в изучении родных языков, прозвучавшего 20 июля 2017 г. на заседании Совета при Президенте России по межнациональным отношениям в г. Йошкар-Ола. К этому времени в Чувашии были зарегистрированы 444 общеобразовательные организации, в том числе 428 муниципальных и 16 государственных. В 227 школах преподавание в начальных классах велось на чувашском языке, в 16 – на татарском (мордовский (эрзя) язык изучался как предмет в 3 школах). В остальных 198 учебных заведениях школьники учились на русском языке. Во всех школах с русским языком обучения, а также в школах с татарским языком и мордовским (как предметом изучения), учащиеся 1–9 классов изучали чувашский язык как государственный, а в 10–11 классах – чувашскую литературу на русском языке.

С этого времени следует вести речь о новой ситуации в языковой политике в сфере общего образования. Необходимо прежде всего отметить, что переход к ней был далеко непростым. После утверждения 27 августа 2017 г. перечня поручений президента страны по итогам этого заседания (среди поручений были пункты об обеспечении прав граждан РФ на добровольное изучение родного языка [Перечень поручений 2019]) начался сбор заявлений, в которых указывались бы родные языки школьников. Но, по мнению некоторых родителей, администрация школ оказывала на них давление с тем, чтобы максимально оставить статус-кво, то есть не уменьшать число детей, изучающих чувашский язык. С другой стороны, были и родительские претензии о «навязывании» русского языка в качестве родного[1].

30 октября 2017 г. Минобразования Чувашии опубликовало разъяснение относительно изучения предметной области «Родной язык и литература». Исполнительный орган обращал внимание, что данный предмет включается в основную часть

[1] Комментарий опубликован на сайте ведомства. Доступ: http://pravdapfo.ru/news/87166-minobrazovaniya-chuvashii-razyasnilo (дата обращения: 19.04.2019).

учебного плана и изучается в обязательном порядке по всех общеобразовательных организациях. Преподавание других предметов вместо родного языка и литературы запрещается. В зависимости от выбора родителей дети будут делиться на 2 группы и изучать либо русский язык и литературу, либо чувашский язык и литературу. Также разъясняется, что граждане России имеют право на изучение родного языка из числа языков народов страны, но в пределах возможностей, которые дает система образования в порядке, установленном законодательством об образовании. В Чувашии существует реальная практика обучения в начальной школе на татарском языке, и она осталась в школах, расположенных в населенных пунктах, большинство населения которых составляли этнические татары. Хотя в документе министерства о татарском и мордовском языках ничего не говорится, ситуация с ними осталась прежней: первый являлся языком преподавания и изучения, второй – только изучения. В учебных планах имеется часть, которую формируют участники образовательного процесса (школа, педагоги, родители), и в нее могут быть включены предметы по выбору. В документе зафиксировано, что образовательная организация, соблюдая закон «О языках в Чувашской Республике», выбирает для изучения предмет «Государственный чувашский язык». Остальные участники образовательного процесса, к которым были причислены родители, вправе выбирать другие предметы. Формально можно предъявить претензии к правомочности такой трактовки, поскольку абсолютное большинство школьных учреждений республики являются муниципальными, а орган государственной власти, публикуя данное разъяснение, решил за школу и всех педагогов выбрать именно этот предмет.

Кроме того, не только у родителей, но и у самих педагогов появлялись вопросы по поводу содержания таких предметов, как *чувашский язык как родной* и *чувашский язык как государственный*. Собственно, такие же сомнения возникали и при выборе русского языка в обеих частях учебного плана. Возникали и возникают вопросы по их содержанию и согласованности при включении в учебные планы.

После того как 6 августа 2018 г. В.В. Путин подписал изменения в закон «Об образовании в Российской Федерации», началась дополнительная разъяснительная работа в школах по порядку выбора родных языков в качестве предмета в обязательной части учебного плана, а также других предметов – в вариативной части. Среди предлагаемых к выбору – чувашский и русский языки как государственные, культура родного края и другие предметы из обязательной части. Нельзя сказать, что все проходило беспроблемно, были жалобы на школьную администрацию, иногда родители полагали, что их принуждают к выбору чувашского, в других случаях – русского языка. Но в целом сохраняется спокойная ситуация.

В сентябре – октябре 2018 г. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук был проведен мониторинговый опрос населения республики по проблеме «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике». Было опрошено 602 человека от 18 лет и старше, состав которых соответствовал распределению всего населения по полу, возрасту, национальностям, на городских и сельских жителей. У половины респондентов (52%) в семье имелись школьники (дети, внуки, братья, сестры). По ответам этих участников обследования, 48% школьников выбрали для изучения русский язык, 47% – чувашский, 2% – татарский. Кроме того, 3% не смогли дать точный ответ. Оценки решения о внесении уточнений в российское законодательство об образовании представлены в таблице 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете решение о добровольном выборе изучения родных языков в школе?» (2018, %; можно было выбрать несколько ответов)

	Всего	В том числе	
		чуваши	русские
Это решение скажется отрицательно на сохранении и использовании чувашского языка	26,2	34,8	2,2
Это решение скажется отрицательно на сохранении и использовании татарского языка	1,8	1,0	–
Это решение скажется отрицательно на сохранении и использовании мордовского языка	1,8	1,8	–
Это решение скажется отрицательно на сохранении и использовании русского языка	3,3	2,6	2,9
Оно создает условия для лучшего знания русского языка	16,5	13,3	27,9
Оно ничего не изменит в изучении и знании родных языков	23,1	19,2	33,8
Оно негативно скажется на сохранении национальной, в первую очередь, чувашской культуры	16,6	23,3	2,2
Это решение может вызвать некоторое напряжение в межнациональных отношениях	7,0	6,9	3,7
Затрудняюсь ответить	26,6	25,8	30,1
Другое	1,7	1,8	0,7

Следует пояснить, что в таблице не приведены данные с ответами татар, мордвы и представителей других национальностей в связи с их малочисленностью в выборке, и это следует учитывать при анализе цифровых показателей. Из представленных данных явствует, что у чувашей и русских зафиксирован различный уровень озабоченности принятым решением о добровольности в изучении родных языков. Понятно, что у первых налицо серьезная обеспокоенность по поводу сохранения как чувашского языка, так и чувашской культуры. Довольно значительна категория лиц, полагающих, что мало что изменится в изучении и знании родных языков. Подобное распределение ответов показывает устоявшееся отношение населения к изучению родных языков как к делу государственному, при этом роль и место семьи, общественных организаций представляются второстепенными. Подобные этатистские настроения вполне закономерны и ожидаемы. Тем более что в 2018/2019 учебном году, по сравнению с предыдущим учебным годом, сократилась доля школьников, изучавших в качестве родного и в качестве государственного чувашский язык.

По данным Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики в 2018/2019 учебном году количество общеобразовательных организаций

в республике за один год сократилось с 444 до 435. Число школ, в которых обучение в начальных классах велось на чувашском языке, уменьшилось на 4 и равнялось 223. Кроме того, в 15 школах обучение велось на татарском языке (мордовский язык изучался в двух школах). В оставшихся 197 учреждениях образования занятия велись на русском языке. Если до 2017 г. практически все школьники изучали чувашский язык, то теперь их доля снизилась. При этом не только в одной школе, но и в одном классе учатся дети, которые посещают разные занятия по родному и государственному языкам. Данные о долях учащихся с разными языками изучения приведены в таблице 3.

Таблица 3

Выбор школьниками Чувашии родных, государственных языков обучения других учебных предметов (%)

	2017/2018 учебный год	**2018/2019 учебный год**
Родные языки (обязательная часть учебного плана)		
Чувашский	84,1%	54,9%
Русский	14,2%	43,5%
Татарский	1,6%	1,5%
Мордовский	0,1%	0,1%
Государственный и родные языки и другие учебные предметы (вариативная часть учебного плана)		
Государственный (чувашский)	55,1%	36,6%
Родной (русский, татарский, мордовский)	8,2%	4,5%
Культура родного края	3,7%	27,4%
Предметы из обязательной части	33,0%	31,5%

Доля школьников, изучающих чувашский язык как родной, за один учебный год почти на 30 процентных пунктов снизилась. Произошло увеличение удельного веса учеников с изучением русского языка в качестве родного. Приведенные цифры вполне соотносятся с данными социологического опроса населения Чувашии, о котором речь шла выше. Можно предположить, что в начале 2017/2018 учебного года сыграла свою роль заинтересованность органов управления образованием на республиканском, муниципальном и школьном уровнях в сохранении в учебных заведениях чувашского языка. Через год, после дискуссий и обсуждений этой ситуации, произошли перемены.

На наш взгляд, приведенные цифры свидетельствуют о достаточно благополучном положении дел с преподаванием родных языков. Доля школьников, изучающих в качестве родного чувашский язык, ненамного уступает доле чувашей в составе всего населения республики (около 67%). Сейчас важно вести активную пропагандистскую работу, привлекать родителей и их детей новыми и эффективными методами обучения, развивать творческие способности учеников. Стали традиционными международная и межрегиональная олимпиады по чувашскому языку, литературе, истории и культуре родного края, региональные этапы олимпиад по татарскому языку и литературе, по мордовскому языку и литературе, Всечувашский диктант, Всечувашская интернет-олимпиада, конкурсы-фестивали «Янра, чăваш сăмахĕ!» («Звучи, чувашское слово!»), «Туслăх хĕлхемĕ» («Искра дружбы»), «Хунав» («Росток»), «Хавхалану» («Вдохновение»), республиканский конкурс сочинений «Тăван кил ăшши –атте-анне ăшши» («Тепло родного дома – родительское тепло»), конкурс ораторского мастерства «Мой родной язык», межрегиональная научно-практическая конференция и чтения на языках народов Российской Федерации. В проведенных мероприятиях ежегодно принимают участие около 15 тыс. школьников[1].

Сокращение объемов преподавания чувашского языка ставит перед школьными администрациями и органами управления образованием сложные задачи по сохранению квалифицированных кадров учителей, по их трудоустройству в случае значительного количества изучающих чувашский язык. С этой целью с 2017 г. ведется их переподготовка для расширения возможностей в преподавании других предметов (русский язык, начальные классы и др.). В вузах, ведущих подготовку преподавателей, предпринимается корректировка образовательных программ. Учителя родного языка, подготовившие победителей международной, межрегиональной олимпиад школьников по чувашскому языку и литературе, по татарскому языку и литературе, мордовскому языку и литературе, поощряются Главой Чувашской Республики денежной премией в размере 100 тыс. рублей. За подготовку призеров таких олимпиад учителям вручается премия в размере 50 тыс. рублей. В 2017–2018 г. такое поощрение получили 37 учителей.

Учителя чувашского языка о проблемах его изучения и сохранения

В меняющейся ситуации в этнокультурном образовании в непростом положении оказались учителя чувашского языка. В апреле 2019 г. авторами статьи были проведены с ними две фокус-группы. В первой участвовали 10 учителей сельских школ, в которых абсолютное большинство учащихся составляли чуваши, во второй – 7 преподавателей чебоксарских учебных заведений, этнический состав школьников в которых разнообразен, но преобладают чуваши и русские. Учителя в ходе нашей беседы говорили как на русском, так и на чувашском языках, в большей степени – на последнем[2].

1. Место учителей чувашского языка в социальном пространстве

Проблем в школе с профессиональным и социальным самочувствием у учителей чувашского языка, с их слов, до 2017 г., можно сказать, не было. Лишь одна сель-

[1] Из справки Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, предоставленной авторам.

[2] Расшифровка аудиозаписей и перевод с чувашского языка на русский осуществлены А.П. Долговой.

ская учительница отметила, что еще в 2004 г. в связи с отменой итогового экзамена по чувашскому языку (об этом см. выше) в их школе, *когда Федоров сказал* (в 2004 г. президент Чувашской Республики. – *Авт.*), *даже в учительских рядах (среди остальных предметников) пошли разговоры: «Ой, зачем нужен этот чувашский?». Они стали считать себя выше меня*[1]. Но в целом такие настроения не наблюдались.

Одна из учительниц городской школы отметила внимание и уважение к себе и коллегам: *Мне кажется, что до лета 2017 г. мы, учителя чувашского, по сравнению с другими предметниками, если можно так сказать, чувствовали себя на одну ступеньку выше, потому что на любое мероприятие, на все олимпиады, конкурсы отправляли нас. Нас администрация школ всегда ставила в пример: мы поднимали честь школ, работали на ее авторитет. Мы и сейчас стараемся не спускать планку требований к себе.* Другая городская учительница также говорила об активности учителей чувашского языка: *Скажу об отношении к учителю чувашского языка со стороны администраций школ. В конкурсах, проводящихся в Чувашской Республике, наши городские учителя чувашского языка участвовали очень активно, практически во всех, никогда не отказываемся. Таким образом, мы поднимаем свой статус. При любых запросах со стороны у учителя чувашского самый большой список участия в конкурсах. Нас же отправляют на совершенно разные конкурсы – хоть патриотические, хоть экологические – практически любые. И на сегодняшний день учитель чувашского, с какой стороны ни посмотри, – универсал*.

После того как правительство страны инициировало вопрос о добровольности в изучении в регионах нерусских языков, первым шагом стал сбор заявлений родителей о выборе языков для изучения в качестве родного (и государственного) их детьми. Из-за недопонимания цели таких мероприятий в школах пошли организационные проблемы с написанием этих заявлений. Появился повод задуматься о целесообразности изучения чувашского языка в школе. *Пока не было заявлений – вопросов не возникало. Заявление само по себе заставило задуматься. Когда потребовали заявления, я, например, как мать тоже писала: заявление – это уже повод задуматься. До этого без слов – надо было изучать. А тут где-то в глубине возникло сомнение: «Нужен язык или не нужен?» И как начали писать заявления, взгляды родителей несколько изменились. Раньше такого и в мыслях не было*.

После 2017 г. некоторые перемены ощущаются не только в отношении языка, но и в отношении учителей. Об этом говорила преподавательница из Чебоксар: *Пока мы, учителя, еще не очень ощущаем, что на нас смотрят иначе, чем раньше. Хотя в последние полтора-два года уже что-то есть. Но через год-два уже всё изменится, если ситуация сохранится в таком виде. И дети на обучение чувашскому языку будут смотреть по-другому, и родители…*

2. Организация перевода изучения родных языков на добровольную основу

Перед началом 2017/2018 учебного года все участники учебного процесса оказались в нелегком положении, в основном из-за недостаточности разъяснительной работы. Но ситуация вполне объяснима, поскольку не только в школах, но и в управлениях образования городов и районов, и в Минобразовании Чувашии не были сформированы четкие позиции по всем содержательным и организационным вопросам. Как отметила учительница из чебоксарской школы, *первое полугодие*

[1] Примеры высказываний учителей приводим без редактирования, курсивом, без кавычек.

2017/2018 учебного года для нас всех выдалось очень сложное. Мы все были в напряжении, творился какой-то хаос. То одно заявление писали, собрали, потом оказалось, другое надо. Классные руководители были очень раздражены этой ситуацией, недовольно смотрели на нас. Мы пытались объяснить, что не мы виноваты, мы и сами страдаем от этого. Потом ситуация немного устоялась. Вроде теперь уже как-то вошло в какое-то русло, но все равно возникают вопросы. Такими же проблемами поделилась и одна из сельских учительниц. Она, во-первых, отметила, что не было понимания причин написания самих заявлений: *Зачем в чувашских школах писать это заявление? В нашей школе такое было: «Для чего это надо?» Родители поначалу вообще отказывались писать какие-либо заявления, возмущаясь тем, что в чувашском селе приходится писать заявления об обучении их детей чувашскому языку; и писать только по поводу чувашского языка, хотя по другим предметам, в том числе по языковым, не писали. «Зачем, если наш район чувашский, если мы живем в Чувашии?»* Во-вторых, возникли сложности по правильному оформлению текста заявления, при этом мало кто знал, как это надо сделать: *Еще заявление заставили писать 3-4 раза, то такое слово меняют, то другое. Каждый раз писали заново. В конце концов, я уже сама как классный руководитель запуталась: какое из заявлений правильное, какое – нет. Один раз родители подписали заявление с согласием. А там – опять письмо из министерства, говорят, надо предварительно провести собрание родителей...*

Одна из городских учительниц отметила, что поскольку в начале 2017/2018 учебного года все надо было делать очень быстро, то есть выбирать родные языки, то учителя чувашского языка не успели или не сумели хорошо «поработать» с родителями. По ее мнению, можно было практически всех родителей убедить выбрать для обучения родной чувашский язык. Многие не представляли, что за предмет «родной русский язык» и нередко побудителем такого выбора была перспектива экзаменов ОГЭ и ЕГЭ, по русскому языку обязательные для всех.

С началом 2018/2019 учебного года надо было заново писать заявления, указывать родной, государственный языки. Появилась определенная ясность, но не во всем и не всегда. Три человека из десяти сельских учителей, отметили, что «или не совсем ясно, или ничего не ясно». Городские учителя сошлись во мнении, что сейчас вроде бы все наладилось. Но все равно постоянно возникают разные вопросы. Например, в некоторых сельских школах чувашский язык как государственный преподается, в некоторых – нет. При этом в отдельных школах оценки за ответы на уроках государственного чувашского языка не ставят, в других – ставят, поскольку, по мнению преподавателей, без оценок нет стимула, и это расхолаживает учеников. На уроках чувашского как родного оценки ставят.

Имеются проблемы с организацией уроков по родному русскому языку, и связаны они не только с тем, что нет соответствующих программ, существуют и трудности с распределением часов между преподавателями. Поскольку часть учеников перестала изучать чувашский язык, то у учителей сократилась нагрузка. В школах, чтобы поддержать коллег, передали им часы родного русского. Учительница из села рассказывает о своем опыте: *В восьмом классе у меня почти все родители написали заявление на родной чувашский, трое – на родной русский. В этом классе два урока родного в неделю. На одном я занимаюсь с большинством класса родным чувашским, в то же время в том же кабинете с тремя – родным русским.* (На уточняю-

щий вопрос о том, разве русскому языку не учитель русского должен учить, ответ был следующим: *«Получается, что учу я»). Мы занимаемся в основном развитием речи: сочинения пишем и т.д. Второй урок в неделю у учеников этого класса – у всех родной чувашский. В понедельник на одной стороне кабинета дети учат родной чувашской, на другой стороне этого же кабинета – троих учеников учу родному русскому. А в пятницу те же дети все учат родной чувашский. Я же говорю, я сама еще до конца не разобралась, что это получается? Получается, занимаюсь я в этом классе по двум программам, даже по трем; и в электронном журнале оформлены как три предмета.* Подобная ситуация встречается и в городских школах, о чем свидетельствует следующий рассказ: *Если взять нашу школу, то где-то 50% выбрали родной (чувашский) язык, 50 % – родной русский язык. Вот на сегодняшний день мы так работаем. А для родного русского учебников нет, нет учебников и для родной русской литературы. Таким образом, учителя чувашского языка сегодня оказались в очень сложной ситуации. Потому что они параллельно (с родным чувашским языком) преподают родной русский язык, кроме того у них еще несколько разных предметов: и культура родного края, и «Мой родной город». Мы осваиваем новые дисциплины, можно сказать, учимся параллельно с детьми. В то же время отмечу, что параллельное преподавание родного чувашского языка и родного русского языка дало мне возможность прийти к сравнительным материалам двух языков и использовать их в своей работе.*

3. О чувашском языке в семье, детских садах и школе

Практически для всех учителей болезненным был вопрос об использовании чувашского языка в семьях, детских садах. По их мнению, язык постепенно уходит из общения, уступая место русскому. Приведем мнение сельских учителей, работающих в селах и деревнях, население которых в абсолютном большинстве составляют чуваши. Например, такое: *Есть такие родители, которые учат своих детей только русскому языку, хотя у них самих родной язык – чувашский. У нас теперь есть такие семьи, дети из которых изучают чувашский как иностранный язык. Между собой родители говорят на чувашском, а с детьми – только на русском.* Другая учительница подтверждает: *Сейчас в селах таких много становится.* Еще один пример: *Родители моих учеников – мои бывшие ученики. Им сейчас по 25–30 лет. Они даже между собой говорят на русском языке.* (Уточнение: а с Вами?) *Со мной – на чувашском. А когда я говорю: «Почему с ребенком на чувашском не говоришь? Знание чувашского тоже пригодится же..» – получаю ответ: «Да говорю я, говорю. Но ведь все остальные с детьми говорят только по-русски. И мне приходится также…»*

Учителя сетовали, что и в детских садах на селе общение проходит в основном на русском языке: *В детских садах – только русский язык. Я удивляюсь – родители чуваши, дедушки-бабушки – чуваши, а в садике с детьми говорят только на русском. Была такая история. Пригласила меня к себе в класс учительница начальных классов. Сидят дети. На доске картинки. Учительница спрашивает по-чувашски: «Что это? Скажите по-чувашски». Дети отвечают по-русски: «Береза». Они не знают этого слова (по-чувашски). Вот до чего дожили. Раньше же такого не было*. Но все-таки, по мнению большинства учителей, дело не в садике, а в семье, например: *У меня в школе, я точно знаю, что нынче последний раз сдает 9-й класс ОГЭ (экзамен) по чувашскому. Потому что дальше – всё: дети, чувашские дети, идут в*

школу русскоязычными. Навряд ли они потом выберут ОГЭ по чувашскому языку. Мы говорим, из садика идут такие. Не из садика, а из дома. Проблема идет из дома, от родителей идет. В садике их уже не переделаешь.

Конечно, многие говорят, что ситуация непростая, очень большое влияние оказывает отсутствие работы на селе, поэтому молодежь вынуждена уезжать не только в Чебоксары и другие города республики, но и за ее пределы. Многие ее представители считают, что чувашский язык им в будущем не пригодится. Одна из сельских учительниц констатировала: *Чувашский язык прежде всего живет на селе, значит, нам нужны сельские жители, надо, чтобы село жило, сельское хозяйство развивалось. Если в экономике что-то не изменится – улучшения не будет и в вопросе с чувашским языком*.

Учителя полагают, что школе уже трудно исправить ситуацию с таким отношением к чувашскому языку. Мнение сельской учительницы: *А ведь сейчас чувашский язык (постепенно) уходит из чувашских школ. В начальных классах начали учить математику на русском языке, природоведение (естествознание) тоже. Остается один единственный предмет, преподаваемый на чувашском языке, – чувашский язык*. В городской гимназии ситуация также сложная: *В нашей школе начальных классов нет. Дети поступают в 5-й класс. И до лета 2017 г. в нашей школе были недовольные ученики и родители, говорившие: «Зачем нам чувашский язык?» Нам родители не говорили такого, говорили ученики, мол, мы всё равно после школы в Москву поступим и т.д. Сейчас уже таких практически не осталось, но только потому, что выбравших для изучения родной чувашский очень-очень мало, поэтому возражать против чувашского языка просто некому*.

Об эффективности изучения чувашского языка высказывались различные точки зрения. Преподаватель городской школы считает, что хотя дети осваивали пусть и минимум знаний, в целом к ним пришло какое-то понимание чувашской речи, но трудности начали накапливаться еще до 2017 г.: *Вначале, когда уже всё было налажено, родители привыкли к наличию уроков чувашского. Тогда необходимый уровень знаний осваивало большинство детей и из чувашеязычных, и из русскоязычных семей. Процесс шел постепенный, но потихоньку затихли разговоры о ненужности, дети начали учить, могли вести простые разговоры на те или иные темы. Но затем начали говорить, что домой задание давать нельзя, если давать, то поменьше, с детей слишком (считайте – ничего) требовать нельзя (это же началось намного раньше – еще до 2017 года)… А ведь если не требовать заучивать слова, то дети говорить не научатся. Иностранные языки мы как учим? Заучиваем наизусть слова, фразы, правила их составления; читаем, переводим. А без требования всего этого – как же? Так со временем, на мой взгляд, пошли дети, которые уже выходили из школ с очень низким уровнем знания чувашского.*

4. О перспективах чувашского языка, судьбе самих учителей

Что делать, чтобы ситуация с изучением чувашского языка хотя бы не ухудшалась? На собственные силы, на администрацию школ учителя надеются мало, несмотря на разговоры о роли семьи, о том, что решение проблемы во многом зависит и от родителей. Все-таки преобладают надежды на то, что государство директивными методами «наведет порядок». Вот мнение учительницы из села: *Сделать бы обязательным экзамен по чувашскому языку, тогда и в начальных классах начали бы хорошо учить чу-*

вашский язык. А ведь раньше даже те, кто успевал только на тройки, по чувашскому экзамен сдавали хорошо. Двоек тогда не было. Главное, чтобы была воля и принуждение со стороны государства, а мнение родителей можно и не учитывать: *Если наверху, среди руководителей, в правительстве решат и строго укажут, что нам наравне с другими языками, с другими предметами выделят по два часа языка, по два часа литературы в неделю, и если учителю дадут возможность без всяких условий преподавать во время этих уроков. Если учитель работает, если его ученики без разговоров сдают экзамены – зачем нужно учитывать мнение родителей? Мне бы хотелось, чтобы это было твердо сказано сверху (как в ситуации с другими языками – русским, иностранными). Тогда мы, учителя, будем работать ничем не хуже других.* И еще одно мнение сельской учительницы: *Вы правы, надо обратиться к правительству, если там укажут, пусть родители что угодно думают. Мы же, учителя чувашского языка, стараемся детей учить (и воспитать) правильно, связываем свой предмет с жизнью (с практикой). Дети слушают учителя, а родители же тоже к детям прислушиваются. Вот я была очень рада, когда один из учеников рассказал, что он дома обратился к родителям: «Давайте говорить на чувашском» (они в семье на русском говорят). Я все-таки надеюсь на улучшение положения*.

Наконец, вопрос о судьбе учителей чувашского языка. Какие они видят перспективы, что предполагают предпринимать? Об этом также шел разговор во время проведения фокус-групп. Вопрос, естественно, оказался весьма болезненным. «Очень переживаем», «если язык не нужен, то кому мы нужны»? Откровения учительницы из села: *Я, думая об этом, уже ночами не сплю, честно говоря. Например, если в обязательном порядке введут пятидневку, то понятно, что возникнет вопрос о сокращении уроков чувашского. Я об этом начала думать уже давно, про себя размышляю. Потому что сейчас надо решить вопрос о переходе на другие предметы или о другой профессии… В голове всё время крутиться этот вопрос. А куда деться? Часов всё меньше и меньше у всех. А ведь и нам надо жить. По-моему, у всех эти мысли возникают. Очень тревожные для нас.*

Выше мы отмечали, что в вузах республики, республиканском институте образования принимаются меры по расширению профессиональных возможностей учителей, они учатся на курсах, изучая другие предметы, многие этим занялись. В то же время налицо и сомнения: *Ну, села я, изучила географию за пять или три месяца, разве я стану преподавателем географии? У меня по этому поводу столько вопросов. Неужели за три-четыре месяцев можно получить диплом учителя географии?* Еще одно мнение: *Я, например, думала, брала грех на душу. Если учителя русского уйдут на пенсию, а у нас сейчас два чувашеведа, другой учитель является завучем и ведет четыре часа уроков чувашского в неделю, остальные пока мои. А если уроки сократят, может, мне на русский язык перейти? Я уже думаю об этом второй год*. Конечно, для людей, много лет проработавших в школах, перемены в условиях преподавания родных языков явились трудным испытанием. Абсолютное большинство учителей, организаторов образования, оказались к ним не готовы.

Некоторые выводы

На наш взгляд, достижения и проблемы языковой политики в России нашли достаточно полное отражение в Чувашской Республике. Во-первых, следует отметить,

что чувашский язык и как язык преподавания, и как предмет изучения с первых лет советской власти начал активно внедряться в систему образования республики, в первую очередь, в ее школьное звено, включая уровень неполной средней школы. Реформа конца 1950-х – начала 1960-х гг. оценивается исследователями неоднозначно, нередко ее проведение и итоги рассматриваются с точки зрения политической публицистики, без комплексного анализа экономических, социальных и культурных задач, стоящих перед обществом. Время этнического романтизма породило иллюзии «возрождения», в том числе с позиций расширения социальных функций чувашского языка. Основания для такой позиции имеются, но аргументация и реальные действия лидеров чувашского национального движения, политических и государственных деятелей того времени нередко не соответствовали всей сложности взаимодействия экономики, культуры, социальной сферы республики в российском общественном пространстве, не учитывали роли и места, который занимал и занимает в жизни общества и государства русский язык.

Реализация Закона «О языках в Чувашской Республике», принятого в 1990 г., с одной стороны, привела к расширению использования чувашского языка, он стал практически обыденным в общественном пространстве, его носители, в том числе молодежь, перестали стесняться вести диалоги на родном языке, что было характерно для предыдущих периодов. Но такой вывод не может быть сделан для оценки использования чувашского языка в общественно-политической, управленческой, экономической, научной, образовательной и других сферах, где внедрение языка шло затруднительно. В то же время императивный характер закона в отношении изучения языка во всех учебных заведениях республики породил непонимание и недовольство не только со стороны русскоязычного населения республики, но и части этнических чувашей, проживающих, в первую очередь, в городской местности.

Дискуссии в социальных сетях отличаются достаточно высоким уровнем напряжения. Нельзя не согласиться с Э. Алосом-и-Фонтом, утверждающим, что «желаемое многоязычие оказывается только односторонним: в действительности заметна забота о двуязычии для людей с чувашским как родным, но не для русскоговорящего населения» (*Алос-и-Фонт* 2015: 206). Стоит добавить к этому еще следующее: забота о двуязычии заметна со стороны даже не всего чувашеговорящего населения. Иначе говоря, эксперимент по внедрению чувашского языка в общественную и обыденную жизнь всего населения республики с опорой в основном на государственную власть оказался удачным только отчасти.

Переход к добровольному изучению родных языков в 2017–2019 гг. характеризуется организационными и содержательными трудностями, которые постепенно преодолеваются. Значительная часть чувашской интеллигенции, в первую очередь, работники образования, культуры, СМИ и др. высказывают недовольство принятыми постановлениями, полагают, что чувашский язык ожидает незавидная участь. Так же думают учителя чувашского языка – участники фокус-группы. По их мнению, исправить ситуацию может возврат к обязательному изучению чувашского языка, при этом речь идет о подходах к проблеме на государственном уровне. Место и роль общественных организаций, семьи не считаются такими же важными для сохранения языка.

Источники и материалы

ГИА и ЕРЭ 2019 – ГИА и ЕРЭ по чувашскому языку и литературе: опыт, проблемы, пути

решения. Доступ: http://gov.cap.ru/Spec/sitemap.aspx?id=1600368&gov_id=121- (дата обращения: 19.04.2019).

Закон ЧР 2014 – Закон Чувашской Республики от 27 марта 2014 г. № 18 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Чувашской Республики». Доступ: http://docs.cntd.ru/document/411709388 (дата обращения: 19.04.2019).

Минобразования Чувашии 2019 –Минобразования Чувашии разъясняет. Об изучении предмета «Родной язык и литература». Доступ: http://gov.cap.ru/Info.aspx?id=3696172&gov_id=49 (дата обращения: 19.04.2019).

ОНФ выявил 2018 – ОНФ выявил, что в девяти регионах РФ школьники могут быть лишены возможности получать образование на русском языке *// Общероссийский народный фронт:* официальный сайт. Доступ: http://onf.ru/2016/02/18/onf-vyyavil-chto-v-devyati-regionah-rf-shkolniki-mogut-byt-lisheny-vozmozhnosti-poluchat/ (дата обращения: 19.04.2019).

Перечень поручений 2019 – Перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт Президента России. Доступ: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55464 (дата обращения: 19.04.2019).

Школьники Чувашии 2019 – Школьники Чувашии могут быть лишены образования на русском языке. Доступ: http://pravdapfo.ru/news/78118-shkolniki-chuvashii-mogut-byt-lisheny (дата обращения: 19.04.2019).

Научная литература

Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике. Чебоксары, 2015. 324 с.

Бойко И.И. Проблемы равенства языковых прав в образовании // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. Вып. 1 / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2010. С. 127–136.

Бойко И.И., Харитонова В.Г. Чувашская Республика. Межэтнические отношения и языковые проблемы // Этнопанорама. 2015. № 3-4. С. 173–176.

Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г. Чувашская Республика // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2017 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2018. С. 173–176.

Бойко И.И., Харитонова В.Г. Чувашская Республика // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года. М., 2018. С. 140–144.

Дегтярёв Г.А. Язык современного чувашского социума: основные тенденции развития // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 107–126.

Иванов В.П. Современная этнополитическая ситуация в Чувашской Республике и проблемы ее оптимизации. Чебоксары, 1999. 78 с.

Мартынова М.Ю. Родной язык и школа. Взгляд антрополога // «Вестник антропологии», 2019, № 2. С. 164-177.

Степанов В.В., Черных А.В. (под ред.) Государственная национальная политика России: экспертное мнение. М.: ИЭА РАН, EAWARN, 2018. 380 с.

Тишков В.А, Степанов В.В. (под ред.) Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / ИЭА РАН, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем, Российский государственный гуманитарный университет. М., 2016. 297 с.

Тишков В.А., Воронцов В.С., Степанов В.В. (под ред.) Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад. М.; Оренбург; Ижевск, 2017. 158 с.

Филиппов В.Р. Чувашия девяностых: этнополитический очерк. М., 2001. 250 с.

Хузангай А.П. Проблемы языкового существования чувашского этноса и перспективы язы-

ковой политики // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 88–106.

References

Alos-i-Font, E. 2015. *Issledovanie yazykovoi situatsii v Chuvashkoi Respublike* [Study of the language situation in the Chuvash Republic]. Cheboksary.

Boiko, I.I. 2010. Problemy ravenstva yazykovykh prav v obrazovanii [Problems of equality of language rights in education]. *Etnokul'turnoe obrazovanie. Metody sotsial'noi orientatsii rossiiskoi shkoly*. [Ethnocultural education. Methods of social orientation of the Russian school], Vol. 1: 127–136. Moscow.

Boiko, I.I. and Kharitonova, V.G. 2015. Chuvashskaya Respublika. Mezhetnicheskie otnosheniya i yazykovye problemy [Chuvash Republic. Inter-ethnic relations and language problems]. *Etnopanorama* 3–4: 173–176.

Boiko, I.I., Dolgova, A.P. and Kharitonova, V.G. 2018. Chuvashskaya Respublika [Chuvash Republic]. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2017 godu. Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring states in 2017. Annual report of the Ethnological Monitoring and Conflict Early Warning Network], 173–176. Moscow.

Boiko, I.I. and Kharitonova, V.G. 2018. Chuvashskaya Respublika [Chuvash Republic]. *Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad za pervoe polugodie 2018 goda* [Interethnic relations and the religious situation in the Volga Federal District. Expert report for the first half of 2018]. Moscow. Pp. 140–144.

Degtyarev, G.A. 1999. Yazyk sovremennogo chuvashskogo sotsiuma: osnovnye tendentsii razvitiya [The language of modern Chuvash society: the main development trends]. *Problemy natsional'nogo v razvitii chuvashskogo naroda* [Problems of the national in the development of the Chuvash people. Cheboksary]. Cheboksary. Pp. 107–126.

Filippov, V.R. 2001. *Chuvashiya devyanostykh: etnopoliticheskii ocherk* [Chuvashia of the nineties: ethnopolitical essay]. Moscow.

Ivanov, V.P. 1999. *Sovremennaya etnopoliticheskaya situatsiya v Chuvashskoi Respublike i problemy ee optimizatsii* [The current ethno-political situation in the Chuvash Republic and the problems of its optimization]. Cheboksary.

Khuzangai, A.P. Problemy yazykovogo sushchestvovaniya chuvashskogo etnosa i perspektivy yazykovoi politiki [The problem of the language of the existence of the Chuvash ethnos and prospects of language policy]. In *Problemy natsional'nogo v razvitii chuvashskogo naroda* [Problems of the national in the development of the Chuvash people]. Cheboksary. Pp. 88–106.

Martynova, M.Yu. 2019. Rodnoy yazyik i shkola. Vzglyad antropologa [Native Language and School. Anthropologist's view]. Herald of Anthropology 2 (46): 164–177

Tishkov, V. and V. Stepanov (eds.). 2016. *Mezhetnicheskie otnosheniya i etnokul'turnoe obrazovanie v regionakh Rossii* [Interethnic relations and ethno-cultural education in the regions of Russia]. Moscow.

Tishkov, V.A., V.S., Vorontsov, and V.V. Stepanov (eds.). 2017. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civil consent in the Volga Federal district]. Orenburg; Izhevsk.

Stepanov, V.V. and A.V. Chernykh, 2018. *Gosudarstvennaya natsional'naya politika Rossii: ekspertnoe mnenie* [State national policy of Russia: expert opinion]. Moscow.

Boyko, Ivan I., Alevtina P. Dolgova, and Valentina G. Kharitonova. **Implementation of Language Policy in School Education of the Chuvash Republic (late 1980s– 2019)**

The article discusses some of the problems of language policy in the Chuvash Republic. Attention is paid to the Chuvash language teaching in educational institutions after the adoption of republican legislation on languages in 1990. This process was not simple, it was accompanied by a lack of understanding of the necessity of studying the Chuvash language in the regions of the republic where Russian population predomiates over the Chuvash one. For more than a quarter of a century, considerable experience has been gained in the organization and methods of teaching the Chuvash language, and despite the fact that it has barely become more widely spoken, it has become more familiar at the domestic and public levels. The transition to the voluntary learning of native languages began in the second half of 2017 and was accompanied by organizational difficulties. The article also gives opinions of the Chuvash language teachers on the problems of its teaching and usage in the family and social environment

Key words: *Chuvash language, language policy, teaching of native languages at school, Russian-speaking population, sociological polls*

УДК 39+28.7+ 394.014+316.48
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/76-87

© О.В. Шиян

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЮ: ОПЫТ ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ

В статье проведен анализ некоторых проблем, типичных для трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию. Автором представлены полевые материалы, собранные методом включенного наблюдения летом 2018 г. Проделав путь совместно с несколькими группами трудовых мигрантов, которые различными способами – при содействии государства или неформальным образом – добирались из стран Центральной Азии в Россию, исследовательница имела возможность увидеть проблемы и трудности, с которыми сталкиваются мигранты в пути следования из страны проживания к месту назначения, наблюдать сложности, возникающие на начальной стадии поиска работы

Ключевые слова: *трудовые мигранты, миграция, коррупция, агентства по трудоустройству, Центральная Азия, Россия, включенное наблюдение*

По данным Организации Объединенных наций, в последнее десятилетие количество международных мигрантов стремительно увеличивается и насчитывает на начало 2019 г. 272 млн. чел. (Известия 2019; Доклад Генсека ООН 2017). В структуре мирового населения мигранты составляют 3,5%. Миграционные потоки различаются по своим целям. Желающие остаться на определенное время мигранты, как правило, указывают в качестве причины въезда в страну переселение, репатриацию, обучение в высших учебных заведениях или работу.

Российская Федерация по числу принятых мигрантов в настоящее время входит в пятерку стран-лидеров (*Гусенко* 2019). По различным оценкам ежегодно границы России пересекают от 10 до 15 млн. чел., что составляет от 5% до 20% трудового населения страны. Иностранные рабочие формируют до 7% ВВП (*Гузь* 2007: 4). Основная доля мигрантов приходится на выходцев из Центральной Азии, Закавказья, Украины, Молдавии и Беларуси. В последние годы наблюдается рост трудовой миграции в Россию из стран Центральной Азии – Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана (the World only 2018). Причины этого явления по оценкам экспертов имеют комплексный характер: от нехватки рабочих кадров в России, высокого уровня безработицы и рождаемости в странах – донорах рабочей силы до готовности иностранцев работать нелегально за более низкую оплату труда.

Проблемы положения мигрантов находятся в фокусе исследований не только международных организаций, но и научного сообщества. Многочисленные труды российских и зарубежных авторов посвящены анализу мотивов переезда, причин

Шиян Ольга Владимировна – исполнительный директор ОФ «Transparency Kazakhstan» (Казахстан, Алматы, ул. Жамбыла), аспирантка Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Эл. почта: olga.shcijan@gmail.com. **Olga V. Shiyan** – Executive Director of PF “Transparency Kazakhstan” (Kazakhstan, Almaty, Zhambyl St.). E-mail: olga.shcijan@gmail.com

нарушений прав мигрантов в стране нахождения, сложностям их адаптации в местном сообществе и взаимодействию с населением (*Гузь* 2007: 40). Зачастую авторы опираются на полевые исследования, проводившиеся в местах оседания трудовых мигрантов (*Казмеркевич и др.* 2017). Сложностям, с которыми сталкиваются мигранты на пути следования к стране назначения, уделяется недостаточно внимания как в научном плане, так и на уровне международной кооперации. Между тем, всплеск миграции беженцев из Северной Африки, трудовых мигрантов из Латинской Америки и Центральной Азии сопровождается рядом проблем, угрожающих здоровью и безопасности этих людей. Способствуют тому в т.ч. и отсутствие региональных сетей пассажироперевозок, отвечающих фактическому спросу, коррупция и преступность на границах государств и по транзитным маршрутам мигрантов. Так, коррумпированная система выдачи патентов на пассажирские перевозки в Казахстане вместе с запретом на проезд по стране иностранных автобусов, не соответствующих стандарту Евро-4, стали причиной гибели 52 граждан Узбекистана, ехавших в Россию на технически неисправном автобусе в январе 2018 г. по трассе Шымкент-Самара (*Азаттык* 2018). В Актюбинской области автобус попал в буран и заглох. Водители автобуса вместо вызова служб спасения стали отогревать салон с помощью паяльной лампы, где из-за случайно разлитого из полной канистры бензина, произошел пожар. Полгода спустя такой же пожар произошел в автобусе с мигрантами в Северо-Казахстанской области, но на этот раз пассажиры успели спастись (Zakon.kz 2018). Несмотря на широкий резонанс в обществе и длительный судебный процесс, власти Казахстана не изменили требований к проезду иностранных автобусов через страну, не подверглась корректировке и система контроля лицензий пассажирских автобусов.

В данном материале представлен анализ ситуации на маршруте при выборе разных путей достижения места назначения (легальные, нелегальные). Исследование проведено методом включенного наблюдения, в ходе которого были получены первичные данные о проблемах и трудностях, с которыми сталкиваются трудовые мигранты на пути следования в Россию. Автор исследования, присоединившись к трудовым мигрантам на юге Киргизии, проехала по наиболее распространенному маршруту мигрантов в Россию протяженностью 4,5–4,9 тыс. км. География исследования охватила четыре страны – Узбекистан, Киргизию, Казахстан и Россию. Полевая работа выполнялась летом 2018 г., в разгар трудового сезона. В ходе поездки проведено порядка 100 неформальных интервью с пассажирами автобусов, а также с организаторами поездки, сотрудниками таможенных служб и полиции (ПМА 1).

Пути и способы поиска работы в России

Наиболее востребованными среди трудовых мигрантов из Центральной Азии видами трудовой деятельности остаются строительство, обслуживание в сфере торговли, такси, коммунального и домашнего хозяйства, легкой и пищевой промышленности. При поиске зарубежной работы желающие могут воспользоваться услугами государственных и частных агентств по трудоустройству или неформальным способом выяснить благонадежность будущего работодателя.

Государства с наибольшим потоком мигрантов создают институты по защите и упорядочению трудовой миграции. Таджикистан одним из первых на пространстве СНГ принял в 1998 г. Концепцию государственной миграционной политики и создал

Министерство труда, миграции и занятости населения (Минтруда Таджикистана 1998). В Киргизии государственная служба миграции при Правительстве создана в 2015 году, в том же году в Узбекистане учреждено Агентство по вопросам внешней трудовой миграции при министерстве труда (Правительство Киргизии 2017; Минтруда Узбекистана 2017).

Несмотря на общую цель, методы работы этих организаций отличаются. В Киргизии государственная служба миграции ограничивается выдачей лицензий зарубежным агентствам по трудоустройству, перечень которых публикуется после уплаты пошлины на официальном сайте. В Узбекистане Агентство внешней трудовой миграции самостоятельно занимается поиском зарубежных работодателей. Желающие выехать на заработки через государственное агентство, обязаны заплатить пошлину, пройти медосмотр и обучение, купить форму и билеты на перелет. При отсутствии достаточного количества денег, правительство Узбекистана выдает кредиты на оформление услуг трудовой миграции. В Таджикистане внешняя трудовая миграция не ограничивается, поскольку на официальном уровне рассматривается как возможность снижения социальной напряженности на внутреннем рынке труда. Деятельность государственных служб внешней миграции во всех странах Центральной Азии имеет невысокую востребованность у населения. По итогам опросов можно выделить несколько причин этого: отсутствие информации об агентствах, недоверие к их деятельности, нежелание платить государственную пошлину, отсутствие гарантий со стороны аккредитованных работодателей, а также волокита и вымогательство дополнительных неформальных платежей сотрудниками агентств за информацию о местах работы и оформление документации мигрантов.

В итоге у населения популярным остается неформальное общение с родственниками и друзьями, благодаря чему желающие выехать на заработки могут узнать о возможности найти ту или иную работу. Если мигранты из Узбекистана сообщали, что стараются попасть к работодателю, о котором положительно отзывались другие соотечественники, работающие у него, то выходцы из Киргизии предпочитали искать работу у своих же этнических киргизов, ранее обосновавшихся в России. Привлекательными для мигрантов являются города Москва, Санкт-Петербург, Самара, Новосибирск, Московская область.

Тернистый путь в Россию

В рамках данного исследования автору удалось пройти с трудовыми мигрантами путь как официального поиска работодателя в Узбекистане, так и попытки неформального трудоустройства и самостоятельной поездки к месту работы в России с юга Киргизии. В Киргизии автору удалось присоединиться к группе из шести швей (5 женщин, 1 мужчина, в том числе 1 семейная пара, тетя с двумя племянницами и 1 их знакомая из г. Джалал-Абада), без посредников нашедших работодателя в России. В начале июля 2018 г. автор прилетела из Москвы в Бишкек, откуда на такси добралась на юг страны – в город Ош, второй по количеству жителей населенный пункт. (Страна поделена с севера на юг горными хребтами и автобусное сообщение невозможно, из-за чего широко развита сеть частных такси, как впрочем, и в Узбекистане). Расположившись в популярном среди иностранных туристов хостеле, автор начала вести полевую работу. Первыми информантами стал хозяин гостини-

цы, который проживал со своей семьей на первом этаже трехэтажного особняка, а также пожилые жительницы города, собиравшиеся в общественных местах, таких как почта или рынок.

По их словам, в летний период основная часть трудоспособного населения покидает город Ош, отправляясь на поиски работы в столице, курортной зоне озера Иссык-Куль или за пределами страны. Как такового графика выезда и возвращения в страну не наблюдается. Как сообщили родственники мигрантов и сами бывшие гастарбайтеры, решение о выезде на заработки зависит от вида занятости и наличия вакансий у «надежных работодателей».

Поскольку участники поездки планировали потратить на билеты не больше 80 долларов за человека, то выбор пал на автобусы. Мы добрались на частном такси из города Ош в Бишкек и приступили к поиску свободных билетов. С автовокзала с международным сообщением в Россию можно уехать на автобусе, который совершает рейс один раз в неделю. При этом вокруг автовокзала на прилегающих улочках расположились стихийные места продажи билетов на автобусы и микроавтобусы, водители которых готовы ехать в Россию по мере набора пассажиров. Поскольку официальный автобус с автовокзала выехал накануне и места на будущие поездки были выкуплены, группа приняла решение обратиться к услугам частных извозчиков. Посредники активно караулили желающих уехать около касс на вокзале, предлагая варианты быстрого выезда в Россию «с комфортом», после согласия обычно отвозили потенциальных пассажиров в импровизированный офис в ближайшем переулке, где они должны были оплатить полную стоимость билета на транспорт, стоявший на улице.

Мы купили девять билетов и на следующий день, 26 июля 2018 г. к условленному времени отъезда собрались около автобуса. Однако все места в нем были уже заняты, поскольку сотрудник импровизированного офиса продавал большее количество билетов, предлагая не успевшим занять места пассажирам дождаться прибытия следующего транспорта. Часть моих компаньонов проявляла настойчивость, требуя обеспечить их местами. Когда дело дошло до ссоры и требований вернуть деньги, к беседе подключились два или три посредника, предлагавшие пройти в «офис», чтобы водитель смог в это время уехать, а оставшиеся пассажиры были вынуждены ждать. Поскольку один из участников нашей группы не отпускал ручку двери автобуса, спустя часа четыре организаторы уговорами и криками освободили требовавшиеся места, и мы отправились в сторону Казахстана. Автобус, на котором мы поехали, был не единственным на этом маршруте, и как оказалось, организаторы нелегальной международной сети перевозки людей меняли автобусы в разное время суток и на разных отрезках дороги, вынуждая пассажиров платить за дополнительные услуги, либо возвращаться и приобретать билеты заново.

К таможенному посту Кордай на границе Киргизия – Казахстан наш автобус прибыл в сумерках, водитель сообщил, что для скорейшей поездки в Россию на казахстанской стороне нас ждет другой автобус, который заранее прошел многочасовую таможенную проверку и пассажирам нужно лишь самим пройти таможенный и пограничный досмотр. Пассажиры, забрав вещи, прошли границу, традиционно пользующуюся высоким спросом у туристов, челноков и жителей приграничных районов, из-за чего пункты досмотра всегда переполнены, а давка, суета и коррупция – далеко не все проблемы этого таможенного поста. На другой стороне нас ждал еще один посредник, как он отметил, «из местных». Мужчина, казах, проводил нас

на отдаленную стоянку, где предложил разместиться в современном, комфортабельном двухэтажном автобусе с кондиционерами и телеэкранами. Когда 54 пассажира заняли места, автобус двинулся в сторону города Тараз, чтобы через Кызылорду выйти на международную трассу Ташкент-Самара, через таможенный пост за городом Уральск, затем через Самару доехать за двое суток в Москву. Путешествие на комфортабельном автобусе закончилось спустя семь часов: в пять утра водитель автобуса разбудил всех криками: «Срочно выходите на улицу с вещами». Перепуганные сонные пассажиры начали забирать с навесных полок сумки и выходить из автобуса на улицу, где нас встретила толпа людей. Как оказалось, это были пассажиры другого автобуса, водитель которого тремя часами ранее высадил их по такой же схеме и уехал. Оставшиеся на трассе люди сели перед автобусом, прося нас не выходить из него. Все попытки выяснить, когда приедет их автобус, оказались безуспешными, а когда кто-то из пассажиров вызвал полицейских, наш водитель бросил автобус и ушел в сторону автобана (рис. 1).

Рис. 1. Автостоянка, на которой трудовых мигрантов насильно высадили в ходе поездки в Россию. Казахстан, Туркестанская обл.
(автор фото: О.В. Шиян, 2018 г.)

Мы находились на строящейся автостоянке, вокруг которой располагались поля кукурузы и подсолнухов, немного в отдалении проходил автобан, населенных пунктов близи не оказалось. Позже мы выяснили, что находимся в 90 км от границы с Узбекистаном и в 40 км от поселка со звучным названием Жибек жолы (в переводе с казахского языка – Шелковый путь). На этой автостоянке сидел мужчина в возрасте старше 40 лет. От него мы узнали, что казахстанские власти ограничили въезд в страну автобусов, не соответствующих требованиям экологического стандарта Евро-4, поэтому киргизские перевозчики договариваются с казахстанскими владельцами автобусов перевезти за часть стоимости билетов их пассажиров до границы с Россией. Но зачастую казахстанские партнеры берут заказы при фактически переполненном пассажиропотоке и свободных автобусов часто не хватает. В ито-

ге, трудовые мигранты вынуждены ждать. Иногда ожидание растягивается до пяти дней, после чего в соответствии с требованиями таможенного контроля, иностранцы обязаны покинуть границы страны. За это время владельцы подобных автостоянок за небольшую плату предлагают организовать такси обратно до границы, где больше шансов уехать на другом транспорте.

Поскольку приехавшие полицейские всем видом демонстрировали, что мигранты – гости нежелательные и их проблемами они заниматься не намерены, обманутым пассажирам пришлось обращаться на телефон доверия прокуратуры. После этого на стоянку приехал мужчина, казах, который «держит эту стоянку и возит людей». Он сообщил, что свободных автобусов нет, и направился в сторону ангара, где оказались на ремонте два автобуса в нерабочем состоянии (рис. 2). В тот день темпера-

Рис. 2. Охранник автостоянки рассказал о сбоях в перевозе людей через Казахстан (автор фото: О.В. Шиян, 2018 г.)

тура воздуха была накалена, термометры в мобильных телефонах показывали плюс 50 градусов по Цельсию, пассажиры жаловались на давление из-за палящего солнца. К 17.00 рабочие прикрепили кресла в одном сломанном автобусе, завели с большими усилиями двигатель второго и сообщили, что эти два транспорта и будут нашими средствами передвижения. Поскольку на стоянке находилось уже восемь маленьких детей и 103 взрослых человека, торопившихся к местам работы, все согласились со словами «лишь бы доехать». Водителей было всего двое (основной и сменщик) и в путь выехал первый автобус. Наш автобус до девяти вечера ждал других водителей, возвращавшихся из Ташкента.

На ближайшие семь с половиной дней домом на колесах для 54 пассажиров, четверо из которых были детьми до пяти лет, стал старый пыльный Икарус, ломавшийся дважды в день, без системы вентиляции и обогрева. Водители не торопились в обещанные двое суток довезти нас до Москвы. Они ехали зигзагообразно по Аральской пустыне от одной к другой придорожной автостоянке. Останавливаясь, они заставляли всех выйти из автобуса, а сами отправлялись обедать в отдельную комна-

ту. Как выяснилось, мотивом служили вполне меркантильные причины: за привоз клиентов в кафе, водители могли бесплатно пообедать, принять душ и отдохнуть в комфортабельно обставленной комнате, в то время пока 54 пассажира ожидали их под палящим солнцем (рис. 3). В города автобусы не заезжали. При выборе пункта пограничного пропуска водитель решил не заезжать в город Уральск, но сбился с

Рис. 3. Остановка в пути. Казахстан, в 200 км от г. Уральск.
(автор фото: О.В. Шиян, 2018 г.)

пути и отклонился больше, чем на 100 км. В результате до границы с Россией мы доехали на пятый день. Примечательно, что первый автобус мы догнали еще в первый вечер, он сломался спустя пять часов езды и дальше автобусы ехали друг за другом. На казахстанской стороне водитель сообщил, что если пассажиры хотят добраться до Москвы, то необходимо скинуться на взятку таможенникам, чтобы те выпустили фактически неработающий автобус за границу. Двух пассажиров, имевших атрибутику мусульманской одежды, сотрудники таможни отводили для беседы в отдельный кабинет, но оба автобуса прошли весь таможенный и пограничный досмотр меньше чем за 40 минут. Мы оказались в межграничной зоне перед российской границей. Водители заглушили моторы и стали ждать утра, поскольку с их слов, российские таможенники «не оформляют большие автобусы ночью». Но и утром, спустя 13 часов ожидания, автобусы не приблизились к границе, которая при этом была совершенно пустой (рис. 4).

Попутно стоит остановиться подробнее на пассажирах двух автобусов. За время ожидания на стоянках все познакомились. Здесь были и совсем молодые юноши из Узбекистана и Таджикистана, впервые ехавшие на работу и те, кто возвращался после побывки дома – мужчины, женщины, целые семьи из Киргизии и Узбекистана. Рядом со мной сидел мужчина старше 50 лет, с киргизско-таджикской границы, который много лет работает в Москве дворником. Другие были поварами, швеями,

Рис. 4. Пассажиры автобуса коротают время за игрой в карты (автор фото: О.В. Шиян, 2018 г.)

строителями, бухгалтерами и фармацевтами. Парадоксально, но у половины этнических таджиков и узбеков, ехавших в автобусах, были российские паспорта, а граждане Киргизии в рамках ЕАЭС и вовсе имели право безбарьерного прохода по «зеленому коридору» на границе с Россией (рис. 5). В какой-то момент в нашем автобусе началась драка: уставшие, грязные, потные, взвинченные люди не поделили последнюю бутыль с водой и пытались выломать стекло в автобусе. После чего автор обратилась к солдату на КПП с просьбой позвать начальника таможни. Заинтересовавшись историей об исследовании, он отдал приказ и меньше чем за пять минут, автобусы впустили на пункт досмотра, а солдаты принесли воды. При таможенном досмотре двое пассажиров оказались в черных списках ФМС России и были вынуждены пешком возвращаться на границу Казахстана. Как сообщил дежурный по таможенному посту Сергей, по негласным правилам таможенники России

Рис. 5. Мужчина пришел на отбор кандидатов на работу у российского работодателя, Наманган, Узбекистан (автор фото: О.В. Шиян, 2018 г.)

досматривают автобус с казахстанской стороны после того, как проедет пассажирский автобус в противоположном направлении, из России. Но в те сутки автобусов со стороны России не было, а досматривать «не по очереди автобусы с мигрантами не является их рабочей нагрузкой».

Рис. 6. Киргизы-мигранты устроили стихийную торговлю контрафактной обувью. Москва, ст. м. Добрынинская (автор фото: О.В. Шиян, 2018 г.)

Через час мы оказались в поселке Теплое Саратовской области, где смогли впервые за поездку купить еды в розничном магазине. С этого момента наши водители сменили тактику езды на прямо противоположную. Они гнали автобусы на пределе допустимых скоростей, остановившись на короткие перерывы около Саратова и под Рязанью. Причины объясняли в больших штрафах за провоз людей в транспорте без лицензии и даже пытались обманом высадить пассажиров на подъезде к Московской области. Наконец, в обед следующего дня автобусы заехали в Москву, где на окраине города нас оставили у станции метро, откуда с пересадками группа швей добралась до станции метро Добрынинская. На улице к нам подъехал на велосипеде молодой мужчина, киргиз по имени Чингиз и предложил организовать машину в любую точку России. Поскольку группа швей, к которым я присоединилась, планировала работать в Подмосковье, они попросили организовать микроавтобус на девять человек. Расчет был наличный, без торга. За время ожидания машины Чингиз рассказал, что эта станция давно является неформальным местом коммуникаций киргизских мигрантов в Москве. Здесь можно узнать о работе, договориться о машине «заезда – выезда на таможне» для обновления даты въезда в страну, заказать продукты с родины, передать посылку или деньги и в случае проблем, попросить финансовой помощи у соотечественников (рис. 6). Ближе к десяти вечера мы выехали к месту работы в 500 км от Москвы. В четыре утра 3 августа 2018 г. мы прибыли к месту назначения. Общая протяженность маршрута составила 4 900 км.

Таким образом, самостоятельный способ добраться до работы в России занял больше недели, в течение которой трудовые мигранты неоднократно подвергались стрессу, вымогательствам, унижению и опасности.

В середине августа 2018 г. автор вылетела из Москвы в Алматы и через Ташкент приехала в Наманган, являющийся вторым по численности населения городом в Узбекистане. Автор обращалась с вопросами о возможностях легального иностранного трудоустройства в местные агентства по трудовой миграции, радиорубки с объявлениями на рынках. Поскольку нахождение совпало с летней жарой, для защиты от

солнца надевалась одежда с национальным колоритом, благодаря чему неоднократно инициаторами диалога выступали местные жители, принимавшие исследователя за этническую турчанку или татарку (ПМА 1).

Выяснилось, что при оформлении документации через узбекистанское агентство, мигрантам предоставляется несколько вариантов выбора транспорта: авиа- или железнодорожное сообщение, реже автобусное при сопровождении сотрудника агентства. Восемь этнических узбеков в возрасте от 23 до 40 лет из Намангана, оформление документации которых автору удалось наблюдать, воспользовались авиасообщением по маршруту Ташкент-Москва. При прохождении паспортного контроля в аэропорту Домодедово одному из них было отказано во въезде в страну (рис. 7). Молодого мужчину отправили обратным рейсом в Узбекистан, что не освобождало его от обязательства выплачивать кредит за билеты и оформление документов в агентстве. В аэропорту группу трудовых мигрантов, одетых в специальную одежду со знаками агентства трудовой миграции Узбекистана, встретила сотрудник кадровой службы и на арендованном микроавтобусе отвезла к месту работы в Брянской области. Таким образом, путь занял около двух суток по маршруту Наманган – Ташкент на такси самостоятельно, Ташкент – Москва самолетом при поддержке агентства, Москва – Брянская область микроавтобусом при поддержке работодателя.

Рис. 7. Автор исследования после пересечения российской границы, Россия (автор фото: О.В. Шиян, 2018 г.)

Через несколько месяцев после завершения исследования стало известно, что обе группы трудовых мигрантов, с которыми автор совершила путь к местам их работы, спустя короткое время отправились на поиски других работодателей.

Выводы

Полевые исследования методом включенного наблюдения показали, что обращение к государственным агентствам по зарубежному трудоустройству не гарантируют безопасное попадание в страну назначения или реальное трудоустройство. При самостоятельном поиске работы трудовые мигранты еще меньше защищены от мошенничества, вымогательств, обмана и угрозы их безопасности. В ходе поездок информаторы сообщали, что властям выгодно сохранение нынешнего состояния, поскольку бизнесмены, организующие перевозки людей, действуют под негласным патронажем самих властей, получающих проценты с проданных билетов. Аналогичные бонусы получают и водители автобусов, например, привозя трудовых мигрантов в отдаленные места общепита. Меры, которые принимают государства для защиты прав выезжающих на заработки, зачастую не обеспечивают безопасности мигрантов, следующих транзитом в Россию.

Анализ данных Федеральной миграционной службы России свидетельствует о росте внешней трудовой миграции из стран Центральной Азии. В 2017 г. 4 854 004 иностранцев указали в графе «цель въезда» работу. Из них около двух млн. трудовых мигрантов являлись выходцами из Узбекистана, 937 тыс. – Таджикистана, 377. тыс. – Киргизии, 88 тыс. – Казахстана (ФМС 2017). В 2018 г. 5 047 788 человек, пересекших границу России, назвали в качестве цели въезда работу. Из них 2 млн. 7 тыс. человек – граждане Узбекистана, чуть больше 1 млн. – Таджикистана, 352 тыс. – Киргизии и 111,5 тыс. – Казахстана (ФМС 2018). За первое полугодие 2019 г. на миграционный учет в России поставлено 3 млн. приехавших на заработки, в том числе из Узбекистана – 1 млн. 230 тыс., Таджикистана 634 тыс., Киргизии – 202 тыс., Казахстана – 60 тыс. человек (ФМС 2019). Все эти люди добирались к работе в России разными путями и многие из них подвергали свои жизни реальной опасности.

Таким образом, странам Центральной Азии, через которые проходят пути трудовых мигрантов к месту работы в России, стоит объединить усилия по созданию безопасных и доступных региональных сетей пассажироперевозок, нужно учитывать и тот факт, что свободный рынок труда в рамках Евразийского экономического союза, направлен на стимулирование миграционного процесса.

Материалы и источники

Минтруда Таджикистана 1998 – Минтруда Таджикистана. Концепция государственной миграционной политики Республики Таджикистан, утв. постановлением Правительство 08.10.1998 г. № 411.

Минтруда Узбекистана 2017 – Минтруда Узбекистана. Об Агентстве по внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан. https://mehnat.uz/ru (дата обращения 20.03.2019).

Правительство Киргизии 2017 – Правительство Киргизии. История Государственной службы миграции при Правительстве Кыргызской Республики. http://ssm.gov.kg (дата обращения 20.03.2019).

Азаттык 2018 – *Радио Азаттык.* 52 человека погибли на трассе в Актюбинской области. https://rus.azattyq.org/a/aktyubinskaya-oblast-sgorevshiy-avtobus/28982367.html (дата обращения 20.03.2019).

ФМС 2017 – *ФМС МВД РФ.* Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года с распределением по странам и регионам. https://

xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/ statistics/migracionnaya (Дата обращения 15.09.2019).
ФМС 2018 – *ФМС МВД РФ.* Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2018 года с распределением по странам и регионам. https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/ statistics/migracionnaya (Дата обращения 15.09.2019).
ФМС 2019 – *ФМС МВД РФ.* Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – июнь 2019 года с распределением по странам и регионам. https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/ statistics/migracionnaya (Дата обращения 15.09.2019).
the World only 2018 – *The World only.* Статистика миграции: откуда и куда переселяются люди. https://theworldonly.org/statistika-migratsii/ (дата обращения 20.09.2019).
Zakon.kz 2018 – *Zakon.kz.* Полностью сгорел рейсовый автобус Семей – Алаколь https://www.zakon.kz/4977469-polnostyu-sgorel-reysovyy-avtobus-semey.html (дата обращения 20.03.2019).
ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Киргизию и Узбекистан. Июль-Октябрь 2018 г.
Доклад Генсека ООН 2017 – Доклад Генерального Секретаря ООН. Реализация целей миграции на благо всех. 72 сессия от 12 декабря 2017 г. https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/sg_report_ru.pdf (Дата обращения 20.03.2019).
Известия 2019 – Известия. В ООН заявили о росте числа мигрантов в мире. https://iz.ru/922707/2019-09-18/v-oon-zaiavili-o-roste-chisla-migrantov-v-mire (дата обращения 20.09.2019).

Научная литература

Гузь Н.А. Трудовая миграция в Россию из стран Центральной Азии: состояние и пути развития. Диссертация на соискание кандидата экономических наук. Москва, 2007, 144 с.
Гусенко М. Точки притяжения. Россия – на четвертом месте в мире по числу принятых мигрантов. Российская газета – Федеральный выпуск № 210 (7968). https://rg.ru/2019/09/18/rossiia-zaniala-chetvertoe-mesto-v-mire-po-chislu-priniatyh-migrantov.html (дата обращения 20.09.2019).
Казмеркевич П. (под ред.) Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: Оценка потребностей мигрантов и общин и управление рисками. Астана, 2017, 48 с.

References

Gusenko M. Tochki prityazheniia. Rossiya – na chetvertom meste v mire po chislu priniatykh migrantov. Rossiiskaya gazeta – Federal'nyi vypusk no 210(7968). https://rg.ru/2019/09/18/rossiia-zaniala-chetvertoe-mesto-v-mire-po-chislu-priniatyh-migrantov.html.
Guz N.A. Trudovaya migratsiya v Rossiiu iz stran Tsentral'noi Azii: sostoianie i puti razvitiia. Dissertatsiya na soiskanie kandidata ekonomicheskikh nauk. Moskva, 2007, 144 p.
Kazmerkevich P. Uyazvimost' migrantov i potrebnosti integratsii v Tsentral'noi Azii: Otsenka potrebnostei migrantov i obshchin i upravlenie riskami. ed. P. Astana, 2017, 48 p.

Shiyan, Olga V. **The Thorny Path of Labour Migrants in Russia: a participant observation**

The article analyzes some of the problems typical for labor migration from Central Asian countries to Russia. The author presents field materials collected during participant observation in the summer of 2018. Having travelled along with several groups of labor migrants who traveled from Central Asian countries to Russia either with the assistance of the state or informally, the researcher had the opportunity to see the problems and difficulties faced by migrants on the way from their country of residence to their destination and to observe the difficulties encountered at the initial stage of job search

Key words: *labor migrants, migration, corruption, employment agencies, Central Asia, Russia, included monitoring*

УДК 39+28.7+ 394.014+316.48
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/88-105

© Л.В. Остапенко, Р.А. Старченко, И.А. Субботина

РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ МОСКВЫ В СИСТЕМЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

В условиях роста международной напряженности, обострения межнациональных и межэтнических конфликтов, повышения градуса недоверия и настороженности между странами и народами особое значение приобретает проблема участия молодежи в процессе оптимизации межэтнических отношений. В статье делается попытка на основе анализа материалов опроса москвичей (16-29 лет) показать масштабы и характер межэтнического взаимодействия русского населения столицы с представителями иных этнических групп Москвы, отношение к подобным контактам в разных сферах жизни, в том числе отношение к межнациональным бракам, оценки молодежью межэтнической ситуации в городе и мнения о причинах ее нестабильности

Ключевые слова: *молодежь, русские, Москва, межэтнические отношения, межэтнические конфликты, межнациональные браки*

Роль молодежи в решении важнейших политических, социально-экономических, демографических и этнокультурных задач, в расширении и укреплении межнациональных и межэтнических контактов и диалога всегда являлась определяющей. От готовности молодежи ответить на вызовы времени, ее потенциала и возможностей, интересов и ориентаций зависит, какую именно лепту может внести молодое поколение в развитие общества. Наше исследование нацелено выявить масштабы и характер межэтнического взаимодействия русской молодежи столицы с представителями иных этнических групп Москвы, отношение к подобным контактам в разных сферах жизни, в том числе к межнациональным бракам, оценки молодежью межэтнической ситуации в городе и мнения о причинах ее нестабильности.

Остапенко Любовь Викторовна – к.и.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: lost_82@bk.ru. **Lyubov V. Ostapenko** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Prospect, 32A). E-mail: lost_82@bk.ru

Старченко Роман Александрович – к.и.н., заместитель директора по научно-организационной работе Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: rnc-mon@mail.ru. **Roman A. Starchenko** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Prospect, 32A). E-mail: rnc-mon@mail.ru

Субботина Ирина Алексеевна – к.и.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук (Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: irinalsu@yandex.ru. **Irina A. Subbotina** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Prospect, 32A). E-mail: irinalsu@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-59-05001 «Современная молодежь в этнорегиональном ракурсе: социально-демографические и этнокультурные ориентации (на примере Армении и России)»

В силу своей значимости проблема участия молодежи в жизни общества находится в центре внимания не только широкой общественности, СМИ, ученых многих стран мира, но и государственных органов. В российской науке уже накоплен довольно солидный научный багаж, как в области молодежной тематики в целом, которую исследует немало специалистов самых разных отраслей знания – социологии, педагогики, психологии, этнологии, экономики и др., так и в сфере изучения межэтнических отношений. Однако в первом случае исследователями далеко не всегда удается уделить достаточное внимание вопросам этнической толерантности, межэтнического взаимодействия среди молодежи, а во втором – нередко без должного анализа остается половозрастной фактор.

Тем не менее, число публикаций по названной проблеме неуклонно растет. Вопросами развития межэтнических отношений в молодежной среде успешно занимаются специалисты как центральных научных учреждений (Институт этнологии и антропологии РАН, Институт социологии РАН, Институт комплексных социальных исследований, Институт миграции и межнациональных отношений, Институт демографии РАН и др.), так и ученые в самых разных регионах России – в Башкортостане, Татарстане, Кабардино-Балкарии, Краснодарском крае, Бурятии, Туве, на Алтае и т.д., – рассматривающие вопрос в контексте этнорегиональной специфики.

Исследования особенностей межэтнических отношений в российской столице и вопросов участия в них молодежи начали проводиться сравнительно давно, но по большей части русская старожильческая молодежь в них не являлась основным субъектом исследования. Можно особо выделить труды Ю.В. Арутюняна, Е.М. Арутюновой, Л.М. Дробижевой, Е.Ю. Киреева, В.Я. Красниковского, И.М. Кузнецова, Н.М. Лебедевой, В.К. Мальковой, М.Ю. Мартыновой, С.В. Рыжовой, А.А. Сазонова, А.Н. Татарко, В.Д. Шапиро и ряда других.

Однако следует заметить, что тема «Русская молодежь Москвы в системе межэтнического взаимодействия» представляет собой довольно широкое исследовательское поле, на котором остается еще немало целины. Продолжение работ в этой области важно и в силу необходимости периодической фиксации анализа изменений, постоянно происходящих как в условиях обитания москвичей, в том числе в этническом составе населения столицы, так и в социально-экономических позициях и духовно-нравственном облике самих столичных жителей, в том числе в результате смены поколений.

В проекте, на материалах которого подготовлена данная статья, в качестве основного исследовательского полигона были выбраны Москва и Ереван – столицы двух постсоветских государств России и Армении. Особое внимание было уделено анализу участия молодежи этих городов в развитии и укреплении межэтнического сотрудничества, межнационального и межконфессионального взаимодействия. Одним из основных методов сбора материалов являлся этносоциологический опрос, к которому была привлечена молодежь титульной национальности обеих стран – русские и армяне, представляющие, соответственно, большинство населения своих государств.

В данной статье использованы результаты этносоциологического исследования, выполненного в Москве в 2018 г. Выборка носила квотный характер. Было опрошено 450 чел. трех социально-демографических групп русской молодежи – школьников, студентов и работающих (по 150 чел. в каждой группе), в возрасте 16-29 лет. Опрос проводился в старших классах нескольких школ Москвы, расположенных в разных районах города, в высших учебных заведениях гуманитарной и техниче-

ской направленности. Работающая молодежь была представлена работниками умственного и физического труда различных сфер деятельности. Группы респондентов были выровнены по полу. Принадлежность к русским определялась самооценкой респондентов (*Остапенко, Старченко, Субботина* 2018: 4).

Для сравнения привлекались материалы исследования русской молодежи Москвы 2006 года, проведенного авторами по аналогичной программе, что позволило проанализировать изучаемые проблемы в динамике, тем самым, повысив результативность сделанных выводов и прогнозов.

Уровень и масштабы межэтнических контактов русской столичной молодежи

С давних времен Москва была полиэтничным городом. За много веков москвичи привыкли к тому, что рядом с ними живут и работают люди иной этнической принадлежности, контакты с которыми могут произойти и происходят во всех сферах жизни. В последние десятилетия этнический состав населения Москвы стал более пестрым, относительная численность русских в населении столицы в конце XX века несколько сократилась, особенно в период 1989–2002 гг. Так, по материалам последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., доля русских в столичном населении составляла 89,7%, к 2002 г. она снизилась до 84,8%, но в следующий межпереписной период (2002–2010 гг.) несколько возросла (до 86,3%), не достигнув все же «советского» уровня. Одновременно с этим в населении города возрос удельный вес таких этнических групп, как азербайджанцы, армяне, грузины, молдаване, таджики, узбеки, упала доля привычных для московского мегаполиса народов – украинцев, татар, евреев.

Опрошенная нами молодежь – это поколение, выросшее в городе, куда устремлялись и устремляются потоки не только внутрироссийской, но и масштабной международной миграции. В настоящее время межэтнические контакты у русской столичной молодежи весьма широки и разнообразны. По данным нашего исследования, от пятой части до четверти респондентов ежедневно общались с представителями других национальностей. Довольно частыми назвали свои межэтнические контакты четверть школьников и почти 40% студентов и работающих. Таким образом, почти половина школьников, около 60% работающих и 65% студентов, то есть заметное большинство респондентов, представляющих русскую столичную молодежь, практически постоянно контактировали с людьми иной этнической принадлежности. Если учесть, что доля этнических меньшинств в составе населения столицы (по данным переписи 2010 года) не достигала и 15%, этот показатель выглядит достаточно солидным.

Помимо большого круга общения, немаловажное значение имеет и этнический состав малого круга, сложившегося у русской молодежи Москвы, состав той микросреды, в которой человек живет: коллеги, сокурсники, одноклассники, близкие друзья, родительская семья, супруги, дети, родственники. Материалы исследования показали, что более 40% респондентов работали/учились в полиэтничном окружении, от четверти до половины имели родственников, состоящих в браке с представителями другой национальности, а примерно четверть женатых/замужних студентов и работающих и сами заключали брачные союзы с лицами иной этнической принадлежности. У довольно весомой части молодых людей имелись друзья (близкие или дальние) не русской национальности: от 53% у школьников до 70–73% у студентов

и работающих, что принципиально важно, ведь состав друзей определяется исключительно предпочтениями и интересами самого человека, как и выбор брачного партнера, в отличие от окружения на работе и в учебных заведениях.

Однако нельзя не заметить существование и немалой группы русской столичной молодежи, круг общения которой был этногомогенным, ограничивался преимущественно людьми своей этнической принадлежности. Особенно это касалось школьников и в наименьшей степени студентов. Так, общались с представителями других этнических групп редко или вообще не общались более половины школьников, 40% работающих и треть студентов.

Сравнивая эти показатели с данными опроса русской молодежи Москвы 2006 г., можно заметить, что, хотя принципиальных изменений в этом отношении за прошедшие более чем 10 лет не произошло, однако доля русских юношей и девушек, редко или почти совсем не контактирующих с представителями других народов, несколько возросла. Так, например, в 2006 г. 60% респондентов 18-29 лет работали/учились в полиэтничном окружении, а в наши дни – чуть более 40% (*Остапенко, Субботина* 2007: 208). В немалой мере, на наш взгляд, это объясняется некоторым сокращением в столице иноэтнического населения и ростом абсолютной и относительной численности русских, а также определенными различиями в половозрастной, образовательной и социально-профессиональной структуре приезжих и русского старожильческого населения Москвы, что бесспорно усиливает социально-культурную дистанцию между ними, влияет на частоту и объем межэтнических контактов.

Нельзя сбрасывать со счетов влияние и такого фактора как усиление межэтнической разобщенности. Если на начальном этапе миграционного бума в столице многие приезжие нерусской национальности были вынуждены расширять контакты с русскими, чтобы как можно скорее «вписаться» в новую иноязычную и инокультурную среду, чтобы иметь возможность пользоваться услугами учреждений местной инфраструктуры, то мигрантам последующих лет в этом отношении было уже намного легче. Среди приезжих росло число тех, кто занимался в Москве не только мало- и неквалифицированным физическим трудом в строительстве, торговле и на транспорте, но и людей, нашедших себе место, в таких сферах как медицина, косметология, юридические и риэлтерские услуги, ресторанный бизнес и т.п. Новым приезжим уже не было особой необходимости подстраиваться под московское окружение и даже учить русский язык.

Газета «Комсомольская правда» приводит пример киргизов, живущих в Москве, среди которых свободно говорят по-русски чуть более половины, а почти 10% вообще не говорят, причем 70% общаются только с земляками. И это неудивительно, потому что в городе имеется достаточно учреждений, которые обслуживают киргизов на их языке: агентства недвижимости и по трудоустройству, микрофинансовые организации, фирмы, которые ведут для желающих курсы русского разговорного языка, медицинские центры и даже ночные и спортивные клубы (*Еленин* 20.08.2018). Подобное можно сказать и о представителях ряда других народов, поселившихся в Москве, например, армянах и узбеках.

Соответственно, возможности общения русских москвичей с людьми иной этнической принадлежности во многих сферах жизни сужаются. Наряду с негативным аспектом этот факт несет и некий позитивный заряд, так как появляется меньше поводов для возникновения каких-либо инцидентов и конфликтных ситуаций на этнической почве.

Общение русской молодежи с представителями других этносов, нередко заметно отличающихся культурой, манерой поведения, этическими нормами и т.п., не может не способствовать процессу межкультурного взаимодействия, в том числе обогащению культурной жизни русских москвичей, расширению их знаний о мире и населяющих его народах. Правда, согласно опросу, большинство молодых людей (свыше 60%) ничего не переняли от представителей других национальностей, с которыми им приходилось общаться. В этом отношении несколько выделялись школьники, часть которых (17%), по их словам, переняли некоторые инокультурные черты в манере поведения. Слабо воспринимала русская молодежь какие-либо этнические элементы материальной культуры (2-11%), особенности в проведении досуга (3-5%), в отношениях в быту и семье (1-4%).

Некоторые респонденты отмечали, что общение с представителями других национальностей расширило их кругозор, спектр увлечений, они начали лучше понимать людей, им стало легче налаживать с ними контакты, у них сформировалось представление о существовании этнических различий и т.п.

Показательно, что, хотя в большинстве случаев русская молодежь общалась в семье, с друзьями и знакомыми, коллегами, одноклассниками и однокурсниками на русском языке, некоторые в ряде случаев пользовались и другими языками. Особенно это относится к студентам и работающим, круг общения которых был шире, чем у школьников. Так, другие языки, кроме русского, использовали при общении 11% школьников и 17–20% работающих и студентов. Основным практикуемым иностранным языком являлся английский. Намного реже молодежь разговаривала на немецком и французском языках. Несколько человек упомянули армянский и грузинский языки, а также украинский и татарский. Как видно, языки представителей тех национальностей, которые проживали в Москве, при общении с русскими практически не использовались. Иноэтничная молодежь или старалась говорить на русском или просто избегала общения.

Принципиально важно, что на вопрос анкеты: «Какие чувства у Вас вызывает общение с людьми других национальностей?», более 40% респондентов ответили, что главное в общении не национальность человека, а его личные качества, у четверти молодых людей (а среди студентов – у более чем 30%) подобное общение вызывало живой интерес, желание поближе познакомится с иной культурой и лишь менее 1–2% ощущали при общении с выходцами из чужой этнической среды неприязнь и раздражение. Однако примерно для каждого десятого было важно, какой именно национальности человек. На наш взгляд, это достаточно выразительные цифры, показывающие, что в реальной жизни во время межэтнического общения русская молодежь вполне адекватна и этнически толерантна.

Отвечая на вопрос анкеты: «Удовлетворены ли Вы отношениями, которые складываются у Вас с людьми других национальностей?», представители всех исследуемых групп ответили утвердительно. Полностью или скорее удовлетворенными оказались более 80% респондентов, а в той или иной мере неудовлетворенными – от 3-4% студентов и работающих до 10% школьников.

Межэтнические отношения

Рост иноэтничной миграции в российскую столицу в конце прошлого – начале нового веков резко повысил градус межэтнической напряженности в городе, значи-

тельно актуализировал роль этнического фактора. В средствах массовой информации с пугающим постоянством стали озвучиваться факты некорректного поведения людей разной этнической принадлежности по отношению друг к другу. С одной стороны, примеры ущемления интересов и прав этнических меньшинств, вплоть до применения к ним физического насилия, с другой, – грубостей и оскорблений москвичей приезжими (*Остапенко, Субботина* 2007: 198).

В советский период для большинства молодежи вопрос этнической принадлежности не был особенно актуальным. Воспитанные с детского сада на идеях интернационализма и дружбы народов, столичные юноши и девушки в своем большинстве воспринимали людей разных национальностей, живущих в СССР, в качестве равноправных граждан одной большой страны. Конечно, отношение к людям той или иной этнической принадлежности было неодинаковым, сказывалось и влияние прошлых представлений и установок, и этнокультурная дистанция, и особенности в социально-экономических позициях людей. Но при этом русские жители Москвы, численно доминирующие в своем городе, нередко лояльнее относились к своим «соседям» иной национальности, нежели русские, живущие в союзных и автономных республиках, к представителям титульных народов, главным образом, из-за заметной разницы в социальном статусе и образовательном уровне местного русского и титульного населения.

После распада Союза ситуация кардинально изменилась. Для нынешней столичной молодежи, социализация которой проходила уже в постсоветское время, жители Молдовы или Узбекистана превратились из бывших «братьев» в иностранцев, более того – в представителей бедных стран, что в условиях возросшей значимости материальных факторов в жизни людей, несомненно, отразилось на восприятии молодыми москвичами выходцев из многих стран нового зарубежья. В этом направлении действовало и резко усилившееся имущественное расслоение населения, особенно заметное в российской столице. На этом фоне активный рост в конце 1990-х – начале 2000-х годов притока в Москву инонациональных мигрантов спровоцировал определенное охлаждение со стороны москвичей как к приезжим, так и к людям иной этнической принадлежности в целом.

Опросы населения Москвы 1990 – начала первого десятилетия 2000-х годов показали рост межэтнической напряженности в столице. Согласно исследованиям авторов, в 2006 г., по сравнению с 1997 г., доля русских москвичей, оценивших межэтнические отношения в городе как напряженные, повысилась с 41 до 53%. Аналогичные тенденции прослеживались и в динамике ответов русских на вопрос о перспективах развития межэтнических отношений в Москве. Почти половина горожан предвидела их ухудшение, причем особенно пессимистичных взглядов придерживалась молодежь. О возможном росте напряженности в городе говорило более 60% русских в возрасте 18-29 лет (*Остапенко, Субботина* 2007: 198, 204*)*.

С течением времени ситуация стала меняться в лучшую сторону, на что повлияло, с одной стороны, некоторое сокращение миграционных потоков в Москву, установление над ними административного контроля, с другой – постепенная взаимная адаптация москвичей и приезжих нерусской национальности, особенно из стран Средней Азии и Закавказья, а также усилившаяся изолированность иноэтничного населения, о чем говорилось выше. Приезжие заняли свои трудовые «ниши», стали приспосабливаться к новой среде, пытаясь учитывать и претензии к ним москвичей, а те, в свою

очередь, начали привыкать к усилению этнического многообразия своего города, к продавцам-азербайджанцам, дворникам-таджикам, строителям-молдаванам и т.п.

Согласно данным исследования 2018 г., напряженными межэтнические отношения в столице назвали лишь 23% студентов, 15% работающих и всего 11% школьников. Основная масса молодежи во всех трех группах выбрала ответ: «В целом отношения нормальные, но временами ухудшаются» (от 47% выборов у работающих до 59% у школьников). Оценили эти отношения как нормальные, спокойные 15-20% по группам, что было в 2-3 раза выше по сравнению с 2006 г. (табл. 1).

Таблица 1

Как Вы оцениваете состояние межнациональных отношений в Москве?

Варианты ответов в %	**Школьники**	**Студенты**	**Работающие**
1. Отношения нормальные, спокойные	19	15	20
2. В целом нормальные, но временами ухудшаются	59	56	47
3. Отношения напряженные, имеются конфликты на национальной почве	12	23	15
4. Другое	–	–	1
5. Затрудняюсь ответить	10	6	17
Итого	100	100	100

По мнению пятой части студентов и работающих и десятой части школьников, за последние годы отношения между представителями различных этнических общностей в Москве улучшились. Об ухудшении положения говорили менее 10% школьников и 13–15% студентов и работающих. Большинство же отметило, что их характер не изменился.

Важно, что среди проблем современной жизни в столице, которые молодые москвичи назвали в числе наиболее острых, ухудшение межэтнических отношений отметили лишь около 5% респондентов. Развития межэтнических конфликтов опасалось менее 15%.

Тем не менее, проблема взаимоотношений между русскими и представителями других этносов в городе остается достаточно значимой и находится в центре внимания немалой части местной молодежи. Отвечая на вопрос анкеты: «Между какими общественными группами в Москве существуют сейчас наибольшие противоречия?», треть представителей всех исследуемых групп молодежи отметила противоречия между русскими и нерусскими, а также между москвичами и приезжими. Примерно с той же частотой молодые люди называли, например, и проблемы взаимоотношений между сторонниками разных политических убеждений, между богатыми и бедными. Показательно, что выбор «межэтнических противоречий» молодые москвичи делали заметно чаще, чем таких вариантов, как противоречия между

олигархами и остальным обществом (около четверти выборов по группам), православными и мусульманами (менее 15%), собственниками предприятий и наемными работниками (менее 10%), молодежью и людьми старшего возраста (22% выборов среди школьников и 10% у студентов и работающих), верующими и неверующими (менее 15%). И только противоречия между государством и обществом, чиновниками и остальными гражданами волновали русскую молодежь Москвы заметно сильнее – от 33% выборов у школьников до 40-50% студентов и работающих.

На открытый вопрос, в чем проявляется сейчас межэтническая напряженность в столице и кто в этом виноват, была получена масса разнообразных ответов. Формы проявления межэтнической напряженности в Москве, по мнению молодежи, были весьма многолики – от насмешек, словесных оскорблений, враждебных взглядов, демонстрации чувств превосходства, брезгливости, отвращения, подозрительности до открытых столкновений, драк, побоев, потасовок, массовых дебошей, стычек и т.п.

Немало говорилось о причинах возникающих конфликтов. Бесспорным лидером, как и 10 лет назад, являлось мнение о том, что высокий уровень межэтнической напряженности в городе был обусловлен массовым притоком в Москву инонациональных мигрантов, заметно отличающихся от русских языком и культурой. Хотя в наши дни вопрос миграции отчасти утратил свою былую актуальность, но нахождение в Москве сравнительно большого числа людей нерусской национальности, старающихся сохранить свою этническую идентичность, свои этнические бытовые и культурные особенности, манеру поведения, специфику ценностных ориентаций, свой язык, продолжает тревожить москвичей, в том числе русскую молодежь.

Почти 30% ответивших на вопрос о причинах межэтнической нестабильности в российской столице указали на неадекватное поведение людей не русской национальности. По словам респондентов, некоторые представители ряда не русских народов ведут себя в Москве слишком вызывающе, агрессивно, развязно и нагло, изображая из себя завоевателей, хозяев, проявляя неуважение к местным нормам жизни, к русскому языку и культуре. Однако, по сравнению с 2006 г., доля подобных ответов оказалась почти вдвое ниже.

Также сократилась и относительная численность тех, кто считал основной причиной роста межэтнической напряженности в Москве негативную реакцию на приезжих местного населения, психологическое неприятие русскими москвичами «чужих», распространение ксенофобии и отсутствие у русских этнической толерантности.

В 2018 г. молодежь больше внимания стала обращать на недостаточность знаний друг о друге у представителей разных национальностей. По мнению более чем четверти молодых москвичей, при существовании значимых культурных различий между людьми той или иной этнической принадлежности, живущих в одном городе, налаживанию отношений между ними мешает низкий уровень образования, слабая информированность о других народах и культурах, влияние стереотипов и предрассудков и т.п. Этот фактор упоминался вдвое чаще, чем в 2006 г. (*Остапенко, Субботина* 2007: 178).

Как и раньше, молодежь указывала на идеологические, экономические, организационные причины межэтнического напряжения в столице. Говорилось, в том числе, о плохой разъяснительной работе в СМИ, в образовательных учреждениях, об огромном социально-имущественном расслоении столичных жителей, которое не

может не оказывать своего негативного влияния и на межэтнические отношения, недостаточной работе московского правительства по оптимизации использования зарубежной рабочей силы и т.п. Отмечалось также негативное влияние международного терроризма, радикального ислама, зарубежной пропаганды, общей ситуации на международной арене и т.п.

В то же время такие факторы, как борьба криминальных структур и конкуренция на трудовом рынке, которые имели значение в начале 2000-х годов, в 2018 г. назывались гораздо реже.

По поводу того, кто виноват в сохранении в столице межэтнической напряженности, мнения московской молодежи заметно разошлись. Принципиально важным можно назвать тот факт, что молодые русские москвичи смотрели на ситуацию достаточно объективно и винили в возникающих конфликтах обе стороны, т.е. и русских старожилов, и иноэтничное население, в том числе мигрантов.

Примерно с равной частотой назывались следующие варианты: виноваты те люди нерусской национальности, которые мешают нормальной московской жизни, ведут себя агрессивно, не уважают русскую культуру и язык, пытаются устанавливать свои правила поведения и т.п.; виновато все общество, которое должно быть более толерантным, терпимым, гибким; виноваты русские москвичи со своей неприязнью к людям иной национальности и культуры; виновато правительство, мэр Москвы, СМИ. Интересно, что осуждения в адрес правительства нередко были полярными. Встречались, например, такие высказывания: «Виновато правительство, которое разрешает въезд в нашу страну всякому сброду», или: «Виноват капитализм и фашистское государство, которое ищет в меньшинствах козлов отпущения». Как и 10 лет назад, среди молодых москвичей бытовало мнение, что напряженность поддерживается специально, что немалую роль в этом играют националисты и экстремисты, разжигающие межэтническую вражду.

Одной из задач нашего исследования было стремление не только выяснить, как русские молодые москвичи оценивают межэтническую ситуацию в столице, но и как они сами относятся к представителям иной этнической принадлежности. Отношения людей друг к другу строятся, как известно, на самых разных принципах, в том числе на оценках поведения, личных качеств человека, его высказываний, взглядов, внешности, одежды и т.п. В некоторых случаях имеет значение социальный статус, имущественное положение, а иногда и этнический фактор. В начале нового века, наряду с этим особую роль играло и то, является ли человек местным жителем или приезжим. По данным опроса 2006 г., наиболее негативно москвичи, в том числе молодежь, относились к приезжим из среднеазиатских и закавказских государств, но и гости из российских южных республик не вызывали особых симпатий. Первые пять мест в этом антирейтинге занимали чеченцы, азербайджанцы, таджики, армяне, вьетнамцы (*Остапенко, Субботина* 2007: 174).

В наши дни столичная молодежь стала все реже заострять внимание на национальной принадлежности человека. Снижалась роль этнического фактора при формировании отношений между людьми. Особенно ярко это проявилось в сфере труда и образования.

Трудовые, школьные и студенческие коллективы оказались не только наиболее полиэтничными, но и относительно мало конфликтными. Хотя люди далеко не всегда имеют возможность выбирать себе коллег по работе или учебе, этнический со-

став сотрудников, согласно данным многих исследований, в том числе и нашего, редко вызывает серьезные возражения, как со стороны русских, так и представителей других народов.

В исследовании 2018 г. респондентам был задан вопрос, носящий несколько провокационный характер, т.к. был направлен на выяснение их отношения к тем группам людей, которые в недалеком прошлом вызывали у москвичей особую неприязнь – к мигрантам нерусской национальности. Предлагалось высказать свое мнение по поводу возможной совместной работы/учебы с приезжими иной этнической принадлежности. Основная масса опрошенных – от 45 до 53% ответила, что их отношение к таким людям было бы нейтральным; по мнению четверти, все зависело бы от личных качеств человека и 20% восприняли бы подобное пополнение своего рабочего/учебного коллектива положительно. Доля тех, чье отношение зависело от национальной принадлежности возможного коллеги/сокурсника/одноклассника, оказалась весьма незначительной – от 1% у школьников и работающих до 6% у студентов, как и относительная численность молодых людей, негативно воспринявших совместную работу/учебу с человеком нерусской национальности (не более 5%). По материалам опроса 2006 года, отнеслись бы безразлично к этническому составу трудового коллектива менее 30% молодых москвичей, что было в полтора раза ниже, чем в 2018 г.

Показательны также ответы русской молодежи на вопрос о предпочтительной национальности возможного начальника, руководителя, работодателя. Изменения, которые произошли в этом отношении во взглядах молодых людей за годы между исследованиями 2006 и 2018 гг., достаточно впечатляющие. Доля респондентов, считавших, что национальность руководителя (работодателя) не имеет значения, выросла более чем вдвое – до 44% у школьников, 50% у работающих и 67% у студентов. Соответственно, относительная численность отдавших предпочтение человеку только русской национальности, снизилась с 62% до 22–42% по группам.

В целом, хотелось бы подчеркнуть, что отношения в трудовых коллективах определялись, прежде всего, деловыми качествами работников, а не их этнической принадлежностью. Тем не менее, нельзя обойти вниманием тот факт, что более трети работающей молодежи продолжала оказывать предпочтение потенциальному начальнику исключительно русской национальности. Слабее всего этнические ориентации в этом вопросе оказались свойственны студентам, а в наибольшей мере школьникам. Так, своим предполагаемым руководителем хотели бы видеть только русского 43% школьников. Конечно, мнения школьников по поводу национальной принадлежности будущего босса вряд ли можно назвать достаточно обоснованными. Однако подобные взгляды необходимо принимать во внимание.

Принципиально важно, что подавляющее большинство (около 90%) русской столичной молодежи в той или иной мере негативно относилось к экстремистским молодежным группировкам, в частности, к скинхедам. Нашлась лишь небольшая группа людей (от 1-2% среди студентов и работающих до 6% среди школьников), высказавших положительное или скорее положительное отношение к подобным организациям. Реально состояло в них, по данным опроса, еще меньше молодых москвичей (2-3%)

По итогам исследования 2006 г. авторами был сделан вывод о «постепенном сдвиге в сознании русских старожилов в сторону более вдумчивого, разумного восприятия представителей других этносов» (*Остапенко, Субботина* 2007: 208). Как

видно, эта тенденция в целом продолжила свое развитие, но, судя по еще довольно широкому разбросу мнений молодых москвичей, данный процесс далеко не закончен и имеет довольно сложный и неоднозначный характер.

В этом отношении показательны представления русской молодежи о Москве как полиэтничном городе. Так, согласно опросу, говоря о российской столице, респонденты разделились на две практически равные группы: одни считали Москву просто большим мегаполисом (42-48% по группам), другие – столицей многонациональной России (42-43%). Менее 10% назвали Москву только русским городом.

Но далеко не все из тех, кто осознавал Москву столицей многонационального государства, признавали необходимость наличия в ней определенных этнических атрибутов, важных для комфортного проживания здесь представителей других этносов, помимо русских. На вопрос: «Нужны ли в Москве этнические школы?» утвердительно ответили менее четверти молодых людей (от 21% работающих до 24% школьников и студентов), примерно столько же выступили за развитие в Москве средств массовой информации на языке этнических меньшинств (от 17% школьников до 31% студентов). Даже существование в городе национально-культурных обществ поддержали далеко не все – 34-55% по группам. А вот работа в Москве театров с этнической спецификой вызывала уже меньше возражений («за» проголосовало от 41% школьников до 60% студентов) и в особенности деятельность ресторанов и кафе с этнической кухней (положительный ответ выбрали более 50% у школьников и работающих и около 80% у студентов). Хотя и в этих случаях имелись голоса «против».

Все это не может не свидетельствовать о серьезных расхождениях и противоречиях во взглядах московской молодежи на межэтническую ситуацию в городе. На фоне высказываний многих русских москвичей о том, что причиной межэтнической напряженности в Москве выступает недостаточная осведомленность, не информированность людей друг о друге. Вызывает некоторое недоумение отсутствие интереса у немалой части молодежной аудитории, особенно у школьников, к изучению жизни и культуры других народов. Так, не высказали желания расширить свои знания об этническом многообразии мира 20% студентов и работающих и 48% школьников. Доля тех, кто хотел бы больше узнать о жизни и культуре иных этносов, колебалась от 42% школьников до 64% студентов и работающих. Конечно, эти цифры нельзя назвать особенно низкими, но круг интересующихся бытом и культурой других народов мог бы быть и шире.

Откуда же молодежь черпает информацию о представителях других национальностей и цивилизаций? Кто или что в наибольшей мере влияет на формирование у молодых москвичей образа человека иной национальности? По данным опроса, на первом месте по числу выборов у школьников стояла семья (33%), на втором – непосредственное общение (27%), у студентов и работающих первое место занимало «непосредственное общение», второе – семья (соответственно 45% и 36%). Студенческая молодежь сравнительно часто получала сведения о других народах из СМИ (35%), школьники и работающие – несколько реже – в 20-23% случаев. Лишь чуть более четверти школьников пользовались информацией, полученной на уроках в школе. Для большинства студентов и особенно работающих школьные знания в основном остались в прошлом. Лишь немногие из респондентов получали подобную информацию от друзей и знакомых, а черпали сведения из литературы и научных работ не более 5%.

Вряд ли те источники, которыми преимущественно пользовалась московская молодежь (семья и личное общение), можно назвать достаточно полными и объективными, что важно иметь в виду при разработке различных программ и конкретных мероприятий по работе с молодежью, воспитанию у молодых людей чувства этнической толерантности и интереса к окружающему миру.

Еще в исследованиях начала 2000-х годов ученые акцентировали внимание на необходимости повышения роли образовательных систем в деле формирования у молодежи этнической толерантности, ориентаций на позитивные межэтнические контакты. Причем особо подчеркивалась важность «… перехода от идеи специального образования для "разных по культуре" к образованию для всех с включением "культурного параметра"…». Говорилось о том, что «Будущее за образовательными системами, при которых создаются условия для формирования личности, способной к установлению диалога с носителями различных этнокультурных ценностей» (*Мартынова* 2008: 542). Как видно из опросов последних лет, потребность в подобном подходе остро ощущается и современной молодежью, которая считает отсутствие достаточно полной и широкой информации о других культурах и народах значимой причиной межэтнической напряженности.

Межэтнические браки русской молодежи Москвы

Одним из важнейших показателей отношения друг к другу людей разной этнической принадлежности могут служить их ориентации на этнически смешанные браки.

Межэтнические браки являются тем феноменом демографического поведения этнической группы, который возникает в условиях контактирования двух или более этносов, между которыми не существует отношений такой степени интолерантности, которая мешала бы сосуществованию и взаимодействию в различных областях общественной жизни, в том числе и в сфере брачных отношений. Межэтнические браки, являясь результатом развития демографических и этнических процессов, «перекрестьем» демографической и этнической линий развития народа, оказывают определенное влияние на ход воспроизводственных процессов внутри этноса, определяя в известной мере динамику его численности на данной территории, в том или ином государстве (см. подробнее: *Козлов* 1969; *Сусоколов* 1987; *Столярова* 2004 и др.). Стратегия выбора брачного партнера иной этнической принадлежности – это шаг по пути «размывания», увеличения разнородности, этнокультурной мозаичности своей этнической группы, когда потомки от подобных браков вынужденно прерывают этническую линию одного из родителей. В то же время традиция заключать брачные союзы в пределах своей этнической группы является «стабилизатором этноса», механизмом, обеспечивающим воспроизводство не только тех или иных культурных особенностей, но, прежде всего, этнического самосознания, ощущения психологической связи со своим народом (*Бромлей* 1983: 200–211).

Посмотрим, каковы же ее установки на межэтническое общение в такой интимной сфере как браки, ведь они могут служить одним из важнейших индикаторов межэтнических отношений в городе в целом. В этом случае различные культуры вступают в наиболее тесные контакты, происходит процесс заметного межкультурного взаимодействия. Для многих это представляется достаточно сложным. Ведь,

чтобы принять в свою семью человека иной национальности, культуры, веры, необходимо переступить через многие условности и стереотипы, выйти на более высокий уровень сознания.

Исследования показали, что установка на смешанный брак у русских была детерминирована множеством факторов, среди которых немаловажное значение имели этническая структура населения города, удельный вес в ней русской составляющей, обширность «русского» брачного рынка, культурная дистанция между контактирующими этносами, а также давность и частота межэтнических контактов, состояние межнациональных отношений.

На формирование установки на смешанный брак определенное влияние оказывал и этнический состав микросреды, в которой человек жил: круг близких друзей, родительская семья, национальность супруга(и) или жениха (невесты): у молодых людей, воспитанных в чисто русских семьях, а также у тех, кто имел супруга(у) русской национальности, более ярко была выражена установка на однонациональные браки, фиксировалось негативное отношение к смешанным бракам.

Согласно данным этносоциологических опросов прошлых лет, русским, в отличие от ряда других титульных народов постсоветского пространства, было присуще толерантное отношение к бракам своих близких с людьми иной национальности. В конце 1980-х гг. более 60% русских в российских городах и свыше половины в столицах бывших союзных республик считали, что национальность в браке не имеет значения (*Арутюнян* 1992: 191).

Материалы опроса русских в Москве в 2006 г. показали существенные изменения в установках на межэтнические брачные союзы: основная масса русских уже относилась к межнациональным бракам с определенной долей настороженности: меньше четверти (23%) опрошенных русских москвичей ответили тогда, что национальность в браке не имеет значения (табл. 2). Правда, следует отметить, что в установках москвичей на межнациональный брак наблюдалась четкая возрастная дифференциация: чем моложе были респонденты, тем благосклоннее они относились к межэтническим бракам. Так, среди людей старше 50 лет только 19% респондентов считали, что национальность в браке не имеет значения, в то время как среди русской молодежи (18-29 лет) аналогичная группа опрошенных составляла 29%. Но все же примерно четверть (24%) молодых русских москвичей негативно относилась к подобным бракам, а среди людей старшего возраста 39% считали межнациональные браки нежелательными.

Произошедшие изменения в установках москвичей на браки с людьми другой этнической принадлежности во многом были связаны с резкими изменениями в национальном составе населения Москвы. Неконтролируемый приток в Москву иноэтничных мигрантов, создавший для жителей города множество проблем, в том числе и в сфере межнациональных отношений, существенно повлиял на установки русских на межэтнические союзы. Если в начале 2000-х годов (по данным исследований Ю.В. Арутюняна) доля русских, отрицательно относившихся к приезду в Москву людей иной этнической принадлежности, была в несколько раз больше доли тех, кто негативно оценивал межэтнические браки (*Арутюнян* 2006: 53), то уже к 2006 г. эти показатели начали сближаться, т.е. не слишком благожелательное отношение к приезжим начало проецироваться и на межэтнические брачные установки (*Остапенко, Субботина* 2007: 220).

Таблица 2

Установки на межэтнические браки русской молодежи Москвы

	2006 г.	2018 г.
1. Считаю брак нежелательным	24	9
2. Предпочел бы свою национальность, но возражать бы не стал	41	30
3. Национальность в браке не имеет значения	29	58
4. Затрудняюсь ответить	6	3
Итого	100	100

Исследование 2018 г. показало, что к концу второго десятилетия XXI в. отношение к бракам с людьми другой национальности существенным образом изменилось. Так, среди наиболее «взрослой» части опрошенной молодежи – работающих – 57% респондентов ответили, что национальность в браке не имеет значения. У студенческой молодежи аналогичный показатель достигал 67%. Самая юная часть молодежной группы – школьники – оказалась наименее толерантной, но и у них 49% опрошенных отметили неактуальность национального фактора при вступлении в брак. Тем не менее, именно школьники были в наибольшей степени нетерпимы к межнациональным бракам: 16% из них заявили, что считают такие браки нежелательными, в то время как среди более «взрослых» респондентов – работающей молодежи и студентов – столь негативное восприятие межнациональных браков было характерно лишь для 7 и 5% соответственно. В целом же по опрошенной молодежной группе негативная оценка межнациональных браков была высказана лишь менее 10% респондентов.

Напомним, что опрос русской молодежной группы (18-29 лет) в Москве в 2006 г., проведенный авторами, показал, что негативная оценка межнациональных браков составляла в те годы 24%, а молодых людей, считающих, что национальность в браке не имеет значения, было всего 29%, т.е. за прошедшее десятилетие отношение к межэтнической брачности у столичной молодежи существенным образом улучшилось, терпимое восприятие межнациональных браков среди молодых русских не только сохраняется, но и растет, правда, определенные гендерные и возрастные особенности установок на межэтническую брачность все же наблюдаются.

Результаты исследования 2018 г. позволили проанализировать отношение к межнациональным бракам более детально и дифференцированно. В анкете был поставлен вопрос: «С человеком какой национальности предпочтительнее всего вступать в браки а) русской девушке и б) русскому юноше?». Такая гендерная дифференциация в вопросе объяснялась тем, что (как полагали авторы) более высокая ориентация на эндогамный брак для русской девушки, нежели для русского юноши, значима при выборе национальности для будущего ребенка. Национальность ребенка обычно определяется по этнической принадлежности отца, а, следовательно, для сохранения детьми русской национальности существенно важнее, чтобы в эндогамные браки вступали русские девушки, нежели русские юноши.

Ответы на этот вопрос дали возможность показать, что отношение русской молодежи к представителям других национальностей сегодня становится все более дифференцированным и избирательным. Вот каковы были ответы на этот вопрос русской столичной молодежи. Оценки оказались практически однозначными и гендерной дифференциации относительно того, кто вступал в брак – девушка или юноша, не наблюдалось. Но юным москвичам и здесь была свойственна более весомая ориентация на гомогенные браки, т.е. на браки с русскими (44-47%). За однонациональные браки высказалось 35% работающих. Оценки студенческой молодежи были не столь категоричны, и за однонациональные «русские» союзы высказало(и)сь 23-24% опрошенных. Что касается межэтнических брачных союзов, то из предложенного, весьма обширного списка женихов и невест других национальностей наиболее предпочтительными брачными партнерами для опрошенных нами юношей и девушек оказались украинцы, евреи и армяне. Причем для брака русских девушек чаще были выбраны украинцы и евреи, а для браков русских юношей – украинки и армянки. Отношение респондентов к возможным брачным партнерам, представляющим неславянские народы, населяющие Россию и страны ближнего зарубежья, оказалось более сдержанным.

Мы имели возможность проследить также влияние гендерного фактора на различия в оценках межэтнической брачности у русской молодежи. Если в группе самых молодых и школьников таких различий практически не наблюдалось, то в группах постарше – работающей молодежи, среди которых уже значительна доля состоящих в браке людей, гендерные различия становятся очень выразительными: русские девушки и молодые женщины гораздо чаще молодых людей высказывают свое негативное отношение к межнациональным бракам, ориентируясь на однонациональные брачные союзы. Так, среди работающей молодежи считают межнациональные браки нежелательными 4% молодых людей и 11% девушек, ориентированы на браки с русскими 23-26% русских юношей и 43-46% русских девушек.

Заключение

В заключение, обобщая полученные в исследовании материалы, можно сделать вывод, что в настоящее время русская столичная молодежь принимает довольно активное участие в межэтническом взаимодействии в городе и это взаимодействие носит в целом позитивный характер. В то же время, рассматривая это явление в динамике, можно заметить, что за последние годы частота межэтнического общения русских юношей и девушек несколько снизилась, прежде всего, за счет некоторого падения доли этнических меньшинств в российской столице, а также в результате усиления «закрытости», «изолированности» части этнических диаспор Москвы. Если эти процессы продолжатся, т.е. количество мигрантов будет сокращаться, при этом их этнический состав изменяться за счет роста доли лиц, более далеких от русских по языку, культуре и менталитету, вполне возможно, что и уровень межэтнических контактов с ними у русской молодежи будет иметь тенденцию к снижению.

Как показало исследование, для немалой части русских во время общения с людьми иной национальности в быту, на работе, в школе или вузе главным фактором выступает не этническая принадлежность, а личностные качества человека. Лишь у весьма небольшой доли опрошенных это общение вызывало негативные чувства. В большинстве же случаев русская молодежь была удовлетворена отношениями с

представителями других народов. Однако при этом трудно не заметить, что межэтническое общение носит у многих молодых москвичей несколько поверхностный характер, его можно назвать «взглядом со стороны». Так, при сравнительно частых контактах лишь четверть респондентов захотели и сумели перенять какие-либо элементы иной этнической культуры (пища, одежда, манера поведения и т.п.).

Судя по всему, сложившиеся у русской столичной молодежи установки на межэтническое общение в такой интимной сфере как браки, достаточно избирательны. На них оказывает влияние представленность того или иного народа в привычной этнической картине населения города и в прибывающих миграционных потоках, характерная для представителей той или иной этнической группы близость культуры и конфессии, уровень владения потенциальным партнером русским языком, наличие у него привычной для русских модели поведения. Итоги исследования показали также, что молодые люди с относительно слабой ориентацией на ценности собственной этнической культуры дают более благожелательную оценку межэтническим бракам.

Принципиально важен вывод нашего исследования о том, что в течение последних лет острота межэтнической ситуации в столице стала спадать. По мнению большинства респондентов (70-80%), межэтнические отношения в Москве сейчас или совершенно спокойные или в основном спокойные, но временами ухудшаются. Но при этом проблема сохраняет свою актуальность. Так, треть опрошенных назвали противоречия между русскими и людьми других национальностей в городе в числе наиболее значимых. Не исчезли полностью и многие причины межэтнических конфликтов, в числе которых, наряду с наличием в Москве инонациональных мигрантов, называется и слабая информированность людей друг о друге, их разобщенность. Между тем, активный интерес к истории и культуре других народов проявляют далеко не все молодые москвичи, а основные сведения об этом молодые люди чаще всего получают в родительских семьях или при личном общении. Соответственно, роль образовательных систем в данном процессе требует существенного повышения, о чем постоянно говорят ученые.

Хотя русская молодежь Москвы стала терпимее относиться к людям иной этнической принадлежности, в том числе к приезжим, многие ее представители негативно относятся к появлению в городе различных учреждений и организаций с этнической спецификой, важных для комфортного проживания здесь представителей иных народов, прежде всего этнических школ, СМИ и даже национально-культурных обществ.

Как видно, ситуация в сфере межэтнических отношений в Москве, по представлениям московской молодежи, несмотря на существенный прогресс, еще далека от оптимальной и имеет довольно нестабильный характер. Хотелось бы особо выделить школьную молодежь, т.е. самых молодых респондентов, для которых характерно менее массовое межэтническое общение. Отношение к людям иной этнической принадлежности у большинства учащихся школ можно охарактеризовать как индифферентное, хотя и не резко негативное. Но предпочтение людей своей национальности и своей этнической культуры во всех сферах жизни ощущается у школьников более явственно, чем среди работающей молодежи и особенно студентов. Их настроения, конечно, вполне могут измениться (в ту или другую стороны) в процессе взросления нынешних мальчиков и девочек, расширения их контактов и общего кругозора, повышения образования и т.п.

Научная литература

Арутюнян Ю.В. (отв. ред.). Русские. Москва: Наука, 1992. 464 с.

Арутюнян Ю.В. Москвичи глазами этносоциолога. Москва: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2006. 260 с.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. Москва: «Наука», 1983. 418 с.

Еленин С. Мигранты из Киргизии обустраивают под себя столицу России // Комсомольская правда. 20.08.2018.

Козлов В.И. Динамика численности народов. Москва: «Наука», 1969. 408 с.

Мартынова М.Ю. Московский опыт адаптации мигрантов средствами образования // Молодые москвичи. Кросскультурное исследование. Москва: Российский университет дружбы народов, 2008. 659 с.

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? Москва: Российский университет дружбы народов, 2007. 353 с.

Остапенко Л.В. Старченко Р.А., Субботина И.А. Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этнокультурные характеристки). Полевая этностатистика. Москва: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2018. 184 с.

Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. 343 с.

Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. Москва: «Мысль», 1987. 142 с.

References

Arutiunian, Iu.V. (otv. red.). 1992. *Russkie* [The Russians]. Moscow: «Nauka».

Arutiunian, Iu.V. 2006. *Moskvichi glazami etnosotsiologa* [Moscovites as Seen by an Ethnosociologist]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Bromlei, Iu.V. 1983. *Ocherki teorii etnosa* [Analytical Review of Ethnos Theory]. Moscow: «Nauka».

Elenin, S. 2018. Migranty iz Kirgizii obustraivaiut pod sebia stolitsu Rossii [Migrants from Kirgizstan are Making Their Life in the Capital of Russia More Comfortable]. *Komsomol'skaia pravda'*. 20.08.2018.

Kozlov, V.I. 1969. *Dinamika chislennosti narodov* [Dynamics of Peoples Number]. Moscow: «Nauka».

Martynova, M.Yu. 2008. Moskovskii opyt adaptatsii migrantov sredstvami obrazovaniia [Moscow way of adapting migrants by educational means]. *Molodye moskvichi. Krosskul'turnoe issledovanie* [Young Muscovites. Cross-cultural study]. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov.

Ostapenko, L.V., I.A. Subbotina. 2007. Moskva mnogonatsional'naia. Starozhily i migranty: vmeste ili riadom? [Multinational Moscow. Long-term Residents and Migrants: Together or Nearby?]. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov.

Ostapenko, L.V., R.A. Starchenko, and I.A. Subbotina. 2018. Russkaia molodezh' Moskvy (sotsial'no-demograficheskie i etnokul'turnye kharakteristki). In *Polevaia etnostatistika* [Russian Youth of Moscow (Social-demographic and Ethnocultural Characteristics). Field Statistics]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.

Stoliarova, G.R. 2004. *Fenomen mezhetnicheskogo vzaimodeistviia: opyt postsovetskogo Tatarstana* [Interethnic Interaction Phenomenon: Based on Post-Soviet Tatarstan Experience]. Kazan: izdatel'stvo Kazanskogo Universiteta.

Susokolov, A.A. 1987. *Mezhnatsional'nye braki v SSSR* [Interethnic Marriages in the USSR]. Moscow: Mysl'.

Ostapenko, Lyubov V., Roman A. Starchenko, and Irina A. Subbotina. **Russian Youth in Moscow in the System of Interethnic Relations**

Young people's participation in optimizing interethnic relations is becoming particularly important in the face of growing interethnic tension, a rise of distrust and suspicion between countries and nations. Based on the analysis of data from the survey carried out among Muscovites aged 16-29, the article is aimed at showing the scale and nature of interethnic interaction between the Russian population of the capital and representatives of other ethnic groups in Moscow, attitude towards such contacts in different spheres of life (including interethnic marriages), young people's evaluation of the interethnic situation in the city and opinion on the reasons for its instability

Key words: *Young people, Russians, Moscow, interethnic relationships, interethnic conflicts, interethnic marriages*

УДК 39+28.7+ 394.014+316.48
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/106-118

© ***О.В. Кульбачевская***

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМУ*

В статье на основе результатов массового опроса населения и свободных интервью, проведенных автором в Республике Крым, анализируется этносоциальная ситуация на полуострове. Отдельно рассматриваются вопросы гражданской и этнической идентификации, этнокультурные запросы, миграционные намерения жителей республики. Оцениваются возможные риски в сфере межэтнического взаимодействия, в том числе влияние неблагоприятной социальной ситуации на состояние межэтнических отношений

Ключевые слова: *этносоциальная ситуация, гражданская и этническая идентичность, языковая ситуация, этнокультурные запросы, миграционные намерения, межэтнические отношения*

В августе-сентябре 2018 г. по методике Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов был проведен массовый опрос населения в Республике Крым. Автором статьи были опрошены жители больших и малых населенных пунктов: Симферополя (один из двух крупнейших городов республики, экономический и культурный центр полуострова), Алушты (крупный город-курорт на Южном берегу Крыма), поселков и сел Городского округа Алушта, так называемой Большой Алушты (Рыбачье, Верхняя и Нижняя Кутузовка, Сатера, 16 км Судакского шоссе, Малореченское, Солнечногорское). Выборка составила 200 человек[1]. Также был проведен ряд свободных интервью с жителями Городского округа Алушта. На основе собранных материалов можно оценить этносоциальную ситуацию и выделить основные тенденции в сфере межэтнических отношений в Крыму.

Нельзя сказать, что опрос населения проходил легко. Люди неохотно шли на контакт, были подозрительны и напряжены. Приходилось сталкиваться с комментариями следующего рода: «Приезжайте в Крым отдыхать и не лезьте с политикой!». С большей охотой люди соглашались взять анкеты на самозаполнение. Удивительно, но некоторые крымчане принимали автора статьи, проводившего опрос, за украинскую шпионку (несмотря на официальное письмо от Института этнологии и антропологии РАН). Опре-

Кульбачевская Ольга Вячеславовна – н.с. Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: ola_kul@mail.ru. **Olga V. Kulbachevskaya** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Prospect, 32A). E-mail: ola_kul@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

[1] В 2014 г. по сравнению с 2001 г. численность лиц, назвавших себя «татарами» (без слова «крымские»), была в Республике Крым выше в 3,3 раза**.** См.: Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе /Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. С. 109.

деленная часть украинцев отказывалась принимать участие в опросе, некоторые из них недоуменно восклицали: «А при чем здесь *Российская* академия наук?». Тяжело шли на контакт крымские татары. Автор посещала места их компактного поселения, где часто сталкивалась с закрытыми воротами, которые не открывали. Многие крымские татары, встречающиеся за пределами своего двора, отказывались принимать участие в опросе, объясняя это своей занятостью. Возникали также проблемы из-за не очень хорошего знания русского языка некоторыми крымскотатарскими домохозяйками. Это одна сторона процесса исследования. Другая сторона – это, наоборот, активное участие в опросе другой части крымчан, которые увидели для себя возможность высказаться в надежде на то, что об их трудностях и проблемах услышат и помогут.

В массовом опросе приняли участие 52% женщин и 48% мужчин. Почти две трети опрошенных являются жителями крупных городов, 40% – жители поселков и сел. Эти пропорции соответствует долевому соотношению мужчин и женщин, а также соотношению городского и сельского населения как в Республике Крым, так и в Крымском федеральном округе.

Подавляющее большинство респондентов (90%) являются старожилами, то есть живут в Крыму более 10 лет. Две трети из них здесь родились. Тех, кто приехал в республику недавно (не более пяти лет назад), немного – 6%. Большинство из них приехали с Донбасса (Донецка, Горловки и др.), один – из ЛНР (г. Луганск), еще несколько человек – с Поволжья (Татарстан, Удмуртия). Еще меньше оказалось среди опрошенных тех, кто проживает в регионе от пяти до десяти лет (4%). Половина из них приехала из Украины (Киевская, Черниговская области), остальные переселились в Крым из таких республик бывшего СССР, как Белоруссия, Узбекистан, Армения. Один респондент прибыл из российского региона – Тульской области.

Все опрошенные, за исключением двух человек, указали свою национальность. Около двух третей являются русскими, 5% – украинцы (несколько человек из их числа определили себя еще и как россиянина или славянина), 2% – татары (в том числе и приехавшие из Узбекистана; некоторые также в качестве второй национальности указывают «россиянин»), такая же картина характерна и для крымских татар – их в выборке оказалось 2%, некоторые из них указали второй национальностью «россияне». Среди других национальностей в небольшом количестве встречаются армяне, осетины, белорусы. По несколько человек относят себя не к этническим группам, а к славянам, россиянам, советским людям. Также есть совсем небольшое количество респондентов космополитов – земляне, люди мира.

Довольно велика – одна пятая – доля опрошенных крымчан с двойной национальностью. Половину из них составляют люди, имеющие две национальности – русский и украинец. Как правило, русская самоидентификация указывается в качестве первой национальности, а украинская стоит на втором месте. Также заметны в выборке люди с русско-татарской идентичностью. В этом случае также национальность «русский» указывается первой. Единичны случаи людей с другой двойной национальностью: русский-мордвин, русская – полячка, русская-казашка.

По данным переписи населения 2014 г. в Крымском федеральном округе, русские на тот момент составляли 68% населения полуострова, украинцы – 16%, крымские татары – 11% (Итоги переписи 2015: 108). Эти три этнические группы – самые многочисленные в Крыму. Если количество русских, попавших в выборку при опросе, соответствует доле русских по переписным данным, то доля украинцев и крымских

татар занижена. Однако, следует заметить, что если учесть, что во время переписи населения в Крыму в 2014 г. не фиксировалась двойная национальная принадлежность (и в этом случае люди с русско-украинской идентичностью могли относить себя на тот момент к украинцам[1], в то время как в последующие годы эти же люди могут самоопределяться как русские), а также то, что некоторые крымские татары могут определять себя как просто «татары»[2], то можно считать, что национальный состав опрошенных приближен к национальному составу населения Крыма.

Социальная ситуация

Две трети жителей Крыма, принявших участие в опросе, на момент исследования имели работу, пятая часть – пенсионеры, еще 2% – работающие пенсионеры, десятая часть – занимающиеся домашним хозяйством, 2% – учащиеся и 3% – безработные. Лишь менее половины опрошенных (48%) смогли оценить свое материальное положение за последний год как в целом нормальное. Совсем немногие (7%) расценивают его как хорошее. Треть оценили свое материальное положение как затруднительное, а десятая часть заявила о тяжелой материальной ситуации. К этим «неблагополучным» показателям можно добавить еще пять процентов ответов из категории «другой ответ»: «условно нормальное», «удовлетворительное», «бывало лучше». Отметим, что в 2016 г., по данным этносоциального исследования в Крыму, проведенного Институтом этнологии и антропологии РАН, людей, оценивших собственное материальное положение как затруднительное и тяжелое, было меньше (19,5% и 2,5% соответственно) (*Старченко, Степанов* 2018b: 225).

Респонденты говорили о том, что с 2014 по 2018 г. всем было трудно, что в настоящее время нет работы, особенно для молодежи в селах, что цены на все очень высокие, пенсии маленькие, зачастую денег хватает только на коммунальные платежи, еду и переоформление документов («не могу себе позволить купить крем для лица»). Наиболее пессимистично оценивают свое материальное положение молодые люди (до 29-ти лет): почти в равной степени их ответы распределяются между позициями «в целом нормальное» и «затруднительное». А вот для людей старше 60-ти лет, несмотря на жалобы на небольшие пенсии, характерен более оптимистичный взгляд на свою ситуацию: почти в три раза чаще они оценивают свое материальное положение как в целом нормальное по сравнению с затруднительным. Это отчасти объясняется тем, что для пожилых людей важна стабильность, некоторые из респондентов отмечали, что хотя материальная ситуация и трудная, но все же стабильная. Оценки людей среднего возраста (от 30 до 59 лет) охватывают всю шкалу ответов – от хорошего до тяжелого материального положения.

В наиболее благоприятном материальном положении находятся люди с высшим и средним специальным образованием. Если смотреть оценки материального состояния у респондентов с различной длительностью проживания в регионе, то относительно лучше себя чувствуют люди, проживающие в Крыму от пяти до десяти лет. Прямую зависимость материальной ситуации от этнической принадлежности респондента результаты опроса не показывают.

[1] Кроме того, при сопоставлении данных переписей в Крыму 2001 и 2014 гг. выявилось сокращение украинского населения на полуострове, и эта тенденция может сохраняться по настоящее время.

[2] В 2014 г. по сравнению с 2001 г. численность лиц, назвавших себя «татарами» (без слова «крымские»), была в Республике Крым выше в 3,3 раза. См.: Итоги переписи 2015: 109.

Если учесть, что по результатам текущего опроса у половины опрошенных условия жизни за последний год улучшились, а у четверти не изменились, можно сказать, что социальная ситуация в регионе была и остается неблагоприятной. Лишь для 18% респондентов жизнь в Крыму стала лучше.

Среди тех, кто работает и собирается работать, не наберется и трети от их общего числа, кто оценивает возможности своих заработков на ближайший год как хорошие. Большинство из них (две трети) считают, что ничего нельзя сказать наверняка и возможности заработка неопределенные. Еще 7% считают, что в ближайший год у них плохие перспективы получить нормальный денежный доход. И почти столько же респондентов затрудняется оценить свои возможности заработать в ближайший год. Как видим, большинство опрошенных крымчан не очень оптимистично смотрели в будущее в 2018 г. Хотя возлагали большие надежды на открытие Крымского моста. Для подавляющего большинства опрошенных (90%) это событие имеет очень большое значение. В первую очередь крымчане в этой связи надеются на понижение цен на продукты, расширение ассортимента товаров и приток туристов (который увеличит доходы местного населения). Все это должно повысить качество и уровень жизни. Кроме того, Крымский мост для многих респондентов – это «связь с Родиной», «соединение с Россией», «символ», удобство коммуникации с материком, возможность чаще приезжать в гости родным и близким. Лишь для очень немногих респондентов (3%) открытие моста не является важным событием, 5% затруднились оценить его значимость.

(Через год после опроса, осенью 2019 г. автор данной статьи вновь посетила Крым (г. Алушта и окрестности). Из бесед с местными жителями стало ясно, что многие ожидания крымчан не оправдались: открытие Крымского моста никак не повлияло на цены на продукты и товары (они так и остаются высокими и даже несколько подрастают, сопоставимы с московскими, а в ряде случаев даже превосходят их), а зарплаты и пенсии остаются маленькими. Все это негативным образом отражается на социальном самочувствии жителей полуострова).

От респондентов поступило много предложений для улучшения жизни в Крыму. Все они касались социальной сферы. По мнению крымчан, необходимо повысить зарплаты и пенсии («Детям нет возможности купить игрушки, сводить на аттракционы, обеспечить им полноценное питание»), а также обеспечить население рабочими местами («Рабочие места на круглый год, чтобы зарплата была не по 12-18 тыс. руб., а чтобы рабочий человек мог рожать и обеспечивать достойной жизнью своих детей. Рабочий день должен быть не по 12-14 часов при такой маленькой зарплате»). Нужно понизить цены на продукты (а также улучшить их качество), промышленные товары, коммунальные услуги и топливо. Провести газ там, где его нет.

Большой проблемой является замусоренность региона, в том числе прибрежной зоны – необходимо наладить уборку и вывоз мусора. Еще одной проблемой являются канализационные сбросы в море. Многие респонденты говорили о том, что необходимо следить за чистотой сбросов, привести в порядок канализацию и повсеместно отремонтировать очистные сооружения.

Необходимо наладить транспортную инфраструктуру: отремонтировать и построить дороги, особенно в сельской местности. Неоднократно упоминалась проблема отсутствия детских площадок в поселковой местности – местным жителям негде выгуливать детей. Есть сложности с устройством детей в детские сады.

По мнению большинства респондентов, основным фактором улучшения жизни для местного населения Крыма будет развитие туристической отрасли. Крым нужно сделать жемчужиной России, круглогодичным оздоровительным курортом, довести его до уровня мировых стандартов. Но для этого понадобится многое. Нужно восстановить санатории, парки, навести порядок в каждом городе, на каждой улице, соорудить фонтаны, засадить все зеленью и цветами. Обязательно следует построить комфортные набережные для туристов и местных жителей в прибрежных поселках, развить инфраструктуру для отдыхающих («а то кроме чебуреков ничего нет»). Для увеличения потока туристов звучали предложения ввести льготы на дорогу для российских студентов. Нужно решить вопрос с незаконными постройками, особенно вдоль набережных.

Перед крымчанами отдельно стоит вопрос частного предпринимательства. По их мнению, необходимо уменьшить бюрократические преграды, препятствующие развитию частного сектора экономики (малого бизнеса), дать жителям возможность легально реализовывать выращенные в садах и огородах фрукты, овощи, а также молочную продукцию. Раньше у сельских жителей имелась такая возможность реализации, в настоящее время полиция запрещает это делать, при этом нормальные условия для свободной торговли не созданы.

Нужно увеличить финансирование медицины и учебных заведений. Вопрос с медицинскими услугами для части опрошенных стоит остро. Например, жителям населенных пунктов Городского округа Алушта за квалифицированной медицинской помощью приходится ездить в г. Алушта, где они сталкиваются с очередями и материальными расходами («несмотря на то, что медицина бесплатная – все равно надо платить»).

Неблагополучное социальное положение выражается еще и в том, что опрашиваемые просили о предоставлении социальной помощи: скидки для малоимущих на продукты, организация центров поддержки для пенсионеров и нуждающихся, организация бесплатных обедов для них. Необходима благотворительная поддержка для жителей, перенесших войну на Донбассе и в Луганской области. Также поступали предложения упростить процедуру гражданства для жителей Донбасса и ЛНР (что и было сделано в апреле 2019 г. [Указ Президента 2019]).

В связи со сменой гражданства серьезной проблемой для крымчан являются вопросы прописки и переоформления земель и строений. В первую очередь это касается тех, кто был прописан на Украине, но давно постоянно живет в Крыму. Респонденты предлагали упростить процедуры, связанные с пропиской для Крыма, как особого региона в переходный период; прописывать людей там, где они фактически живут. Нередки случаи, когда людям есть где жить (и где они долгое время постоянно живут), но прописаться и оформить имущество нельзя, вследствие чего люди попадают в тупиковую ситуацию: нет прописки – нет хорошей работы и социального обеспечения (особенно сложна ситуация с детьми, на которых нет пособий, нет возможности попасть в детские сады). По мнению респондентов, российские законы в Крыму должны быть более лояльные в связи с особенностью ситуации, необходимо упрощение процедуры прописки. Кроме того, очень многие опрошенные заявляли о бюрократической волоките и взяточничестве при решении вопросов с оформлением прописки, жилья и земель.

И, наконец, очень много претензий прозвучало в адрес местных властей. По мнению респондентов, в госструктурах исполнительной власти велика коррупционная состав-

ляющая. Звучали предложения о замене местных чиновников на грамотных управленцев «с материка», «хороших хозяйственников», а также о необходимости осуществлять строжайший контроль местных органов власти, контролировать использование бюджетных средств, увеличить количество проверяющих органов и расширить их полномочия. Было даже одно категоричное пожелание: «оживить Сталина». Очевидно, что у жителей Крыма есть большие ожидания того, что в скором времени в регионе будет наведен порядок и налажена социальная сфера силами грамотных управленцев.

И последнее. Об ощущении безопасности в регионе. Подавляющее большинство (87%), проживая в Крыму, чувствуют себя в безопасности. Однако более десятой части опрошенных (15%) сказать этого не могут. Внешних угроз они не чувствуют, а вот внутренняя ситуация вызывает беспокойство. Высказывались мнения о том, что в Крым приехало много преступных элементов и мошенников с Донбасса и «материка». Люди не доверяют власти, полиции, прокуратуре, которые, по их мнению, продажны и не могут защитить.

Языковая ситуация и этнокультурные запросы

Большинство опрошенных (80%) назвали своим родным языком русский. Этот показатель говорит о том, что русский язык является единственным родным не только для русского населения, но и для части представителей других национальностей, а также для большинства жителей с двойной этнической принадлежностью. Украинский родным языком назвали лишь 3% респондентов. Совсем немного опрошенных крымчан имеют один национальный родной язык (по полпроцента): крымскотатарский, татарский, армянский, белорусский. Людей, имеющих два родных языка, – 16%. Две трети из них помимо русского языка назвали родным украинский, одна пятая часть – татарский, одна десятая – крымскотатарский.

Все опрошенные понимают, говорят, пишут и читают на русском языке. Очень многие респонденты (79%) в той или иной степени знают и могут использовать украинский язык: почти две трети понимают его, пишут, читают и разговаривают на нем; 13% только понимают; 4% не только понимают, но и могут читать на украинском. Полное владение крымскотатарским языком характерно для 6% людей, принявших участие в опросе (ситуация, когда при наличии в выборке 2% крымских татар по самоопределению, владеют крымскотатарским языком в три раза больше людей, говорит в пользу того, что крымские татары в отношении национальности могут определять себя как «татары»). Еще 4% крымчан понимают крымскотатарский язык, понимают и могут говорить на нем 2% респондентов. Что касается других национальных языков, то их представители по большей части полностью владеют своим национальным языком (армянский, белорусский, казахский, осетинский), либо понимают и читают на нем (польский).

При общении на улице и на работе все опрошенные используют русский язык. Дома также используют русский почти все респонденты, за исключением нескольких человек – украинки, использующей дома украинский язык, и крымской татарки, говорящей дома на крымскотатарском. Помимо русского дома могут говорить также и на украинском языке 8% респондентов, на украинском 2% и крымскотатарском – 1,5% респондентов. Также 3% могут разговаривать на улицах на украинском языке и 5% – на крымскотатарском (что объясняется, в том числе, и компактным прожи-

ванием крымских татар). Представители других национальностей используют свои родные языки для общения только дома (армянский, мордовский, удмуртский). Результаты показывают, что основным языком общения в общественных и производственных местах в Крыму является русский. Украинский и крымскотатарский языки могут использоваться некоторой частью населения для общения дома и, в небольшом объеме, на работе и на улицах.

Большинство респондентов (81%) поддерживают наличие в Крыму трех государственных языков (русский, украинский, крымскотатарский). По мнению участников опроса, три государственных языка – это признак демократии и справедливости, это мудрое решение для региона, где русские, украинцы и татары являются самыми многочисленными этническими группами, и каждый имеет право говорить на своем языке. Это дает свободу выбора, удобно для всех, способствует единению жителей Крыма и их мирному сосуществованию. Один из респондентов отметил, что статус крымскотатарского языка как государственного нужен для того, «чтобы татары успокоились».

Небольшая часть (7%) полагает, что поскольку Крым – часть России, то в регионе должен быть только один государственный язык – русский («Одна страна – один язык», «Русский – главный!».). Только русский, по мнению некоторых, нужен для того, чтобы представители других национальностей «не дебоширили», кроме того, украинский и крымскотатарский почти не используются в обычной жизни на полуострове. Также, отмечают респонденты, несколько государственных языков создают проблемы и трудности в делопроизводстве и усложняют оформление документации.

Такой же части опрошенных (7%) безразлично, какие и сколько государственных языков будет в Крыму. И совсем немного человек (5%) затруднились с оценкой ситуации с государственными языками.

Для изучения в школе для своих детей и внуков подавляющее большинство (89%) выбрало бы русский язык, при этом 8% респондентов хотели бы, чтобы дети наряду с русским изучали еще и иностранные языки (в основном назывался английский, но также в список желаемых вошли немецкий, испанский, китайский и арабский). Почти столько же людей (7%) считают необходимым изучение и русского и национального языков (украинского, крымскотатарского, татарского, белорусского, армянского). Стоит ли говорить, что такой вариант ответа выбирали украинцы, крымские татары и т.д.? И еще столько же респондентов выбирали для своих детей и внуков изучение русского, одного из национальных и иностранный язык. Таким образом, за то, чтобы молодое поколение изучало в школах только русский язык, выступает две трети опрошенных.

Совсем небольшая часть участников опроса (3%) предпочла бы, чтобы их дети и внуки изучали в школе только национальные языки (без русского), при этом половина из них не отказалась бы наряду с национальным и от иностранного языка. Затруднились с ответом совсем немного людей. Также немногим было все равно (какие языки предложат школы, пусть те и будут). Некоторые ратовали за широкий спектр языков для изучения в школе («чем больше, тем лучше»). Небольшая часть полагает, что школы должны учитывать выбор детей.

Если в случае предпочтения языков для изучения наблюдается разнообразие родительских запросов, то в случае выбора языка для изучения основных предметов в школе (математика, физика, химия и др.) опрошенные крымчане почти полностью единодушны во мнении о том, что таким языком должен быть русский. За это выступают 98% респондентов. Немногие из их числа (4%) называют наряду с русским еще и

иностранный язык. Тех, кто хотел бы, чтобы дети и внуки изучали основные предметы на национальном языке, очень мало (1,5%). Затруднились с выбором лишь единицы.

О том, что в Крыму есть крымскотатарский телевизионный канал «Миллет», знают многие респонденты. Треть опрошенных смотрит этот канал. Крымские татары смотрят его часто, а русские и люди с двойной (русско-украинской и др.) идентичностью смотрят его иногда. Некрымскотатарское население на этом канале привлекают красивые фильмы (с переводом на русский язык), хорошие концерты, национальные танцы, наряды, праздники, быт. Некоторым русским нравится, что на этом телеканале транслируются такие традиции как уважение к семье, забота о старших и младших, трудолюбие. Около одной десятой опрошенных не знают о таком канале, а чуть более половины знают, но не смотрят.

Согласно результатам опроса в отношении языковой ситуации можно сделать вывод, что Крым является русскоговорящим регионом; запросы на национальные языки присутствуют, в том числе и в образовательной сфере, для десятой части населения. Национальный телевизионный канал востребован крымскими татарами, а также, в меньшем объеме, частью русского и русско-украинского населения. Три государственных языка дают возможность в определенной мере удовлетворять языковые запросы нерусского населения и стабилизируют сферу межэтнического взаимодействия.

Несколькими годами ранее специалисты Института этнологии и антропологии РАН проводили в Крыму исследование языковой ситуации. Результаты опроса 2018 г., проведенного автором в указанных выше районах Крыма, подтверждают выводы коллег: несмотря на то, что подавляющее большинство нерусских жителей владеет русским языком (при этом часть из них определяет его как родной), активно использует его в повседневном производственном, бытовом и внутрисемейном общении, тем не менее, для таких жителей характерно владение своим национальным языком, а также потребность сохранять и передавать его своим детям и внукам (в том числе через образовательный процесс [*Старченко, Степанов* 2018b: 227–229]). Это продолжает оставаться актуальным на современном этапе и должно учитываться при выстраивании этнокультурной политики в регионе.

Гражданственность и этничность

В 2015 г. мои коллеги провели серию этносоциологических исследований в отдельных местностях Крыма (Симферополь, Алушта, Судак). Результаты их исследований показали, что 77% опрошенных крымчан чувствуют себя гражданами России, 5% – одновременно гражданами России и Украины, чуть менее 6% – гражданами Украины (*Старченко, Степанов* 2018a: 234). По данным опроса 2018 г. (проводимого по той же методике и почти повторяющего географию названных выше исследований), подавляющее большинство опрошенных (77%) ощущают себя гражданами России. Еще 4% также ощущают себя гражданами России, но при этом еще и крымчанами (жителями Крыма). Такое же небольшое число респондентов (4%) имеют двойную гражданскую идентичность: считают себя и гражданином России, и гражданином Украины. Все респонденты с такой двойной гражданской идентичностью являются либо украинцами, либо имеют двойную национальность «русский-украинец», за исключением одного татарина. Определенная часть опрошенных (5%) находится в переходном состоянии, они по самоопределению уже не являются гражданами Украины, но и россиянами еще

не стали. Среди таких респондентов есть как люди с русско-украинской идентичностью, так и русские. Еще 2% не относят себя ни к гражданам России, ни к гражданам Украины, а называют себя только крымчанами (это характерно, в первую очередь, для крымских татар, но в небольшом количестве в этой категории встречаются и русские). Также в выборку попало небольшое количество тех, кто считает себя гражданином СССР, человеком мира или никем (по 1%). Столько же людей затруднилось с ответом.

Что касается приоритетов в ряду идентичностей (гражданской, этнической и региональной), то две трети опрошенных хотят, чтобы в повседневной жизни их воспринимали окружающие как гражданина страны. Еще пятая часть также желает быть в глазах окружающих гражданином своей страны, но при этом также и крымчанином. Одна десятая часть предпочитает региональную идентичность – быть в глазах окружающих жителем Крыма. Желающих, чтобы их воспринимали как представителя отдельной национальности, совсем немного (1%), об этом заявляли украинцы и белорусы. Для небольшой части респондентов (3%) не актуальны идентичности, о которых идет речь, они предпочитают быть просто людьми или личностями. Как видим, у довольно большого числа жителей Крыма (одна треть) актуализирована региональная идентичность. Возможно, это связано с новейшей историей полуострова. При этом гражданская идентичность является преобладающей, в то время как вопрос этнической принадлежности отходит на второй план (что, на наш взгляд, является залогом мирного сосуществования в многонациональном регионе).

Межэтническое взаимодействие

Подавляющее большинство опрошенных (90%) оценивают отношения в своем населенном пункте как спокойные. Тем не менее, небольшая часть респондентов (3%) (все они русские) придерживается противоположного мнения. Напряженность в межэтнических отношениях, по их мнению, вызвана различиями в религиозных взглядах, а также тем, что часть крымских татар и украинцев не принимает «русский режим». Русские ощущают к себе неприязнь, кроме того, у них есть претензии к крымским татарам: «татары всем недовольны, а нас это обижает и раздражает». Еще 6% ответов можно отнести к тревожным симптомам в сфере межэтнического взаимодействия. Суть их заключается в том, что отношения между национальностями в регионе латентно напряженные («пока спокойные», «в режиме ожидания», «все затихли», «пока не трогают, все нормально»). По мнению респондентов из этой категории, ситуация балансирующая, и если будет любая информационная диверсия со стороны украинцев или крымских татар, в любой момент может вспыхнуть конфликт. Высказывались нелестные мнения о крымских татарах («они хитрые, стараются быть при власти, которая сильней, склонны к массовым предательствам»), вспоминалось их посредничество немцам в годы Великой отечественной войны. Таким образом, почти треть опрошенных ощущает тревожность в сфере межэтнического взаимодействия. Отметим также, что некоторые из тех, кто оценивал межэтнические отношения как спокойные, добавляли комментарии такого рода: «крымские татары не высовываются, потому что знают, что получат по заднице», и отмечали, что бывают драки по пьяни. А, как известно, бытовые конфликты, в т.ч. на алкогольной почве, могут быть легко переведены в этническую плоскость. Также следует учитывать, что определенная часть опрошенных могла дать положительный ответ из соображений политкорректности.

Тем не менее, большинство жителей Крыма, принявших участие в опросе, чувствуют себя комфортно в сфере межэтнического взаимодействия и почти все (96%) за последний год не испытывали негативного к себе отношения из-за языка, на котором говорят, своей национальности и религии. Исключение составляют несколько случаев, когда русские сталкивались с негативным отношением из-за национальности, а крымские татары – из-за языка, национальности и религии. Также одним респондентом (по самоопределению славянкой) было высказано мнение, что негативное отношение может выражаться и не в открытую: «улыбаемся друг другу сквозь зубы».

По мнению большинства опрошенных (78%), за последний год отношения между национальностями в регионе не изменились, 15% полагает, что они улучшились. Небольшая часть (3%) считает, что ухудшились. И это, по мнению некоторых из них, связано с крымскими татарами, которые извлекают из сложившейся в регионе ситуации выгоду для себя и могут отвернуться от России, если где-то будет еще выгоднее: «Они чувствуют себя хозяевами, наглые, Украина обещала им Крым, они сейчас злые, ждут момента, дружат с Украиной, попрятали оружие, чуть что – выстрелят. Украина им ничего не дала, ждут, что, может, Россия даст», «Много татар, они ненадежные, могут затеять заварушку, если будет выгода им». Также крымские татары обвиняются в убийствах русских: «Татары на 18 мая (день депортации) убивают людей, а милиция закрывает на это глаза» (следует отметить, что в неформальных беседах с крымскими татарами, отказавшимися принять участие в опросе, но желающими высказаться, автор слышала такое же обвинение, но в адрес русских, которые убивают крымских татар).

Из всего вышесказанного очевидно, что, несмотря на, в целом, положительные оценки населением Крыма отношений между национальностями, вопрос с крымскими татарами является одним из главных конфликтогенных факторов. В этой связи важно знать мнение крымчан о реабилитации незаконно депортированных с территории Крымской АССР.

О реабилитации незаконно депортированных

Указ президента России 2014 г. о реабилитации пострадавших от незаконной депортации с территории Крымской АССР ничего не изменил в жизни 76% опрошенных. Для десятой части изменения произошли, однако, если для крымских татар это положительные изменения («узаконили землю дедушки», «узаконили землю и дом»), то для русских эти изменения носят как положительный, так и отрицательный характер. Положительный потому, что это «успокоило татар», способствует гармонизации межэтнических отношений и сохранению спокойствия в регионе; некоторые русские респонденты рады за реабилитированных. Отрицательный потому, что вызывает чувство несправедливости и недовольства у русских: «Татары стали жить лучше», «Кто татарин, тому и земли и поддержка (украинцам тоже соцподдержка). Русским даже не получить справку – целая проблема, ребенка в сад не устроить, т.к. донецкие во всех садиках. Исполком берет взятки внаглую», «Татары стали жить зажиточнее, рожают детей, прописываются и узаконивают землю быстрее», «Льготами пользуются только татары, они рожают – есть на что, россияне беднее, зарплаты идут только на коммунальные услуги и проплаты за переоформление документов, денег, чтобы нормально питаться и жить нет».

Вопрос об указе снова провоцировал русских респондентов на комментарии по поводу ситуации с пропиской: «Русским людям трудно прописать детей и внуков,

в надстройках над гаражами не прописывают, а люди там живут на ПМЖ, русским людям нет нормальных условий для жизни, без прописки нет льгот детям», «Позаботьтесь, пожалуйста, о русских, которые живут в Крыму на ПМЖ, а до 2014 г. были прописаны на Донбассе (при Украине это разрешалось)».

Несмотря на то, что указ принес для крымских татар возможность положительных изменений, многие из них сталкиваются с трудностями в оформлении земель и домов: «указ узаконивает участки, но много волокиты и взяточничества, нет прописки, нет оформления, замкнутый круг. Нужны особые условия для прописки».

Были также и другие ответы: «Для татарского населения изменили к лучшему, а русским самозахват не узаконят», «Этот вопрос вообще не надо поднимать, т.к. считаю, что пострадали все жители огромной страны. Приняли указ и точка. Это история, а жить дальше надо с чистого листа».

Две трети респондентов ответили, что власти больше ничего не должны делать для депортированных. По мнению многих, крымским татарам и так уже все дали – землю, жилье, деньги. Сделали даже больше, чем нужно. В этом пункте опроса опять появляются многочисленные комментарии о несправедливом отношении к русским: «Им (татарам) достаточно, они и земли и документы на них получили, а нам очень тяжело получать такие документы после смены государственности, надо геодезию делать заново, расходы большие», «*Ничего* (заменено матерное слово – О.К.) им всем. Местные постоянно страдают. Им (татарам и украинцам) все, а мы на последнем плане», «Не выделять их (крымских татар) из общего числа жителей Крыма. Всем тяжело…», «А когда очередь дойдет до нас, русских?».

Часть респондентов отметила, что депортированных почти не осталось, те, кто получает блага как депортированные, таковыми не являются. И если уж выделять льготы депортированным, то старикам, а их внукам и детям нет, «пусть сами работают».

И все же 7% опрошенных считают, что депортированным нужна еще поддержка и помощь в следующих вопросах: ускорить и упростить все процедуры оформления и прописки с учетом особенностей региона, уменьшить денежные сборы, искоренить бумажную волокиту. Нужно пересмотреть возможность регистрации детей и людей, живущих в Крыму много лет, но имеющих ранее прописку в Украине (сейчас, имея законное жилье и землю, люди не могут прописаться и прописать своих детей и родственников, сталкиваясь с множеством препятствий в ФМС). Следует организовать помощь людям пожилого возраста в оформлении документов. Также прозвучали предложения построить мечеть и создать национальную автономию.

Существенная часть ответов (28%) на вопрос о дополнительной помощи депортированным относится к категории «другой ответ». Суть всех этих ответов заключалась в том, что необходима поддержка русского населения: «Позаботьтесь о простых русских, которым не положены ни земля, ни жилье, ютятся молодые со стариками», «Татары имеют все, рожают детей, прописывают. Русские не могут рожать – нет условий и прописки», «Помогите русским в Крыму». Собственно, эти ответы также означают, что респонденты не поддерживают идею о дополнительной помощи депортированным народам в своем регионе.

Информационные предпочтения

Две трети респондентов доверяют российским газетам, радио и телепередачам о жизни в Крыму. Еще 4% также доверяют именно российским СМИ, но частично, поскольку полагают, что не все факты освещаются, не все правда, но, тем не менее, они все же ориентируются на масс-медиа России. О доверии украинским СМИ заявил только один респондент (русский). Небольшая часть респондентов (6%, русские и украинцы) принимают к сведению и российские и украинские сообщения. Довольно много людей (16%, представители всех национальностей) не доверяют ни тем, ни другим СМИ, поскольку считают, что любые масс-медиа подконтрольны власть имущим и сообщают выгодную для себя информацию, а, значит, не совсем объективную. Такие респонденты полагаются только на то, что видят своими глазами, на рассказы очевидцев и окружающих их людей. Около 3% опрошенных вообще не пользуются СМИ.

Довольно много опрошенных крымчан (28%) не пользуются интернетом. Большинство тех, кто черпает информацию о жизни в Крыму из сети (75%), полагается на российский интернет. Исключительно украинскому интернету доверяет только один респондент. От общего числа пользующихся интернетом 8% используют российские и украинские интернет-источники, но сопоставляют факты и делают самостоятельные выводы. Некоторые из респондентов также читают сообщения российских и украинских блогеров. Десятая часть использующих интернет не доверяют никакой интернет-информации о ситуации на полуострове, в своих представлениях ориентируясь только на «живые» факты.

Результаты исследования показывают, что большинство опрошенных крымчан доверяют только российским масс-медиа и интернет-источникам. Однако среди жителей полуострова довольно высока доля тех, кто скептически относится к объективности любых СМИ. Отметим, что такое отношение характерно преимущественно для людей с высшим и неоконченным высшим образованием.

Миграционные намерения

Подавляющее большинство опрошенных (91%) не намерено уехать из Крыма на длительный срок или на постоянное жительство в другой регион или другую страну. В число таких респондентов входят украинцы и люди с русско-украинской идентичностью. Характерно высказывание по этому поводу одного респондента-украинца: «Раньше хотел уехать, сейчас уже вряд ли – вроде нормализовалась ситуация, а на Украине неизвестно, что будет». Совсем немногие (4%) планируют переселиться в другие регионы России: Московскую область, Санкт-Петербург, Краснодар, Удмуртию (все эти респонденты русские). Еще меньше людей (2%), может быть, уедут из Крыма, но не сейчас или только на заработки. Переселиться из Крыма в другую страну собирается только одна украинка. Затруднились с ответом 2,5% респондентов.

Более трети респондентов (36%) заявили, что их родственники или друзья хотели бы переехать в Крым на постоянное место жительства, как из российских регионов (Москва, Московская область, Воронежская область, Орел, Брянск, Курск, Смоленск, Ставропольский край, Республика Коми, Удмуртская Республика, Новосибирск, Омск, Урал, Север России), так и из других государств (Украина (Киев, Кировоград, Одесса,

Черниговская, Львовская области), ЛНР, ДНР, Белоруссия, Молдавия, Казахстан, Узбекистан). Отметим, что от общего числа тех, кто желает переехать в Крым, жители Украины составляют одну четвертую. Три респондента заявили, что их родственники хотели бы жить в Крыму, но у них нет возможности для переезда, кроме того, их отпугивают сложности с пропиской, а также отсутствие работы. Родственники и друзья 29% опрошенных не желают переезжать в Крым. У одной десятой части респондентов все родственники и друзья проживают в Крыму, либо уехали на Украину.

Как видим, большинство опрошенных крымчан (включая украинское и русско-украинское население) не собираются покидать Крым, имеют довольно обширные в плане географии родственные связи (в том числе с другими регионами России). Для переселения желающих родственников на полуостров имеются препятствия, связанные с особенностями социальной ситуации в Крыму.

* * *

Крым является русскоязычным регионом, этнокультурные запросы населения не очень ярко выражены в определенной степени удовлетворяются. Несмотря на то, что население в целом оценивает межэтнические отношения в своем регионе как спокойные, существуют взаимные претензии и латентная напряженность между русскими и крымскими татарами. Неблагоприятная социальная ситуация, сохраняющаяся по сей день, усиливает претензии русского населения к крымским татарам и может существенно повлиять на состояние межэтнических отношений в Крыму.

В заключение хотелось бы привести несколько обширных комментариев, оставленных респондентами на оборотной стороне анкеты. Эти комментарии очень ярко иллюстрируют социальное самочувствие части опрошенных людей:

«Во многих селах и поселках рядом с г. Алушта нет газа, очень плохие дороги, нет тротуаров. От руководства одни обещания. При Украине был в Алуште территориальный центр, там можно было временно прописать родственников или детей, приехавших после учебы, и других граждан, попавших в трудные жизненные ситуации. Сейчас в ФМС работают только с бумажками, людей не видят совсем, никто не поддержит. Советуют прописаться у соседей, если по документам не положено (но у человека есть жилье и он там фактически проживает). А брать взятки и волокитничать с документами у малоимущих положено. Нужно упростить процедуры с преоформлением документов на землю и строения с украинских на русские. Везде плати. А пенсия мизерная. На что жить? На что покупать лекарства? Очень просим, помогите».

«В ясли и детские сады очереди, которые почти не движутся. Очень маленькие зарплаты у молодежи: трудно купить ребенку вкусную и полезную еду, игрушку. За поездки к родным и речи нет. Мебель, предметы быта недосягаемы. А кредиты под баснословные проценты. Очередей на расширение жилья нет, все за деньги, а где их взять?

Нужно, чтобы в Крыму возобновилась работа круглогодичных здравниц, чтобы люди имели работу круглый год. Посодействуйте!!!».

Источники и материалы

Итоги переписи 2015 – Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе /Федеральная служба государственной статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. С. 108.

Указ Президента 2019 – Указ Президента РФ от 29.04.2019 г. («Указ об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство России в упрощенном порядке (указ об упрощенном гражданстве для ДНР и ЛНР)»).

Научная литература

Старченко Р.А, Степанов В.В. Этнокультурная ситуация и языковая политика в Крыму // Мониторинг реализации государственной национальной политики в регионах России. Материалы всероссийского форума национального единства / Ред. Степанов В.В., Черных А.В. Москва; Пермь: ООО «Пермское книжное издательство», 2018a.

Старченко Р.А, Степанов В.В. Мониторинг реализации языковой политики в Крыму // Государственная национальная политика России: экспертное мнение / ред. Степанов В.В., Черных А.В. Москва: ИЭА РАН, 2018b.

References

Starchenko, R.A., and V.V. Stepanov. 2018a. Etnokul'turnaia situatsiia i iazykovaia politika v Krymu [Ethnocultural situation and language policy in Crimea]. In Monitoring realizatsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki v regionakh Rossii. *Materialy vserossiiskogo foruma natsional'nogo edinstva* [Monitoring the implementation of state national policy in the regions of Russia. Materials of the All-Russian Forum of National Unity], edited by V.V. Stepanov, A.V. Chernykh. Moscow; Perm: Perm Book Publishing LLC.

Starchenko, R.A., and V.V. Stepanov. 2018b. Monitoring realizatsii iazykovoi politiki v Krymu [Monitoring the implementation of language policy in Crimea]. In *Gosudarstvennaia natsional'naia politika Rossii: ekspertnoe mnenie* [State National Policy of Russia: expert opinion], edited V.V. Stepanov, A.V. Chernykh. Moscow: IEA RAS.

Kulbachevskaya, Olga V. **Ethno-social Situation and Interethnic Relations in Crimea**

Based on the results of a mass survey and free interviews conducted by the author in The Republic of Crimea, the article analyzes the ethnic and social situation on the peninsula. The issues of national and ethnic identification, ethnocultural demands, and migration intentions of the residents of the republic are considered separately. Possible risks in the field of interethnic interaction are assessed, including the effect of an unfavorable social situation on the interethnic relations

Key words: *ethno-social situation, national and ethnic identity, language situation, ethnocultural demands, migration intentions, interethnic relations*

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 39+008
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/120-129

© А.М. Сбитнева

«ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» КЛУБОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье использованы методы включенного наблюдения и этнографического интервью. Цель статьи – на примере клубов исторической реконструкции (КИР) по раннему Средневековью г. Москвы и Московской области изучить социальный состав, внутреннее устройство и деятельность КИР, проанализировать ключевые аспекты успешного существования клубов исторической реконструкции и причины их распада. Большинство КИР существует не более 5–7 лет. Тем не менее, в России есть клубы, которые «живут» по 25–30 лет. Время образования большинства исследуемых клубов раннего Средневековья – начало 1990-х – начало 2000-х гг. В статье дана информация о внутренней организации и распорядке КИР. Строгая иерархия и четкое распределение обязанностей среди членов клуба позволяет не только хорошо организовать клубу свою деятельность, в том числе участие в фестивалях и закрытых мероприятиях, но и мотивировать его членов не только к активному участию в движении ИР, но к изучению истории, освоению ремесел, занятиям физической подготовкой. Выявлено, что для продвижения по иерархической лестнице в клубах ИР и повышения статуса наибольшее значение имеет активная деятельность его членов в жизни клуба, проявление личных качеств, участие в организации выездных мероприятий, заинтересованность в развитии клуба и проведении исторических исследований. В клубах существует специальная система поощрений, прежде всего, в виде присвоения статусов. При этом отражением статуса участников движения ИР являются костюм и доспехи, различающиеся по сложности исполнения и стоимости. Мы пришли к выводу, что установление строгой иерархии является важным инструментом «продолжительности жизни» клуба – основной проблемы всех клубов ИР. Чем более продуманная иерархия в клубе, тем дольше существует клуб. Другим ключевым инструментом «продолжительности жизни» клуба является наличие грамотной и продуманной кадровой политики. Клубы ИР активно привлекают в свои ряды новых членов, но, в первую очередь, именно тех, кто увлечен историей, заинтересован поиском новой исторической информации и её воспроизведением. Боевые искусства, сражения, в данном случае имеют важное, но не первостепенное значение

Сбитнева Арина Максимовна – магистранка Факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Эл. почты: arinasbitneva@yandex.ru.
Sbitneva Arina M. – Russian State University for the Humanities. E-mail: arinasbitneva@yandex.ru

Ключевые слова: *историческая реконструкция, клубы исторической реконструкции, раннее Средневековье, иерархия, статус, мотивация*

Введение

Первые клубы исторической реконструкции появились еще в СССР, в 1970-е годы. Они были посвящены периоду Отечественной войны 1812 г. В постсоветское время начался постепенный рост количества исторических клубов в России. В контексте свободы страны от советской идеологии в начале 1990-х годов в России появились (сначала в крупных городах, а затем и в отдаленных районах) клубы исторической реконструкции (КИР), предназначенные выполнять целый ряд функций, в том числе культурного досуга, новой идеологии, формирования новых объединений и т.д. В настоящее время насчитывается несколько реконструкторских «эпох»: Античность (период до III–II-го вв. н.э.), раннее Средневековье (IX–XI вв.), развитое Средневековье (XII–XV вв.), Смутное время (XVI–XVIIвв.), Отечественная война 1812 г. (так называемая «Наполеоника»), Первая мировая война (1914–1917 гг.) и Вторая мировая война (1939–1945 гг.). Раннесредневековая реконструкция получила свое развитие только в конце 1990-х – начале 2000-х, но успела завоевать популярность, неподдельный интерес и любовь огромного числа людей. В связи с вышесказанным, вопрос исследования популярности клубов исторической реконструкции, в том числе относительно молодого, но занявшего свою нишу направления раннего Средневековья, их структуры и идеологических направлений представляется интересным и важным, с точки зрения социальной значимости подобных объединений.

В 2000–2010-е годы в России опубликовано немного работ, в которых представлены исследования движения исторической реконструкции. В основном, это научные статьи и две диссертации (*Веселова* 2011: 142; *Божок* 2013: 156).Однако выделенная нами проблема «долгожительства» КИР практически не представлена в научной литературе. Удалось выявить только две работы, посвященные этой проблеме, но по другому историческому периоду – Отечественной войне 1812 г. (*Гилёв* 2015: 259; *Таланов* 2016: 258). Оба автора – участники одного клуба по «Наполеонике», оба написали свои воспоминания о деятельности клуба на протяжении многих лет, в т.ч. и о кризисе клуба, который произошел в 2010-х годах.

Большинство КИР имеют ограниченные сроки «жизни» – от 5-ти до 7-ми лет. Лишь единицы являются «долгожителями»: они существуют и по 20, и по 30 лет. Почему так происходит? В предлагаемой статье на примере клубов исторической реконструкции раннего Средневековья мы проанализируем ключевые факторы, влияющие на их «долгожительство». Объектом нашего исследования стали клубы исторической реконструкции, занимающиеся периодом раннего Средневековья – IX–XI вв., базирующиеся в Москве и Московской области.

В работе мы использовали два метода исторических исследований: метод включенного наблюдения и проведение этнографических интервью. Метод включённого наблюдения предполагает качественный метод в исследовании, который позволяет проводить полевое изучение индивидов в их естественной среде и в повседневных жизненных обстоятельствах, то есть изучать социальную группу «изнутри». В данном случае, автор выступал и как наблюдатель, и как участник коммуникативного акта: занятий историческим фехтованием в клубе исторической реконструкции «Рус-

ская крепость»; а также фестивалей исторической реконструкции по средним векам («Русборг» 2017 и 2018 гг.; «Былинный берег» 2017 и 2018 гг.; «Русь Изначальная» 2018 г.; Большие дружеские маневры 2018 и 2019 гг.). В процессе этнографической работы был проведены интервью с представителями движения исторической реконструкции нескольких подмосковных клубов раннего Средневековья из г. Раменское, г. Жуковский и п. Томилино (Люберецкого р-на) и трёх клубов г. Москвы. Были опрошены мужчины и женщины от 16 до 60 лет. Вопросник включал 30 вопросов. Для исследования были отобраны «старые» клубы, появившиеся в начале 1990-х гг. («Серебряный волк», г. Москва) и «Красный дракон», г. Москва) и «молодые», основанные в 2000–2010-х гг. («Белая рысь» (г. Жуковский) – 2001 г., «Лучезар» (п. Томилино Люберецкого р-на) – 2009-2010 гг., «Наследие предков» (г. Раменское) – 2003 г., «Sann Väring» (г. Москва) – 2008 г.) (ПМА 2018, 2019).

Изучая историю деятельности клубов по раннему Средневековью, мы выделили два пути образования новых клубов исторической реконструкции: создание нового клуба «с нуля» (например, это путь клуба «Серебряный волк») и возникновение клуба на базе распадающихся клубов или отколовшихся от других клубов членов (например, это путь клуба «Красный дракон»). В ходе исследования было замечено, что, проработав несколько лет, КИРы начинают испытывать период стагнации и даже кризиса. Некоторые клубы после этого разваливаются. В среднем, небольшой исторический клуб, созданный друзьями-единомышленниками, существует 5–7 лет. В основе идеологии такого КИРа – создание клуба «для себя и друг для друга». Кадровой политикой обычно в таком клубе не занимаются: никого специально не привлекают («кто приходит, тот и приходит»). Эти клубы – своего рода замкнутое сообщество. Со временем члены такого клуба женятся, находят работу, перестают его посещать и клуб разваливается. Приведём другой пример. Клуб «Серебряный волк» был образован в начале 1990-х г. и существует до сих пор, пройдя несколько периодов стагнации и кризисов. В настоящее время в «Серебряном волке» есть члены клуба, которые занимаются в нем с 1990–2000-х гг., практически с момента основания: Н. пришла 27 лет назад, К. – 20 лет назад, Е. – 18 лет назад (ПМА 2018).

Факторы, влияющие на продолжительность существования клубов

Сочетание в рамках одного клуба разных типов его членов

На наш взгляд, для того, чтобы клуб существовал много лет, необходимо сочетание в рамках одного клуба разных типов его членов. На примере крупных клубов нами выявлена типология членов КИР.

Первый тип – это **активные** (действующие) члены клуба. Они принимают активное участие в деятельности клуба: регулярно посещают клуб, занимаются его организацией и обустройством, тренируются, увлекаются ремеслами, изучают источники по тому или иному историческому периоду, участвуют в фестивалях и выступлениях и т.д.

Второй тип – «**списочные**» (или «фестивальные») члены. Это такие члены, которые 2-3раза в год приезжают на фестивали, а также собираются вместе с активными членами на большие клубные мероприятия (один или два раза в год, например, на «праздник зимы»). Иногда их называют *бондами* (что по-скандинавски означает «землевладелец»). Бонды не находятся постоянно в клубе, но всё равно их считают членами клуба (ПМА 2018).

Третий тип – **«семейные»**. Многие члены клубов со временем обзаводятся семьями. Родители–члены клубов приводят своих детей в реконструкцию не только потому, что хотят привить детям любовь к исторической реконструкции, но и потому, что часто их просто некуда деть. Такой ребёнок всегда под присмотром, бегает и прыгает на свежем воздухе на фестивале. Приведём пример. Во время нашего посещения клуба «Серебряный волк» в нем тренировался А. (активный участник клуба, старший дружинник) и там же была его жена – Н., хотя она не член клуба. Супруги вместе приезжают в клуб и привозят троих своих детей (ПМА 2018).

Четвертый тип – **«временные»**члены. Это те, кто приходит в клубы, но впоследствии перестают их посещать.

> Как отмечал руководитель клуба «Серебряный волк» К.: *«Среди тех, кто в течение года приходят, становясь новыми членами, к концу года остаётся процентов 40. Из этих сорока ещё половина уходит в течение следующего года. То есть за два года из нового набора уходит 80%. Но 20% остаётся и это уже действующие активные члены клуба. Из них ещё половина становится старшими дружинниками. Остальные года 2-3-4 походят, позанимаются, реализуют свои интересы и… уходят из клуба»* (ПМА 2018).

Как нам представляется, такие люди являются полноценными и полноправными членами клубов и играют свою (хотя и временную) роль в жизни КИР.

Пятый тип – **«тусовщики»**. К ним мы относим тех членов КИР, которые не слишком увлечены реконструкцией, но в то же время им интересно проводить время с членами клубов. Они с удовольствием принимают участие в ряде клубных мероприятий. По нашему мнению, «тусовщики» тоже приносят пользу деятельности клуба.

> Рассказывает руководитель клуба «Серебряный волк» К.: *«У меня есть школьные друзья, с которыми мы еще в детстве по лесам скакали. Сама реконструкция им не очень интересна, но из лука пострелять они любят. И вот они сшили себе костюмы и на многие фестивали приезжают к нам, выступают на поле в качестве лучников. И нам приносят свой «интерес». Они неплохо стреляют. Они нам помогают: делают общую картинку более интересной и разнообразной»* (ПМА 2018).

Руководители клубов, ведущие грамотную политику поддержания клуба на «плаву», умеют ценить членов КИР всех типов, охотно привечают их, привлекают к разного рода занятиям, при этом не отталкивая и тех, кто не является «активными» членами. Разные типы членов клуба создают своего рода калейдоскоп, который лишь укрепляет фундамент КИР.

Постоянное развитие клуба

Вторым фактором, влияющим на «долголетие» клубов, можно назвать необходимость постоянного развития клуба. Под понятием «развитие» мы подразумеваем следующее: постоянное обновление членов клуба. Каждый год в клуб должны приходить новые люди. Руководитель клуба должен проводить грамотную кадровую политику (ПМА 2018) и продумывать методы привлечения новых членов. Если в 1990-е гг. было трудно организовать рекламу клуба, то в настоящее время, при использовании

интернета, сделать это не сложно: клубы имеют свои сайты, члены КИР участвуют в социальных сетях и т.д. Вторым существенным инструментом в процессе привлечения новых членов являются фестивали КИР. Как только руководитель клуба перестает заниматься притоком «молодой крови», клуб начинает постепенно «умирать». Среди клубов, которые распались после 5 – 7 лет существования, в основном и были такие, в которые по разным причинам не приходили новые члены.

Наличие жесткой социальной иерархии

Если клуб изначально построен как социальная иерархическая система, взятая из исторических книг по Средневековью или придуманная самим руководством клубом, то такой клуб имеет больше шансов не развалиться. Для многих «молодых» клубов характерно отсутствие подобных иерархий, стремление к демократии. Однако «старые» клубы, например, клуб «Серебряный волк» всегда поддерживал внутреннюю иерархию, порядок действий, дисциплину, общие стремления и не являлся просто «тусовкой» (ПМА 2018). Остановимся на этом вопросе подробно.

Наиболее сложная, продуманная и существующая много лет иерархическая лестница разработана в клубе «Серебряный волк». Статусы в клубе «Серебряный волк» появились примерно через 2 года после его создания и были связаны с необходимостью структурировать разрастающееся сообщество. В клуб приходили все новые и новые члены. Иерархия была придумана на основе культуры викингов.

Второй причиной создания социальной иерархии было стремление основателя клуба к духовной реконструкции, куда и «вошли иерархические позиции, строгая система поощрений, положения» и т.д. После появления в клубе женской половины возник «целый дом родовичей и рядовичей, который стал большой семьей» (ПМА 2018). В любом родоплеменном обществе всегда было трёхступенчатое деление – это новички, старички и правящий круг. Клуб начал «воссоздавать» родоплеменную иерархию викингов (как понимали его руководители).

Данная иерархия применяется как к мужчинам, так и к женщинам. Есть два главных статуса – «старший» и «младший». Они не связаны жестко с возрастом, хотя, безусловно, «выслуга лет», т.е. количество лет членства в клубе имеет значение. Главный критерий – количество и качество приносимой пользы членом своему клубу. Утверждение статуса осуществляется на клубных собраниях. Получение «младшего» статуса происходит на собрании, на котором присутствует 10-12 членов клуба. Сначала обсуждается вопрос о соответствии человека статусу «младшего» дружинника, после чего при свидетелях без голосования происходит объявление о присвоении статуса. Получение «старшего» статуса требует проведения собрания всех «старших» членов клуба (мужчин и женщин) и голосования. Всего в клубе «Серебряный волк» 40 действующих членов, из них статус «младших» имеет 5 женщин и 12 мужчин (ПМА 2018). Сроки получения статусов могут быть разными. Если человек «горит», развивается, активен и исполнителен, то члены клуба «замечают внутренний рост» нового члена. Он может быстро получить статусы «младшего» и «старшего».

Определенному статусу соответствует определенный костюм, который претендент должен пошить для себя сам. Для «младшего» статуса – это простой костюм из грубой, простой ткани, для «старшего» – богатый костюм из дорогой, богатой ткани «статусных» цветов (красного, синего и ярко зеленого). В зависимости от статуса у мужчин различаются и доспехи (ПМА 2018).

Иногда наличие статусов «младших» и «старших» приводит к сложным ситуациям в клубе. Например, в 2005 г. в клуб пришла женщина О. 40 лет и она получила статус «младшей», хотя несколько членов клуба были младше ее по возрасту, но уже имели «статус» старших. По воспоминаниям О., для нее это было довольно сложно, приходилось себя немного «ломать». По воспоминаниям старших членов клуба «Серебряный волк», в первые годы его существования «старшими» были старшие по возрасту, а младшие – младшие по возрасту, но постепенно возраст перестал быть ключевым критерием при получении статусов (ПМА 2018).

Сочетание различных мотиваций членов клуба

Члены КИР могут иметь разную мотивацию для пребывания в клубе: реализация любви к ремёслам (ткачество, гончарное, ювелирное дело), к боевым искусствам, увлечение историей, историческим антуражем и т.д. Главное, чтобы каждый член клуба понял для себя, зачем ему нужен клуб. И сочетание этих мотиваций (призваний) создаёт своеобразную мозаику, формирующую фундамент клуба. По мнению члена клуба «Серебряный волк» Е., их клуб не распадается долгое время, так как каждый его член нашёл свою нишу (призвание) в клубе.

Хорошую аргументацию для занятий ИР привел руководитель клуба «Лучезар» В., который активно призывает людей вступать в клубы реконструкторов:

«Историческая реконструкция – это, во-первых, физическая подготовка, физическая культура, потому что здесь мы занимаемся спортом, машем всевозможными тяжёлыми палками, мечами, щитами, то есть укрепляем физическую форму. Во-вторых, это определенная форма патриотического воспитания, потому что мы изучаем историю своей страны, своих предков. Это увлекательно и интересно. Ну и плюс ко всему, это отличное времяпрепровождение, если брать в расчёт выездные фестивали, костры, общение с людьми и бонусом к этому идёт изготовление своими руками различных предметов. Также, в клубе идет обучение разным инструментам. Сейчас люди не знают даже, как выглядит та же циркулярка или лобзик. Мужчина должен делать всё своими руками. Но нынешнее поколение от этого отходит. Исходя из вышесказанного, я бы посоветовал многим, практически всем вступать в историческую реконструкцию. Ну а для девушек это в первую очередь, конечно, красивые платья, которые она может сшить своими руками, украшения всякие – ходить, блистать с гордым видом, покорять сердца мужчин. Для этого девушки в основном и идут в реконструкцию» (ПМА 2018).

Наличие достойных преемников руководителя. Воспитание смены

Изучение преемственности в руководстве клуба «Серебряный волк», показало, что руководитель не должен бояться растить себе достойную смену. Первый руководитель клуба «Серебряный волк» был на своём посту около 25-ти лет. После него новым руководителем стал его ученик, который был членом клуба в течение 20-ти лет и, безусловно, знает основные правила в деятельности данного клуба. При этом, бывший руководитель сохраняет должность юридического лица (ПМА 2018). Наше общение с ним показало, что он до сих пор «горит» основными идеями клуба.

Наличие «костяка» клуба

Важным фактором в деятельности клуба является наличие в нём определённого количества его членов – «костяка» клуба. Это позволяет при возникновении различных проблем в клубе решать их позитивно. Приведем пример из жизни клуба «Серебряный волк». В деятельности клуба был переходный момент, когда руководитель и создатель клуба начал «отходить» от исторической реконструкции, интересуясь другими сферами, но ещё не назначил себе преемника. В этот период руководство клубом перешло к старшей дружине (ПМА 2018).

Сохранение свободы деятельности у членов клуба, отсутствие принуждения

Как рассказывали нам члены клуба «Серебряный волк», для них важно сохранение ощущения свободы, отсутствие элементов принуждения. Член клуба О. отмечала: *«В один момент я даже думала, что долго здесь не задержусь, начнут принуждать, что надо ездить в разные места, на фестивали и пр. Но у меня не всегда получается отпрашиваться на работе. Я поговорила со «старшей» женской половиной и она сказала, что необязательно везде-везде ездить»* (ПМА 2018).

Любой член клуба и даже его руководитель может расширять свои интересы и «уходить немного в сторону». Например, основатель клуба «Серебряный волк» М. после 25-ти лет членства в клубе решил заняться морскими походами XVIII в. и технологией создания старинных кораблей, сохраняя за собой должность юридического лица клуба. М. так объяснил эту ситуацию: *«В теме «Средневековье» для меня лично уже есть определённый момент стагнации, потому что всё, что можно было перепробовать на данный момент, было мною сделано. Оставалось только углубляться в простор реконструкции, повышать уровень и качество изготовляемых предметов. Я решил заняться немного другими вещами и не пожалел об этом», организовав «морскую команду».* В помещении того же клуба М. регулярно ведёт занятия морской команды. Поэтому члены клуба «Серебряный волк» имеют возможность тесно общаться со своим основателем (ПМА 2018).

В прошлые годы появились региональные филиалы клуба «Серебряный волк». Со временем руководители этих филиалов решили отделиться от головного клуба и основатель М. их спокойно отпустил, соблюдая принцип свободы выбора (ПМА 2018).

Наличие разновозрастных членов клуба

Изучая деятельность клуба «Серебряный волк», мы пришли к выводу, что присущая клубу разновозрастность – очень важный критерий успешной жизни. Каждый новый член, будь ему 20 лет или 40, в этом клубе может найти подходящий для себя круг общения. Например, нам известен случай, когда молодой человек пришёл в клуб исторической реконструкции, занимающийся Отечественной войной 1812 г. («Наполеоникой»), где ему всё нравилось – и костюмы, и поездки на лошадях, и обучение различным навыкам. Однако общаться ему было не с кем, т.к. ему было 25 лет, а другим членам клуба – за 45 (ПМА 2018).

В «Серебряном волке» есть члены клуба, которые занимаются в КИР с момента его основания – с начала 1990-х гг.: Н. – с 1991 г., К – с 1999 г., Е. – с начала 2000-х г. Теперь им по 35–45 лет. Когда М. основал клуб «Серебряный волк» (в 1991 г.) ему было 18, сейчас 46 лет (ПМА 2018).

Он рассказывал: *«В начале 1990-х гг. наш клуб был в Новокосино. Его при школе организовал учитель истории. Клуб был* ***молодежным****. И движение КИР вначале было молодежным, но потом – уже стало* ***разновозрастным*** *и часто семейным»* (ПМА 2018).

Иногда в клуб приходят семьями. Так в «Серебряный волк» в 2018 г. пришла семья из 4-х чел.: отец, сын, сестра отца и ее дочь. Они узнали о клубе во время фестиваля в Коломенском (Москва, март 2018) и решили стать его членами. Живя в Красногорске, они посещают клуб, который находится в центре Москвы. Приведём другой пример: клуб посещает мать и дочь (ПМА 2018).

Нынешний руководитель клуба К. добавляет: *«Члены (старше сорока лет) – примерно 20%. От 25-ти до 40 лет (это основная масса членов клуба) – 50%. Все эти люди – костяк клуба, которые в клубе уже 25 лет. Тогда им было по 15-17 лет. А из активного состава молодых всё-таки больше тех, кто недавно пришёл. В результате благодаря наличию разновозрастных членов в клубе есть институт наставничества. Любой участник клуба, кто довольно давно в клубе, но в то же время активно участвует, обычно ещё является наставником для молодых»* (ПМА 2018).

Создание новых направлений в деятельности клуба

Руководителю клуба приходится придумывать новые сюжеты, новые правила, новые тактики для того, чтобы старым членам клуба было интересно. Так, например, руководитель клуба «Серебряный волк» придумал для всех мужчин обязательный «дружинный» минимум, а сверх этого норматива каждый член может заниматься еще чем-то, что ему близко и интересно (ПМА 2018).

Кризис как норма

Для руководителя и членов клуба важно умение воспринимать возникающие периоды кризиса или стагнации в его деятельности как норму. Рассказывает основатель клуба «Серебряный волк» М.:

«Наш клуб – живой организм: люди уходят, люди приходят, новые лидеры, новые взгляды, новые тенденции реконструкции, новые фестивали, новые интересы коллектива – это всё абсолютно нормальные процессы внутри нормального коллектива. У нас было много разных кризисов, и сейчас не исключаю такие кризисы, поэтому люди приходят, кто-то учится, кто-то решает свои внутренние вопросы. Кризис – это перманентное составляющее любой человеческой общности. Когда какая-то общность есть – всегда какой-то кризис найдётся: кризис лидеров, кризис общения, кризис отношений, мероприятий, кризис материалов. Другой вопрос, как люди к этому относятся и стремятся ли эти кризисы преодолевать – это другая тема. В данном случае вижу исключительно человеческий фактор, потому что люди растут, многие взрослеют, получают свои дополнительные интересы, пересматривают взгляды и многое меняется. У нас много «новой крови», приходит много новых ребят, которые стремятся, двигаются. Они, собственно, и дают начало движению. Когда изначально с самых первых моментов руководитель и

клуб, если это действительно организация, а не просто тусовка ребят, не ставят своей целью т.н. кадровую политику, то у них не будет будущего в принципе. Руководитель обязан думать о кадровой политике» (ПМА 2018).

Опираясь на проведенные нами интервью, выделим основные причины ухода людей из клубов:

- Появление важных дел в жизни (карьерная лестница).
- Отсутствие способности приобретения навыков, необходимых для члена клуба.
- Реализация всех своих амбиций и интересов в клубе и отсутствие новых мотиваций для продолжения членства.
- Конфликты личностного характера.
- Неодобрение родственников и друзей занятием реконструкцией.
- «Слабый» лидер клуба (например, в клубах «Красный дракон» и «Колесо Перуна» («Sann Väring» его преемник)) (ПМА 2018, 2019).

Заключение

Таким образом, мы пришли к выводу, что большинство «временных» клубов, которые «живут» по 5–7 лет, возникают стихийно и не учитывают впоследствии целый ряд правил, которые следует соблюдать, чтобы клуб смог пережить периоды стагнации и кризисов. Однако возможно, что КИРы могут быть разными: и временными и постоянными, и все они при этом «работают» на то, чтобы движение исторической реконструкции прочно заняло свою нишу в культурной жизни общества, объединяя в своих рядах людей разных возрастов, профессий и образования. Движение исторической реконструкции в полной мере выполняет главную свою функцию – создание позитивных чувств к историческому прошлому России.

Источники и материалы

Полевые материалы автора. 2018-2019: интервью с руководителем клуба «Белая рысь» В. 14 января 2018 г. и членами клуба А., С., А. 14-20 февраля 2018 г.; интервью с руководителями клуба «Лучезар» Е. и В. 23 января и 11 февраля 2018 г. и членами клуба А., И., М., С. 11-18 февраля 2018 г.; интервью с руководителем клуба «Наследие предков» Е. 4 марта2018 г.; интервью с руководителем клуба «Серебряный волк» К. 25 ноября 2018 г. и членами клуба М., Е., О., И., И., А. 23 ноября – 25 декабря 2018 г.; интервью с руководителем клуба «Красный дракон» С. 10 января 2019 г.; интервью с руководителем клуба «Sann Väring» В. 11 января 2019 г.

Научная литература

Веселова Е.М. Социально-психологические особенности взаимосвязи лидера и малой группы в деятельности клубов исторической реконструкции. Дисс. к. псих. н. М., 2011. 142 с.

Божок Н.С. Движение исторической реконструкции как феномен молодежной культуры. Дисс. канд. социол. наук. Саратов, 2013. 156 с.

Гилёв Н.К. Эхо баталий: из опыта военно-исторической реконструкции. М.: Рейтар, 2015. 259 с.

Таланов А.И. Путь реконструктора: повествование в девяти главах с прологом и эпилогом. М., 2016. 258 с.

References

Veselova, E.M. 2011.*Sotsial'no-psikhologicheskieosobennostivzaimosvyazilidera i ma-loigruppy v deyatel'nostiklubovistoricheskoirekonstruktsii*[Socio-psychological characteristics of the relationship between the leader and small group in the activities of historical reenacting clubs]. *PhD diss*.Moscow.

Bozhok, N.S. 2013. *Dvizhenieistoricheskoirekonstruktsiikakfenomenmolodezhnoikul'tury* [The movement of historical reenactment as a phenomenon of youth culture]. *PhD diss*. Saratov.

Gilev, N.K. 2015. *Ekhobatalii: izopytavoenno-istoricheskoirekonstruktsii* [Repercussion of battles: from the experience of military-historical reenactment].Moscow: izdatel'stvoReitar.

Talanov, A.I. 2016. *Put' rekonstruktora: povestvovanie v deviatiglavakh s prologom i epilogom*. [The way of the reenactor: narrative in nine chapters with a prologue and an epilogue] Moscow.

Sbitneva, Arina M. **"Life" and "Death" of Historical Reconstruction Clubs in Modern Russia**

The article uses the methods of participant observation and ethnographic interviews. The purpose of the article is to study the social composition, internal structure and activity of the historical reconstruction clubs (HRC), using the example of the clubs in Moscow and the Moscow Region specialized in the early Middle Ages, to analyze the key to the successful existence of such clubs and the reasons for their collapse. Most of the HRC exist for no more than 5–7 years. Nevertheless, in Russia there are clubs that have "lived" for 25–30 years

Key words: *historical reenacting, historical clubs, the early Middle Ages, hierarchy, status, motivation*

УДК 39+316.36
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/130-148

© М.А. Андрюнина

СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ПРУЖАНЩИНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2019 г. В ПРУЖАНСКИЙ РАЙОН БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ БЕЛОРУССИИ*

В статье представлены полевые материалы, собранные в результате недавней экспедиции в западное Полесье (Пружанский район Брестской области) – старозаселенный регион, археологические находки в котором отмечают преемственность культур и соответственно определенное постоянство его населения. Это открывает широкие научные перспективы как для синхронного и диахронного славяноведения, благодаря факту положения этого места на стыке восточно- и западнославянского континуумов, так и для исследований его кросскультурного, религиозного, межэтнического и компаративного аспектов. Вниманию читателя предлагается первая часть исследования, содержащая материалы свадебной и родинной обрядности. Погребально-поминальный комплекс обрядов и мифологических представлений будет представлен в продолжении. Статья содержит описания обрядов, связанные с ними поверья, мифологические представления, практики и народную терминологию

Ключевые слова*: Полесье, полевые материалы, свадьба, родинная обрядность, традиционная культура*

Брестская область – часть западного Полесья, уникального историко-этнографического региона, расположенного на пограничье восточно- и западнославянского ареалов и являющегося зоной культурных, этнических и религиозных контактов. Действительно, географическое положение Полесья на стыке трех восточнославянских этносов (русские, украинцы, белоруссы) и одного западнославянского (поляки), вкупе с определенной обособленостью его территорий в силу факторов ландшафта (заболоченная лесистая низменность) сделало его своеобразным заповедником, характеризующимся как высокой сохранностью традиционной духовной и материальной культуры, так и широкой представленостью набора ее сюжетов, фрагментов, мотивов, разрозненно существующих в ряде других диалектных областей славянского мира. Особенности уклада жизни населения тоже способствовали сохранению на данной территории многих элементов славянской культуры, давно утраченных в других местах. Это было подтверждено многочисленными экспедициями в Полесье для

Андрюнина Мария Александровна – к. филол. н., научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: mary-andr@mail.ru. **Andryunina Maria A.** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr., 32A). E-mail: mary-andr@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

комплексного изучения языка, фольклора и всей традиционной культуры региона, которые планомерно проводились с середины XX века под руководством академика Н.И. Толстого (Институт славяноведения РАН). В результате был собран уникальный фонд полевого материала (Полесский…), включающий в себя, в том числе, богатые сведения из Чернобыльского и других районов, подвергшихся разрушительному воздействию крупнейшей в XX веке экологической катастрофы – аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.). Лекскикологические исследования доказали архаику и наличие глубоких связей Полесья со многими другими славянскими диалектными зонами: не только с ближайшими белорусскими и украинскими, а также с карпатской, мазовецкой, черниговско-брянской, псковской, новгородской, олонецко-архангельской и далее с южно- и западнославянскими (см.: *Толстой* 1968; *Мартынаў* 1971).

Согласно данным археологии, земли западного Полесья (условная граница проходит по рекам Горынь–Припять–Ясельда) признаны одним из старозаселенных регионов: здесь найдены поселения, датируемые примерно 1800-1400 гг. до н.э. (т.н. стщижовская культура). По мнению некоторых исследователей, последующие по хронологии археологические находки, относящиеся к лужицкой и поморской культурам, связаны друг с другом типологически и генетически, что позволяет говорить о преемственности древнейшего населения этих мест (*Кухаренко* 1965; *Кухаренко* 1968).

Обоснованные выводы археологов подтверждаются и народной культурой, характер которой К. Мошинский называл «архи-архаическим». Другие исследователи даже считали Полесье возможной прародиной славян (например, М. Фасмер, Г. Гирт, Я. Ростафиньский и др.). Полесские данные во многих случаях оказываются наиболее показательными и полными при реконструкции архаического состояния славянских обрядов, верований и картины мира в целом, что было подтверждено при работе над этнолингвистическим словарем «Славянские древности», написанном на общеславянском материале. Поэтому изучение Полесья в лингвистическом, этнологическом, археологическом, культурном и фольклорном отношении в любом случае ставит вопрос об этногенезе и прародине славян.

Нынешняя экспедиция в Пружанский район была организована Центром исследования белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, сотрудники которого любезно пригласили и автора данной статьи[1]. Материал собирался по программе Полесского этнолингвистического атласа по причине ее удобства для последующего картографирования данных; полного обследования традиционной духовной культуры и наблюдения над ее сохранностью и изменениями, размыванием и инновациями. Сведения также собирались по индивидуальным программам участников экспедиции, касающихся погребальной и поминальной обрядности, народной Библии и народной медицины.

В исследованном регионе (8 сел Пружанского района) была подтверждена высокая сохранность ряда архаических фрагментов традиции: например, зафиксирован обычай подвешивания жабы над колодцем во время засухи (Клепачи) и литья воды в дыру на могиле висельника (Юндилы) в обрядах вызывания дождя; изготовление «обыденных»[2] предметов; записаны рассказы о русалках, ведьмах и волколаках;

[1] Автор выражает благодарность Н.П. Антропову, принявшему на себя труд по сверке и редактуре всех приведенных в статье диалектных текстов; а также другим сотрудникам Центра Е.М. Боганевой, Т.В. Володиной и работникам домов культуры Пружанского р-на.

[2] Предметы и объекты (рушники, кресты и пр.), изготавливаемые сообществом целиком за один день в рамках окказиональной обрядности (мор, засуха, война и др.) для отвращения бедствия.

уцелели многие части календарной обрядности, например, *Громницы* (Сретенье 2/15.02), поминальная составляющая *Спаса* (Праздник Преображения 6/19.08), *Головосек* (День усекновения главы Иоанна Предтечи 29.08/11.09), *Купала* (07.07), ритуальные бесчинства и мн. др.

Для статьи был избран семейный цикл обрядов, на вопросы по которому респонденты отвечали охотно и полно; в настоящем издании вниманию читателя предлагается полевой материал Пружанщины, касающийся свадебной и родинной обрядности, похоронный же цикл войдет во вторую часть статьи, публикующегося с продолжением. Приведенные диалектные тексты (с переводом на русский язык) представляют собой образец живой речи жителей исследованных нами сел. Она приводится в орфографии, принятой для Полесского архива Института славяноведения РАН, которая была опробована при публикации полесского материал в ряде авторитетных научных изданий (*Толстая* 2005, *Народная* 2010).

Свадебный обряд

Сватовство

1. Я раскажу. Ну, нравицца хлопец дзивчыне, дружаць, патом бацьке гаварыт: «Буду жаницца». Есьли багатый и ана багатая, то выбирали так, а бедных ужэ не хацели, а ужэ пасцира́лося. И вот ужэ прысылаець бацько той сватоў, каб той сват умьел разгаварываць, каб ён ў радне яго, а нету, то чужого челавека нанимали. Прыходзе той сват ў хату и гаворыць: «Сват прысла́ный, стоў засла́ный, калбаса спячо́на, хата падмяцёна, мы были у вас ў улетку и бачыли вашу кветку, – имья называет, ци Нина, ци Марыя, – каб вы добрыя были сваю кветку за нашего князя аддаць», – як там назавуць ужэ жэниха. И як сагласные тыя радзицэли, их прыглашаюць к сталу, а сьваць той ставиць бутылку, и есьли ани сагласныя, нявеста, ўсе, а нявеста навьязывае красную ленту на бутылку, и жаних и нявеста идуць за радзицелями яго, жэниха, и ужэ прыводзяць радзицелей <…> и прыводзяць, да сваты гуляюць, и кали на якую пору венчацца, свадзьбу рабиць [РНП] (Юндилы).

2. Як сабираюцца жаницца, то назывались такие «перэ́пэты», неафициальнае сагласавание маладого, ци ицци сватаць, ци не ицци; пасылали якую сваху, к нявесце ат жэниха, и хадзила ана циха.

1. Я расскажу. Ну, нравится парень девушке, дружат, потом он говорит отцу: «Буду жениться». Раньше старались выбирать богатые богатых, а бедных не хотели, а теперь уже это изменилось. И вот уже присылает отец сватов, чтобы тот сват мог вести беседу, чтобы он был родственником, а если нет такого, то чужого человека нанимали. Приходит сват в дом невесты и говорит: «Сват присланный, стол застланный, колбаса приготовлена, дом подметен, мы были у вас летом и видели ваш цветок, – называет имя, Нина или Мария – не отдадите ли ваш цветок за нашего князя», и называет жениха по имени. И если родители невесты согласны, то сватов приглашают к столу, а сват этот ставит на стол бутылку, и если все согласны, то невеста повязывает на бутылку красную ленту, после этого жених и невеста идут за родителями жениха и приводят их, и празднуют, и [договариваются], в какое время венчаться, делать свадьбу [РНП] (Юндилы).

2. Когда собираются жениться, то сначало было неофициальное согласование молодого идти сватаць или не идти, это называли «перэ́пэты», посылали сваху к невесте от жениха и она договаривалась

А тады ужэ были сваты, сваха, жаних, бацькú, ешчэ хто, несли литр водки, каравай – якое було. И ужэ тады невеста кликала там дзеўчат сваих, но это було не много, эта чалавек да дзесяци. А с той хаты, где жыла нявеста, маладзёж ужэ знала, что сваты, нéсли, трасли салому, ци сено ат сваего села, ат нявесты да жаниха высцилали тую дарогу, а як из чужого сяла, то да канца сяла; ўставали рано, знали, што сваты были у когось [РЕА] (Ровбицк).

3. У нас некали салому цягали, крышы былú саламя́ные, есьли прышли сваты до дзивчыны и па улице салому цягали, каб другие дзевчата хутче замуж шли. Какую бы не нашли, всё равно цягали. <…>А як першую чарку пьюць [во время сватовства] в этой хаце, стаяли пад акном и салому цянули, каб дзевчата замуж шли. На запóвины, гэто запива́ли дзевчину ужэ [СЕВ, ГЗП, ПЕА] (Клепачи).

Свадьба

1. Свадзьбу рабили. Зараз ужэ тожэ трошки так начынаюць, сагласуюць пост; раньшэ то так не былó, в семидзясятые што хто хацеў, то и рабиў, хто нарошно, а хто не знаючы <…>. Была специальная жэншчына, ана гатовила «вэ́лен», у нас называли, фата для нявесты, сабирала адна жэншчына, скольки я помню, ана адна сабирала той вэ́лен <…>. Дру́жки и «ча́шники» там, хлопцы ат жэниха назывализа «чашники» маладые хлопцы, а дзевчата у невесты были «дружки». <…> А утром ужэ сабиралиса, приязжаў жаних са сваей камандаю, там с музыкаю, са сватом, а сваха вешала ему ручник, цэ-

неофициально. А после уже сватались, были сваты, сваха, жених, родители и другие участники, несли литр водки и каравай. Тогда невеста созывала подруг, не много, человек до десяти. А [сельская] молодежь уже знала, что сватаются, и от той хаты, где жила невеста, рассыпали солому или сено по селу, чтобы была выстлана дорога от невесты к жениху, а если жених из другого села, то выстилали дорогу до границы села. И когда утром вставали [односельчане и видели солому], то сразу понимали, что у кого-то было сватовство [РЕА] (Ровбицк).

3. У нас раньше солому вытягивали из соломенных крыш и если сваты пришли к девушке, то по улице солому разбрасывали, чтобы и другие девушки быстрее выходили замуж. Рассыпать могли любую солому, которую находили. А когда [во время сватовства] пили первую чарку в доме невесты, [то зрители], стоящие под окном, тянули солому, чтобы девушки замуж шли. Это делалось на «заповины» [СЕВ, ГЗП, ПЕА] (Клепачи).

1. Делали свадьбу. Сейчас снова стали избегать постного времени, а раньше, в семидесятые годы, не соблюдали этого, делали как кто хотел, кто специально, а кто по незнанию. Была специальная женщина, она готовила «вэлен» – фату для невесты, сколько я помню, одна пожилая женщина делала эту фату. Свадебные чины от жениха, молодые парни, назывались «чашники», а подружки невесты – «дружки». Утром [в день свадьбы] собирались, приезжал жених со своей командой, с музыкой, со сватом, а сваха вешала на него полотенце, на шапку цепляла красивую «кветку» , давали еще

[1] «Кветка», «квитка», «китка» — ритуальный придмет, представляющий из себя букетик, пучек живых или искусственных цветов, иногда это веточка, большой или маленький цветок, маленький веночек, бант из лент, бумаги, птичье перо и пр., который обычно прикалывали на головной убор или одежду. «Квитка» — отличительный знак участников свадебного и других обрядов семейного цикла, имеющий ритуальное и апотропеическое значение (*Гура* 2011: 297).

пляла да шапки кветку красивую, зробленую такую, давали яшчэ такий ручник, мыли руки, ешчэ завязывали, як багатая невеста, то ана магла и чатыри, и пьяць ручников завьязаць свату. Пазнавали, якая нявеста, дажэ и па ручниках, вышывали, хто харошый ручник вышыя, у каго просто белыя. Прыходзиў жаних. Пака яго бацька и маци пытали, ци можна зайци ў хату (там специальные были слава, сват гаварыў тады ужэ), их вяли за стоў, нявесту выводзили, жэниха выводзили. Ани там сядали, па чарцэ выпивали, ўставали, паехали да вянца. А тады з вянца прыязжали, снова шли ў хату и свадзьба там дале прадалжалась адзин дзень.

А ужэ на другий дзень зранку зноў сьват шоў, ему зноў ручник навьязывали, и ужэ дзялили каравай у нявесты, пад каравай клали, канешна, грошы, дарыли падарки. Ну и ужэ тады зноў трэба было атходзиць да [дома] жэниха, зноў сват браў, звьязываў руки маладым и вадзиў кругом стала с этыми песьнями, за иконай сьваха шла, кали маци, кали там кросная маци, а тады ужэ вяли нявесту па сяле. На другий дзень пока дараць каравай, прыязжают ад жэниха, называюць «каза́ки». Первый день у нявесты, у жэниха тожэ сабираюцца трохи госци якие, но на першый дзень меньше их было. Каза́ки йетые прыязжаюць, хутка будуць весци нявесту да жэниха, шли чы ехали, ўсе ужэ шли убра́ные. Мужчыну адзявали ў нявесту, жэншчыну ў жэниха, дохтор быў там, цыганка, зарэ помню, як ў нас мужчыны были высокие-высокие, худые ишли, адзели белае плацье он такий худый и белыя гольфы да калена, такие з бельявых прышчэпок серожки попрычэпывали, мы ўмирали [со смеху]… Этые каза́ки ишли [в дом невесты], то хто што мог украсци на дваре невесты, ўсё забирали, куры там ци што, ужэ знали, крали. Была у нас свадзьба ў Сухо́пале, а нявеста з Андриянаўки, и мы сабралиса, кажуць, нявесту прывязуць, паехали тые каза́ки па дарозе: «Давай такое полотенце, мыли руки, полотенце завязывали на нем. Если невеста была богатой, то она могла и четыре, и пять полотенец свату повязать. По этим полотенцам судили о том, какая невеста, так как у некоторых были вышитые полотенца, а у кого-то простые белые. Приходил жених. Пока его отец или мать спрашивали, можно ли зайти в дом (для этого были специальные слова, их говорил сват), их вели за стол, выводили жениха и невесту. Они садились, выпивали по чарке, вставали и ехали к венцу. А когда приезжали из церкви, снова шли в дом и свадьба продолжалась там дальше один день.

А на следующий день с утра снова сват шел и ему снова повязывали полотенце, и уже делили в доме невесты каравай, под него клали, конечно, деньги и дарили подарки. И снова нужно было возвращаться в дом жениха, снова сват брал, связывал молодым руки и водил их вокруг стола с песнями, за иконой шла сваха, иногда мать или крестная, и тогда уже вели невесту по селу. На второй день, пока делили каравай, приезжают представители от жениха, их называют «казаки». Первый день свадьбы отмечали у невесты, у жениха тоже собиралось немного гостей, но в первый день их было меньше. Эти «казаки» приезжают, [и значит] уже скоро поведут невесту к жениху, все шли или ехали, и все уже были нарядные и ряженые. Мужчину переодевали в невесту, женщину в жениха, был там доктор, цыганка, помню, у нас мужчины были высокие и худые, [и на одного] надели белое платье, он худой и у него белые гольфы по колено, из бельевых прищепок серьги прицеплены и мы умирали со смеху… Эти «казаки» шли в дом невесты и старались что-нибудь украсть на ее подворье, все забирали, кур или еще что. Была у нас свадьба в Сухополе, а невеста с Андриановки, мы собрались, говорят, невесту привезут, поехали «казаки» по дороге: «Давай пое-

заедзем да Светы, можэ што украдзем». Были я и тры такие жэншчыны и баянист з нами, с баянам заехали, а там [на подворье] такий сабака; мы варота аткрыли и стали спява́ць, и схаваўся той сабака ў буду, а мы украли, много чаго пазабирали. Да хаты прыезжае той сват и кажэ: «Дзевчаты, вы были у меня сегодня на двари?» – «Был́и, там ўсе пазабирали». – «А гдзе сабака мой?» Я кажу: «Ў будзе» – «Не паверу, кольки лет жыву, чужый чаловек на двор не ступиў йешчо, а той сабак не вылез з будки».

И ужэ [когда] прывозили нявесту; нявесту бацька и маци ўстрэчали на парозе хлебом соллю, маладых, да венца-то ехали адзельна ў разных машинах, або на ко́нях раней, а назад ужэ шли разам. Ўстрэчали и гуляли <…> кольки здужали. Два дня. Болей не було, но прыходзили [некоторые опять], мо хто што, гармошку ци скарпэты сгубиў.

Пакуль вэ́лен адзявали, садзили на дзежку, и тожэ накрывали дзежку кажухом и ужэ ей косу дзяўчата заплятали, цвяты, ве́лен адзявали, а як прыходзила да жэниха [невеста], маци прыходзила, быў абычай такий, маци прыходзила, знимала фату и завьязывала на го́лаву хустку, ужэ пацэшылася фатой, ужэ жэнчына.

[Смотрели ли, «честная» невеста или нет?] Не, у нас не глядзели. Ну, сразу як прыходзяць [из церкви], павенчалися, и ужэ им слали адзельную комнату, адзельную давали, штоб маладые спали на аўчыне, на кажуху [РЕА] (Ровбицк).

2. Ў пост нельзя рабиць свадзьбу, и рабили свадзьбу, ужэ Троица прыдзе… после Каляд назывался Мясаед, тады разрэшэно, посьле по́ста, не рабили ў пост. А на Троицу наибольшэ было свадзьбоў, павозками ехали вянчацца, тады не расписывали, раньшэ рэгистрыравали ў цэркви.

И ўот ужэ тады жаних с нявестаю не спяць, пакуль не павянчаюцца, вот

дем к Свете, может, что-нибудь украдем». Была я, еще три женщины и баянист, а на том подворье была собака, которая сразу спряталась в будку, когда мы открыли ворота и начали петь песни, и мы много чего украли. Потом приезжает сват домой и говорит: «Девки, вы были у меня сегодня?» – «Были, все позабирали». – «А где была моя собака?» Я говорю: «В будке» – «Не поверю, сколько живу, чужой человек на двор не ступил еще, а [в этот раз] собака даже из будки не вылезла».

И когда привозили невесту, молодых встречали отец и мать на пороге хлебом и солью; в церковь молодые ехали в разных машинах или раньше на конях, а назад уже шли вместе. Их встречали и праздновали <…> сколько могли. Два дня. Больше не было, но некоторые приходили и после, чтобы найти свои потерянные вещи – гармошку или носки.

Когда невесте одевали фату, ее сажали на накрытую кожухом (тулупом из овчины) хлебную дежу и девчата заплетали ей косу, [украшали] цветами, одевали фату, а когда невеста приходила в дом жениха, то мать жениха по обычаю снимала фату с невесты и повязывала ей на голову платок, что означало, что она уже женщина.

Невинность невесты не проверяли, после венчания молодым выделяли отдельную комнату и стелили постель на кожуху, на овчине [РЕА] (Ровбицк).

2. В пост нельзя справлять свадьбу и делали свадьбу после Троицы, после Коляд в Мясоед, тогда разрешено, после поста, а в пост не делали. Чаще всего свадьбы справляли на Троицу, ехали на повозках венчаться в церковь, тогда не расписывали, а раньше регистрировали в церкви.

И вот тогда жених с невестой не спят вместе, пока не повенчаются; в день

ужэ яны, прыязжае жаних ужэ на свадзьбу, ў той дзень ужэ вянчацца, и яны робяць, хлопцы, маладзёж браму строяць и бяруць «паваро́тну» с жениха – выкуп за нявесту ён плациць; а патом маци [жениха] ужэ благаславит их. Жаних не бачыць нявесту, ўси садяцца за стоў, жаних са сваей дружынай, ша́фер там старшый, этыя свахи ужэ садяцца и сваты, и тады выходзиць ужэ нявеста са сваею дружынаю, и тая дружына вымае платочки на руку, прыдзержываець, и тыя дзяўчата ужэ ўсе чэрэз платочки здароваюцца, и тады ужэ ани сядуць, выпьюць; маладые не пьюць, бо паедуць да вянца, трэба венчацца; тады маци с бацькай благаславяць, абходзяць тры раза стала́ ўся ета дружына, и маци с бацькай, становяцца на калени яны [молодые], и иконаю благаславяць, и едуць ужэ венчацца. [Какой иконой благословляли?] Сваей дамашнею. Зарэ и за́раз ў хаце. Паблагаславиць ана [мать] иконай и так перэхрэсциць. И ужэ паедуць вянчацца, ужэ павенчаюцца и тады гуляюць свадзьбу. Дараць, прыказываюць хто як здумаў, дараць маладым, шуцяць, ўсё. И садзицца маладая; да, выходзиць тады ана с хаты, сыплець жыто. Едут да маладога, сыплюць жыто, кабы аставалася ў хаце жыццё, и яна сыплець, тады канфет не было, не сыпали канфетами, а сыпали жытом, а тада заяжджае туда [к жениху], там апяць брама и фьсе бяруць «паваро́тну» з их, а тады паднимаюць на скамеечке маладзёж и маладых, и шафяро́ў, и шафяркоў ўсих, садзяць на скамеечку и вразе [вместе поднимают]. И тады ужэ идуць да маладого, садзяцца, выпъюць, пасядзяць за сталом, патом ужэ идуць ў клуб гуляць, и ў хатах гуляли, и патом ужэ садзяцца другі́й раз за стоў, и ана [невеста] ужэ дариць радню. Дариць им якие матэръялы, каму на рубашку, каму платок; патом сьвякровь адзяляе: ци плацце, и фартухи́ вышытые свадьбы, венчания, парни, молодежь делала «ворота» – «браму» и брали с жениха выкуп за невесту – «поворотну», он ее платил и мать жениха благославляла молодых. Жених не должен [сразу] видеть невесту, все садятся за стол, жених со своей «дружиной», старший шафер, свахи и сваты; а тогда уже выходит невеста со своей «дружиной», и все подруги невесты здороваются через платочки, которые они вынимают. Все садятся за стол и выпивают. Молодые не пьют, так как им еще ехать венчаться, тогда родители благославляют молодых, все обходят три раза вокруг стола, молодые становятся на колени и родители их благославляют своей домашней иконой (той, которая висит в доме). Благословит их мать иконой и так перекрестит, после чего они уже едут в церковь, венчаются и после гуляют свадьбу. Дарят подарки, говорят, кто как придумал, шутят, все. Выходит молодая из своего дома, когда едет в дом жениха, сыплет жито, чтобы оставалось в доме житье, жизнь. Тогда конфет не было и сыпали зерном, а когда приезжают к жениху, там снова уже сделаны «ворота» и все снова с них берут выкуп – «поворотну». И тогда поднимают на скамеечке молодежь и молодых, и шаферов, и шаферков, всех вместе поднимают. И тогда уже идут в дом жениха, садится за стол, пьют, сидят за столом, потом идут в клуб гулять и в домах праздновали, и в другой раз садятся за стол, а невеста одаривает родню [жениха]. Дарит им какой-нибудь материал, кому рубашку, кому платок, потом дарит подарок свекрови: или платье и фартуки вышитые повязывали свекрови, и платок, все. А свекровь снимает с невесты фату и завязывает ей платочек, и тогда невеста танцует, и уже все. Еще выпьют и расходятся. Еще вам не сказала. Когда повенчаются, только тогда бывает брачная ночь, а так, как сейчас нельзя было заниматься сексом. [Прове-

падзьвязывали сьвякрови, и хустку, ўсё. А яна [свекровь] тады ей здымае фату и завьязывае платочек, завьяжэ платочек, и я [невеста] там танцую… и ўсё ужэ. Яшчэ кажуць выпиць, и расходяца. И яшчэ я вам не сказала. Як павянчаюцца, тады ужэ брачна ночь, а так яны… нельзя было трахацца, як щас. [Проверяли ли девственность?] Пра гэто у нас не чували. И раней не було у нас гэтай установы. А и было всéяк, гуляюць, гуляюць и нагуляюць. И не хоча ўзяць [замуж парень], и аставалися с дзетками дзиўчата. И тады ужэ их не хацели браць [замуж] [РНП] (Юндилы).

3. [Что делали на свадьбе, чтобы иметь детей?] Ну, садзили невесту на кажух, штоб она была багата, ў дастатку, а кали каравай пекли, ну не то, штобы много дзяцей былó, а там такие были: невеста загадывала, што ана хочет, чтобы первым были чи хлопец, чи дзéўчынка; як упрыгóжвали каравай, хто кладе першую кветку, той павинен адзець мужчынскую шапку на голаву. Коб мальчик радзиўса першый. Вот такéе у нас былó [БВВ] (Оранчицы).

4. Когда жэняцца, были свадзьбы, у нас едуць на роспись, вянчáцца адной дарогой, а назад едуць другой. Той самой дарогай не ехали. У нас на Варанúлавичы ехали, а ужэ едзець абратно, на Ружаны ехали, напрымер; нашы ужэ дзеци жанилися [СЕВ, ПЕА] (Клепачи).

Посещение родительского дома

Нявеста жыве [в семье мужа], да дома [родительского] не ходзиць, нельзя былó, бо йетае была прычына [плохо живут]. И вот ана ужэ цэлую нядзелю жыве ў мужыка, а ужэ ў васкрасенье едуць ў госци [к родителям невесты], гэто «с пирагáми» называлося, с пирагами ани едуць да яе бацькоў и ужэ там гуляюць, и ужэ после гэтаго пьюць тую бутылку, што навьязала ана [невеста красную] ленту [на

ряли ли девственность?] Про это у нас не слышали, и манеры такой не было. А бывало по-разному, бывает, что гуляют парень с девушкой и нагуляют, и он не хочет брать замуж беременную, и девушки оставались с детьми. И тогда другие тоже не хотели на них жениться [РНП] (Юндилы).

3. На свадьбе сажали невесту на кожух, чтобы она жила богато, а когда каравай пекли, то невеста загадывала, какого пола ребенка она хочет родить первым: мальчика или девочку. И когда украшали каравай, тот, кто кладет на него первый цветок, должен был надеть на себя мужскую шапку, чтобы первым родился мальчик. Вот такое у нас было [БВВ] (Оранчицы).

4. Когда женятся, к венцу у нас ехали одной дорогой, а обратно другой. Этой самой дорогой не ехали. У нас на Ворониловичи ехали венчаться, а обратно – дорогой на Ружаны, когда, например, наши дети женились [СЕВ, ПЕА] (Клепачи).

Невеста после свадьбы живет в семье мужа, до родительского дома нельзя было ходить, это бы означало, что они плохо живут. И вот она живет целую неделю у мужа, а уже в воскресенье ехали в гости к родителям невесты, это называлось «с пирогами». С пирогами они едут к родителям и там отмечают, и уже после этого распивают ту самую бутылку, на которую невеста на помолвке привязала

заручинах], и тую бутылку ужэ расьпиваюць. А ён [сват] цэлую сьвадзьбу тую бутылку носиць ци ў кармане, ци перад сабой, каб нихто не ўкраў – як украдзе, то трэба выкупляць. И на йетых пирагах пьюць тую бутылку. Разапьюць, и свадзьбе канец. И ужэ жывуць, здароўе, дзяцей нажываюць [РНП] (Юндилы).

красную ленту. А сват должен всю свадьбу эту бутылку носить в кармане или перед собой и следить, чтобы ее никто не украл, а если украдут, то ее нужно выкупать. И на этих «пирогах» распивали ту бутылку, выпьют и свадьбе конец. И уже молодые живут, здоровье, детей наживают [РНП] (Юндилы).

Родины

Беременность

1. [Что снится к беременности?] Рыба к прыбыли, на рэбёнка заяц, на рэбёнка, як бачыш зайца ци паймаеш. Мне сьницца, я заберэменела, тада ни узи, не было ничаго, паймала я аднаго зайца, адного большэнькаго, другого меньшэнькаго, думаю, что гэто точна близнята. Адзин радзиўса 3.400, а другий 2.700. А кони, як бачыш, як красного каня, бяжыць, по улице ци што, то кажуць, гэто пажар можэ быць, а як белаго, гэта на пакойника, гаварыли [РНП] (Юндилы).

2. Рыба [во сне] гэто, казали, прыбыли, а ешчо, казали, як маладая жэнчына, то к берэменносци – як налавила рыбы ў фартýх [РЕИ] (Ровбицк).

3. [Чего нельзя делать беременной?] На похараны не нада идци и на кладбишчэ не идци, а есьли хто близкий, брат или сестра, то перад тым, как выносюць пакойника, ей трэба было выцци самой первой, не бачыць, як яго несуць. И на пажар калися тожэ, казали, ни ў коем случае. Нельзя было на пажар [смотреть], и абычно глядзиш на агонь, и в перваю очэраць рукой [схватишься за себя, за лицо], и будуць пятна [у ребенка]. [Можно ли переступать через веревку?] Ни вузла ниякого не браць ў руки, не развьязываць. Нельзя, казали, што берэменным хрэсциць дзецей. [Можно ли отказать беременной в просьбе?] Мышы, казали, паядуць. Берэменным нельзя атказываць, а то мышы съядяць ўсё [РЕИ] (Ровбицк).

1. Сон о рыбе [предвещает] прибыль, к ребенку снится заяц, если его видишь или поймаеш. Когда я забеременела, а тогда не было УЗИ, мне приснилось, что я поймала двух зайцев: одного побольше, другого поменьше. И думала, что это предвещает рождение близнецов. И точно, один родился 3.400, другой 2.700. А если во сне видишь, как по улице бежит красный конь, то говорят, что может быть пожар, а белый конь снится к покойнику [РНП] (Юндилы).

2. Видеть во сне рыбу, говорили, к прибыли, а если это сон молодой женщины, то это к беременности, если она во сне наловила рыбы в фартук [РЕИ] (Ровбицк).

3. Беременной нельзя ходить на похороны и на кладбище, а если умер близкий родственник, брат или сестра, то при выносе нужно было выйти из дома самой первой и не смотреть, как его несут. И на пожар тоже, говорили, нельзя смотреть; обычно, когда глядиш на огонь, можешь схватиться рукой себе за лицо, тогда у ребенка могут появиться на лице красные пятна. Нельзя брать в руки никаких узлов и нельзя их развязывать. Говорили, что беременным нельзя крестить детей. Беременным нельзя отказать в просьбе, иначе мыши что-нибудь погрызут [РЕИ] (Ровбицк).

4. [Можно ли беременной идти на похороны?] Берэменным, я знаю, баба запрэшчала. У нас дзед умёр, я берэменная была, баба сказала: «Не падходзь». [Чего еще нельзя беременным?] Нельзя на пажар сматрэць. [Почему?] Патаму, что пятна на лице будуць у рабёнка. Дажэ такое былó у нас у аднаго в Аранчыцах, быў пажар, ана [его мать] берэменная была и падашла к вакну и вот так взя́лась [за лицо], и вот тут были пятна [у ребенка] красные, это точно былó. Нельзя к покойникам падхадзиць и глядзець дажэ, я пытала бабу, с чем гэто сьвязано, баба сказала, бо дзиця будзе такое бледное, як пакойник, ўсю жызнь будзе белае, бледнае, будуць казаць «пакойник ходзиць». Нельзя было. [Можно ли вязать беременной?] Можно, гэто було можно, кались, не пакупали в магазине. Нельзя клубки матаць, кажуць, клубки матаць нельзя, патаму што заматаецца пупавина, даже за шыу можэт заматацца. Мая мама дажэ вышывала и вязала, и баба, наабарот, казала: «О, будзе дзиця такое рукадзельница, дзевачка будзе такая рукадзельница, вышывает, харашо вяжет». [Можно ли переступать через веревку?] Па-моему нельзя. [Можно ли есть двойные плоды или яйца?] Да, гаварыли, двужэлто́вые яйца, никагда; мама мая, у ей ужэ дзевчата [были]: «Давайце, гэто я сьем. Гэто не можно, потому что двойня будзе». Дзицей было много, насиць цяжэло, и дзеци слабее, адно ано сильнее – рэбёнок, и сматрэць яго легчэ. [Можно ли отказать береме́ной в просьбе?] Не, нельзя, надо даваць абязацэльно, мая баба казала, ваабшчэ строго было, даже шутка была, берэменной не откажэшь, ўсё паядзяць мышы. Атказываць нельзя. Гэто точна [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

4. Бабушка беременным запрещала ходить на похороны (бабушка информатки повитуха). У нас умер дед, а я была беременная, мне бабушка сказала: «Не подходи к нему». Беременным нельзя смотреть на пожар, потому что тогда у ребенка на лице будут пятна. У нас в Оранчицах такое было, беременная женщина увидела в окно пожар и схватилась от страха за свое лицо, и ее ребенок родился с красными пятнами на лице. Нельзя подходить к покойникам и смотреть на них, я спрашивала бабушку, с чем это связано, и она сказала, что родится очень бледное дитя, как покойник, будет бледным всю жизнь и все про него будут говорить «покойник ходит». Нельзя было. Вязать при беременности было можно, не покупали вещи в магазине. Нельзя мотать клубки, иначе замотается пуповина за шею ребенка. Моя мама вышивала и вязала при беременности, и бабушка говорила, что родится девочка-рукодельница, будет хорошо вязать и вышивать. Через веревку переступать, вроде, нельзя. Говорили, что нельзя есть двойные плоды и двухжелтковые яйца. Моя мама, когда у нее уже были дети, говорила: «Давайте я это съем. Это вам нельзя, потому что двойня будет». Детей было много, а двоих носить тяжело и родятся они более слабыми, чем обычно, и ухаживать за одним легче. Бабушка говорила, что строго запрещено отказывать беременной в просьбе, даже шутка была, беременной не откажешь, все съедят мыши. Отказывать нельзя. Это точно. [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

Роды

Дома [рожали]. [Нужно ли развязывать узлы, открывать окна и двери для облегчения родов?] Да, гаварыли. И я так панимаю, што есьли роды працякали стрэмицэльно и усьпешно, то нихто ничаго не рабиў. А ужэ тады [в случае тяжелых родов] шукали нияких прычын: и узлы развьязывали и дверы раскрывались [РЕИ] (Ровбицк).

Рожали дома. [Нужно ли развязывать узлы, открывать окна и двери для облегчения родов?] Да, говорили. И я понимаю, что если роды протекали стремительно и успешно, то никто ничего не делал. А в случае тяжелых родов уже искали причин: и узлы развязывали и двери открывали [РЕИ] (Ровбицк).

Поверья о появлении детей

1. [Как говорили детям, откуда они берутся?] У капусце нашли, бусел прынес. Баба гаварыт, пабачь, якую бусел цэбе сястронку прынес [РЕИ] (Ровбицк).

2. Бусеў з капусты прыносиць. В агародзе бусел жыве, и в капусьце дзиця нашоў и прынёс [ПЕА] (Клепачи).

1. [Как говорили детям, откуда они берутся?] В капусте нашли, аист принес. Баба говорит, смотри, какую тебе аист сестренку принес [РЕИ] (Ровбицк).

2. Аист из капусты приносит. В огороде живет аист, в капусте дитя нашел и принес [ПЕА] (Клепачи).

Крестины

1. Яких кумоў выбирали, што рабили, як тую кашу, што прыговарывали. Выбирали маладых и таких, каторыя более прыличные людзи, каторыя магли атказнасць несци за йетых дзицей, духоўными их настаўниками павинны быць; вазили ў церкву, там хрэсцили так, как ёсць абрад ў церкви. Там ужэ бацюшка рабиў. А дома, як прывóзили, хрэсцьбины справляли, там што пачытали кумоў, бацькоў, а галоўная была на хрэсцьбинах бабка-павитуха. И яё ужэ ушаноўвали на хрэсьцбинах вельми. Што рабили… Маладая йешчэ што рабила, и да, бабка-павитуха, як прывезуць с цэркви, павинна была яго прэапрануць в сваю распашонку, а вот тую, ў каторай ў цэркву вазили, павинны были палажыць туды, яму пад голаву, каб ён да года лежал на ей, абярог был, адзенне ў яком хрэсцили, ано павинно было ляжаць ў калысце и аберагаць яго ат хвароб, от ўсяких там напасцей и ат урокоў, як бы не сглазили яго. А

1. Каких кумов выбирали, что делали, как делали кашу, что приговаривали. Выбирали в крестных молодых, приличных людей, которые могли нести ответственность за ребенка, быть его духовными наставниками. Возили в церковь, там крестили по церковному обряду. Там его совершал священник. А дома, после церкви, справляли крестины, там чествовали кумов, родителей и главной на крестинах была бабка-повитуха. И ей оказывали особые почести на крестинах. Когда младенца привозили из церкви, бабка-повитуха должна была его переодеть в свою распашонку, а ту, в которой крестили, следовало положить в колыбельку под голову ребенка, чтобы он лежал на ней до года. Одежда, в которой крестили младенца, должна была оберегать его от болезней, от всяких напастей, от порчи и сглаза. А на крестинах сначала чествовали кумов, чтобы они хорошо за-

на хрэсцьбинах ушаноўвали спачатку за кумоў, як бы яны даглядали, и каб кумы памеж сабой жартавали, вот такое было, каб дзиця было вясёлае, каб яго паважали, ани павинны граць в такое, непонятно што – вродзе жартаваць. Вродзе и запрашчалось вéсци любоўные адносины, гэто было цэркваой заборонено, а на хрэсцьбинах павинны были паказываць такое кум с кумою, як будто бы у них якая-то адносина была, паказывали. Песьни паказывали: кум да кумы шоў.

Ну, далей ужэ пра бабку, галоўная была бабка. Павинна была тожэ выпиць за кума, там ей саладзили, патом мама яе одарывала падарунками, и после таго, как мама ея одарыць (што ана дасць абычна: ци на хустку, ци на кофту, ци што), эта бабка павинна была танец танцаваць, и не проста на зямле танцаваць, а на табурэтцэ на якой, со всим, чэм ана адáрэна, залазиць на гэту [табуретку] – и танцаваць. А после гэтаго яё ужэ вязли да хаты.

Забылася, каша абавязково была в нашей мясцовасци, кашу дзялили перэд тым, як бабку дарыли. Кашу дзялили як: как бабка гаварыла, кольки каштуе каша, дарагая, с чаго ана, просо дарагое, гаршок жэ били [с кашей], и всё там на шчасцье, упрыгожывали. И ана гаварыла, кольки каштуе, и кали хвацыць грошы, то бярыце кашу. И павинны были кумы дарыць, и хто большэ падарюць, той и дзелиць кашу. И часам бывало, што кума хочэ пасмяяцца над кумом, и вон положыць там сто рублей, а ана сто пяцьдзесят, и ужэ смяюцца: «Как не стыдно, коб баба дзялила кашу», – и он павинен ужэ йешче грошы шукаць. «Я не дапушчу да етаго, коб баба дзелила», – и ён павинен дабавиць [денег], шоб ён дзялил. И кали ён падзелиць кашу йетаю, кажэць, што ужэ после кумоў, кали кумы падзялили, ужэ нихто не имеець права дзялиць – ту, што кумы павинны дзялиць. Кум дзелиць и дае: падходзяць ўсе, даюць грошы, прыботились о ребенке и чтобы они между собой «шутили», вот такое было, чтобы ребенок был веселым и чтобы его уважали, они должны были играть в такое, непонятно што – вроде как шутка. Вроде как и запрещалось церковью иметь любовные отношения, а на крестинах должны были показывать кум с кумою, будто бы у них были какие-то близкие отношения, связь. В сюжетах песен тоже есть: кум до кумы шел.

Ну, дальше про повитуху, главная была повитуха. Она должна была выпить за кума, ей подслащивали, потом мать ее одаривала подарками (материал или на платок, или на кофту или что-то другое) и повитуха должна была танец танцевать, и не просто на земле, а на какой-нибудь табуретке вместе со всем, что ей подарили; она влезала на табуретку и танцевала. А потом ее везли домой.

Забыла, обязательно была в нашей местности каша, ее делили на крестинах до того, как дарили подарки повитухе. Кашу делили так: бабка говорила, сколько стоит каша, что она дорогая; просо, из которого она приготовлена, дорогое, горшок украшен, его же разбивали на счастье. И бабка говорила, сколько стоит каша, и если хватит денег, то тогда берите кашу. И должны были крестные давать деньги и тот, кто больше даст, будет делить эту кашу. И случалось, что кума хочет пошутить над кумом, и положит он там сто рублей, а она – сто пятьдесят и все смеются: «Как не стыдно, что баба будет делить кашу», – и кум должен был еще денег искать. «Я не допущу того, чтобы женщина делила», – и он должен добавить денег, чтобы делить ее самому. И когда он поделит эту кашу; когда кумы поделили, уже никто не имеет права делить, так как должны ее делить крестные родители. Кум делит и дает, к нему все подходят, дают деньги и приговаривают:

гаворываюць: «даю даля́ры, коб праўнучак жыў ў парэ»; «дару лисичку, каб у яго была сястрычка, каб наро́дзили сястрычку»; йешчэ «кладу капейки, кабы яго любили дзеўки»; «на мыло и на пялёнки, кладу ўсе грошы, ўсю пенсию, каторую зарабила, капила на пялёнки и на мыло»; таксамо «зьвязала шапку, каб паважаў бабку (катора прыняла)», вот такия. «Кладу руб, каб рос як дуб»; «кладу медзь, як быў як медзведзь»; «кладу злато, каб яго жыттё было багато». Вот прыгаворываюць, каша ужэ кончылась, кажуць ужэ: «Няма кашы – няма пашы». Йешчэ кали ёсць суседзи и родственники, а часом бываець, што где-то за вакном [стояли], калисьци прыходзили на вяселле, и пад вокнами за парогам [стоят], крычаць [хозяева]: «Ну, саседзи, хто йешче хочэць падарыць, давайце, кладзице на шчасцье, на долю нашаму [ребёнку]». Ну, хто прыходзиць, хто не прыходзиць. Ну, после таго кум, ужэ кали гаршок пустый, значиць, яго нада разбиць на шчасце, и разбивае ўсё на шчасцье кала парога. Хто гаварил: «Бий аб парог», – а хто возле парога [стоял, то] разбивал гэтый. И есьли там много гасьцей, то гэтые чэрапки, каторыя… Вот, у каго мало дзецей и [у] каго зувсим няма дзецей, то гэты чэрапки трэба хватаць – и наробиш дзицей. Есьли хочэш двое – бяры тры чэрапки, есьли хочэш трое – чатырэ.

Йешчо бабку павязли, бабку падарыли, и ана патанцавала. И кали ана танцавала – гэто посьле кашы танцуе яна, – падарыли, ана лезе на табурэтку, танцуе танец, [и ей говорят]: «Ну, мы цябе павязем». – «Ну, атвязице мяня да хаты, бо я ужэ не сдужу сядзець». [На чем везли?] На баране́, украшали перъями [бабку], тады ужэ хустка завьязана, канцы назад заложэны, наверх, и за йету хустку клали перъя, заложэны наверх кругом перъя, для чаго: павязем па сяле, хай буслы гняздо бачаць и прыле́тают в нашу вёску

«даю доллары, чтобы правнучек жил в паре», «дарю лисичку, чтобы у него была сестричка, чтобы родили сестричку», еще «кладу копейки, чтобы его любили девки», «на мыло и на пеленки кладу все деньги, всю пенсию которую заработала, копила на пеленки и на мыло», также «связала шапку, чтобы он уважал бабку (повитуху)», вот такие приговоры. «Кладу рубль, чтобы рос как дуб», «кладу медь, чтобы был как медведь», «кладу злато, чтобы его жизнь была богата». Вот приговаривают и уже каша кончилась, тогда говорят: «Нет каши, нет пашни». А еще, если есть соседи и родственники, бывает, что и под окнами и за порогом люди стоят, как на свадьбе, хозяева им кричат: «Ну, кто еще хочет подарить, давайте, кладите да долю, на счастье нашему ребенку» Ну, кто приходит, а кто нет. Ну, после этого, когда горшок уже пустой, кум, как полагается, разбивает его на счастье возле порога. Кто говорит: «Бей об порог», – и кто стоял возле порога, разбивал тот горшок. И гости разбирали эти черепки, чтобы иметь самим детей. Те, у кого мало детей и у кого совсем нет детей, хватали эти черепки – и будут дети. Если хочешь двоих детей – бери три черепка, если трех, то четыре.

Еще бабку везли домой, ей подарили подарки, она потанцевала. И когда она танцует, это после каши она танцует, ей подарили подарки, она лезет на табуретку, танцует танец и ей говорят: «Ну, мы тебя отвезем». – «Ну, отвезите меня домой, я уже не могу сидеть». Везли ее на бороне, бабку украшали перьями, которые закладывали за края платка, повязанной концами назад у нее на голове. За этот платок кругом затыкали перья; это делали для того, чтобы когда бабку повязут по селу, аисты видели гнездо и чаще при-

и прыносюць дзецей, часцей дзяцей. И мы яе пасадзим на бараны́, у кожной сямьи была барана, и павязли, каб вяликая была [борона], каб в баране зубоў много: сколькі зу́бъеў, стольки и дзяцей коб было. Это бабку павязли, бабка наливает чарку и йешче спяваем песни: «Запражыце, залажыце вы двянаццаць парасят, / атвязе́м мы нашу бабку, нашу бабку каля хат. / Ўсем суседзям наша бабка будзе чарки наливаць, / каб здаровым быў унучак, трэба полну выпиваць». Много песен было пра гэци хрэсцьбины. И ана ужэ йедзе, не зразу да хаты, а вот так па улице правязуць, па суседзям, суседзи тожэ павинны ки́даць капейки, и ана им [наливает]. Щас капейки ки́даюць, а тады – то шапку, то што-то сваё, [потому что] грошы не було. Знали, што будуць хрэсцьбины, прыгатовяць какую-то распашонку, ци што-то, и кидали, и ана наливала [выпивку]. Гэто не тые, каторые дружыли [с ней], каторые жэлали ей дабра, это ж выпивали не коб выпиць, а коб паказаць, што адносяцца зычли́во. Ну и паследнее пели: «Запражыце, залажыце вы дванаццаць пятухоў, / атвязе́м мы нашу бабку, мы бабулечку дамоў». И вязли да хаты. Бабку завязли, а тут кумы́ гуляюць йешчэ целую ноч, магли и да вечара – кольки хто хацеў.

[А в течение года когда чествовали бабку?] Ну, канешно, хрэстники завсегда; асабліво на Вяликдзень ана павинна была кожному крэстнику яйцо даць. И шли ужэ да яе [крестники] за яйцами. Каждый раз ўсё ўремя. [Украшали ли горшок с кашей?] Красиво цьветами, коб харошый быў гаршок [в основном БВВ, иногда ПТФ] (Оранчицы).

2. Была каша, баба каждому давала на тарэлочку, и ужэ госьци плацили той бабе для наваро́жденаго; кашу дзялили, баба, каторая купала дзиця [первый раз] и называецца баба; и дзиця [так] хрэсцили. Спаць тожэ на нада было мацеры, палетали в село и чаще приносили детей. И мы сажали бабку на борону, у каждой семьи была борона; смотрели, чтобы она была большой и зубьев в ней было много, сколько зубьев, чтобы столько и детей было. Бабку повезли, она наливает чарку и еще поем песни: «Запрягите, заложите вы двенадцать поросят / отвезем мы нашу бабку нашу бабку возле хат. / Всем соседям наша бабка будет чарки наливать / чтоб здоровым был внучек, надо полну выпивать». Много было песен про эти крестины. И бабка едет не сразу домой, а ее провозят по всей улице, по соседям, а соседи должны были кидать деньги и она им наливает выпивку. Сейчас деньги кидают, а раньше – то шапку, то еще что-нибудь, потому что денег не было. Все знали, что будут крестины и что-нибудь готовили, какую-нибудь распашонку или еще что и это кидали, а бабка наливала им выпивку. Это не те, кто с ней дружил, желал ей добра, это ж выпивали не для того, чтобы просто выпить, а чтобы показать, что они относятся доброжелательно. Ну и в последнюю очередь пели: «Запрягите, заложите вы двенадцать петухов / отвезем мы нашу бабку мы бабулечку домой». И везли ее до дома. Повитуху отвезли, а кумовья еще празднуют целую ночь, могли и до вечера, сколько кто хотел.

[А в течение года когда чествовали бабку?] Крестники всегда, а особенно на Пасху, когда она должна была всем крестникам подарить по яйцу. И крестники шли к ней за яйцами. Каждый раз, все время. [Украшали ли горшок с кашей?] Красиво украшали цветами, чтобы красивый был горшок [в основном БВВ, иногда ПТФ] (Оранчицы).

2. Была каша на крестинах, бабка давала ее каждому на тарелочку и гости платили этой бабке за новорожденного. На крестинах делила кашу та баба, которая в первый раз купала ребенка. Матери нельзя было спать с мужем, пока ребенка

куль не перахрысцяць дзиця, с мужыком, а пахрысцяць дзиця, ужэ можно. [Когда можно ходить в церковь после родов?] Ў цэрковь можна хадзиць ужэ тады, вот ужэ ана ро́дзиць, будзе чыста, тады ана ужэ берэ дзиця и идзе ў цэркоў з дзе́цем, и бацюшка яе уводзиць: бярэ, есьли мальчик, нясе за царские варата́, а есьли дзевачка, то перад варата́ми. «Уводзицца мальчык» эта называецца [РНП] (Юндилы).

3. У нас украшали ветку на хрысцинах. Як были хрэсцьбины, и ужэ бабка тая, што прымала, павитуха, прыносила кашу и тады ужэ, скольки там гасьцей было́, и начынали дзялиць кашу. От ў тую кашу ставили галину такую и ўкрашали яе там цвятами. И [потом] тожэ рэзали тое «дзераво», тожэ «купляли стоймацерыял» называли. Вот несу гроши: «Мне на вакно», [и] адрэзываюць тую галинку, дае [бабка] и кусок кашы. Зараз салфетки, а тады ж не было, ў руку даў ложкаю. Той идзе ужэ блиский родственник, грошы нясе: «Ну, мне на хату трэба», – ему большэ галину атрэзывали, и снова кусок кашы. Вот гэто я помню. <…>

[Возили ли бабу?] Ой, вазили, зараз расскажу. Вазили, сматрэли, якая была пагода. Як была зима, каня не запрагали ў сани, запрагали здароваго, добраго дзядька́, ну можэ и два, и садзили на сани бабу с добраю торбаю, и не с хрэсцьбин [угощение], а сваё [она] прыно́сила, и вязли па сяле и скольки сдужали, угашчали ўсих, хто быў на дарозе. А йесьле ета была пара года другая, летам на возе магли вязци, а йешчэ на тачку садзили. [А на бороне возили?] На баране́ не вазили, не заслужыла наша баба на баране́ [смеется] [РЕИ] (Ровбицк).

4. Проста баба нясла, канфетами украшали тую кашу. Лажыли, хто сколька мог, столько и лажыли [денег] [СЕВ, ПЕА] (Клепачи).

не окрестят, а после уже можно. [Когда можно ходить в церковь после родов?] В церковь можно ходить тогда, когда она родит, будет чистой, тогда она берет дитя и идет с ним в церковь, и батюшка «уводит». Если мальчик, он его берет и несет за царские врата, а если девочка, то перед воротами. Это называлось «уводится мальчик» [РНП] (Юндилы).

3. У нас украшали ветку на крестинах. Когда были крестины, то бабка-повитуха приносила кашу и ее начинали делить на всех гостей. В горшок с этой кашей ставили украшенную цветами ветку. И это «дерево» резали, называлось это «покупать стройматериал». Вот я несу деньги, говорю: «Мне на окно», отрезают от ветки и бабка дает кусок каши. Сейчас дают в салфетку, а раньше их не было и кашу давали прямо в руку ложкою. Идет близкий родственник, несет деньги: «Ну, мне на дом нужно», – ему больший кусок от ветки отрезают и снова кусок каши. Вот это я помню.

[Возили ли бабу?] Возили, сейчас расскажу. Возили в зависимости от того, какая была погода. Если была зима, то в сани не запрягали коня, а запрягали здорового мужика или двух и сажали на сани бабку с большой сумкою, и это угощение было не с крестин, а она сама его приносила. И везли бабку по селу сколько смогли [провезти], и угащали всех встречных. А в другое время года, летом могли везти на телеге, а еще сажали на тачку. [А на бороне возили?] На бороне не возили, не заслужила наша баба на бороне [смеется] [РЕИ] (Ровбицк).

4. Просто кашу приносила повитуха, ее украшали конфетами. Кто сколько мог, столько и клал денег [СЕВ, ПЕА] (Клепачи).

Первые годы жизни

1. [Когда ребенка можно показывать посторонним?] Гаварыли, да шасци няд-зель не паказывали никаму тое дзиця, ну, да сарака дней карочэ, сказываецца, и да года яму не паказывали зеркала. [Почему?] Можэ, баялись зглазу, таго нэдобрага духа. И пры пакойнике завешывали ўсе сцэ́кла, ўси зеркала́. [Не говорили, что там черт?] Гаварыли. У нас тры сястры и брат, и раньшэ маць часто гаварыла: «Што ты стаишь перад зеркалом, зараз чорта ўбачыш» [РЕИ] (Ровбицк).

2. [Когда впервые стригли ребенка?] Да года ваабшчэ не стрыгли. Баба мая казала, дажэ и валасинки не састрагали, после года можна, а да года пачэму-та нялъзя. Ана прыказывала: «Глядзи, да года не стрыги, даже чолку не абрэзай. Нялъзя» [БВВ] (Оранчицы).

1. Говорили, что до шести недель нельзя никому показывать ребенка, ну, до сорока дней, короче; и до года ему нельзя показывать зеркало. [Почему?] Может, боялись сглаза, этого недоброго духа. И при покойнике завешивали все стекла и все зеркала. [Не говорили, что там черт?] Говорили. У нас три сестры и брат, и раньше мать часто говорила: «Что ты стоишь перед зеркалом, сейчас черта увидишь» [РЕИ] (Ровбицк).

2. [Когда впервые стригли ребенка?] До года вообще не стригли. Бабушка моя говорила, что даже единой волосинки не состригали, после года можно, а до года почему-то нельзя. Она предостерегала: «Смотри, до года не стриги, даже челку не обрезай. Нельзя» [БВВ] (Оранчицы).

Терминология

1. [Как называли ребенка, родившегося до срока?] Неданошаны. Дразнили яго. Но не ўсе выжывали. Слабейшыя умирали, сильнейшыя выжывали, Бог даў, Бог взяў. [А если родился в рубашке?] Да, бывало. Наабарот, харашо, казали «ў рубашцэ», «ў сарочцэ», «шчастливчик». [Что с ней делали после?] Можэ и закапывали, як место. [Как назывался последний ребенок в семье?] Паскробыш. Выскрэбок. [Он чем-то особенный?] Он можэ быць самым умным, самым разумным, самым харошым, выскрэбки ўсе такия, баба мая казала. [Могут ли они лечить?] Да, ани лечуць, каким-то одарóн талантом. [Как говорили о девушке, родившей вне брака?] Нагуляла, в падоле прынесла, а рэбёнок «байструк», и да смерци так называюць [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

2. [Как называлась незамужняя?] Стара дзева. [А бездетная замужняя?] Безде́туха. Баба казала: «О, бездетуха пашла. Пустая». – «Баба, чого пустая?» – «Дзя-

1. [Как называли ребенка, родившегося до срока?] Недоношенный. Его дразнили. Но не все дети выживали. Слабейшие умирали, сильнейшие выживали, Бог дал, Бог взял. [А если родился в рубашке?] Да, бывало. Наоборот, хорошо, говорили «в рубашке», «в сорочке», «счастливчик». [Что с ней делали после?] Может, закапывали, как плаценту. [Как назывался последний ребенок в семье?] Поскребыш. Выскребок. Он может быть самым умным, разумным, хорошим, выскребки все такие, бабушка моя говорила. [Могут ли они лечить?] Да, они лечат, каким-то одарены талантом. [Как говорили о девушке, родившей вне брака?] Нагуляла, в подоле принесла, а ребенка до самой смерти называли «байструк» [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

2. [Как называлась незамужняя?] Старая дева. [А бездетная замужняя?] Бездетуха. Баба говорила: «О, бездетуха пошла. Пустая» – «Баба, почему пустая?» – «Де-

цей няма, Бог дзяцей не даў». У нас як-то называли, абзывали, и бездетуху абзывали и мнагадзетных; казали, блудливая, чи кошка, чи крали́ца. И так плоха, абзываюць, и так плоха; народ такий быў. [Как говорили о родившей до брака?] В падоле прынесла. На гэтаго рэбёнка называли «байструк». «Глядзи, коб ў падоле не прынёсла», – маци дзецям, як поздно гуляюць. Я дажэ спрашывала: «Што, дзяцей ў плацье нясуць, ци ў падоле?». Ужэ нагуляла [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

тей нет, Бог детей не дал». [Как говорили о женщине, у которой много детей?] У нас как-то называли, обзывали и бездетуху, и многодетных, говорили, блудливая кошка или крольчиха. И так и так плохо, обзывают, такой был народ. [Как говорили о родившей до брака?] В подоле принесла. Этого ребенка называли «байструк». «Смотри, чтобы в подоле не принесла», – говорили матери детям, если они гуляют допоздна. Я даже спрашивала: «Что, детей в платье несут или в подоле?» Уже нагуляла [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

Собранные экспедицией данные отнюдь не исчерпываются приведенным здесь полевым материалом, однако его состав и пропорциональное отношение друг к другу разных разделов в целом отражают общее состояние традиции в исследованном регионе. Так, свадебный обряд представляется богатым, разработанным и диалектно разнящимся от села к селу. В родинном обряде заметна редукция части ритуальных действий и мифологических представленний, относящихся собственно к самим родам и состоянию женщины и ребенка непосредственно после них, что очевидным образом объясняется развитием медицины и исчезновением практики вынашивания и домашних родов под присмотром повитухи (процесс, аналогичный тому, что мы наблюдаем в сфере обрядов и поверий, связанных с прядением и ткачеством – наблюдается почти полная утрата всего комплекса, посвященного этому ремеслу).

Пружанский район всегда был местом смешаннного проживания славянского и еврейского населения, что отражается не в последнюю очередь в культурных заимствованиях. Ранее уже отмечалось влияние славянских обычаев на еврейский свадебный обряд, например, в некоторых районах Белоруссии на еврейской свадьбе расплетали волосы невесте, сидящей на квашне или деже, что определяется рядом исследователей как славянское заимствование (Евреи 2018: 287, *Венгерова* 2003: 204). В нашем материале, возможно, присутствует противоположное явление: заимствование из еврейской свадебной обрядности практики поднимать жениха и невесту на стульях: в приведенном примере из Юндил на скамейках поднимают молодых и шаферов.

В Ровбицке удалось записать от Е.И. Романовской редкий пример обряда деления каши между родственниками на крестинах (см. выше *купляць стройматэрыял*), в котором прослеживается отчетливый изоморфизм семьи, дома и дерева, а также связь родинной и строительной обрядности. Действительно, такие на первый взгляд не смежные в культуре темы могут быть объединены общим мифологическим значеним передела доли всего дома-семьи с появлением в ней нового члена (раздел между родственниками каши и украшенного деревца-ветки, символизирующего дом; обмен их на деньги для новорожденного). Такой обряд имеет точное семантическое отражение в похоронах, где одним из важнейших моментов тоже является раздел семейной «доли» с покойным, чтобы принадлежавшая умершему часть (часто весьма ощутимая в случае смерти хозяина дома) вновь перераспределилась между живыми членами семьи и «спор» в хозяйстве не ушел бы в мир мертвых.

Обращает на себя внимание хорошая сохранность терминологии, относящейся к семейному циклу, например: *каравайницы* ‘женщины, изготовляющие коровай’, *запитки, заручины* ‘сватовство’; *сванечко* ‘свадебная песня’ [ЯЛМ] (Смоляницы); *кралúца* ‘многодетная женщина’, *бездетуха, пустая* ‘бездетная’; *дол, доло* ‘могила’, *труна* ‘гроб’, *будзиць* ‘навещать могилу на второй день после похорон’, *прыкладаць* ‘застилать гроб скатертью’, *мёртвый прыяет* ‘покровительствует живым’ и пр[1].

Список населенных пунктов и информантов

Клепачи

СЕВ – Семко Евгения Васильевна 1939 г.р., местная, православная.
ПЕА – Петроневич Евгения Антоновна 1939 г., р., местная, православная.
ГЗП – Гришкевич Зинаида Петровна 1951 г.р., местная, православная.

Оранчицы

БВВ – Бартынева Валентина Владимировна, 1955 г.р., местная, православная.
ПТФ – Пушко Татьяна Филлиповна, 1935 г.р., род. д. Жогалы Пружанского р-на, окончила педучилище.

Ровбицк

РЕА – Романовская Елена Ивановна, 1950 г.р., местная, православная.

Смоляницы

ЯЛМ – Яроцкая Людмила Михайловна, 1961 г.р., местная, работник дома культуры.

Юндилы

РНП – Ракуть Нина Петровна, 1940 г.р., местная, православная.

Собиратели: Андрюнина М.А., Антропов Н.П., Боганева Е.М., Володина Т.В.

Источники и материалы

Полесский – Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, рукопись, Москва.

Научная литература

Толстой Н.И. О лингвистическом изучении Полесья (предисловие редактора) // Полесье. Лингвистика. Археология. Топонимика / отв. ред. В.В. Мартынов, Н.И. Толстой. М.: «Наука», 1968. С. 5–17.

Мартынаў В.У. Уводзіны // Лексіка Палесся ў прасторы і часе / рэд. В.У. Мартынаў. Мінск, 1971. С. 3–35.

Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1965.

Кухаренко Ю.В. Полесье и его место в процессе этногенеза славян (по материалам археологических исследований) // Полесье. Лингвистика. Археология. Топонимика / отв. ред. В.В. Мартынов, Н.И. Толстой. М.: «Наука», 1968. С. 18–46.

[1] Публикуется с продолжением.

Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005.

Винорадова Л.Н., Левкиевская Е.Е. (сост.) Народная демонология Полесья. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 1.

Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: «Индрик», 2011.

Емельяненко Т.Г., Носенко-Штейн Е.Э. (отв. ред.) Евреи // Народы и культуры / отв. ред. серии В.А. Тишков. М.: «Наука», 2018.

Венгерова П. Воспоминания бабушки: очерки культурной истории евреев в XIX в. М.; Иерусалим: «Гешарим/Мосты культуры», 2003.

References

Tolstoj, N.I. 1968. O lingvisticheskom izuchenii Poles'ya (predislovie redaktora) [On the linguistic study of Polesie (editor's note)]. In *Poles'e. Lingvistika. Arheologiya. Toponimika* [Polesie. Linguistics. Archeology. Toponymy], edited by V.V. Martynov, N.I. Tolstoj, 5–17. Moscow: «Nauka».

Martynov, V.U. 1971. Uvodziny [Foreword]. In *Leksika Palessya ў prastory i chase* [Polesye Lexics in Space and Time], edited by V.U. Martynaў, 3–35. Minsk.

Kuharenko, Yu.V. 1965. Pamyatniki zheleznogo veka na territorii Poles'ya [Iron Age Artefacts from Polesye Territory].

Kuharenko, Yu.V. 1968. Poles'e i ego mesto v processe etnogeneza slavyan (po materialam arheologicheskih issledovanij) [The Place of Polesye in Process of Slavic Ethnogenesis]. In *Poles'e. Lingvistika. Arheologiya. Toponimika* [Polesie. Linguistics. Archeology. Toponymy], edited by V.V. Martynov, N.I. Tolstoj, 18–46. Moscow: «Nauka».

Tolstaya, S.M. 2005. *Polesskij narodnyj kalendar'* [Polesye Folk Calendar]. Moscow: Indrik.

Vinoradova L.N., Levkievskaya E.E. (eds.). 2010. *Narodnaya demonologiya Poles'ya* Vol. 1. [Polesye Folk Demonology. Vol. 1]. Moscow.

Gura, A.V. 2011. *Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: semantika i simvolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: «Indrik».

Emel'yanenko T.G., and E.E. Nosenko-Shtejn (eds.) 2018. Evrei [The Jews]. In *Narody i kul'tury* [Nations and Cultures], edited by V.A. Tishkov. Moscow: «Nauka».

Vengerova, P. 2003. *Vospominaniya babushki: ocherki kul'turnoj istorii evreev v XIX veke* [Grannys Memories: Sketches of Jewish Cultural History in XIX century]. Moscow; Jerusalem: «Gesharim/Mosty kul'tury».

Andrunina, Maria A. **Family Rites of Pruzhany Polesye Based on 2019 Field Data From Pruzhany Disctrict of Brest Region of Belorussia**

The article presents folk narratives collected during recent field research in western Polesye (Brest province). This area is considered one of the most promising regions for cultural studies, as it has been populated since the Neolithic and according to archeological findings, there is a significant cultural continuity between ancient and modern population. This territory is also situated exactly at the "crossroads" between eastern and western Slavic areas which provides ample opportunities for cross-cultural, -religious and -tradition explorations. The article presents the first part of work containing descriptions of wedding and childbirth rites, along with the concerning beliefs, practices and folk terminology

Key words: *Polesye, field data, wedding, childbirth, traditional culture*

УДК 394
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/149-161

© К.Ж. Турекеев

ТРАДИЦИЯ ПОЧИТАНИЯ ДУХОВ ПРЕДКОВ В СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КАРАКАЛПАКОВ

Культ предков у каракалпаков является одной из наиболее живучих традиций и продолжает сохраняться в наши дни у многих каракалпакских родов. Это явление представляет собой важную часть культуры, по своим масштабам выходящую за пределы конкретной религии или комплекса верований. Основано почитание духов предков на представлении о том, что после смерти дух человека продолжает существовать и способен оказывать влияние на жизнь живых. В современной духовной жизни каракалпакского народа культ предков сохраняется не только среди старшего поколения, но и у молодежи, активно участвующей в праздничных ритуалах. Однако в последние десятилетия произошла трансформация отдельных традиций и ритуалов, связанных с анимистическими представлениями, в частности с почитанием предков. Причиной таких трансформационных процессов, согласно собранным сведениям, являются глобализационные, урбанизационные процессы, а также изменения в социально-экономической жизни общества

Ключевые слова: *каракалпаки, традиция, верования, представления, анимистический*

Основу анимистических представлений каракалпаков составляет вера в существование духов, которые подразделяются на три категории: добрые – охраняющие и оберегающие; злые – наносящие вред, и духи или души предков. Глубокая вера каракалпаков в существование добрых и злых духов сопровождает их на протяжении всей жизни и заставляет изобретать все новые действенные средства борьбы с теми из них, которые таят в себе опасность для живых. Наиболее живучей, продолжающей сохраняться и в наши дни, является традиция почитания духов предков. Основано почитание духов предков на представлении о том, что после смерти дух человека продолжает существовать и способен оказывать влияние на жизнь живых. Возникнув, как полагают исследователи, на почве первобытных патриархально-родовых отношений, оно, по существу, дожило до наших дней, несмотря на воздействие мировых религий (*Токарев* 1990: 255). У каракалпаков отношение к духам предков неоднозначное. К ним испытывают уважение, трепет и страх одновременно.

Турекеев Куанышбек Жиенбекович – к.и.н., докторант базовой докторантуры Каракалпак-ского научно- исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан, Нукус, ул. Орнек, 2-А). Эл. почта: turekeev@inbox.ru. **Turekeyev Kuanyshbek Z**. – Karakalpak Research Institute for the Humanities of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan, Nukus, Ornek St., 2-A). E-mail: turekeev@inbox.ru

Данная статья посвящена современным представлениям каракалпаков, связанным с почитанием духа предков. Работа выполнена на основе анализа полевых материалов, собранных автором в период с 2012 по 2019 годы.

Имеется ряд работ российских исследователей религиозных верований и обрядов, в которых, так или иначе, затрагиваются вопросы, связанные с культом предков. Среди них работы Н.Н. Харузина, В.В. Бартольда, М.С. Андреева, С.П. Толстова, О.А. Сухаревой, А.К. Писарчик, В.А. Чистякова (*Харузин* 1905: 112–129, 191–342; *Бартольд* 1966: 30–31; *Толстов* 1931: 268–276, 333–335; *Андреев* 1953: 202–208; *Писарчик* 1976: 121–122; *Чистяков* 1982: 114–126).

Проблема веры в душу человека после его смерти, разрабатывалась и учеными Центральной Азии, в частности, Т. Баялиевой, А.Т. Толеубаевым, Н. Бабаевым (*Баялиева* 1972: 58–61; *Толеубаев* 1991: 88–91; *Бабаева* 1993: 18–29).

В узбекистанской историографии к проблемам, затрагивающим почитание предков, обращались такие ученые, как К. Насриддинов, А. Аширов, в работах которых освещались проблемы погребения, приготовления ритуальной пищи *ийс шығарыў*, предназначенной для душ умерших (*Насриддинов* 1996: 12–17; *Аширов* 2007: 104–126). Ряд исследователей, занимавшихся изучением материальной культуры, останавливались на вопросах, связанных с народными представлениями, освещали веру в духов предков, давали описания ритуалов, связанных с процессом приготовления пищи, постройки дома (*Зунунова* 2013: 108). Известный каракалпакстанский ученый Х. Есбергенов в своих работах неоднократно обращался к анализируемой нами проблеме. Он оставил нам ценные научные труды, в которых изучаются религиозные представления каракалпаков (*Есбергенов* 1964: 22–89; *Есбергенов* 1975: 166–205). Анализ данной проблемы в его работах произведен на основе полевых материалов, собранных в середине XX века. Однако, учитывая тот факт, что до сих пор не было опубликовано ни одной научной работы, где специально разрабатывалась проблема анимистических воззрений каракалпаков, автор данной статьи произвел попытку освещения вопросов веры в существование духов и души человека после его смерти, а также описал ритуалы и обряды, связанные с ними, проводимые в течение 40 дней после погребения покойника.

Если основываться на материалах этнографов, исследовавших представления народов Средней Азии, связанные с душой, существует несколько форм души покойного. Например, академик В. Бартольд писал, что «…по народным верованиям, душа покойного обращалась в птицу или насекомое», в работе же известного этнографа О. Сухаревой говорится, что душа приобретает форму бабочки или мухи (*Бартольд* 1966: 30; *Сухарева* 1960: 31). Г. Снесарев, глубоко и обстоятельно изучивший верования и обряды узбеков Хорезма, отмечал, что «душа покидает тело умирающего в образе птицы (обычно в образе голубя) или мотылька» (*Снесарев* 1969: 114). Согласно полевым исследованиям, которые проводились на территории Каракалпакстана, душа у каракалпаков представляется в самых разных видах. Наиболее распространенным является отождествление души покойного с мухой (ПМА № 61). Данное представление сформировалось на основе понятия, связанного с хрупкостью мухи. Подобные представления встречаются и у других тюркских народов, например, у казахов – *шыбын жан*, киргизов – *чыбын жан*, ногайцев – *шыбын ян*[1] (*Толстов* 1931: 255; *Толеубаев* 1991: 88–90; *Баялиева* 1972: 62; *Ярлыкапов* 2001: 183).

[1] Шыбын, чыбын – муха; жан, ян – душа.

Среди каракалпаков имеет широкое распространение отождествление души с дыханием. Поэтому по отношению к умершему человеку каракалпаки часто используют словосочетание *деми таўсылды* («пришел его смертный час», буквально – «его дыхание кончилось») (*Баскаков* 1958: 168). Известный ученый средневековья Махмуд Кашгари обращая внимание на семантику тюркского слова *дем*, возводит его к слову *тин*, означающему *дух*, *дыхание*, *аник тини касилди*, букв. *дыхание человека прервалось* (*Кашгари* 2005: 329).

По сообщениям некоторых информантов, душа покидает человеческое тело в образе птицы. Подобные представления сохранялись до конца XX века (ПМА № 85). Верования, связанные с представлением о душе человека в форме птицы, являются наиболее древними и подтверждаются археологическими данными (*Рапопорт* 1958: 12). Подобные представления широко распространены среди многих народов мира (*Анисимов* 1958: 57; *Бутанаев* 2011: 127; *Варавина* 2012: 73; *Гафферберг* 1975: 241; *Новгородова* 1984: 168; *Стеблева* 2002: 31–32; *Шаревская* 1964: 111).

Во время сбора этнографических материалов, были зафиксированы воззрения о том, что процесс покидания тела человека душой связан с падшим ангелом Азраилом, задача которого заключалась в отбирании душ у людей (ПМА № 140).

Существует вера в то, что если рядом с умирающим человеком останутся какие-нибудь продукты питания, то они становятся осквернеными – *макру*. По сей день их стараются не оставлять рядом с умирающим человеком. В некоторых местностях даже закрывают сосуды с водой, ибо по существующему поверью, если оставить их открытыми туда может попасть кровь умирающего человека. В местности Кердер Нукусского района, например, во избежание подобных явлений при испускании духа человеком все сосуды с водой опустошают (ПМА № 27).

По представлениям каракалпаков, душа, покинувшая тело, бродит в своем доме в течение 2-3 дней до погребения. Поэтому, после того как тело покойника вынесут из дома, читают аяты Корана, посвященные душе покойного.

В зороастризме встречаются ритуалы, подобные описанному выше. По мнению зороастрийцев, «обряды первых трех дней после смерти считались жизненно важными для того, чтобы защитить душу от злых сил, пока она покидает тело, и для того, чтобы помочь ей достичь потустороннего мира» (*Бойс* 1987: 21–22). Такое мировоззрение широко распространено и среди бурят. Они верят, что душа покойника первые три дня не удаляется от дома. И дни эти назывались *хартай*, т. е. черными днями (*Хангалов* 2004: 185).

Процесс погребения у каракалпаков и обрядность, связанная с ним, до сих пор сохраняет некоторые формы анимистических воззрений. Одним из них является обряд проводов души. Во время выноса тела покойного из дома, закрываются все открытые двери и окна. Если не сделать этого, то по представлениям каракалпаков, душа покойника может остаться внутри дома и поселиться в теле другого человека. Особенно должны остерегаться беременные женщины и в момент выноса тела не приближаться к дому. В подобных случаях среди узбеков Хорезма встречаются моменты использования магических обрядов. Известный этнограф Г. Снесарев писал, «когда в селении кто-либо умирал, беременные женщины, будь они членами семьи покойного или соседками, перевязывали с целью оберега средний палец руки ниткой, выдернутой из савана умершего» (*Снесарев* 1969: 127).

У народов Средней Азии и Кавказа существует представление о том, что после погребения покойного к нему приходят ангелы, которые совершают допрос (*Снесарев* 1969: 127; *Гаджиев* 1980: 135; *Мустафина* 1992: 44). У каракалпаков эти ангелы зовутся Накир-Мункир (Накир-Мункар). После погребения покойного, когда могильщики отойдут на 40 шагов от могилы, ангелы начинали свой допрос. Он включал в себя вопросы о вере покойного, пророке, содеянных грехах и совершенных добродетелях, а также ответы на них. Если покойный не мог ответить на них, то он попадал в ад.

У каракалпаков к человеку, который находится при смерти, приглашали муллу, который читал необходимые молитвы. В случаях, когда мулла не успевал прочесть их до смерти человека, молитва писалась на листке бумаги (ПМА № 6, 63). Наш респондент отмечает: «Если в момент, когда душа покидает тело покойного, не успеют прочесть специальную молитву, то эту молитву пишут на бумаге и кладут на грудь покойного. Обычно этот листок состоит из следующих вопросов и ответов на них: ‘Какую веру исповедуете? Ислам; Кто твой пророк? Мухаммед; Какая книга считается священной? Коран; Ты мусульманин? Альхамдулла мусульманин; С какого времени являешься мусульманином? С альмусафа; У меня есть сомнение, что ты мусульманин? Если у тебя есть сомнение, то у меня имеются доказательства’» (ПМА № 83). Есть люди, которых не подвергают допросу после смерти. Обычно это те, кто умер во время празднования религиозных праздников – Хайт, а также в период священного месяца Рамазан.

Рассмотрим представления и обряды, связанные с продолжением жизни на том свете. Среди пожилых людей широко распространено мнение о том, что на самом деле этот мир является ложным, а загробный – истинным. Ряд ученых-этнографов, изучавших обряды, связанные с погребением народов Средней Азии отмечают, что фраза *қайтыс болыў* (скончаться, умереть) означает переход из одного мира в другой (*Толеубаев* 1991: 90; *Аширов* 2007: 107).

Каракалпаки верят, что этот мир непостоянен, а загробный мир вечен. Наверное, поэтому у них по отношению к покойному используют слова *қайтты, қайтыс етти, қайтыс болды* (эти выражения в буквальном смысле означают «человек вернулся»). Пожилые люди описывают жизнь покойного на том свете как подобную жизни живых людей.

После смерти человека, по традиции, совершается обмывание тела покойного *сүйекке енгизиў*. Тем, кто принимал участие в этом процессе – *сүйекке енгенлер* (обмывальщики), раздавали одежду покойного: тому, кто обмывал голову, дарили головной убор, кто обмывал тело, получал верхнюю одежду, а тому, кто обмывал ноги, доставалась обувь покойного. Вплоть до конца XX века при совершении данного обряда обмывальщикам раздавали одежду, которую носил покойник при жизни. Однако с начала XXI века эта традиция претерпела некоторые изменения, теперь обмывальщикам дарят новую одежду. Согласно верованиям нашего народа, если обмывальщикам не подарить одежду, то душа усопшего будет мерзнуть на том свете. Респондент из Чимбайского района сообщает, «если человеку, который совершил обмывание, не отдашь обувь покойного, то покойник будет ходить босым на том свете» (ПМА № 32). Другой респондент говорит: «Если обмывальщику не отдать головной убор, то покойный будет ходить на том свете без головного убора, если не отдать верхнюю одежду, то без верхней одежды, если не дать обувь – без обуви» (ПМА № 62). Поэтому по традиции обмывальщикам раздают всю одежду покойного.

Подобные обряды широко распространены и среди узбеков. Узбекский этнограф С. Давлатова пишет: «Если одежды умершего человека не раздавать обмывальшикам, покойный человек на том свете воскреснет в нагом виде, поэтому люди старались раздать всю одежду с головы до ног» (*Давлатова* 2006: 145). У таджиков же, обмывальщики за свою работу на другой день после похорон получали ту одежду покойника, в которой он умер, а также мешочки-рукавицы, которыми мыли и вытирали труп[1]. Больше всех получал мурдашуй (профессиональный обмывальщик), в некоторых местностях называемый *покшу*[2]. Считалось, что обмывателям обязательно нужно было отдавать одежду покойника, так как иначе «покойнику на том свете придется ходить голым» (*Троицкая* 1971: 239). А по верованиям лезгин, «если одежду умершего не раздать обмывальщикам, то он на том свете попадет в ад, т.к. ‘ушел’ должником» (*Гаджиев* 1980: 41). Подобные анимистические представления широко распространены и среди других народов (*Бутанаев* 2011: 134-135; *Бурнаков* 2009: 525).

Как мы видим, обычай раздачи одежды покойного географически охватывает обширную территорию. Если обратить внимание на географическую диффузию, то можно заметить, что они распространены в местах, где проживает преимущественно тюркское население. Несмотря на то, что мы привыкли считать обряд обмывания покойника элементом исламской религии, надо учесть, что многие анимистические представления тюркских народов, связанные с другим миром, дошли до нас в трансформированном виде из более ранних религий.

Среди населения существует вера в то, что наряду с одеждой, душа покойного нуждается в других предметах повседневного быта. Поэтому некоторые каракалпаки раздают вещи покойного в первые поминки (*жетиси)*. Почти во всех районах Каракалпакстана в этот день навещают могилу умершего. Паломники несут с собой хлеб, *бауырсак* (кусочки жареного теста), подушку, чайник, чашку (*пиала*), ложку и т.д. По существующим среди населения представлениям, этими вещами покойный будет пользоваться на том свете (ПМА № 48, 63). В основе этого обряда, лежит вера в то, что душа человека продолжает жить на том свете.

Согласно доисламским традициям (например, зороастризма) местное население при погребении умершего клало в могилу его вещи. Об этом археолог В. Ягодин пишет: «В доисламский период умершего погребали вместе со многими его вещами, так как, по мнению людей тех времен, эти вещи будут очень необходимы человеку на том свете. Но после распространения исламской религии, подобные обряды были запрещены» (*Ягодин* 1979: 10). Наши полевые исследования показывают, что среди каракалпаков до сих пор существуют описанные обряды, несмотря на запрет исламской религией.

В этнографических трудах можно встретить освещение некоторых аспектов поминальной обрядности, в частности, необходимости света или огня покойному. Известный этнограф С. Токарев по этому поводу отмечал: «Зажигание огня на могиле или около нее тоже выводится обычно из суеверного представления о том, что умершему-де нужен огонь, как живому» (*Токарев* 1990: 169). У народов Средней Азии имеет широкое распространение обряд зажигания свечи, предназначенной для души покойного.

Эта проблема затрагивается и в ряде других этнографических трудов (*Андреев* 1953: 197; *Кармышева* 1986: 149–150; *Толеубаев 1991: 108; Хисматулин* 1997: 59–

[1] Сшитый из той же ткани, что и саван, мешок, надеваемый на руки при обмывании трупа (см.: Троицкая 1971: 239) (Uzbekistan, Nukus, Ornek St., 2-A). E-mail: turekeev@inbox.ru.

[2] *Мурдашуй*, в местности Урмитан называемый *покшу* – профессиональные обмывальщики трупов. (см. *Троицкая* 1971).

61). Н. Катанов, изучавший быт отдельных кочевых тюркских народов, оставил весомый труд, посвященный обряду погребения. Затрагивая тему зажигания свечи он пишет: «В продолжение 40 дней зажигают светильник в переднем углу у огня. Если есть хозяйка, то зажигает она; если ее нет, то зажигает дочь ее» (*Катанов* 1894: 23). Некоторые ученые предполагают, что обряд зажигания свечи в определенные дни (в течение 3, 7, 40 дней) остался от зороастрийской традиции. В трудах таких ученых, как Г.П. Снесарев, М. Мейтерчарин, А.А. Хисматулин, В.Ю. Крюкова, процесс зажигания свечи рассматривается как элемент зороастрийской обрядности (*Снесарев* 1969: 132; *Хисматулин* 1997: 59–61; *Мейтарчиян* 2001: 137).

Проблема поклонения огню не оставалась вне внимания археологов и этнографов Каракалпакстана. Благодаря археологическим работам, проведенным при исследовании комплекса Миздахкан (IX–XIV вв.), было выявлено, что в средневековье существовал обряд зажигания огня на могиле (*Хожаниязов* 1990: 111–115).

Этнографами описано несколько вариантов зажигания свечей. Исследователи классифицировали их нижеследующим образом: зажигание свечи на могиле; зажигание свечи в течение первых 40 дней после похорон в помещении; зажигание свечи на могиле или на месте, где скончался человек во время праздников (Навруз, Хаит) (*Мустафина* 1992: 42; *Джахонов* 1989: 107; *Шоинбеков* 2007: 262). Ученый этнограф М. Пайзиева, изучавшая узбеков города Ташкента начала XXI века, пишет, что «… обычно свеча зажигалась до заката солнца. Для этого все члены семьи собирались в комнате, где обмывали покойного. Глава семьи, обмотав хлопковым волокном сухой стебель гармалы обыкновенной *(әдираспан)*, макал его масло и поджигал. Пока эта импровизированная свеча горела, он читал молитвы из Корана. Гасить свечу не разрешалось, пока она сама не догорит» (*Пайзиева* 2017: 255). В конце XX века у каракалпаков свечу зажигали на том месте, где обмывали тело покойного. В некоторых аулах рядом со свечой ставят ёмкости с водой или мукой. Так, мы были свидетелями, как в аулах Кегейлийского и Чимбайского районов в течение 40 дней зажигали свечу и рядом с ней оставляли сосуд с зерном (ПМА № 33, 48, 59). А в ауле Даукара Тахтакупырского района, рядом со свечой ставят миску с мукой. В Караузякском районе повсеместно по сей день распространено ставить возле свечи сосуд с водой (ПМА № 201, 66). Наш респондент из Чимбайского района сообщил, что обычно миска с мукой или зерном (либо сосуд с водой) ставится только в тех случаях, когда умерший пожилого возраста (ПМА № 73). Вполне вероятно, что основу этого обряда составляет вера в то, что покойнику нужна пища на том свете. К сожалению, во время наших полевых исследований, мы не смогли собрать более точную информацию об этом обряде.

Подобные обряды получили освещение в трудах ученых этнографов, в частности в работе Б.Х. Кармышевой, посвященной изучению похоронно-поминальной обрядности узбеков, отмечается, что «когда завершается чтение молитв, дух умершего якобы пьет воду и, радуясь тому, что его поминают, улетает обратно. Воду в косе полагалось менять каждый вечер перед тем, как зажечь светильник. …» (*Кармышева* 1986: 150).

Обряд зажигания свечи в течение 40 дней изучал казахский ученый А. Толеубаев. Вот что он пишет об этом: «… Этот обычай казахов, можно предположить, что, по их представлениям, душа умершего нуждается в огне лишь до определенного времени, т.е. до второй ступени процесса ‘расформирования’, а после сорока дней душе покойного уже не нужен огонь и свет» (*Толеубаев* 1991: 130).

По данным, собранным нами во время этнографических экспедиций, в первые дни после смерти душа не может привыкнуть к иному миру, поэтому возвращается в свой дом. А чтобы душа покойного не блуждала, не находя свой дом, зажигают свечу. Другой респондент из Чимбайского района, таким образом поясняет этот обычай: «До 40 дней в могиле покойного царит темнота, и если не зажечь свечу, душа умершего человека будет бояться» (ПМА № 32). В разных местностях, согласно собранным нами данным, свечу зажигают на протяжении разного количества дней: 7 или 40. Однако почти на всей территории Каракалпакстана, если покойный молод, то свечу зажигают в течение 40 дней (ПМА № 26).

Зажигание свечи по усопшему до определенного времени, сформировалось в результате представлений о посещении покойником своего дома. Согласно бытующему мнению, покойный время от времени возвращается в свой дом. Этнограф Х. Есбергенов по этому поводу отмечает: «После захоронения душа покойного посещает свой дом в первый четверг. В этот день у каракалпаков принято готовить *'ийс'*, так как дух бывает голоден и посещает дом, чтобы утолить голод» (*Есбергенов* 1975: 194). Многие пожилые люди, особенно проживающие в сельской местности, верят в то, что душа покойного после того, как тело предали земле, в течение 40 дней посещает родной дом: «Душе покойного бывает трудно привыкнуть к тому миру, поэтому она в течение 40 дней посещает свой дом, после этого посещения дома становятся все реже, теперь дух появляется в доме только при проведении крупных поминок (100-дней, годовщина, религиозные праздники)».

У народов Центральной Азии, Кавказа, Ирана, Турции в четверг и пятницу принято читать молитву, посвященную душе покойного, а также жарить ритуальные лепешки и *баурсаки* (*Снесарев* 1969: 117; *Амирханова* 2016: 71). В.Н. Басилов отмечает, что после смерти человека душа его продолжает посещать родной дом, в день поминовения (у среднеазиатских народов каждый четверг после полудня и в пятницу до полудня) полагается готовить горячую пищу с маслом, чтобы запах этой пищи восходил к душам умерших родственников, «души будут сыты на том свете, если в это время для них регулярно возносить запах» (*Басилов* 1970: 135).

Узбекский этнограф А. Аширов пишет: «Согласно анимистическим представлениям народа, душа покойного время от времени посещает свой дом, главным образом, в четверг. Если в этот день готовится *ийс*, другие ритуальные блюда, читаются аяты из Корана усопшим предкам, душа покойного радуется» (*Аширов* 2007: 205). Этнограф Н.А. Алексеев отмечает, что по представлениям качинцев (этнографическая группа хакасов): «До 40 дней человек не осознает того, что он покойник, поэтому душа его не уходит в мир иной» (*Алексеев* 1980: 171). У алтайцев существует представление, что сорок дней душа умершего находится рядом, поэтому резко ограничиваются контакты с другими людьми: «Не вносят в жилище вещей, взятых от других, и не дают таковых из своей юрты. Кроме того, в этот период считается предосудительным просить чего-либо у хозяина аила, где был покойник» (*Тадина* 2009: 70–71).

У каракалпаков же в течение 40 дней также готовится *ийс* по усопшему, жарятся *баурсаки* и лепешки, читаются молитвы из Корана. Родные и близкие покойника совершают по четвергам паломничество на могилу, где читают молитвы из Корана.

В процессе сбора материалов, было выявлено несколько способов раздачи *ийс*. Один из них – раздача жареных лепешек во время похорон при чтении *жаназа намазы*. Если в XX веке этот обычай был распространен во всех аулах республики,

к началу XXI века он был зафиксирован лишь в Чимбайском, Караузякской и Кунградском районах. В ауле Корымлы Караузякского района к месту чтения поминальной молитвы *жаназа намазы* приносят 7 лепешек и угощают ими присутствующих (ПМА № 78). В Кунграде лепешки раздают не только людям, находящимся в доме, а также и соседям (ПМА № 18). Масло, оставшееся после жарки ритуальных лепешек, используется в этих целях до тех пор, пока оно не кончится, но употреблять это масло для приготовления пищи не полагается (ПМА № 61, 78).

Каракалпаки, проживающие в южных районах республики, готовят столько лепешек, сколько лет покойному. Нами были собраны сведения, согласно которым, на похоронах 100-летней Тоты Юсуповой, было приготовлено 100 лепешек. Эти лепешки забирают в качестве *теберик* (букв. – приносящий счастье, благодать), если человек прожил долгую жизнь (ПМА № 28). Если же покойный молодого возраста эти лепешки не едят (ПМА № 59). Как пояснил нам один из респондентов, суть этого обряда заключается в том, что «если при чтении заупокойной молитвы в месте, где проходят похороны, раздают людям лепешки, и если люди отведают от них, то покойник попадает в рай» (ПМА № 26).

Невзирая на то, что представления и верования, связанные с анимистическими воззрениями, существуют в рамках исламской традиции, большая часть их не имеет отношения к исламу. Это, главным образом, такие традиции, как раздача одежды покойного, приготовление жертвенных лепешек *ийс*, зажигание свечи в доме покойного, паломничество в четверг на могилу покойного. Мы являемся свидетелями того, что несмотря на сохранность традиций и ритуалов, связанных с поминками по усопшему, происходит трансформация анимистических представлений, а сами мероприятия, связанные с поминкам упрощаются. Например, если в XX в. традиция соблюдать траур по покойнику длилась один год, невзирая на возраст покойного, то в начале XXI века траур соблюдается до 40 дней. В редких случаях, когда покойник пожилого возраста – до одного года.

При сравнении таких ритуалов, как зажигание свечи в доме покойного, приготовление *ийс*, можно наблюдать различия между городом и селом. В сельской местности сохраняются консервативные взгляды, в то время как в городе происходят различные трансформации, причиной которых, согласно собранным сведениям, являются глобализационные, урбанизационные процессы, а также изменения в социально-экономической жизни общества.

Источники и материалы

Полевые материалы автора № 6. Экспедиция в Нукус район, октябрь 2016, июль 2017 гг. (информант – Кайыпназаров Низамаддин. 1937 г.р.).

Полевые материалы автора № 18. Экспедиция в Кунградский район, февраль 2017 г. (информант – Мусаева Уржамал. 1930 г.р.).

Полевые материалы автора № 26a. Экспедиция в Нукус район, август 2016 г. (информант – Атамуратов Меңлимурат. 1935 г.р.

Полевые материалы автора № 26b. Экспедиция в Кегейлиский район, апрель 2017 г. (информант – Реймов Халикназар. 1938 г.р.).

Полевые материалы автора №. 27. Экспедиция в Чимбайский район, июль 2013 г. (информант – Калимбетова Кампит. 1955 г.р.).

Полевые материалы автора № 28. Экспедиция в Турткулский район, март 2015 г. (информант – Рузимбетов Юлдаш. 1929 г.р.).

Полевые материалы автора № 32. Экспедиция в Чимбайский район, июль 2013 г. (информант – Палўаныязова Гулимхан. 1929 г.р.).

Полевые материалы автора № 33. Экспедиция в Чимбайский район, Кегейлиский район, июль 2013 г., ноябрь 2016 г. (информант – Сапарова Назыгүл. 1953 г.р.).

Полевые материалы автора № 48. Экспедиция в Кунградский район июль 2013, июль 2017 гг. (информант – Ибрайымова Гүлайым. 1960 г.р.

Полевые материалы автора № 48. Экспедиция в Чимбайский район, Кегейлиский район, июль 2013 г., ноябрь 2016 г. (информант – Ибрайымова Гүлайым. 1960 г.р.).

Полевые материалы автора № 59. Экспедиция в Чимбайский район, Кегейлиский район, июль 2013 г., ноябрь 2016 г. (информант – Сапарова Назыгүл. 1953 г.р.).

Полевые материалы автора № 59. Экспедиция в Чимбайский район, Кегейлиский район, июль 2013 г., ноябрь 2016 г. (информант – Сапарова Назыгүл. 1953 г.р.).

Полевые материалы автора № 59. Экспедиция в Кунградский район, июль 2017 г. (информант – Сарсенбаева Ажар. 1949 г.р.).

Полевые материалы автора №. 61. Экспедиция в Кегейлиский район, сентябрь 2018 г. (информант – Жиемуратов Отеназар., 1940 г.р.).

Полевые материалы автора № 62. Экспедиция в Кегейлиский район, сентябрь 2018 г. (информант – Жаримбетов Оразмухаммет. 1947 г.р.).

Полевые материалы автора № 63. Экспедиция в Кунградский район июль 2017 гг. (информант – Гайипов Мадияр. 1937 г.р.).

Полевые материалы автора № 66. Экспедиция в Тахтакупирский район, Караузякский район, август 2015 г., ноябрь 2016., (информант – Пиржанов Кудайберген, 1948 г.р.).

Полевые материалы автора № 73. Экспедиция в Чимбайский район, август 2013 г. (информант – Ембергенов Жолдасбай. 1933 г.р.).

Полевые материалы автора № 78. Экспедиция в Караузякский район, август 2017 г. (информант – Пиржанов Кудайберген. 1948 г.р.).

Полевые материалы автора № 83. Экспедиция в Шуманайский район, август 2014 г. (информант – Жумабай Ибадуллав. 1951 г.р.).

Полевые материалы автора №. 85. Экспедиция в Шуманайский район, август 2014 г. (информант – Тайыров Жумамурат. 1933 г.р.).

Полевые материалы автора №. 140. Экспедиция в Шуманайский район, октябрь 2014 г. (информант – Муртазаев Куптилеў. 1931 г.р.).

Полевые материалы автора № 201. Экспедиция в Тахтакупирский район, Караузякский район, августь 2015 г., ноябрь 2016., (информант – Хожахметов Хожабай, 1926 г.р.).

Научная литература:

Алексеев Н.А. Ранние формы религии Тюрко-язычных народов Сибири. Новосибирск: 1980. 320 с.

Амирханова А. Хлеб и хлебопечение у тюркоязычных народов дагестана в XIX – начале XX в. дисс…канд.ист.наук. Махачкала: 2016. 212 с.

Андреев М.С. Таджики долины Хуф: (Верховья Амударьи). Вып. I. Сталинабад: 1953. 251 с.

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.: Л., 1958. 235 с.

Аширов А. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. Ташкент: 2007. 276 с.

Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века). Душанбе: 1993. 156 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Том IV. М.: Наука, 1966. 497 с.

Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.

Баскаков Н. Каракалпакско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1958. 894 с.

Баялиева А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нача-

ло XX в.). Алма-Ата: Ғылым, 1991. 214 с.
Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972. 168 с.
Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1987. 303 с.
Бурнаков В.А. Смерть и похороны в культуре хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры, 2009, № 1 (23). – С. 521-538.
Бутанаев В. Я. Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. Астана: Кантана-Пресс, 2011. 440 с.
Варавина Г.Н. Душа в традиционных представлениях народов Севера (на примере эвенов и эвенков) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 71-74.
Гаджиев Г.А. Пережитки древних верований в похоронно-погребальной обрядности лезгин // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала: 1980. С. 29-46.
Гафферберг Э.Г. Пережитки религиозных представлений у белуджей // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 224–247.
Давлатова С. Қашқадарё миллий кийимлари: анъанавийлик ва замонавийлик. Тошкент: «Янги аср авлоди», 2006. 180 б.
Джахонов У. Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX в. Душанбе: Дониш, 1989. 216 с.
Есбергенов Х. Қарақалпақлардың гейпара дәстүрлери ҳаққында. Нөкис: Қарақалпақстан, 1964. 107 б.
Есбергенов Х., Атамуродов А. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус: Каракалпакистан, 1975. 212 с.
Зунунова Г. Материальная культура узбеков Ташкента: трансформация традиций (XX – начало XXI в.). Ташкент: 2013. Extremum-press, 320 с.
Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии (историко-этнографические очерки). М., 1986. С. 139–181.
Катанов Н.Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань: 1894.
Махмуд Кашгари М. Диван лугат ат-турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
Мейтарчиян М. Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб.: Летний сад, 2001. 248 с.
Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов. Алма-Ата: Казак университет, 1992. 176 с.
Насриддинов Қ. Ўзбек дафн ва таъзия маросимлари. Ташкент: Мерос, 1996. 143 б.
Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: ГРВЛ. 1984. 168 с.
Пайзиева М. Ўзбекларнинг хотирлаш маросимлари: анъанавийлик ва трансформацион жараёнлар // Ўзбекистон этнологиясининг долзарб муаммолари. Ташкент: Адабиёт учқунлари, 2017. 247–256 б.
Писарчик А.К. Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе: Дониш, 1976. Вып. III. С. 118–164.
Рапопорт Ю.А. К вопросу о хорезмийских статуарных оссуариях. КСИЭ. Вып. XXX. 1958. С. 54–65.
Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.
Стеблева И.В. Очерки турецкой мифологии. М.: Восточная литература, 2002. 102 с.
Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. Ташкент: АН УзССР, 1960. 85 с.
Тадина Н.А. «Нет железа, которое не сломается, нет живого существа, которое не умрет» (представление о смерти в контексте картины мира алтайцев) // Сибирский сборник–I. СПб., 2009. С. 65–72.
Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 623 с.
Толстов С.П. Религия народов Средней Азии // Религиозный верования народов СССР. М.; Л., 1931. С. 241–364.
Троицкая А.Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины верхного

Зерафшана // Занятия и быт народов Средней Азии. Л.: 1971. С. 224–256.
Хангалов М.Н. Собрание сочинений в 3 томах / Под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. Т. I. 508 с.
Харузин Н.Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. СПб.: 1905. Вып. IV. 530 с.
Хисматулин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. 272 с.
Хожаниязов Г., Юсупов Б., Саипанов Б. Археологические работы в Миздахкане в 1989 году // Вестник КК ФАН УзССР. 1990. № 4.
Чистяков В.А. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. с. 114–126.
Шаревская Б.И. Старые и новые религии тропической и Южной Африки. М.: Наука, 1964. 387 с.
Шоинбеков А. Праздник Курбан в селе Тусиён Западного Памира // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. I. СПб.: 2007. С. 261–265.
Ягодин В.Н. Әййемги мәденият ғәзийнелери. Нөкис: Қарақалпақстан, 1979. 92 б.
Ярлыкапов А.А. Похоронно-поминальный обряд степных ногайцев в прошлом и настоящем (XIX – 80-е годы XX в.) // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М.: 2001. С. 182–197.

References

Alekseev, N.A. 1980. *Rannie formy religii Tiurko-iazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk.
Amirkhanova, A. 2016. *Khleb i khlebopechenie u tiurkoiazychnykh narodov dagestana v XIX – nachale XX veka* [Bread and bakery among the Turkic-speaking peoples of Dagestan in the 19th – early 20th century]. PhD diss. Makhachkala.
Andreev, M.S. 1953. *Tadzhiki doliny Khuf: (Verkhov'ia Amudar'i).* Vyp. I [Tajiks of the Khuf Valley: (Upper Amu Darya). Vol. I]. Stalinabad.
Anisimov, A.F. 1958. *Religiia evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniia pervobytnykh verovanii* [Religion of Evenki in historical and genetic study and problems of the origin of primitive beliefs]. Moscow: Leningrad.
Ashirov, A. 2007. *Ўzbek khalқining қadimii e''tiқod va marosimlari* [Ancient beliefs and rituals of Uzbek people]. Tashkents.
Babaeva, N.S. 1993. *Drevnie verovaniia gornykh tadzhikov Iuzhnogo Tadzhikistana v pokhoronno-pominal'noi obriadnosti (konets XIX – nachalo KhKh veka)* [The ancient beliefs of the mountain Tajiks of the South Tajikistan in a funeral-memorial ritual (late XIX – early XX century)]. Dushanbe.
Bartold, V.V. 1966. *Compositions*. Vol. IV. Moscow: Nauka.
Basilov, V.N. 1970. Kul't sviatykh v islame [The cult of saints in Islam]. Moscow: Thought.
Baskakov, N. 1958. *Karakalpaksko-russkii slovar'* [Karakalpak-Russian dictionary]. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries.
Bayalieva, A.T. 1991. *Relikty DOI:slamskikh verovanii v semeinoi obriadnosti kazakhov (XIX – nachalo XX v.)* [Relics of pre-Islamic beliefs in the family ritual of the Kazakhs (XIX – beginning of XX century)]. Alma-Ata: Gylym.
Bayalieva, T.D. 1972. *DOI:slamskie verovaniia i ikh perezhitki u kirgizov* [Pre-Islamic beliefs and their survivals among the Kyrgyz]. Frunze: Ilim.
Boyce, M. 1987. Zoroastriitsy. Verovaniia i obychai [*Zoroastrians. Beliefs and customs*]. Moscow: Nauka.
Burnakov, V.A. 2009. Smert' i pokhorony v kul'ture khakasov [Death and funeral in Khakass culture] *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1 (23): 521–538.
Butanaev, V.Ya. 2011. *Osobennosti kul'tury i byta tiurkov Saiano-Altaia* [Features of culture and life of the Türks of the Sayano-Altai]. Astana: Kantana-Press.
Chistyakov, V.A. 1982. Predstavleniia o doroge v zagrobnyi mir v russkikh pokhoronnykh prichitaniiakh XIX– XX vv. [Representations of the road to the underworld in Russian funeral laments

of the XIX – XX centuries]. In Obriady i obriadovyi fol'klor Rites and ritual folklore], 114–126. Moscow: Nauka.

Davlatova, S. 2006. Қashқadaryo milliy kiyimlari: ananavillik wa zamonavillik [Qashqadaryo National Dress: Traditional and Modern]. Tashkent: "Yangi Asr Avlodi".

Esbergenov, H. 1964. *Karaқalpaқlardyң geipara dəstyrleri ҳaққynda* [The Karakalpak traditions are Gea]. Nөkis: Karagal-paқstan.

Esbergenov, H., and A. Atamurodov. 1975. *Traditsii i ikh preobrazovanie v gorodskom bytu karakalpakov* [Traditions and their transformation into the urban life of the Karakalpaks]. Nukus: Karakalpakistan.

Gadzhiev, G.A. 1980. Perezhitki drevnikh verovanii v pokhoronno-pogrebal'noi obriadnosti lezgin [Remnants of ancient beliefs in the funeral and funeral rites of Lezgins]. In *Semeinyi byt narodov Dagestana* [Family life of the peoples of Dagestan], 29–46. Makhachkala.

Gafferberg, E.G. 1975. Perezhitki religioznykh predstavlenii u beludzhei [Remnants of religious beliefs in the Balochs]. In *Domusul'manskie verovaniia i obriady Srednei Azii* [Pre-Muslim beliefs and rites of Central Asia], 224–247. Moscow: Nauka.

Jakhonov, U. 1989. *Zemledelie tadzhikov doliny Sokha v kontse XIX – nachale XX v* [Agriculture of Tajiks in the Sokh Valley in the late XIX – early XX centuries]. Dushanbe: Donish.

Karmysheva, B.Kh. 1986. Arkhaicheskaia simvolika v pogrebal'no-pominal'noi obriadnosti uz-bekov Fergany [Archaic symbols in the funeral and funeral rites of the Uzbeks of Ferghana]. In Drevnie obriady, verovaniia i kul'ty narodov Srednei Azii (istoriko-etnograficheskie ocherki) [Ancient rites, beliefs and cults of the peoples of Central Asia (historical-ethnographic essays)], 139–181. Moscow.

Katanov, N.F. 1894. *O pogrebal'nykh obriadakh u tiurkskikh plemen Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [On the funeral rites of the Turkic tribes of Central and East Asia]. Kazan.

Khangalov, M.N. 2004. *Sobranie sochinenii v 3 tomakh.* Tom 1 [Collected works in 3 volumes. Vol. 1], edited by G.N. Rumyantseva. Ulan-Ude: Publishing House OJSC Republican Printing House.

Kharuzin, N.N. 1905. *Etnografiia. Lektsii, chitannye v Imperatorskom Moskovskom universitete.* Vyp. 4. [Ethnography. Lectures delivered at Imperial Moscow University. Vol. 4]. SPb.

Khismatulin, A.A., and V.Yu. Kryukova. 1997. *Smert' i pokhoronnyi obriad v islame i zoroastrizme* [Death and the funeral rite in Islam and Zoroastrisis]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies.

Khojaniyazov G., B. Yusupov, and B. Saipanov. 1990. Arkheologicheskie raboty v Mizdakhkane v 1989 godu [Archaeological work in Mizdakhkan in 1989]. *Vestnik KK FAN UzSSR* 4.

Mahmoud Kashgari, M. 2005. Divan lugat at-turk [Divan lugat at-turk]. Almaty: Dyke-Press.

Meitarchiyan, M. 2001. *Pogrebal'nye obriady zoroastriitsev* [Funeral rites of Zoroastrians]. Moscow; St. Petersburg: Summer Garden.

Mustafina, R.M. 1992. *Predstavleniia, kul'ty, obriady u kazakhov* [Representations, cults, ceremonies among the Kazakhs]. Alma-Ata: Cossack University.

Nasriddinov, Қ. 1996. *Ўzbek dafn va ta"ziia marosimlari* [Uzbek burial and condolences]. Tashkent: Meros.

Novgorodova, E.A. 1984. *Mir petroglifov Mongolii* [The world of petroglyphs of Mongolia]. Moscow: GRVL.

Payzieva, M. 2017. Ўzbeklarning khotirlash marosimlari: an"anaviilik va transformatsion zharaenlar [Uzbeks Memorable Rituals: Traditionalism and Transformation Processes]. In *Ўzbekiston etnologiiasining dolzarb muammolari* [Ethnology of Uzbekistan], 247–256. Tashkent: Adabiet uchқunlari.

Pisarchik, A.K. 1976. Smert'. Pokhorony [Death. Funeral]. In *Tadzhiki Karategina i Darvaza.* Vyp. III [Tajiks of Karategin and Darvaz. Issue. III], 118–164. Dushanbe: Donish.

Rapoport ,Yu.A. 1958. K voprosu o khorezmiiskikh statuarnykh ossuariiakh. [To the question of the Khorezm statuary ossuaries]. In *KSIE* XXX: 54–65.

Sharevskaya, B.I. 1964. *Starye i novye religii tropicheskoi i Iuzhnoi Afriki* [Old and new religions of tropical and South Africa]. Moscow: Nauka.

Shoinbekov, A. 2007. Prazdnik Kurban v sele Tusien Zapadnogo Pamira [Kurban holiday in the vil-

lage of Tusiyon in the Western Pamirs]. In *Tsentral'naia Aziia: traditsiia v usloviiakh peremen*. Vyp. 1 [Central Asia: tradition in a change. Vol. I], 261–265St. Petersburg: 2007.

Snesarev, G.P. 1969. *Relikty domusul'manskikh verovanii i obriadov u uzbekov Khorezma* [Relics of pre-Islamic beliefs and rites of the Uzbeks of Khorezm]. Moscow: Nauka.

Stebleva, I.V. 2002. *Ocherki turetskoi mifologii* [Essays on Turkish mythology]. Moscow: Oriental literature.

Sukhareva, O.A. 1960. *Islam v Uzbekistane* [Islam in Uzbekistan]. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR.

Tadina N.A. "Net zheleza, kotoroe ne slomaetsia, net zhivogo sushchestva, kotoroe ne umret' (predstavlenie o smerti v kontekste kartiny mira altaitsev) ["There is no iron that will not break, there is no living creature that will not die" (the idea of a death in the context of the Altai picture of the world)]. In Sibirskii sbornik–I [Siberian Digest – I], 65–72. St. Petersburg.

Tokarev, S.A. 1990. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow: Politizdat.

Tolstov, S.P. 1931. Religiia narodov Srednei Azii [Religion of the peoples of Central Asia]. In Religioznyi verovaniia narodov SSSR [Religious beliefs of the peoples of the USSR], 241–364. Moscow; Leningrad.

Troitskaya, A.L. 1971. Nekotorye starinnye obychai, obriady i pover'ia tadzhikov doliny verkhnogo Zerafshana [Some ancient customs, rites and beliefs of Tajiks of the Upper Zerafshan Valley]. In Zaniatiia i byt narodov Srednei Azii [Occupations and life of the peoples of Central Asia]. Leningrad.

Varavina, G.N. 2012. Dusha v traditsionnykh predstavleniiakh narodov Severa (na primere evenov i evenkov) [Soul in the traditional representations of the peoples of the North (on the example of Evens and Evenks)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* 2: 71–74.

Yagodin, V.N. 1979. *Әййемги мденят гәзийнелери* [The Ways of Civilization]. Nөkis: қарақалпақstan.

Yarlykapov, A.A. 2001. Pokhoronno-pominal'nyi obriad stepnykh nogaitsev v proshlom i nastoiashchem (XIX – 80-e gody XX v.) [Funeral and funeral rite of the Nogai steppes in the past and present (XIX – 80 years of XX century)]. *Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik.* Vyp. IV [Central Asian ethnographic collection. Vol. IV], 182–197. Moscow.

Zununova, G. 2013. *Material'naia kul'tura uzbekov Tashkenta: transformatsiia traditsii (XX – nachalo XXI v.)* [The material culture of Uzbeks in Tashkent: the transformation of traditions (XX – beginning of XXI century)]. Tashkent: Extremum-press.

Turekeyev, Kuanyshbek Z. **Modern Beliefs of the Karakalpaks Concerning the Tradition of Ancestor Veneration**

The ancestor worship is one of the most enduring traditions among the Karakalpaks and is still practiced today in many Karakalpak clans. This phenomenon is an important part of the culture, extending beyond the boundaries of a particular religion or complex of beliefs. The ancestor veneration is based on the notion that the human spirit continues to exist after death and is able to influence lives of the living. In the modern spiritual life of the Karakalpak people, the cult of their ancestors is preserved not only among the older generation, but also among young people who are actively involved in celebratory rituals. However, individual traditions and rituals associated with animistic beliefs, in particular with the veneration of ancestors, have transformed in recent decades. According to the collected information, globalization, urbanization processes and changes in the socio-economic life of the society are responsible for these changes

Key words: *Karakalpaks, tradition, beliefs, representations, animism*

УДК 394
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/162-168

© М.М. Каппасов

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ У КОЧЕВНИКОВ ЛБИЩЕНСКОГО УЕЗДА УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Автор на основании данных кадастрового источника 1912 г., известного под названием «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Лбищенский уезд. Оренбург, 1914 г.» исследует роль земледелия в жизнеобеспечении кочевников на территории современного Казахстана. В статье анализируются данные о площадях засеянных зерновыми земель, количестве и видах выращиваемых жителями Лбищенского уезда культур. Поскольку наиболее распространенной из них у кочевников, проживавших на территории нынешнего Казахстана, в том числе в Лбищенском уезде, было просо, основное внимание в работе уделено именно этому виду злаков. Высчитываются средние урожаи проса и вычисляется, могли ли кочевники прожить только за счет зерновых. Для этого используется методика, введенная в научный оборот Н.Э. Масановым, и развитая Ю.Н. Каняшиным, Эта методика была создана для подсчета количества скота, необходимого для выживания казахов в условиях кочевания. Автор применяет ее для подсчета количества проса, требуемого кочевникам для пропитания. Используя «Материалы по киргизскому землепользованию...» и ряд других источников и исследований, автор доказывает, что земледелие в изучаемом регионе не могло прокормить основную массу кочевников и было всего лишь вспомогательной отраслью хозяйства

Ключевые слова: *кочевники, земледелие, зерновые культуры, просо, сенокошение*

Цель статьи – проанализировать роль земледелия в жизнеобеспечении кочевников на территории современного Казахстана в начале XX века на примере Лбищенского уезда, опираясь на исторический источник «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Лбищенский уезд» (далее МКЗ). Данные, собранные земледельческой комиссией в 1912 году, были опубликованы в 1914 г.

Ряд исследователей кочевничества высказывает мнение о преобладающей роли земледелия в Казахстане в конце XIX – начале XX века. В качестве доказательства своей позиции они приводят данные из исторических источников и архивных материалов. На первый взгляд с ними можно согласиться, но, возникает вопрос: могли бы кочевники выжить, занимаясь только земледелием? В этой статье мы хотим, опи-

Каппасов Марат Максутович – учитель истории, Богдановская основная средняя школа, поселок Богдановка, улица Целинная, 6. Теректинский район, Западно-Казахстанской область, Казахстан. Электронная почта: kap_marat@mail.ru. **Kappasov Marat M.** – Teacher of history, Bogdan primary high school. E-mail: kap_marat@mail.ru

раясь на кадастровый источник МКЗ, доказать что кочевники в исследуемом уезде в подавляющем большинстве не были подвержены процессу седернизации и занимались земледелием, но оно являлось для них второстепенной отраслью.

Вся информация из МКЗ была проанализирована и сведена в таблицы. Для объективности, кроме МКЗ, использовался также ряд источников и исследований по истории и сельскому хозяйству Казахстана XIX–XX вв. В статье основное внимание уделяется: видам зерновых культур, использовавшихся кочевниками; средней урожайности злаков по волостям; потребности в зерновых для существования; фактическому распределению урожая на одного условно-работающего человека.

Таблица № 1

Количество сеющих хозяйств по уезду (по волостям)

№	Название волости	Количество хозяйств	Сеющих зерновые культуры хозяйства	%
1.	Джуванышкульская	1 597	1 597	100
2.	Уйректикульская	1 434	1 197	83,5
3.	Чалкарская	897	688	76,7
4.	Кураильская	866	475	54,85
5.	Карасуйская	910	571	62,75
6.	Матешская	1 080	377	34,9
7.	Улентинская	1 954	872	44,63
8.	Булдурдинская	1 967	1 141	58
9.	Калдыгайтинская	1 566	903	57,7
10.	Сабынкульская	897	603	67,2
11.	Суналинская	772	116	15
12.	Жаксыбаевская	1 024	250	24,4
13.	Каракульская	1 312	67	5,1
14.	Кызылжарская	992	9	0,9
15.	Индерская	768	4	0,52
	Итого:	17 986[1]	8 870	49±4

(МКЗ 1914: 13,31,43,49,61,67,85,91,103,109,121,127,139,145,157).

К табл. 1. Общее количество хозяйств по МКЗ – 25 934, из них 6097 отсутствовало в момент переписи, 1851–1898 – так называемые не самостоятельные хозяйства. Что это обозначает, мы так и не выяснили. Данные о количестве хозяйств, приведенные в МКЗ и рассчитанные нами на основании тех же МКЗ, разнятся, но не существенно: на 47 хозяйств (наши подсчеты дают в сумме 17 986 хозяйств, а исследователи нач. XX в. указали итоговую цифру 17 939 хозяйств).

Лбищенский уезд был одним из четырех уездов, входивших в состав Уральской области. Он состоял из 15 волостей, объединявших 174 аула. Земледелием занимались во всех волостях. В 12 из них доля практикующих земледелие хозяйств составляла от 15 до 100%. И только в двух волостях, Индерской и Кызылжарской, землю обрабатывали менее 1% хозяйств. Там земледелие не играло почти никакой роли, поскольку посевы были ничтожны. Скорее всего, причина кроется в том, что эти волости располагались на юге уезда, в его пустынной части (см. табл. № 1).

Как видно из таб. № 1, в трех самых зерновых волостях доля хозяйств, сеявших зерновые культуры составляла от 76 до 100%. Хозяйства двух волостей, а это Джуванышкульская и Уйректикульская, собирали 44% всего урожая проса по уезду. По населению же эти волости занимали 4 и 5 места. Таким образом при большом урожае проса и меньшем населении в этих волостях на одного человека приходилось больше урожая, чем в остальных (см. табл. № 3).

Таблица № 2

Количество посаженных зерновых по волостям

Название волости.	**Общее количество десятин посаженных зерновых**	**Просо**	**Пшеница**	**Овес**	**Другие**
Джуванышкульская	5 967	5 129	411	140	286
Уйректикульская	7 585	6 384	552	101	548
Чалкарская	1855	1814	30	1	10
Кураильская	939	933	0	0	6
Карасуйская	1628	1627	1	0	0
Матешская	726	726	0	0	0
Улентинская	2 614	2 610	2	2	0
Булдурдинская	2 985	2971	10	4	0
Калдыгайтинская	115	115	0	0	0
Сабынкульская	2 276	2 264	0	12	0
Суналинская	486	486	0	0	0
Жаксыбаевская	708	708	0	0	0
Каракульская	199	173	17	9	0
Кызылжарская	18,5	18,5	0	0	0
Индерская	12	12	0	0	0
Итого:	28 111,5	25 970,5 (92,4%)	1 023 (3,64%)	268 (0,04%)	850 (3,02%)

(МКЗ 1914: 13,31,43,49,61,67,85,91,103,109,121,127,139,145,157).

Как мы видим, более 90% посевов и, соответственно, бóльшую часть урожая получали от проса – культуры неприхотливой и достаточно урожайной (табл. 2). Обработка проса не требует мельниц, производится ручным способом посредством толчения в ступах (*Полферов* 1896: 15–16). Используемое просо было трех видов: красное, желтое и белое. Красное давало большие урожаи и ценилось на рынках, желтое ценилось меньше. Белое же использовалось преимущественно как корм для лошадей (*Полферов* 1896: 21; *Мартынов* 1930: 11). В ценовом отношении один мешок проса весом 5-6 пудов можно было обменять на одну овцу (*Полферов* 1896: 60–61; *Бларамберг* 1848: 100).

По мнению Кауфмана, кочевники были плохими земледельцами. Они нередко эксплуатировали землю несколько лет подряд, а затем забрасывали ее на пять и более лет. Нередки были неурожайные годы, когда не собирали и семян для посева (*Кауфман* 1903). Существовала еще одна проблема у кочевников – сохранение урожаев. Полферов пишет: «Часто убранный в дождливую погоду урожай и не высушенный, гнил в ямах и амбарах и плесневел, и часто от большого урожая не оставалось и зерна» (*Полферов* 1896: 31).

Урожаи проса были различны – от 30 до 300 и более пудов (*Полферов* 1896: 16,21; *Бларамберг* 1848: 12; *Мартынов* 1930: 10; *Добросмыслов* 1893: 353; *Букейханов* 1995: 142; *Шахматов* 1964: 204). При подсчетах мы брали в качестве средней цифры 50 пудов с десятины.

По нашим подсчетам, в Лбищенском уезде общий средний урожай составлял 1 298 525 пудов (см. табл. № 3). Эту цифру мы делим на количество условно-работающих. Каняшин пишет, что «в соответствии с методикой, двое неработающих приравниваются к одному работающему (в возрасте от 14 до 60 лет), без учета половой принадлежности…» (*Каняшин* 2009: 129). В уезде таковых было 91 153,5 человек. Количество общего урожая в уезде делим на все население и получаем цифру урожая проса на одного условно-работающего в год. Далее, эту цифру делим на 6 (см. выше инф. Бларамберг, Полферов) и получаем итоговые цифры (см. таб. № 3).

Таким образом, в год на одного условно-работающего по уезду приходилось по 14 пудов урожая проса или 2,37 овцы. Много это или мало? По мнению Н.Э. Масанова и С.Е. Толыбекова, в кочевой среде в год на одного человека всего лишь для полуголодного существования было нужно 30 овец (*Толыбеков* 1971: 577; *Масанов* 1995: 202–205). Как видно из наших подсчетов, проса кочевники выращивали в 12 раз меньше, чем было необходимо для выживания. Конечно, при подсчетах можно за средний урожай принять не 50 пудов с десятины, а 100 и даже 150. Тогда 2,37 надо умножить на 2 и 3 и мы получим приблизительно от 4,8 до 7 овец в год на одного условно-работающего. Как видно, даже эти цифры далеки от 30 – необходимого количества овец для пропитания в год условного человека.

Можно задать резонный вопрос: неужели семье, состоявшей из 5 человек не хватало для питания 35 условных овец? Надо не зыбывать, что скот уходил не только на питание, но и на оплату налогов, покупку различных товаров и т.д. Таким образом, наши цифры показывают, что земледелие в Лбищенском уезде не могло не только прокормить кочевников, но и быть единственным ресурсом для питания. Оно играло вспомогательную роль в жизни кочевников и являлось довольно скудным источником доходов. Таким образом подтверждаются выводы Н.Э. Масанова, что земледелие не стало самостоятельной экономической базой для жизнедеятельности людей

в аридной зоне Евразии и функционировало только «как вспомогательная отрасль хозяйства» (*Масанов* 1995: 76).

Что касается использования других видов зерновых, то они вкупе давали около 8% всего урожая. Так, А.А. Кауфман сообщает, что «пшеница была скорее лакомством у кочевников» (*Кауфман* 1903: 18). Что зерновых не хватало кочевникам, пишет и Б.З. Отарбаева: «Рост спроса на хлеб со стороным казахского населения, обгонял рост собственного производства» и далее: «Основную массу товаропроизводителей составляли крестьянские и казачьи хозяйства» (*Отарбаева* 1990: 14).

Таблица № 3

Количество условно работающих по волостям, и количество пудов урожая проса на одного условно-работающего.

Название волости	**Урожай проса в пудах**	**Количество условно-работающих (в скобках общ. кол-во людей)**	**Количество пудов на одного условно-работающего.**	**Количество овец на одного условно-работающего**
Джуванышкульская	256 450	7173,5 (9144)	35,75	5,96
Уйректикульская	319 200	7242 (9281)	44,07	7,35
Чалкарская	90 700	4151 (5291)	21,85	3,64
Кураильская	46 650	4615,5 (5860)	10,1	1,68
Карасуйская	81 350	4976,5 (6341)	16,35	2,72
Матешская	36 300	5988 (7 173)	6,06	1,01
Улентинская	130 500	9386 (11944)	13,9	2,32
Булдурдинская	148 550	9379 (11784)	15,84	2,64
Калдыгайтинская	5750	7460 (9406)	0,77	0,128
Сабынкульская	113 200	4036 (5094)	28,04	4,67
Суналинская	24 300	4920 (6213)	4,94	0,82
Жаксыбаевская	35 400	5812 (7330)	6,09	1,01
Каракульская	8650	7128,5 (9302)	1,21	0,2
Кызылжарская	925	4937,5 (6378)	0,187	0,03
Индерская	600	3948 (4944)	0,152	0,025
Итого:	1 298 525	91 153,5 (155 485)	14 плюс,0,5 минус	2,37 плюс, минус 0,4

(МКЗ 1914: 10,28,40,46,58,64,82,88,100,106,118,124,136,142,154). *Подсчеты наши.*

Как видно из нашего исследования, довольно значительная часть кочевников занималась земледелием. В хорошие годы, при благоприятных погодных условиях, они получали хорошие урожаи. Но кочевое скотоводство, дававшее основу для существования, превалировало, и бóльшая часть казахов в исследуемом уезде вела кочевой образ жизни. Как писал Н.Э. Масанов, «кампания 30 годов XX века по "добровольному оседанию" напрочь опровергает постулат о якобы еще дореволюционном массовом оседании кочевников-казахов. В этой связи следует заметить, что ни о каком спонтанном оседании номадов в Казахстане не приходится всерьез говорить вплоть до 30-х годов XX века. Если оно и имело место, то только на периферии кочевого мира в маргинальных зонах» (*Масанов* 1995: 225). Наше исследование, опирающееся на цифры и факты, также демонстрирует, что земледелие у казахов еще столетие назад было лишь второстепенной отраслью хозяйства.

Таким образом, выводы некоторых современных исследователей об угасании кочевого образа жизни в начале XX века не подтверждаются фактами, а зачастую являются просто искажениями реальной картины жизни одних из последних представителей кочевого мира, некогда бороздивших бескрайние просторы Евразийских степей.

Автор выражает глубокую благодарность Д.С. Каппасовой, особая благодарность А.Б. Алтыбаеву и А.Б. Алтыбаевой.

Источники и материалы

Букейханов 1995 – *Букейханов А.* Казаки Адаевского уезда. Избранное / Гл. ред. Р. Нургалиев. Алматы: «Казахская энциклопедия», 1995.

Бларамберг1848 – Бларамберг. Военно-статистическое обозрение. Земли Киргиз-Кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды, Оренбургского ведомства. Том. XIV. Часть 3. 1848.

Добросмыслов 1893 – *Добросмыслов А.И.* Скотоводство Тургайской области. Оренбург, 1893.

Кауфман 1903 – *Кауфман А.А.* К вопросу о колонизации Уральской области. СПб, 1903.

Материалы 1914 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Лбищенский уезд. Оренбург, 1914.

Мартынов 1930 – *Мартынов П.Г.* Некоторые данные к познанию культуры проса в казакском хозяйстве (из работ уральской опытной станции). Уральск, 1930.

Полферов 1896 – *Полферов Я.Я.* Земледелие в Тургайской степи. Оренбург, 1896.

Научная литература

Каняшин Ю.Н. Зимние кочевья казахов в окрестностях Кызылтавских гор во второй половине XIX века: (о методических вопросах исследования кадастровых источников Центрального Казахстана) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. (Научные чтения памяти Н.Э. Масанова) / Ред. колл.: И В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, Л.Е. Масанова. Алматы. 23-24 апреля, 2009 год. С. 128–-145.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Москва; Алматы, 1995.

Отарбаева Б.З. Хлебная торговля в Казахстане в системе хозяйственных взаимоотношений с Россией (конец XIX – начало XX вв. на материалах северного и северо-восточного Казахстана). Автореферат. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Институт истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. Алма-Ата, 1990.

Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.

Фризен Д.Я. Аграрный вопрос в жизни Западно-Казахстанского общества в XIX – начале XX вв. // Самарский научный вестник. 2016. № 2. С. 101–104.

Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.

References

Kanyashin, Yu.N. 2009. Zimnie kochev'ya kazakhov v okrestnostyakh Kyzyltavskikh gor vo vtoroi polovine XIX veka: (o metodicheskikh voprosakh issledovaniya kadastrovykh istochnikov Tsentral'nogo Kazakhstana) [Winter nomads of the Kazakhs in the vicinity of the Kyzyltava Mountains in the second half of the XIX century: (on the methodological issues of the study of cadastral sources of Central Kazakhstan)]. In *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo naslediya Kazakhstana*. (*Nauchnye chteniya pamiati N.E. Masanova*) [Role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan. (Scientific readings in memory of N.E. Masanov)], edited by I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev, L.E. Masanova, 128–145. Almaty.

Masanov, N.E. 1995. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov.* [Nomadic civilization of the Kazakhs]. Moscow; Almaty.

Otarbaeva, B.Z. 1990. *Khlebnaya torgovlya v Kazakhstane v sisteme khoziaistvennykh vzaimootnoshenii s Rossiei (konets XIX – nachalo XX vv. na materialakh severnogo i severo-vostochnogo Kazakhstana).* [Bread trade in Kazakhstan in the system of economic relations with Russia (the end of the XIX – beginning of the XX centuries on the materials of northern and north-eastern Kazakhstan)]. Abstract PhD. Alma-Ata.

Tolybekov, S.E. 1971. *Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII-nachale XX veka. Politiko-ekonomicheskii analiz.* [The nomadic Kazakh society in the 17th and early 20th centuries. Political and economic analysis]. Alma-Ata.

Frizen, D.Ia. 2016. Agrarnyi vopros v zhizni Zapadno-Kazakhstanskogo obshchestva v XIX – nachale XX vv. [The agrarian question in the life of the West Kazakhstan society in the XIX – early XX centuries].*Samarskii nauchnyi vestnik* 2: 101–104.

Shakhmatov, V.F. 1964. *Kazakhskaia pastbishchno-kochevaya obshchina.* [Kazakh pasture-nomadic community]. Alma-Ata.

Kappasov, Marat M. **Agricultural practices among the nomads of the Lbishensky Disctrict of the Ural Region in the Beginning of the XX century**

In this article, the author shows the role of agriculture among nomads based on data from the cadastral source of the 1912 issue of "Materials on Kyrgyz Land Use ..." in the Lbishchensky district of the Ural region.

The research focuses on the nomads of Lbishchensky district. The author shows the number of sown grain, types of grain and the area of planted land. Millet was the most common cereal among nomads, who were living in the territory of present-day Kazakhstan, including Lbischensky district. The average yields of millet are summized and it is calculated whether nomads could survive in the nomadic environment only at the expense of grain, using the method introduced by Masanov, and further developed by Kanyashin. This technique was created to calculate the number of cattle necessary for the Kazakhs to survive in nomadic environment. Using the "Materials on Kyrgyz land use .." and a number of other sources and research the author argues that farming in this district could not feed the majority of nomads and could only be a supplementary economic activity

Key words: *nomads, agriculture, grain crops, millet, mowing*

УДК 394+82-1
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/169-177

© Т.С. Каландаров

ТАДЖИКСКАЯ МИГРАНТСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЭЗИЯ*

На текущий день опубликованы сотни статей, посвященных проблеме трудовой миграции из стран Средней Азии, ее политическим, социальным, экономическим аспектам, а также вопросам интеграции и адаптации мигрантов в российское общество. Однако в России и Таджикистане тема мигрантской поэзии остается практически неразработанной. По крайне мере, в отношении таджикских трудовых мигрантов подобных исследований нет. По своему жанру таджикская мигрантская поэзия разнообразна и включает в себя такие виды, как любовная лирика, политические песни, песни о сложностях миграции, религиозные стихи. Данная статья написана на основе мониторинга социальных сетей «Одноклассники» и «Фейсбук», а также непосредственного общения и интервью с поэтами-мигрантами. В ней проанализированы стихотворения семи авторов, созданные на таджикском, русском и шугнанском языках

Ключевые слова*: таджики, религиозная поэзия, исмаилитская поэзия, миграция, Таджикистан, Россия*

Данная тема уже достаточно давно исследуется нашими коллегами – антропологами из других стран: Дж. Шамшером (Jogindar Shamsher), Д. Копланом (David Coplan), Д. Камбаскович (Danijela Kambaskovic), В. Сан (Wanning Sun), А. Тимчуком (Alexander Tymczuk) и др.[1]. Профессор Д. Коплан, который изучал мигрантскую культуру (поэзию и песни) южноафриканских народов, был одним из первых антропологов, дискутировавших о сущности мигрантской поэзии с учеными из Африки и западного мира, занимавшимися этой темой до него. По словам Д. Коплана, его предшественники характеризовали культуру рабочего класса Африки как маргинальную, нестабильную, аномическую коллекцию элементов сельской жизни и поведения городских «референтных групп», как неструктурированный и морально нечеткий ресурс черного пролетариата в условиях апартеида. В свою очередь, исследования Д. Коплана представили иную, намного более позитивную интерпретацию этой культуры (*Coplan* 1986: 30).

Мне уже приходилось писать о таджикской мигрантской поэзии (*Каландаров* 2017). Предметом данного исследования стали обычные мигранты, чьи печали и надежды, жизненные взлеты и падения нашли отражение в стихах. Никто из моих

Каландаров Тохир Сафарбекович – к.и.н., старший научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: tohir_s70@mail.ru. **Kalandarov Tokhir S.** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. E-mail: tohir_s70@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

[1] См. подробнее: *Shamsher* 1978: 291–305; *Coplan* 1986: 29–40; *Kambaskovic* 2013: 96–122; *Timczuk* 2013: 490–503; *Sun* 2012: 993–1010.

респондентов и тех, чьи стихи попали ко мне опосредованно, не получил специального литературного образования. В фокусе моего исследования поэзия хоть и непрофессиональных поэтов, но людей, мыслящих стихами, выражающих повседневность в стихотворных строках.

Вполне закономерен вопрос: что побудило этих молодых людей заняться стихосложением? Однозначного ответа здесь нет, т.к. мотивы творчества у всех разные. В одних случаях – это желание прославиться в соцсетях, проявив себя перед друзьями, знакомыми и гостями, заходящими на личную страничку. В других – причина более серьезная: стремление выразить в стихах свои чувства, которые, как известно, в отрыве от близких людей и привычной обстановки обостряются и требуют того или иного выхода. Один из интересных мотивов, который мне удалось установить в разговорах с некоторыми самодеятельными авторами-мигрантами, – это желание подражать профессиональным поэтам.

В условиях трудовой миграции люди иногда видят единственную опору и надежду на улучшение своей жизни в божественной милости. Зачастую самодеятельные поэты пишут религиозные стихи, в которых уповают на милость Аллаха, восхваляют его величие. Исмаилитские авторы посвящают хвалебные оды своему духовному лидеру – Имаму Ага-хану IV.

Так, молодой парень по имени Саидамир в Одноклассниках пишет:

Но скажу вам одно –
Все мы мусульмане,
Чтобы в праздничный день
Цены были низкие,
Один богач, второй нищий.
Но и нищий (вынужден) покупать,
Потому что соседи смотрят (на него).
И бродит он (нищий) по лавкам.
Подумайте на сей счет,
Поступайте хорошо.
Народ без денег,
Нищие не в почете.
Милость дайте на праздник,
Любовь и верность дарите,
Господь даст благодать
Тому, кто снизил цены.
(17.07.2017)
(Перевод с тадж. яз)[1]

Достаточно известный мигрантский поэт Хасан Холов пишет свои стихи на родном таджикском языке, однако, благодаря усилиям профессиональных переводчиков, они стали известны и широкой русскоязычной аудитории. Вот перевод одной газели Холова, выполненный Ольгой Сафаровой:

Почему ты людям сердце подарил?
В сад цветущий заповедный сердце превратил?
Виноградник сердца дарит гроздья и цветы –
Символ Божьего явленья, света Красоты.

[1] Смысловые переводы с таджикского и шугнанского языков выполнены автором настоящей статьи.

И как гроздья наполняют ароматом сад –
Так Любовь и свет Молитвы в сердце воспарят!

Термин «исмаилитская поэзия» можно встретить в трудах советского востоковеда А.Е. Бертельса. Например, оценивая поэзию Носира Хусрава, он писал: «Таким образом "истинная" поэзия ему представлялась в виде поэзии исмаилитской; такую поэзию он и решает создать впервые на своем родном языке» (*Бертельс* 1988: 328). Таджикские исследователи А. Маниёзов и Х. Шарифов, говоря о религиозной и нравственной поэзии Носира Хусрава, подчеркивают, что «Носир Хусрав превратил касыду в основное средство выражения религиозной мысли и, таким образом, высвободил персидскую поэзию от пути панегирии и воспевания наслаждений, разгульной жизни, алчности и жадности, дав ей новое, свежее дыхание нравственности и религиозности» (*Маниёзов, Шарифов* 2003: 63; подробнее об исмаилитской поэзии см.: *Каландаров* 2014).

Литературный критик Ш. Кадкани, оценивая историю возникновения и развития исмаилитской поэзии в целом, пишет: «... исмаилитская поэзия в арабской литературе имеет более древнюю историю. Хотя определение этого смысла в отношении исмаилитской поэзии в арабском языке затруднено, тем не менее можно утверждать, что исмаилитский стих на арабском языке связан с первыми попытками стихосложения проповедников исмаилизма» (*Кадкани* 2014: 16).

Эта мысль исследователя подтверждается первыми поэтическими сборниками Аболькасема Мохаммада, известного как Андалуси (ум. в 973 г.), Моайядоддина Ширази (ум. в 1078 г.), Султана аль-Хаттаба (ум. в 1138 г.), Мохаммада ибн Ал аль-Сури (XI в.), а также другими касыдами и молитвенными обращениями (монаджатами), большинство из которых было сочинено во славу халифов и имамов исмаилитского арабского государства Фатимидов с центром в Каире (909–1171).

Примеров исмаилитской поэзии достаточно много на просторах интернета. Так, молодой мигрант по имени Исфандиёр пишет:

Я раб пыли твоей под ногами, О Али,
Душу свою отдам за тебя, О Али,
Лик твой зеркало, где виден Бог,
Наш рай лицезреть тебя, О Али!
Ковчега религии ты капитан,
О Царь валаята, О Али,
И рука Аллаха над их руками,
Я твой верный раб, О Али.
Ты секрет Пророка нашего,
Он тебя назначил, О Али.
Ты любимец Аллаха и Пророка,
Испарюсь в твоем дыхании, О Али!

(Перевод с тадж. яз)

Поэт Мушкалишо Дилбаршозода пишет свои стихи в основном на шугнанском языке. Ниже приведу пример его религиозного стиха:

Сердце сделаем обителью любви,
Любви и верности Имама.
Мы его дети, сам он говорит,
Так будем же детьми гордости Имама.

Имама Слово нам одно
Прислушиваться нам дано.
Его Свет озаряет нас
Вокруг Света нам суждено!
Человек красен своими поступками,
Будем же людьми хорошими.
Алмазный юбилей Имама идет,
Он добрых дел от нас ждет!
(Перевод с шугнанского яз.)

Поэт-мигрант Адолатбек Рустамбеков пишет:

Божий Свет ты здесь с небес,
Властелин Времени и Земли.
Ты – столп религии на Земле,
Божиим Светом нас озари.
Светит этот свет от источника,
Его чистый лик видим здесь,
Его рост и фигуру, когда смотрим,
Слепой озаряется весь.
Открываем глаза сердца и смотрим на свет,
Почистим свою душу от скверны,
Очистим свое сердце от страха,
Целый год, где накопился он.
Очистим сердце изнутри, себя снаружи,
Сделаем себя свободным от лишнего.
Удали все беды от нас,
Без тебя как можем свободно дышать,
Без тебя как можем устроить свой быт,
Мы – рабы твоего дворца,
Нашу жизнь в порядок переводит он,
Без него хаос в наших делах.
Вокруг тебя собрались мы – община.
Ты и наша мать, и отец духовный.
Мы под тенью Бога, а Ты – его рука.
Найди Руку, и ты находишь покой.
Только одному тебе мы верим,
Ты и голова, и в начале, и водитель.

Помимо трудовой есть и учебная миграция из Республики Таджикистан в Российскую Федерацию. Многие молодые люди после окончания учебных заведений остаются в России и получают новое гражданство. Сегодня уже можно сказать, что в РФ появилась исмаилитская поэзия на русском языке. Одним из ее ярких представителей является доктор медицинских наук Олим Ширинбек, который в свободное время пишет религиозные стихи. Приведем отрывок из его стихотворения, посвященного духовному лидеру исмаилитов:

О веры лик, о света храм,
Издревле ты сияешь нам,
Из уст переходил к устам,
С тех пор как создан был Адам,
О Имам ибн-ул Имам ибн-ул Имам.

В ковчеге Ноя плыл ты в море,
И с Авраамом был ты в горе,
И с Моисеем в его пору,
С Иисусом путь нашёл к сердцам,
О Имам ибн-ул Имам ибн-ул Имам.
Сопровождал пророков ты,
Как тень небесной доброты,
Открылся лишь для Мустафы,
Что руку дал твоим рукам,
О Имам ибн-ул Имам ибн-ул Имам.
Пророк, что знания явил,
И слово Бога прояснил,
Тебя открыл ему Джибрил,
Аллахом посланный к мирам,
О Имам ибн-ул Имам ибн-ул Имам.
Пророчества печати бремя,
Настало Имамата время,
Ты осветил людское племя,
Как освещал посланник сам.
О Имам ибн-ул Имам ибн-ул Имам.

Очень интересны философские рассуждения Ширинбека относительно сущности Бога. В одном из своих стихотворений он пишет:

Меня спросили, где твой Бог?
К кому призвал людей пророк.
Где Божья милость? Мне скажи,
И где Он есть, ты покажи.
Что ж мир Он нам не охраняет?
В пучине зла всё утопает.
Ответил я, твой Бог – в тебе,
В достатке ты, или в нужде.
Он в радости с тобой, в печали,
До нас же мудрецы сказали:
Видя Его, не видим мы,
Слыша Его, не слышим мы.
Бог выше наших разумений,
Но он сокрыт в Своём твореньи.
И нет причины сожаленья,
Ты лишь познай Его знаменья.
Его знамения просты,
Коль оком сердца смотришь ты.
Наполнил светом мирозданья,
К нему ведут любовь и знанья.
Свет Бога в мире созерцай,
Им путь мирской свой освещай.
Лишь мудрецы стремятся к знанью,
Той тайны Бога созерцанью.
Бог в каждой утренней заре,
В вечернем сумраке и мгле.
Бог в шуме ветра и воды,
Он аромат вдохнул в сады.

Бог в луче солнца и в пылинке,
Он в цвете радуги, в дождинке.
Бог там, где мир и красота,
Там, где царит лишь доброта.
Всех верований все пророки,
Добра преподнесли уроки.
Нам завещания давали,
К добру и миру призывали.
В любом Писании святом,
Господь глагольствует добром.
Сегодня нам пришла пора,
Хранить религию добра.
Нет в этом и зерна ошибки,
Что Бог сокрыт в твоей улыбке.
Бог в радости, в игре детей,
Он явствует среди людей.
Осуществляет твои грёзы,
И Он же вытирает слёзы.
В руке дающей Бог сокрыт,
Он щедрым всем благоволит.
Поистине, с рукой дающей,
Бог помогает неимущим.
Бог в слове добром и в делах,
Он в мысли добром, что в сердцах.
Мой друг, не сомневайся в том,
В сердцах людей есть Божий дом.
Так поклоняйся сердцу ты,
Коль ищешь Бога ты черты.
Бог в слове матери родной,
Что греет душу теплотой.
Бог в назиданиях отца,
Иного нет Его лица.
Родители – знаменья Божьи,
Достойны поклоненья тоже.
Любовью Бог нас охраняет,
И каждый миг благословляет.
Не знают меры и конца,
Благословения Творца.
Почувствуй Божью ты любовь,
Нас одаряет вновь и вновь.
Он создал книгу бытия,
Где мы в ответе – ты и я.
Из всех созданий на планете
Пред Богом человек в ответе.
Венцы творенья – это мы,
Властители своей судьбы.
Покажешь каждый миг и шаг,
Кто ты – друг Бога или враг?
Всё человечество – одно,
Семейство Бога одного.
Он одарил тебя сознаньем,

Дари добро Его созданьям.
Смотри на путь земной ты шире,
Будь добрым гостем в этом мире.
Там, где ты видишь справедливость,
Познай, что это Божья милость.
Когда увидишь ты страданья,
Это лишь Бога испытанья.
В единстве, Он же многолик,
Познав себя – Его постиг.
Всё, что хорошее в тебе,
Нашёл от Бога ты в себе.
Плохое, что душа находит,
Лишь от тебя к тебе исходит.
Ищи же Бога ты в себе,
И Он откликнется тебе.
Коль скоро Бога ты найдёшь,
Покой души приобретёшь.
Найдёшь ты радость несомненно,
И счастье в этой жизни бренной.
Единый Бог – везде и всюду,
Он видим знающему люду.
Быть Божьим другом – наша суть,
Чтобы найти спасенья путь.
Да будет светлою дорога,
Та, что ведёт к порогу Бога!

Другой представитель русскоязычной исмаилитской поэзии Одина Каладоров пишет:

О небосвод, открой мне свои двери поскорей,
Душа бежит туда, где нет ни времени, ни предела.
Там, где высший разум и мудрый из царей,
Пыль из-под ног его – бальзам для моих очей.
Лети душа туда, ведь ты оттуда исходила,
Не сравнить тебе с ним ни жемчуг, ни алмаз.
Лети к нему, ведь ты всегда его любила,
Пыль из-под ног его – бальзам для моих глаз.
Душа, ты как Лейла на земле, а он Меджнун там на верху,
Стремись к нему, люби его, я об одном тебя прошу.
Ведь это он нам жизни дарит, и к нему вернёмся все.
Пыль из-под ног его – судьба, вот зачем я ещё живу.
Соберись, Одина, и мысли, пусть выйдет этот стих в народ,
Пусть знают истину, а ты беги к нему быстрей.
Молись ты, и услышит это небосвод.
Пыль из-под ног его – сила, для поэзии твоей.

В ходе исследования этой темы я неоднократно задавался вопросом, почему здесь, в России, именно поэзия является такой яркой практикой самореализации и способом коммуникации трудовых мигрантов из Таджикистана? Почему в их среде она так популярна в отличие от прозы? Предпосылки этого, возможно, кроются в уникальном культурном наследии. Всемирное значение таджикско-персидской классической поэзии на протяжении веков признается величайшими поэтами с мировым

именем. Поэзия является наиболее понимаемым и принимаемым средством самовыражения таджикских трудовых мигрантов, однако надо сказать, что и среди них есть люди, которые не одобряют это «ремесло». Говоря словами профессора В. Сан, «реакция и осуждение "дагонгской поэзии"[1] как со стороны основного литературного истеблишмента, так и широкой читающей публики ни в коем случае не являются согласованными и последовательными» (*Sun* 2012: 995).

Мигрантская поэзия и в России не находит еще своего полноценного места в научной сфере и в повседневной жизни страны. Достаточно вспомнить бурную реакцию общественности на получение тремя таджикскими мигрантами-певцами Абдумамадом Бекмамадовым (является и поэтом), Покизой Курбонасейновой и Аджамом Чакабоевым в 2014 г. престижной премии «Золотая маска» за спектакль «Акын-опера»[2]. Один из депутатов Государственной Думы РФ сказал в своем выступлении буквально следующее: «…премию музыкального жюри получили три гастарбайтера из Таджикистана – сантехники, видимо чинившие прохудившийся унитаз в одном из театров, где и была впоследствии ими поставлена чудо-сцена». Министру культуры России пришлось защищать театральное сообщество, присудившее премию мигрантам[3].

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что в своей поэзии мигранты используют различные стихотворные размеры: четверостишия, газели, касыды, белые стихи и т.д. При этом тексты некоторых поэтов служат основой песен, которые исполняются на свадьбах и других торжествах. Стиль исполнения варьируется от песен-баллад до бардовской песни, а иногда даже рэпа, что приветствуется молодым поколением мигрантов. Впрочем, песенный жанр, учитывая его богатство, вариативность и динамичные темпы развития, – это тема отдельного исследования. Пока же можем лишь сказать, что мигрантская поэзия выходит за рамки классовой/пролетарской «самости» и становится значимой частью культуры сообщества в принимающем обществе.

Научная литература

Бертельс А.Е. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М.: Наука, 1988.

Маниёзов А., Шарифов Х. Красноречевый мудрец. Душанбе: Деваштич, 2003 (на тадж. яз).

Кадкани М. Каимият и ее место в персидской поэзии и литературе (предисловие) // Диван Каимият. Сказитель Хасан Махмуд Катиб. Душанбе: Бухоро, 2014. С. 8–69 (на тадж.яз).

Каландаров Т.С. Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России // Acta Slavica Iaponica. 2017. Vol. 38. P. 91–119.

Каландаров Х.С. Место исмаилитской поэзии в персидско-таджикской литературе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 169. С. 54–59.

Coplan D. Performance, Self-Definition, and Social Experience in the Oral Poetry of Sotho Migrant Mineworkers // African Studies Review. 1986. Vol. 29. No. 1. P. 29–40.

Coplan D. Performance, Self-Definition, and Social Experience in the Oral Poetry of Sotho Migrant Mineworkers // African Studies Review. 1986. Vol. 29. No. 1. P. 29–40.

Kambaskovic D. Breaching the Social Contract: The Migrant Poet and the Politics of Being Apolitical // Southerly. 2013. Vol. 73. No. 1. P. 96–122.

Shamsher J. Panjabi Poetry in Britain // Journal of Ethnic and Migration Studies. 1978. Vol. 6. No. 3. P. 291–305.

[1] Слово дагонг означает на языке китайских трудовых мигрантов «работать на хозяина».

[2] Спектакль-мюзикл о жизни трудовых мигрантов из Таджикистана в России.

[3] https://www.gazeta.ru/culture/2014/04/28/a_6012509.shtml

Sun W. Poetry of Labour and (Dis)articulation of Class: China's Worker-Poets and the Cultural Politics of Boundaries // Journal of Contemporary China. 2012. Vol. 21 (73). P. 993–1010.
Sun W. Poetry of Labour and (Dis)articulation of Class: China's Worker-Poets and the Cultural Politics of Boundaries // Journal of Contemporary China. 2012. Vol. 21 (78). P. 993–1010.
Timczuk A. The Morality of Transnationalism: Children of Ukrainian Labor Migrants Write about Migration, Homeland and Abroad // Children's Geographies. 2013. Vol. 11. No. 4. P. 490–503.

References

Bertels, A.E. *1988. Izbrannye trudy. Istoriia literatury i kul'tury Irana* [Selectas, The History of Literature and Culture of Iran]. Moscow: Nauka.
Coplan, D. 1986. Performance, Self-Definition, and Social Experience in the Oral Poetry of Sotho Migrant Mineworkers. *African Studies Review* 29 (1): 29–40.
Kadkani, M. 2014. Qoimiyot va joygohi on dar she'r va adabi forsi(sarsukhan) [Resurrection and Its Place in the Persian Poetry and Literature (Introduction)]. In *Devoni Qoimiyot. Surudai Hasan Mahmudi Kotib* [Poems of Resurrection by Hasan Mahmud Katib], 8–69. Dushanbe: Bukhoro.
Kalandarov, Kh.S. 2014. Mesto ismailitskoi poezii v persidsko-tadzhikskoi literature [The Place of Ismaili Poetry in the Tajik-Persian Literature]. *Izvestiia Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* 169: 54–59.
Kalandarov, T.S. 2017. Kostochka sladkaia, na chuzhbine ya...: poeziya tadzhikskikh trudovykh migrantov v Rossii [Sweet Pip, I am in the Outland: The Poetry of Tajik Migrants in Russia]. *Acta Slavica Yaponica* 38: 91–119.
Kambaskovic, D. 2013. Breaching the Social Contract: The Migrant Poet and the Politics of Being Apolitical. *Southerly* 73(1): 96–122.
Maniezov, A., and Kh. Sharifov. 2003. *Hakimi sukhanvar* [The Eloquent Sage]. Dushanbe: Devashtich.
Shamsher, J. 1978. Panjabi Poetry in Britain. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 6(3): 291–305.
Sun, W. 2012. Poetry of Labour and (Dis)articulation of Class: China's Worker-Poets and the Cultural Politics of Boundaries. *Journal of Contemporary China* 21 (73): 993–1010.
Sun, W. 2012. Poetry of Labour and (Dis)articulation of Class: China's Worker-Poets and the Cultural Politics of Boundaries. *Journal of Contemporary China* 21 (73): 993–1010.
Sun, W. 2012. Poetry of Labour and (Dis)articulation of Class: China's Worker-Poets and the Cultural Politics of Boundaries. *Journal of Contemporary China* 21 (78): 993–1010.
Timczuk, A. 2013. The Morality of Transnationalism: Children of Ukrainian Labor Migrants Write about Migration, Homeland and Abroad. *Children's Geographies* 11(4): 490–503.

Kalandarov, Tokhir S. **Tajik Migrant Religious Poetry**

Today there are hundreds of papers published on the problem of labor migration from Central Asian countries, its political, social and economic aspects, as well as on the problem of integration and adaptation of migrants in the Russian society. However, the topic of migrant poetry is still poorly studied in Russia. At least there is no such research on Tajik labor migrants. The genres of Tajik migrant poetry vary significantly and include such forms as love poems, political songs, songs about migration hardships, religious poems. This paper is based on the results of monitoring social networks «Odnoklassniki», «Facebook», as well as on the results of personal communication and interviews with poets. In the paper we use the poems of three authors written in Tajik, Russian and Shugnani languages. The semantic translation from Tajik and Shugnani was done by the author of this paper

Key words: *Tajiks, religious poetry, ismaili poetry, migration, Tajikistan, Russia*

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/178-196

© ***М.М. Герасимова***

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХОВИЙ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ р. КУБАНЬ VIII–XII вв.*

Рассматриваются краниологические материалы (серии мужских черепов) из скальных и грунтовых погребений населения аланских городищ на реках Уруп, Б. Лаба, М. и Б. Зеленчуки раннесредневекового времени. Дается подробная археологическая атрибуция исследованных серий и краниологическая характеристика населения, носителя западного варианта раннесредневековой аланской культуры. Обсуждается место этого антропологического варианта среди других вариантов населения Алании

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Западная Алания, краниология, описательная статистика, канонический анализ*

Введение

Изучение антропологического разнообразия средневекового населения северных предгорий Кавказа имеет неослабевающую значимость, как для представлений об этапах расогенеза на Кавказе, так и реконструкции особенностей локальных этногенезов на этой территории. Особенно интересен период конца первого-начала второго тысячелетия, характеризующийся усилением внутри этнических связей конкретных общностей, населявших регион, и, одновременно, растущей консолидацией этих общностей в сложнейших и напряженных условиях политической истории, арабо-хазарских войн, усиления и падения Хазарского каганата и т.д. (*Гадло* 1979; *Гадло* 1994). На Северо-Западном и Центральном Предкавказье эта интеграция, происходившая под знаком аланской доминанты, привела к образованию ряда сред-

Герасимова Маргарита Михайловна – к.и.н**.,** ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, заведующая кабинетом-музеем антропологии им. акад. В.П. Алексеева Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл.почта: gerasimova.margarita@gmail.com. **Margarita M. Gerasimova** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 11 Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России, 25 «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», раздел программы «1. Методология анализа и интерпретации археологического наследия, разработка вопросов его сохранения и презентации; создание баз данных по археологическим данным и биоархеологическим материалам», проект «Этногенез народов Кавказа и Крыма по данным физической антропологии»

невековых народностей, ставших впоследствии основой для формирования современных народов Северного Кавказа. К концу 1-го-началу II-го тысячелетия Алания представляла собой образование, полностью соответствующее стандартам раннефеодальной монархии (*Гадло* 1979; *Гадло* 1994). На огромной территории, охваченной Аланским объединением, процессы этнической интеграции, можно предположить, происходили по-разному, контакты с местным населением отличались разной интенсивностью, от культурно-политических до брачных взаимоотношений. На территории Западной Алании продвижение алан в горы (судя по многочисленным скальным погребениям в верховьях Кубани) представляло собой постепенную мирную миграцию, что выразилось в синкретизме аланской и адыгской культур. Во всяком случае, суля по письменным источникам (*Гадло* 1979; *Гадло* 1994), этнонимы аборигенных групп верховьев р. Кубани были полностью поглощены аланами. Интересно проследить, как эти контакты отразились на антропологическом облике населения.

Предлагаемая статья является продолжением публикации материалов по краниологии средневекового населения Северо-Западного Кавказа (*Герасимова* 2018: 95–111*)*, впервые подробно рассматриваются черепа из скальных погребений в верховьях крупного левобережного притока Кубани, р. Уруп и из христианских – на городище Ильичевское, впервые анализируются метрические характеристики черепов из погребений на городищах Адиюх на р. Малый Зеленчук и Нижний Архыз на р. Большой Зеленчук, опубликованные В.П. Алексеевым (*Алексеев* 1974). Все реки являются левыми притоками р. Кубань.

Задача исследования – дать подробную краниологическую характеристику населения, носителя западного варианта раннесредневековой аланской культуры, найти место этого варианта среди других вариантов аланского населения и попытаться на этой основе реконструировать некоторые отдельные моменты расогенеза и этнической истории населения Северо-Западного Кавказ.

Методы исследования традиционны для отечественной краниологии: вычисление средних и других показателей описательной статистики с последующей оценкой по Г.Ф. Дебецу (*Алексеев, Дебец* 1974), оценка разницы между выборками по t-критерию Стьюдента, межгрупповой канонический анализ. В настоящей статье анализируются данные только по мужским черепам, как и в предыдущей статье, посвященной населению того же времени и культуры, из могильника Мощевая Балка на р. Б. Лаба (*Герасимова* 2018: 95–111). Анализ женских черепов – дело будущих публикаций.

Происхождение исследованных серий

Серия черепов из Гамовского происходит из многослойного памятника Гамовские навесы, содержащего в том числе погребения раннесредневековой аланской культуры VIII–IX вв. Открыт этот памятник был еще в середине прошлого века замечательным краеведом, организатором краеведческого музея в станице Отрадная, археологом М.Н. Ложкиным. Небольшой краниологический материал (8 мужских и 4 женских черепа) из этого ущелья и близлежащих был опубликован В.П. Алексеевым (*Алексеев* 1974:109, 110, 160–166). В 1988–1990 гг. этот могильник исследовался В.Н. и И.В. Каминскими (*Каминская* 1989; *Каминская* 1992: 30–31). Уникальный микроклимат навесов способствовал сохранению органических остатков: деревянных рукояток топоров и других орудий, культовых деревянных столиков и пеналов,

деревянных сосудов, роговых обкладок лука, различных тканей, шерстеных и шелковых. Керамика, бусы, стеклянные браслеты и перстни, бронзовые зеркала, серьги, бубенчики, все это характерно для аланской средневековой культуры перед принятием населением христианства, и свидетельствует не только о торгово-экономических контактах, но и о синкретизме местного варианта аланской культуры. Мной было изучено 23 мужских и 35 женских черепов, хранящихся на хуторе Ахметовский – базе Лабинского отряда Восточно-Закубанской экспедиции в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Серия из Гамовского ущелья с учетом черепов, опубликованных В.П. Алексеевым, представлена 30 мужским и 36 женскими черепами.

Скальный могильник в балке Балабанка на правом берегу р. Уруп, расположенный на обоих склонах балки в среднем ярусе скал, был исследован И.В. Каминской (*Каминская* 1991:50–52). Погребения располагались в естественных щелях, гротах, под скальными навесами в каменных и деревянных ящиках и гробах. Погребенных сопровождал разнообразный инвентарь, представленный глиняной, деревянной и стеклянной посудой, многочисленными украшениями (стеклянными, сердоликовыми и янтарными бусами, браслетами и фибулами), деталями поясной гарнитуры, деревянными деталями луков, ножен и колчанов, рукоятками тесел, фрагментами столиков-фынгов. Автор раскопок считает, что инвентарь находит многочисленные аналогии в аланских памятниках Северо-Западного Кавказа, таких, как Гамовская балка, Мощевая балка, Нижний Архыз, т.е. памятник входит в круг могильников, связанных с западным вариантом аланской культуры. Из местонахождений погребений в этой балке В.П. Алексеевым был опубликован один женский череп. Мной из этого могильника было изучено 21 мужской и 13 женских черепов.

Оба эти могильника находятся на довольно близком расстоянии (7 и 10 км) к югу от Ильичевского городища, откуда имеются две небольшие серии, из 7 мужских и 3 женских черепов из погребений у христианских храмов и 7 мужских и 1 женский череп из христианских погребений на городище. Ильичевское городище находится на нескольких холмах и балках водораздельного хребта рек Уруп, Гамовка и Кува. Оно было открыто М.Н. Ложкиным в 1962 г., исследовалось им совместно с Н.В. Анфимовым, В.А. Кузнецовым, уже в конце прошлого века – В.Н. Каминским. Раскопки позволили отнести городище к поселениям городского типа и датировать VIII–XII вв. Город стоял на Дарьяльской ветке Великого шелкового пути и являлся одним из крупных городов аланского государства на Северо-Западном Кавказе. Кроме того, имеются отдельные разрозненные находки черепов из случайных сборов из разрушенных скальных погребений на склонах ущелий (*Ложкин* 1984: 29–61). Таким образом, только из верховий р. Уруп в распоряжении антропологов имеем значительный массив краниологических данных, характеризующих носителей западного локального варианта северокавказской аланской культуры, а именно 65 мужских и 60 женских черепов (табл. 1). Однако, в статье будут рассмотрены не сборные серии, а происходящие только из конкретных могильников, исходя из представлений о палеопопуляциях и популяционном подходе к анализу палеоантропологического материала (*Алексеев* 1979: 124–125). Серии из Гамовского ущелья, из Балабанки и Ильичевского городища никогда подробно не анализировались, но были опубликованы по краткой программе и привлекались в качестве сравнительного материала в моих работах по краниологии населения Северного Кавказа (*Герасимова, Тихонов* 2003, *Герасимова* 2018).

Таблица 1

Палеоантропологический материал западного локального варианта северокавказской аланской культуры в верховьях р. Уруп

Могильник	Автор раскопок и год	дата	Количество черепов	Публикация
Гамоаское ущелье	М.Н. Ложкин, 1960	VIII–X	8♂: 3♀	Алексеев, 1974
Гамовские навесы	И.В. Каминская, 1988–1990	VIII–X	23♂: 35♀	Материалы статьи
Балка Балабанка	М.Н. Ложкин, 1968–1971	VIII–X	3♂: 3♀	Материалы статьи
Балка. Балабанка	В.Н.,И.В. Каминские, 1988–1990	VIII–X	18♂: 10♀	Материалы статьи
Б. Шумелка	М.Н. Ложкин,1966	VII–X	2♂: 2♀	Не опубликовано
Ущ. Кувы	М.Н. Ложкин, 1960	VIII–X	1♂:	Алексеев,1974
Ущ. Кувы	М.Н. Ложкин, 1968	VII=X	2♂:	Не опубликованы
Б. Трубная	М.Н. Ложкин, 1981	VIII–X	1♀	Не опубликованы
Ильичевское	М.Н. Ложкин, 1968	X–XII	7♂, 2♀	Материалы статьи
Ильичевское	В.Н. Каминский,1988	X–XII	7♂, 2♀	Материалы статьи

Измеренные черепа из погребений на р. М. и Б. Зеленчуки В.П. Алексеевым (*Алексеев* 1974), и серия из христианских погребений на Ильичевском городище на р. Уруп, датируются началом II-го тысячелетия. В монографии В.П. Алексеева 1974 г. Зеленчукским сериям было уделено минимальное внимание, автор отметил только, что в Чечне (имелась в виду серия из Дуба-Юрта) черепной указатель был меньше, чем в Черкесии (сборная серия, куда входила и серия из Адиюха) (*Алексеев* 1974: 113), между тем эти серии заслуживают внимания.

Адиюхское городище находится на правом берегу р. М. Зеленчук, на отвесном мысу балки Адиюх, относится к поселениям городского типа, его местоположение было определено соображениями фортификационного характера и окружено с напольной стороны тройным рядом мощных стен. На городище открыто два могильника, способ захоронения – в вырубленных в скальном грунте неглубоких могилах, перекрытых плитами. Более ранний могильник с языческим обрядом погребения, датируемый IXв., и более поздний, датируемый X–XII вв. (*Минаева* 1955:129–161). В работе В.П. Алексеева ранняя группа на городище Алиюх содержит 1 мужской и 4 женских черепа, поздняя группа представлена 11 мужскими и 12 женскими черепам, и все черепа включены в суммарную серию «Черкесия, поздняя группа, X–XII вв.» (*Алексеев* 1974).

Нижне- Архызское городище находится на правом берегу р. Б. Зеленчук. Дата городища X–XIII вв. Здесь же находился поселок епархии. Нижний Архыз знаменит своими тремя Зеленчукскими храмами и остатками 11 одноапсидных церквей, находками эпиграфических памятников на греческом, арабском и тюркском. Есть предположение, что он являлся столицей аланского государства (*Кузнецов* 1993). Город окружен многочисленными могильниками, пещерными языческими и христианскими. Откуда происходит серия, изученная В.П. Алексеевым, мне выяснить не удалось. Средние и индивидуальные данные приведены в упомянутой монографии «Происхождение народов Кавказа (*Алексеев* 1974: 109, 168-174). Мне кажется, что такое подробное описание памятников, откуда происходит краниологический материал, отнюдь не лишне, поскольку, подробная археологическая атрибуция серии, также как исторические данные, свидетельствующие о войнах, переселениях, моровых язвах, сменах религий, наличии рабства или других социальных стратах общества, во многом позволяют определять ход этногенеза народов Северного Кавказ и формирования антропологических особенностей раннесредневекового населения.

Описание изученных серий и их сравнительный анализ

Ниже приводятся таблицы некоторых параметров описательной статистики и характеристики изученных серий из отдельных могильников, их сравнительный анализ и результаты канонического анализа, позволяющие выявить взаимоположение анализируемых серий и их связь с другими сериями, соответствующими решению поставленной задачи.

Характеристика мужской серии черепов из-под Гамовских навесов

В таблице 2 представлены параметры серии черепов, происходящих из раскопок только означенного могильника, характеристики черепов из отдельных разрозненных случайно обнаруженных погребений, а также ранее опубликованных В.П. Алексеевым, в данную выборку не включены.

Исходя из средних, серия характеризуется средними величинами тотальных размеров мозговой коробки (продольного, поперечного и высотного диаметров), ширины лба и затылка, длины основания черепа, средними размерами лицевого скелета (скулового диаметра, длины основания лица и его верхней высоты). При средней высоте орбиты высота ее малая, как и ширина носа при средней его высоте. Характеристики профилировки лица (зигомаксиллярный угол, симотический и дакриальный указатели, угол выступания носовых костей) с очевидностью свидетельствуют о выраженной европеоидности серии. За средними характеристиками, как всегда, скрывается индивидуальная вариабельность признаков, но в данном случае она очень велика, о чем говорит размах величины признаков и величина квадратических уклонений. В среднем мезокранная серия включает в себя 9 черепов с очень малым и малым черепным указателем, 9 черепов со средним черепным указателем и 5 черепов с большим и очень большим черепным указателем, от 81 до 87 единиц! Причем эти брахикранные черепа не обнаруживают какого-то специфического сходства по другим признакам мозгового или лицевого скелета. Так, например, брахикранный череп с очень малым продольным диаметром имеет больших размеров лицевой скелет, уплощенный на верхнем

горизонтальном уровне, при большом угле выступания носовых костей, другой – имеет низкое и узкое лицо, также уплощенное на назомалярном уровне, третий – при средней величине продольного диаметра и средней высоте широкого лица имеет сильно выступающий нос при верхней горизонтальной уплощенности лица. Следует обратить внимание, что уплощенность в серии в среднем в категории средних размеров, и большой назомалярный угол не сочетается с какими-либо проявлениями монголоидных черт. Не меньшее разнообразие сочетаний несочетаемых признаков обнаруживают и долихокранные и мезокранные черепа в серии. Например, наибольший назомалярный угол имеет череп, характеризующийся малым скуловым диаметром, большой высотой лица и выступающим носом. Иначе говоря, в серии обнаруживается наличие различных случайных комбинаций признаков, не складывающихся в морфологические комплексы. Обращает на себя внимание профилировка лицевого скелета: при варьировании назомалярного угла в серии преимущественно в пределах средних и больших величин, что свидетельствует об уплощенности верхнего этажа лица, угол носа варьирует только в пределах больших и очень больших величин.

Таблица 2

Некоторые параметры серии из Гамовских навесов (мужские черепа)

	1	8	17	9	45	48	54	55	51	52	SS	SC	75(1)
n	23	23	20	23	20	19	19	19	3,1	19	18	18	15
x	183,5	141,4	136,2	97,7	133,5	71,6	24,0	52,3	41,8	32,6	4,9	8,9	32,0
min	170	131	126	89	127	64	20,0	46	38,0	29,2	3,0	6,4	29
max	194	158	150	108	141	81	27,0	58	46,3	35,6	7,0	11,6	37
Σст.	6,1	5,0	4,9	4,4	5,1	4,1	1,8	2,9	1,8	1,9	0,9	1,8	4,6
σ	6,7	5,7	5,6	4,6	4,6	4,6	1,8	2,7	2,5	2,1	16	2,0	3,1

Характеристика мужской серии черепов из погребений в балке Балабанка

Параметры серии черепов из этой балки приведены ниже (табл. 3). Серия характеризуется средними размерами продольного и поперечного диаметров мозговой коробки, средней величиной наименьшей ширины лба, средней, на границе с большой, высотой черепа, и среднешироким, средневысоким, на границе с малыми величинами, высотой лица, среднешироким высоким носом. и среднешироками и низкими орбитами. Высокое, на границе с очень высоким, и широкое переносье, очень большой угол выступания носа дополняют характеристику этой европеоидной серии. За средними характеристиками серии также скрывается большая индивидуальная изменчивость. Тотальные диаметры мозговой коробки, например, варьируют от малых величин до очень большой, средняя же величина продольного диаметра совпадает практически с медианой ряда. Поперечный диаметр также варьирует от малых до больших значений с явным преобладанием средних величин. По черепному указателю серия мезокранна, за счет одного брахикранного черепа, при равном количестве долихокранных и мезокранных. И в данном случае, в серии отсутствуют какие-либо морфологические группировки, за исключением наличия более крупноголовых и малоголовых форм, не различающихся по каким-либо иным морфологическим комплексам признаков.

Таблица 3

Некоторые параметры серии мужских черепов из могильника Балабанка

	1	**8**	**17**	**9**	**45**	**48**	**54**	**55**	**51**	**52**	**SS**	**SC**	**75(1)**
n	21	21	19	21	20	20	18	20	19	18	19	19	19
x	184,1	141,1	136,2	98,2	132,6	69,9	24,4	52,0	42,1	32,4	4,92	9,71	34,6
min	174	134	126	91	124	64	21,8	47	39,1	29,2	2,0	6,6	30
max	200	149	149	106	141	78	26,8	58	22,0	32,4	7,0	14,0	40
Σст. σ	6,1 6,36	5,0 4,00	4,9 6,52	4,4 4,58	5,1 4,97	4,1 3,86	1,8 1,45	2,9 2,92	1,8 1,6	1,9 1,87	0,9 1,2	1,8 1,99	4,6 2,71

Предпринятое сравнение серий из рассмотренных скальных могильников при помощи t-критерия Стьюдента показало их сходство. Существенная разница между этими сериями наблюдается лишь при сравнении угла выступания носа, который больше в серии из Балабанки, и назомалярного угла, значительно меньшего в той же серии (табл. 4).

Таблица 4

Сравнение метрических характеристик мужских черепов из скальных погребений верховий р. Уруп

№ по Мартину.	**Балабанка**	**Гамовское**	**t- критерий**
1.Продольный диаметр.	184,1	183,5	0,32
8.Поперечный диаметр.	141,1	141,4	0,19
17. Высотный диаметр.	136,2	136,2	0,00
45.Скуловой диаметр.	132,6	133,5	0,57
48. В. высота лица.	69,9	71,6	1,34
55. Высота носа	52,0	52,3	1,34
54. Ширина носа.	24,4	24,0	0,72
52. Высота орбиты.	32,4	32,6	0,34
51. Ширина орбиты	42,1	41,8	0,54
77. Назомалярный угол.	138,3	141,7	2,50**
Zm. Зигомаксиллярный угол	124,7	125,7	0,60
SC.Симотическая ширина	9,7	8,9	1,44
SS. Симотическая высота	4,9	4,9	0,00
SS/Sc. Симоический указатель.	51,5	55,2	1,02
75(1). Угол носа	34,6	32,0	1,83*

** **1,83** при P =0,1: ** 2,50 при P=0,05*

Характеристика мужских черепов из погребений на Ильичевском городище

Предварительный анализ показал практически полное сходство черепов двух мужских небольших серий X – XII вв. из рядовых погребений на городище и у храмов. Ниже приведены параметры этой обобщенной серии (табл.5). Исходя из средних, серия на Ильичевском городище самая крупноголовая, высокосводная и долихокранная из всех урупских серий. Несмотря на то, что в серии есть несколько брахикранных черепов. Обобщенная серия из погребений на городище характеризуется, большой величиной продольного и высотного диаметров и средней – поперечного. Величина скулового диаметра – на границе средних и больших величин, высота лица, высота орбиты и высота носа в категории больших величин, а ширина орбиты и ширина носа – средних. Симотическая ширина и высота в категории больших размеров. Лицо хорошо профилировано на обоих горизонтальных уровнях. Угол выступания носа в категории больших величин. Назомалярный угол наименьший из всех рассмотренных серий.

Таблица 5

Некоторые параметры серии мужских черепов из погребений на Ильичевском городище

	1	**8**	**17**	**9**	**45**	**48**	**54**	**55**	**51**	**52**	**SS**	**SC**	**75(1)**
n	12	12	8	12	10	10	10	10	7	8	6	6	5
x	186,8	140,8	139,6	98,3	136,3	74,5	25,2	54,6	42,5	35,5	5,78	10,66	32,6
min	182	132	134	94	132	68	23,1	51	40,3	33,0	4,0	8,6	30
max	192	146	150	102	148	80	27,7	58	45,8	38,0	7,0	14,3	36
Σст. σ	6,1 3,66	5,0 4,71	4,9 5,43	4,4 2,96	5,1 6,73	4,1 4,43	1,8 1,7	2,9 3,63	1,8 2,19	1,9 1,61	0,9 1,07	1,8 1,96	4,6 2,6

Фиксируемые в серии различные комбинации признаков не складываются в морфологические комплексы, по ряду признаков серия характеризуется суженной изменчивостью.

Характеристика мужских черепов из погребений на городище Адиюх

Подсчет средних арифметических основных признаков, характеризующих мозговую коробку и лицевой скелет этой серии, показал ее сходство с сериями из скальных погребений р. Уруп. Продольный диаметр варьирует от малых величин до преимущественно больших размеров. Поперечный диаметр – в основном в категории больших величин., по указателю, в основном, черепа долихокранны или мезокранны, хотя в серии присутствуют три брахикранных черепа. В среднем серия мезокранна. Брахикранные черепа также не обнаруживают какого-либо морфологического комплекса. Лицевой скелет в среднем характеризуется средней, на границе с большой, высотой лица, средней величиной скулового диаметра, средневысоким и узким носом, с высоким и среднешироким переносьем. Углы выступания носа в категории больших и очень больших величин, лишь в одном случае – на границе больших и средних. Углы горизонтальной уплощенности варьируют для назомалярного – от 135 до 144, а для зигомаксиллярного – от 119 до 130 градусов, т.е. в пределах малых и средних величин, и очень малых и малых.

Таблица 6

Некоторые параметры серии черепов из погребений на городище Адиюх X–XII вв.

	1	8	17	9	45	48	54	55	51	52	SS	SC	75(1)
n	11	11	11	11	10	11	11	11	11	11	11	11	9
x	183,1	142,2	135,0	97,6	132,3	73,4	23,8	50.1	41,6	32,7	4,8	8,5	32,3
min	174	134	129	95	127	69	22	47	41,5	30,0	2,5	5,6	23
max	191	151	146	103	138	80	26	57	45,5	36,0	6,6	10,7	45
σ	4,4	4,9	3,8	2,0	3,3	3,7	1,1	1,1	1,1	1,6	1,9	1,0	4,9

Характеристика мужских черепов из погребений на городище Нижний Архыз

Серия из этого памятника, самая поздняя из всех рассмотренных, самая малочисленная и плохой сохранности. Для серии характерны средние размеры долихокранной мозговой коробки со среднеширокими и средневысокими лицевым скелетом, хорошо профилированным на обоих горизонтальных уровнях. Среднеширокие и средневысокие глазницы и средневысокий и среднеширокий нос с широким и средневысоким переносьем дополняют характеристику серии, хотя сохранность черепов оставляет желать лучшего, поскольку лицевой скелет мог быть измерен максимум в 3 случаях. Метрические характеристики серии представлены в таблице 7.

Таблица 7

Некоторые параметры серии мужских черепов из погребений на городище Нижний Архыз

	1	**8**	**17**	**9**	**45**	**48**	**54**	**55**	**51**	**52**	**SS**	**SC**	**75(1)**
n	7	7	3	6	1	3	1	3	2	1	3	3	1
x	189,4	141,4	132,3	97,2	132,0	70,0	25,0	53,0	42,0	34,0	3,9	9,7	29,0
min	180	132	126	90	–	67	–	48	40,5	–	2,4	8,9	–
max	196	147	140	101	–	72	–	53	43,5	–	5,3	10,8	–

Таблица 8

Некоторые параметры серии мужских черепов из Мощевой Балки

	1	**8**	**17**	**9**	**45**	**48**	**54**	**55**	**51**	**52**	**SS**	**SC**	**75(1)**
n	23	23	21	22	18	18	19	17	17	19	16	16	15
x	188,1	141,0	139,3	98,3	134,3	71,1	24,8	52,9	42,3	33,2	4,8	8,3	32,5
min	175,0	127,0	133,0	90,0	126,0	59,0	21,0	44,0	38,0	30,0	2,8	5,3	24,0
max	201,0	148,0	153,0	104,0	145,0	81,0	30,0	63,0	45,0	40,0	7,0	10,6	47,0
σ	6,6	5,1	4,6	4,6	5,7	6,1	2,2	4,3	1,7	2,8	1,3	1,7	6,2

Подробно останавливаться на описании серии из Мощевой Балки не имеет смысла, поскольку это материал подробно описан в этом же издании за прошлый год (*Герасимова* 2018: 95–111). Приведу лишь таблицу некоторых параметров описательной статистики мужской серии черепов из этого скального могильника на р. Б. Лаба.

Сравнение серий из рассмотренных могильников показало больший размах изменчивости серий из скальных погребений по сравнению с погребениями на территории городищ. Об этом убедительно говорит сравнительная таблица сигмальных отклонений в рассмотренных сериях возможно потому, что христианские погребения принадлежали более узкому локальному кругу населения. Наибольшая вариабельность обнаруживает серия из Мощевой Балки, для которой компонентный анализ показал отсутствие отчетливых комплексов признаков, выделяющих отдельные группы индивидов (*Герасимова* 2018: 95–111). Во всех исследованных сериях наблюдается подобная картина наличия разных случайных комбинаций признаков, свидетельствующая не о механической смеси морфологических вариантов, а о нормальной изменчивости признаков в группах смешанного происхождения. Что не удивительно, поскольку изученные серии представляют собой выборки населения, в большей или меньшей степени, вовлеченного в городскую среду.

С целью выяснить, с одной стороны, сыграли ли свою роль в формировании кубанского аланского населения адыгские группы, а с другой – взаимоотношения аланского населения различных регионов обитания, был предпринят межгрупповой канонический дискриминантный анализ средних по 17-ти рассматриваемым группам (при помощи статистической программы MultiCan). Серии и их характеристики представлены в таблице 9.

Таблица 9

Краниологический фон для межгруппового канонического анализа

	1	**8**	**17**	**9**	**45**	**48**	**51**	**52**	**54**	**55**
Гамовское	183,5	141,4	136,2	97,7	133,5	71,6	41,8	32,6	24,0	52,3
Балабанка	184,1	141,1	136,2	98,2	132,6	69,9	42,1	32,4	24,4	52,0
Казазово 1	189,8	139,0	136,2	97,8	132,8	66,7	41,0	32,0	26,0	50,8
Мощевая	187.9	141,4	138,1	98,3	134,3	71,6	42,9	33,0	25,0	53,2
Дуба-Юрт	189,7	138,8	138,1	97,7	132,8	70,8	42,2	31,6	24,5	52,8
Казазово 2	185,2	141,6	137,6	98,4	130,4	70,2	42,3	33,1	23,9	52,5
Змейская 1Ал	185,1	143,9	136,1	98,7	136,2	70,5	41,5	31,7	25,6	51,9
Змейская 2	182,3	145,7	138,4	96,3	135,9	71,8	42,7	31,7	25,5	51,8
Адиюх	183,6	141,3	133,3	97,0	131,9	74,4	43,4	32,2	24,3	52,0
Ильичевское	186,8	140,8	139,6	98,3	136,3	74,5	42,5	35,5	25,2	54,6
В.Салтово	185,2	138,8	135,8	97,1	131,3	73,1	43,3	32,8	25,5	53,4
Дмитровский	182,3	138,5	135,5	96,1	129,8	71,8	40,7	31,5	24,0	52,1
Змейский гр.*	181,1	140,4	135,7	98,4	134,0	70,3	42,9	33,0	25,2	52,5
Змейский кат.*	181,8	141,1	135,6	98,9	133,9	70,4	42,8	33,2	25,0	52,5
Мамисондон 1	188,5	138,0	136,7	96,3	136,7	74,6	41,5	33,5	23,4	54,9
Мамисондон 2	191,6	139,8	141,2	96,6	136,0	73,5	41,1	33,3	25,0	54,5
Н. Архыз	189,4	141,4	132,3	97,2	132,0	70,0	42,0	34,0	25,0	53,0

Кроме рассмотренных серий из скальных погребений и из погребений на городищах в анализе участвуют две серии из Адыгеи Казазово I и Казазово II, Казазово I имеет аналогии в археологическом плане с памятниками болгарского варианта салтово-маяцкой культуры, Казазово II увязывается с адыгским этносом (*Тарабанов* 1983: 163–167; *Герасимова* 2003: 286–290). Территория Северной Осетии представлена 2 сериями, из погребений Змейского могильника, вошедшими в научный обиход (*Алексеев* 1974; *Шевченко* 1986: 100–106.), а 2 серии происходят из катакомб и грунтовых могил того же могильника более позднего времени (XII-XIII)), данные о которых любезно предоставлены С.Ю. Фризеном. Еще 2 серии из Осетии происходят из могильника Мамисондон (*Албегова* 2010: 112–115; *Бужилова, Березина* 2010: 454–480). Верхнесалтовский и Дмитровский могильники представляют данные по населению донских алан (*Алексеев* 1962: 48–87; *Кондукторова, Сегеда* 1990: 94–105).

В таблице 10 приведены значения трех первых канонических переменных. Первые три канонические переменные описывают почти 70% заданной межгрупповой изменчивости.

Таблица 10

Нагрузки на признаки со стороны канонических векторов

Признак, № по Р. Мартину	**Канонический вектор 1**	**Канонический вектор 2**	**Канонический вектор 3**
1. Продольный диаметр	–0,65518	0,52321	0,58820
8. Поперечный диаметр	0,14603	–0,07891	–0,00930
17. Высотный диаметр	–0,05945	0,21087	0,01261
9. Наименьшая ширина лба	0,14706	–0,04940	–0,18834
45. Скуловой диаметр	0,12104	0,44628	–0,90181
48. Верхняя высота лица	–0,56509	–0,83206	–0,17657
55. Высота носа	0,12128	0,24155	0,28290
54. Ширина носа	0,14621	0,06822	–0,02780
51. Ширина орбиты от mf	0,73467	–0,32398	0,77470
52. Высота орбиты	0,16926	0,69604	0,07673
Собственное значение	12,4	8,5	5,6
% объясняемой изменчивости	32,6	22,3	14,6

Первый канонический вектор (КВ 1) описывает 32,6% изменчивости и разделяет выборки с более короткой мозговой коробкой и с более широкой орбитой от тех, что имеют противоположное сочетание признаков. На крайнем положительном полюсе изменчивости по этому вектору находятся две очень сходные выборки из Змейского могильника (из грунтовых могил и из катакомб – данные С.Ю. Фризена). Противоположный полюс представлен выборками из могильника Мамисондон (данные Н.Я. Березиной). Канонический вектор 2 описывает 22,3% общей изменчивости и разделяет выборки по несколько противоречивому сочетанию низкого лица с относительно высокими орбитами. На положительном полюсе здесь находятся выборки из Нижнего Архыза, Ильичевского городища и могильника Казазово 1. На противоположном, отрицательном, серия из могильника Адиюх. Оба первых КВ описывают суммарно практически 55% изменчивости. К дифференцирующему действию их нейтральными оказываются несколько выборок, образующих довольно компактное совокупность – это серии черепов из Мощевой балки, Гамовского ущелья, Балабанки, могильников Змейского (данные В.П. Алексеева) и Казазово 2. Несколько обособленно расположена серия из могильника Верхнее Салтово, которую, впрочем, можно рассматривать как довольно близкий вариант к представленному в вышеназванных сериях.

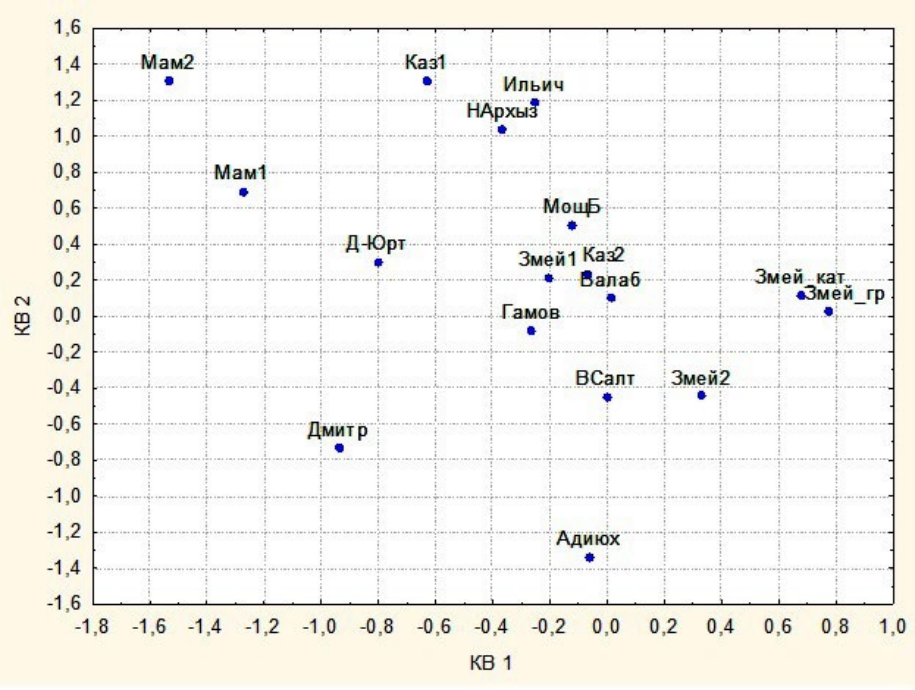

Рис. 1. Расположение серий в координатах КВ1 и КВ2.

Канонический вектор 3 описывает 14,6% общей изменчивости и разделяет группы с узким лицом и при этом относительно широкими орбитами от групп с противоположным сочетанием признаков (рис 2). КВ 3 вносит свой вклад во взаимное распределение групп. Обращает на себя внимание, что, не смотря на небольшой объем описываемой изменчивости – всего около 37%, четко обособляются все выборки черепов из Змейского могильника, с одной стороны, и выборки из могильников Мамисондон и Дмитровский, с другой. Обращает на себя внимание удаленность серий

донских алан одна от другой, серии из В. Салтовского могильника от серии из Дмитровского. Хочу обратить внимание, что ранее отмеченная группировка серий в поле первых двух канонических векторов, по данным КВ 3 может быть подразделена на две, нейтральные к суммарному дифференцирующему действию КВ 1 и КВ 3 (Гамовское ущелье, Ильичевское городище, Балабанка и Казазово 1), и серии крайне узколицые (Верхнее Салтово, Нижний Архыз, Казазово 2, Дуба-Юрт, Адиюх). Следует отметить, что при любых сочетаниях КВ серии из Гамовского ущелья, Балабанки, Казазово 2, Мощевая Балка сохраняют свою группу.

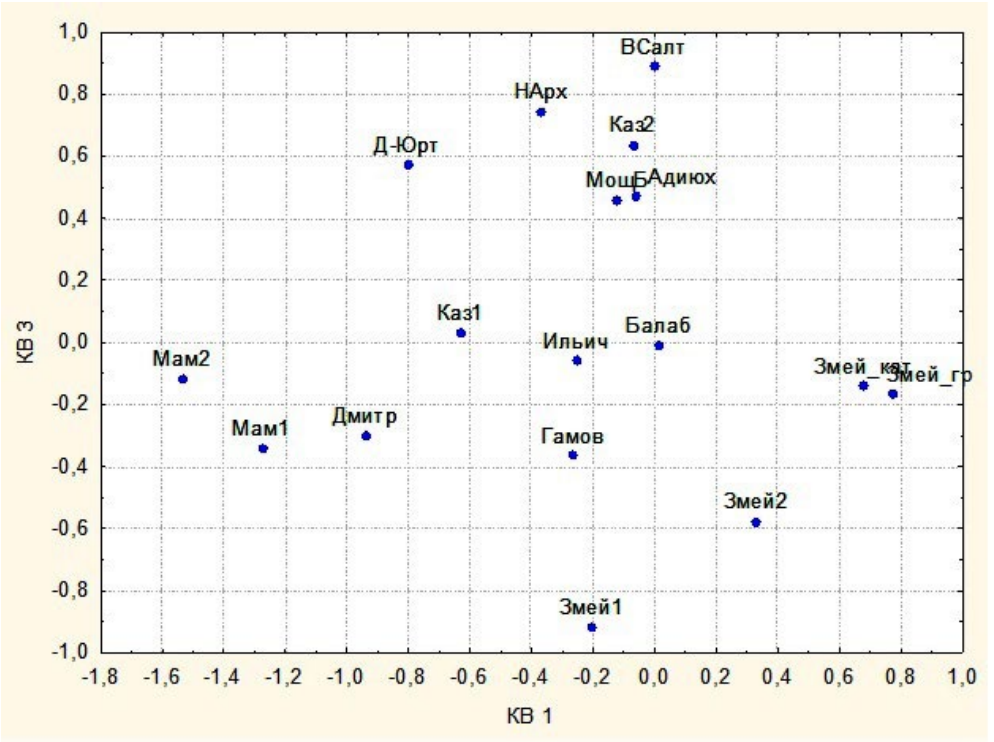

Рис. 2. Расположение серий в координатах КВ1 и КВ3.

Результаты исследования и их обсуждение.

Итак, население верховий Кубани, входящих в Западную Аланию, представлено сериями, которые различаются хронологически, обрядом погребения (языческим и христианским), но принадлежат к западному локальному варианту аланской раннесредневековой культуры. Серии из Балабанки, Гамовских навесов и Мощевой Балки. характеризуются средними размерами всех трех тотальных диаметров мезокранной мозговой коробки, средней длиной и шириной основания черепа и основания лица. Лицевой скелет среднеширокий и средневысокий. Серии характеризуются среднеширокими и низкими орбитами, средневысоким и скорее узким сильно выступающим носом. Именно обобщенную серию из этих трех могильников (n=67) следует рассматривать как представляющую аланское население Западной Алании до принятия им христианства. Серии более позднего времени с территории Ильичевского и Нижне-Архызского городища начала 2-го тысячелетия образуют более крупноголовый,

высокоголовый вариант из всех рассмотренных серий раннесредневекового времени С-З Кавказа. Представляется, что характеристика выше рассмотренных серий с верховий Кубани несколько отличается от укоренившихся представлений в литературе, особенно в археологической, об антропологическом облике алан, основанных, главным образом на характеристике серии из могильника Дуба-Юрт в Чечне. (*Алексеев* 1974: 111, 112). Действительно, расположение серий на обоих графиках подтверждает предположение о существовании особого краниологического варианта, свойственного мужскому аланскому населению, представленному сериями из скальных погребений верховий р. Кубань. Присутствие в этой группировке серии из Казазово 2 (других адыгских серий нет) может служить подтверждением участия местного населения в морфогенезе аланского населения Северо-Западного Кавказа. Центральные районы Алании, иначе говоря, Северная Осетия, представлены 4 сериями из Змейского могильника и 2 сериями из Мамисондона. Безусловно представляет интерес взаиморасположение четырех серий из Змейского могильника. Две серии, обозначенные мной как Змейская 3 и Змейская 4 (неопубликованные данные С.Ю. Фризена), одна из катакомбных погребений, а вторая из грунтовых могил, обнаруживают поразительное сходство. Змейская 1, также из катакомбного могильника, рассматривалась В.П. Алексеевым, исходя из величины скулового диаметра и более широкой мозговой коробки, как принадлежащая местному этническому пласту (*Алексеев* 1974: 112). По поводу серии Змейская 2 А.В. Шевченко предполагал ее смешанный характер, чем и объяснял ее отличие от Змейской 1 (*Шевченко* 1986: 112). На обоих графиках отчетливо видно расположение серий из могильников Мамисондон и Змейский на крайне противоположных полюсах, что заставляет более пристально и внимательно отнестись к археологическому контексту серий из Мамисондона, поскольку есть сомнения в их принадлежности аланскому населению. Тем более, что и по отношению к другим анализируемым сериям они всегда занимают обособленное положение. Ранее опубликованные серии из Змейского могильника, несмотря на отмечаемые различия, вполне вероятно, объясняемые их недостаточной численностью, тем не менее, тяготеют или к двум другим сериям из Змейского, или к группе из Западной Алании. Классическая серия из Дуба-Юрта из Восточной Алании в проведенных анализах стоит особняком, не группируясь ни с одной из анализируемых серий.

Выводы

1. Изученные серии мужских черепов из скальных погребений Западной Алании принадлежат к европеоидному мезо-долихокранному антропологическому варианту с продольным и высотным диаметрами на границе средних и больших величин, со средней шириной профилированного средневысокого лица, узким и средневысоким сильно выступающим носом, среднеширокими и низкими орбитами.
2. Параметры описательной статистики показали значительную внутригрупповую изменчивость, однако вариации признаков в сериях не образуют определенных морфологических комплексов, которые можно было бы выявить внутри серий или привязать к определенным могильникам, что свидетельствует не о механической смешанности внутри серий, а о нормальной изменчивости в группах смешанного происхождения.

3. Поскольку изученные краниологические серии из скальных погребений представляют население, в той или иной степени вовлеченное в городскую жизнь (городища и города, лежащие на кавказском отрезке Великого Шелкового пути), этот факт не вызывает удивления. Смешение происходило между близкими вариантами понтийского антропологического типа представителями которого были как адыги, так и аланы.
4. Взаимное расположение серий в пространстве двух и трех первых канонических векторов показывает сравнительно компактное расположение серий из скальных могильников верховий Кубани и серий из Адыгеи. Возможно, участие в морфогенезе раннесредневековых алан этого региона сыграли свою роль адыгские племена.
5. Серии из христианских погребений на городищах Н. Архыз и Ильичевское начала II тысячелетия отличаются от раннесредневековых скальных серий, возможно за счет того, что принадлежали отдельному в социальном плане страту общества (погребения у храма, например).
6. Удаленное расположение серий из В. Салтовского и Дмитровского могильников в пространствах первых трех канонических векторов говорит об их достаточно удаленном сходстве на фоне анализируемых серий. Весьма возможно, что в данном случае играет свою роль археологический контекст, говорящий о принадлежности части погребенных к различным социальным стратам, на пример, к воинскому сословию на одном из памятников.

Научная литература

Албегова З.Х. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007-2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС // Албегова З.Х., Верешинский-Бабайлов Л.И. Материалы охранных археологических исследований РАН. Москва, Институт археологии РАН: Изд-во Таус, 2010. Т. 11. С.112-115.

Алексеев В.П. Антропологіа Салтівского могильника. Матеріалы з антропології Украіни. Вип.2. Киіів: Видавництво Академії наук УкССР, 1962. С.48–87.

Алексеев В.П. Историческая антропология. Учеб. Пособие. Москва: Высшая школа, 1979. С. 124–125.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Москва: Наука, 1974.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. Москва: Наука, 1964.

Бужилова А.П., Березина Н.Я. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохр анилища Зарамагских ГЭС // З.Х Албегова, Л.И. Верешинский-Бабайлов. Материалы охранных археологических исследований РАН. Москва: Институт археологии РАН: Изд-во Таус, 2010. Т. 11. С. 454–480.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Ленинград: Ленинградский Государственный Университет, 1979.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. С.-Петербург: С.-Петербургский Государственный Университет, 1994.

Герасимова М.М. Городское население Западной Алании VIII-IX вв. н. э. (по краниологии могильника Мощевая Балка). Вестник антропологии, 2018. № 3 (43). С. 95–111.

Герасимова М.М., Тихонов А.Г. Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов. Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20-22 сентября 1994 / отв. ред. Т.И.

Алексеева. М., 2003. С. 286–290.

Каминская В.Н. Исследования скального могильника «Гамовская Балка» на Урупе. I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар,1989.

Каминская И.В. Исследования Лабинского отряда в бассейнах рек Урупа и Б. Лабы. Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск: Ейский историко-краеведческий музей, 1992. С. 30–31

Каминская И.В. Исследования могильника в балке Балабанка на Урупе. Древности Кубани. Материалы научно-практической конференции. Краснодар.: Краснодарский Гос. историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, 1991. С.50-52.

Кондукторова Т.С., Сегеда С.П. Краниологическая и одонтологическая характеристика людей салтово-маяцкой культуры из села Дмитровское. Вопросы антропологии. МГУ, 1990. Вып. 84. С. 94-105.

Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X-XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1993.

Ложкин М.Н. Аланы на Урупе. Археология и этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С.29-61.

Минаева Т.М. Городище Адиюх в Черкесии. Краткие сообщения Института Истории материальной культуры, 1955. № 60. С.110-119.

Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово. Историческая этнография. Традиции и современность (Межвузовский сборник.). Ответственный редактор Р.Ф. Итс. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1983. Вып.2. С.163-167.

Шевченко А.В. К краниологии Предкавказской Алании X–XII в. н.э. (по материалам раскопок Змейского могильника 1981-1983 гг.) Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Ответственный редактор Тургиев Т.Б. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. С.100-106.

References

Albegova, Z Kh. 2010. Rannesrednevekovyi mogil”nik Mamisondon: rezultaty arkheologicheskikh issledovanii 2007-2008 gg. v zone stroitel”stva vodokhsranilishcha Zaromagskikh GES.[Early medieval graves “nick Mamisondon: the result of archaeological research 2007-2008 in the area of the Builder” stva reservoir Zaromagskih GES]. Z Kh. Albegova, L.sI.Vereshchinskii-Babailov. *Materialy okhrannykh arkheologicheckikh issledovanii RAN*. Moskva: Institut arkheologii RAN: Taus. 11.

Alekseev, V.P. 1962. Arheologiya Saltivs’kogo mogil’nika. [Bitter head graves Saltivs Archaeology]. *Materialy z antropologii Ukraini*. Kiiv. 2.

Alekseev, V.P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza*. [The origin of the peoples of the Caucasus]. Moscow: Nauka.

Alekseev, V.P. 1979 *Istoricheskaya antropologiya: Uchebnoe pjsobie*. [Historical anthropology: a textbook]. Moskva: Vysshaya shkola.

Alekseev, V.P., and G.F. Debets. 1966. *Kraniometriya. Metodika antropologicheckikh issledovanii*. [Craniometry. Methods of anthropological research.] Moscow: Nauka.

Buzkilova, A.P., and N. Ya. Berezina. 2010. Analiz antropologicheskikh materialov. Predvaritel”nye rezul”taty. Prilozhenie 10. [Anthropological analysis of materials. Predvaritel”nye rezul”taty. Annex 10]// Z Kh. Albegova, L.sI.Vereshchinskii-Babailov. *Materialy okhrannykh arkheologicheckikh issledovanii RAN*. Moskva: Institut arkheologii RAN: Taus. 11: 454-480.

Gadlo, A.V. 1979. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkasa IV-X vv.* [Ethnic history of the North Caucasus IV-X centuries]. Leningrad: Isd-vo LGU.

Gadlo, A.V. 1994. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkasa X-XIII vv.* [Ethnic history of the North Caucasus X-XIII centuries]. St. Petersburg: Isd-vo SPbGU.

Gerasimova, M.M. 2018. Gorodckoe nacelenie Zapadnoi Alanii VIII-IX vv n.e. (po kraniologii

mogil”nika Moshchevaya Balka). [The urban population of the Western Alanya VIII-IX centuries BC (based on the craniology of the burial Moshchevaya Balka)]. *Vestnik antropologii Instituta etnologii I antropologii RAN*. 3 (43): 95-111.

Gerasimova, M.M., and A.G. Tihonov. 2003. Novye kraniologicheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya adygov) [New cranial data to the problem of the origin of the Circassians].// *Gorizonty antropologii: Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamyati akademika V.P. Alekseeva.* Moskva, Saltykovka, 20-22 sentyabrya 1994 g. M: Saltykovka. 286-290.

Kaminskaya, I.V. 1989. Issledovaniya skal”nogo mogil”nika Gamovskaya Balka na Urupe. [Study of scales”foot the grave “nick Gumovskaya Balka on Urup.] *Kubanckaia arkheologicheckaya konferentsya.* Tesisy dokladov.

Kaminskaya, I.V. 1992. *Issledovaniya Labinskogo otriada v basseine rek Urup i B.Laba. Arkheologicheskie raskopki na Kubaniv 1989-1990 gg.* [Studies of the Labinsk otriad in the basin of the rivers Urup and B. Laboratory. Archaeological excavations in the Kuban in 1989-1990]. Eisk: Eiskii istoriko-kraevedcheskii muzei. 30-31.

Kaminskaya, I.V. 1994. Issledovaniya mogil”nika v balke Balabanka na Urupe. Drevnosti Kubani. [Study the grave of“nick in the beam Balabanivka on Urup. Drevnosti Kubani and Nearby Cities] *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Krasnodar: Gos.istoriko-arkheologicheskii muzei-zapovednik im. E.D. Felitsyna: 59-52.

Konduktorova, T.S., and S.P. Segeda. 1990. Kraniologicheskaya i odontologicheskaya harakteristika lyudej saltovo-mayackoj kul’tury iz sela Dmitrovskoe. [Craniological and odontological harakteristika lyudej saltovo-mayackom Kultury from the village of Dmitrov] // *Voprosy antropologii*: MGU. 84: 94-105.

Kuznetsov, N.A. 1993. Nizhnii Arkhyz v X-XIII vekakh. [Lower Arkhyz v X-XIII centuries]. *K istorii srednevekovykh gorodov Severnogo Kavkaza*. Stavropol: Kavkazskaya biblioteka.

Lozhkin, M.N. 1984. Alany na Urupe. [Alany on Urupe]. *Arkheologiya i etnografiya Severnoi Osetii.* Ordzhonikidze: 29-61.

Minaeva, T.M. 1955. Gorodishche Adiyukh v Cherkesii. [City of Adiyukh in Circassia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material”noi kul”turi.*119-119.

Shevchenko, A.V. 1986. K kraniologii Predkavkazskoj Alanii X–XII v. n.e. (po materialam raskopok Zmejskogo mogil’nika 1981-1983 gg.) [About craniology of the Ciscaucasian Alania of the X-XII century (based on the excavations of the burial ground Zmeiskoe of 1981-1983]// *Etnokul’turnye problemy bronzovogo veka Severnogo Kavkaza. Sb. nauchnyh trudov*. Ordzhonikidze: RIO SOGU.100-106.

Tarabanov, V.A. 1983. *Srednevekovyi mogil”nik u aula Kazazovo. Istoricheskaya etnografiya. Traditsii i sovremennost” (mezhvuzovsrii sbornik).* [The Medieval cemetery at the village Kazazovo. Historical of Ethnography. Traditions and modernity]. Otv. red. R.F.Its. Leningrad: Izdatel”stvo LGU. 2: 163-167.

Gerasimova, Margarita M. **Craniology of the Population of the Upper Left Bank of the Kuban River in VIII–XII centuries**

Craniological materials of a number of burials from Western Alanya of the early medieval time are studied in the article. It also presents the archaeological attribution of these burials and the results of new multivariate statistical analyses. New comparative materials are employed in the study; the buried people are attributed to urban population

Key words: North Caucasus, Western Alanya, archaeological attribution, craniology, canonical analyze

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/197-209

© Н.А. Лейбова, У.Б. Гадиев

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ ПО ДАННЫМ ОДОНТОЛОГИИ*

Несмотря на довольно подробную изученность населения Кавказа в антропологическом отношении, до сих пор остаются народы, представления об антропологическом своеобразии которых страдают неполнотой. В их числе один из древнейших автохтонных народов Кавказа – ингуши. Настоящая работа представляет новый материал по одонтологии средневековых ингушей, собранный в 2017 году в ходе экспедиционного выезда в Джейрахский и Сунженский районы Республики Ингушетия. В Джейрахском районе работы проводились в склеповых комплексах XV–XVIII вв. Таргим, Эгикал, Цори, Салги, в Сунженском – в склепах у селения Мужган. Изученная нами по одонтологической программе краниологическая серия средневековых ингушей может быть охарактеризована как относящаяся к западному кругу одонтокомплексов. В его пределах серия относится не к грацильным формам, как большинство современных групп Кавказа, а к матуризованному варианту, имеющему глубокие корни на Кавказе. Полученные характеристики в очередной раз демонстрируют определенную консервативность и стабильность зубной системы, дольше других антропологических систем сохраняющую черты предковых групп в своей морфологии

Ключевые слова*: физическая антропология, одонтология, Кавказ, ингуши, вайнахи, южный грацильный тип*

Ингуши (самоназвание гIалгIай) – один из древнейших автохтонных народов Кавказа. Ингушский язык относится к нахской группе нахско-дагестанских языков кавказской языковой семьи наряду с чеченским и бацбийским. Численность ингушей в Российской Федерации составляет 445 тыс., из них 385 тыс. живут в Республике Ингушетия (Ингуши 2013).

Лейбова Наталья Александровна – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: nsuvorova@mail.ru. **Natalya A. Leibova** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: nsuvorova@mail.ru

Гадиев Умалат Бесланович – зам.директора ГКУ Археологического центра им. Е.И. Крупнова (Республика Ингушетия) (г. Назрань, ул. Московская 5). Эл.почта: umalat06@list.ru. **Umalat B. Gadiev** – GKU Archaeological Center named after E.I. Krupnova (Republic of Ingushetia, Nazran, ul. Moscow 5). E-mail: umalat06@list.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 11 Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России, 25 «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», раздел программы «1. Методология анализа и интерпретации археологического наследия, разработка вопросов его сохранения и презентации; создание баз данных по археологическим данным и биоархеологическим материалам», проект «Этногенез народов Кавказа и Крыма по данным физической антропологии»

При том, что антропология современного населения Кавказа в целом изучена довольно подробно, в том числе на уровне этнотерриториальных групп и локальных популяций, материалы по антропологии ингушей до сих пор остаются малочисленными и представляют собой, как правило, дисперсные выборки, собранные в г. Назрани (*Герасимова, Хить* 2013: 37).

Наши представления об одонтологическом своеобразии ингушей базируются на данных двух дисперсных выборок современного населения и одной краниологической серии XIV–XVIII вв. Впервые материал по одонтологии ингушей был получен в 1971 году Р.С. Кочиевым в рамках его масштабного исследования современных этнических групп Кавказа на территории Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана, Чечни, Северной и Южной Осетии, предпринятого с целью получения общих представлений о размахе вариаций и территориальной изменчивости частот основных одонтологических фенов в регионе. Ингуши – 52 мальчика и 52 девочки – были обследованы им в г. Назрань (*Кочиев* 1979).

Начиная с 1979 г. активную работу по сбору нового одонтологического материала на Северном Кавказе и в Закавказье и обработке уже имеющегося, ведет В.Ф. Кашибадзе. В ее обобщающей работе по одонтологии древнего и современного населения Кавказа содержатся данные, собранные в 1972 году опять же в г. Назрани (всего 48 человек) и сборной краниологической серии ингушей позднефеодального периода (XIV–XVIII вв.), насчитывающей 41 череп без нижних челюстей, место сбора которых неизвестно (*Кашибадзе* 2006).

Представленный в настоящем сообщении материал был получен в 2017 году в ходе экспедиционного выезда в Джейрахский и Сунженский районы Республики Ингушетия. В Джейрахском районе работы проводились в склеповых комплексах XV–XVIII вв. – Таргим, Эгикал, Цори, Салги, в Сунженском – в склепах у селения Мужган. Все они приурочены к бассейну р. Ассы. Работы по изучению склепов горной Ингушетии осуществлялись в рамках проекта Президиума РАН и при финансовой поддержке мэра Назрани Тумгоева Алихана Магомедовича.

Склепы горной Ингушетии известны широкой научной общественности начиная со второй половины XIX века. С тех пор разработана типология и периодизация этих объектов, основанная как на археологическом материале, включая и нумизматические находки, так и на архитектурном анализе (*Крупнов* 2008: 110–112). В последние годы хронология склепов горной Ингушетии частично обоснована и дендрохронологическими и радиоуглеродными исследованиями, однако это касается только позднесредневековых, т.н. наземных или “солнечных” склепов (по-ингушски “малхар-кашмаш”) (*Гадиев, Мацковский* 2018: 429–431).

Средневековые ингушские склепы – исключительно коллективные гробницы. В них можно видеть от нескольких десятков до нескольких сотен усопших. Встречаются подземные, полуподземные и наземные склепы, в своих формах демонстрирующие эволюционно-хронологический ряд. Подземные склепы датируются XI–XIV вв., полуподземные – второй половиной XIII–XV вв., и, наконец, наземные – XV–XVIII вв. (*История Ингушетии* 2011: 130).

Склепы являлись фамильной собственностью ингушей. В исключительных случаях один и тот же склеп мог принадлежать двум фамилиям. Тогда представителей одной фамилии хоронили внизу (или в нижнем этаже), представителей другой – вверху. В целом, обычай хоронить в склепах членов одной фамилии строго со-

блюдался. Если умирал заезжий человек, тело его увозили в родное селение, даже если для этого требовалось ехать несколько дней. При похоронах двое мужчин влезали в склеп и втаскивали туда покойника (*Семенов* 1963: 75). До принятия ислама основной частью ингушей (XVII–XVIII вв.) умершего обычно хоронили через три или четыре дня после его смерти, с окончательным внедрением мусульманства этот обычай изменился (*Сборник сведений…* 1870: 30). Причинами значительного числа погребений в склепах могли быть различные эпидемические болезни. О них, в частности, во второй половине XIX века сообщал ингушский этнограф Ч. Ахриев. Он писал, что между ингушами всегда свирепствовали эпидемические болезни, вроде чумы, от которой однажды вымерла половина населения. Об этой чуме в народе сохранилось свежее предание: «Люди тогда в страхе разбегались и некому было хоронить умиравших. Поэтому заболевшие…отправлялись умирать в каши (склепы) иногда целыми семействами» (*Ахриев* 2000: 184). Этнограф во многих склепах зафиксировал люльки с детскими скелетами, а подле них – женские скелеты.

Сбор краниологического материала производился нами без нарушения культурного слоя. Для краниометрического изучения оказались пригодны 56 черепов (36 мужских и 20 женских). Предварительные результаты анализа краниологических особенностей полученной серии представлены в работе С.Ю. Фризена и У.Б. Гадиева в настоящем номере. Одонтологическое обследование производилось на черепах из этих же склепов, однако, как это обычно и бывает в случае работы с ископаемым материалом, краниологическая и одонтологическая выборки не идентичны. У большинства целых черепов, составивших основу краниологической выборки, зубы были либо утрачены, либо сильно стерты и на них невозможно было зафиксировать большинство признаков одонтологической программы. В состав одонтологической выборки вошли данные, полученные при изучении черепов детей и подростков, которые не всегда изучаются краниологически. Помимо того, что серия является сборной, содержащей мате-

Рис. 1. Один из склепов комплекса Эгикал. Внутренний вид камеры (фото Н.А. Лейбовой).

риалы из 5 склепов, сложность ее состава усиливается еще и тем обстоятельством, что изученные нами черепа и нижние челюсти являются по сути сбором неоднократно потревоженных и разрозненных останков (Рис. 1).

По этой причине в склепе Эгикал нам оказались доступны для изучения только черепа без нижних челюстей. В других склепах изучались изолированные нижние челюсти, к которым не удавалось подобрать череп, хотя нередки были ситуация, когда мы имели возможность описать морфологию и верхней, и нижней челюсти одного индивида. В итоге, суммарное число изученных индивидов – 67 (Цори – 8 индивидов, Эгикал – 25 (все без нижних челюстей), Таргим – 9, Салги – 9, Мужган – 16).

Настоящая работа построена на анализе следующих одонтоскопических признаков: лопатообразная форма верхних резцов, редукция верхних латеральных резцов, бугорок Карабелли на M^1, форма M^2 по Дальбергу, число бугорков и тип узора коронки $M_{1–3}$, *tami*, коленчатая складка метаконида, дистальный гребень тригонида M_1, межкорневой затёк эмали на верхних и нижних молярах. Из традиционной палеоодонтологической программы мы были вынуждены исключить такие признаки, как диастема I^1– I^1, краудинг I^2, непрерывный косой гребень M^1. Связано это с сохранностью материала. Перечень фенов, которые регистрировались в бланке, намного шире, однако по многим из них число наблюдений оказалось столь малым, что мы сочли нецелесообразным их рассматривать на данном этапе. Работы по сбору материала будут продолжены в ближайшем будущем, и мы надеемся, что увеличение объема выборки позволит нам расширить и перечень анализируемых признаков.

Исследование выполнено в рамках методической системы А.А. Зубова (*Зубов* 1968, 1973, 2006; *Зубов, Халдеева* 1993). В ходе этой работы также пришлось отойти от правила подсчёта частот признака по правой стороне: в случае отсутствия правого зуба, признак оценивался на зубе-антимере.

Частоты важнейших одонтологических признаков в исследованной нами краниологической серии из склепов горной Ингушетии не выходят за пределы их вариации на территории Кавказа. Одонтологический комплекс средневековых ингушей, безусловно, характеризуется как западный. На это указывает отсутствие лопатообразных форм верхних медиальных резцов, единичный случай лопатообразности латеральных (табл. 1).

Ни разу не были встречены шестибугорковые формы коронки первых или вторых нижних моляров. Однако, даже в такой незначительной по объему выборке, были зафиксированы дистальный гребень тригонида и коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре. Уже в первой работе по одонтологии населения Кавказа, Р.С. Кочиев обратил внимание на то, что значения именно этих фенов восточной ориентации зачастую слегка повышены (в масштабе западного одонтологического ствола) и объяснил это не проникновением монголоидных элементов, а сохранением пережитков древнего пласта, скорее австрало-веддоидного, т.е. восточного в широком смысле, но не монголоидного. Повышение частоты встречаемости бугорка *tami* в некоторых группах Кавказа трактуется в этом же направлении. У средневековых ингушей в 8,0% наблюдений он встречается.

На нашем материале не зафиксированы высокие баллы редукции верхнего латерального резца, однако тенденция к его редукции в серии выражена вполне отчетливо, на что указывает частота встречаемости балла 1 (18,2%). Вторые верхние моляры в серии довольно массивные: трехбугорковые формы встречаются только в 21,4%

случаев. Не менее массивны и первые нижние моляры: из 27 наблюдений только в одном случае была зафиксирована 4-х бугорковая форма коронки. Вторые моляры, напротив, весьма грацильны: показатель встречаемости четырехбугорковых моляров – 79,2%, и при этом в нашей серии дважды описаны трехбугорковые формы (8,3%).

Таблица 1

Одонтологическая характеристика групп средневековых и современных ингушей

	Ингуши горной Ингушетии XV–XVIII вв.		**Ингуши XIV–XVIII вв.**		**Ингуши с. Назрань**		**Ингуши с. Назрань**	
Автор	**Лейбова Н.А**		**Кашибадзе В.Ф., 2006**		**Кочиев Р.С., 1979**		**Кашибадзе В.Ф. 2006**	
Признаки	n/N	%	N	%	N	%	N	%
Лопатообразность I^1 (2+3)	0/10	0,0	2	0,0	103	0,97	55	9,1
Лопатообразность I^2 (2+3)	1/10	10,0	4	25,0	103	0,97	49	4,1
Редукция I^2 (1)	2/11	18,2	8	37,5	103	16,5	59	25,4
Редукция I^2 (2+3)	0/11	0,0	8	0,0	103	2,92	59	6,8
Бугорок Карабелли M^1 (2–5)	21/31	67,7	27	29,6	104	19,18	33	51,6
Бугорок Карабелли M^1 (3–5)	18/31	58,1	27	18,5	104	3,78	33	33,4
Форма M^2 по Дальбергу (∑ 3+,3)	9/42	21,4	40	12,5	101	51,85	32	25,0
Число бугорков M_1: 6	0/27	0,0	–	–	103	1,94	38	5,3
Число бугорков M_1: 4	1/27	3,7	–	–	103	8,63	38	21,0
Число бугорков M_2: 4	19/24	79,2	–	–	103	96,05	36	91,7
Число бугорков M_2: 3	2/24	8,3	–	–	103	0,97	36	0,0
Узор коронки M_1: Y	20/22	90,9	–	–	–	–	35	80,0
Узор коронки M_1: X	2/22	9,1	–	–	–	–	35	8,6

Таблица 1 (окончание)

	Ингуши горной Ингушетии XV–XVIII вв.		**Ингуши XIV–XVIII вв.**		**Ингуши с. Назрань**		**Ингуши с. Назрань**	
Автор	**Лейбова Н.А**		**Кашибадзе В.Ф., 2006**		**Кочиев Р.С., 1979**		**Кашибадзе В.Ф. 2006**	
Узор коронки M_1: +	0/22	0,0	–	–	–	–	35	11,4
Узор коронки M_2: Y	8/20	40,0	–	–	–	–	31	9,7
Узор коронки M_2: X	12/20	60,0	–	–	–	–	31	45,2
Узор коронки M_2: +	0/20	0,0	–	–	–	–	31	45,2
Tami M_1	2/25	8,0	–	–	102	3,92	48	0,0
Дистальный гребень тригонида M_1	1/18	5,6	–	–	103	3,88	42	4,8
Коленчатая складка метаконида M_1	2/15	13,3	–	–	103	8,73	43	7,0
МКЗЭ M^2 (5–6)	8/29	27,6	53	17,0	–	–	–	–
МКЗЭ M_2 (5–6)	2/16	12,5	–	–	–	–	–	–
1eo (3)	1/10	10,0	15	13,3	–	–	40	32,5
2 med (II)	1/11	9,1	–	–	90	31,1	38	26,3

Яркой особенностью изученной серии является высокая частота встречаемости бугорка Карабелли на первом верхнем моляре – 67,7%. Даже при исключении из подсчета бугорков, степень развития которых оценивается баллом 2 и диагностика которых вызывает определенные затруднения, значение этого показателя остается высоким (58,1%). Для эпохи средневековья на территории Кавказа такая частота встречаемости признака рассматривается как своего рода архаизм, пережитки комплекса, характерного для древнего населения Кавказа эпохи бронзы (*Кашибадзе* 2006: 76).

Чтобы полнее оценить одонтологическое своеобразие средневековых ингушей, изученных нами, рассмотрим их на фоне других выборок с территории Кавказа. С этой целью нами был осуществлен многомерный анализ (*Correspondence analysis*). Для получения самой общей картины, на первом этапе анализа рассмотрим средневековых ингушей горной Ингушетии на фоне суммарных групп различных современных народов кавказского региона, изученных, главным образом, В.Ф. Кашибадзе (*Кашибадзе* 2006). Сравнение осуществлялось по следующим десяти признакам: лопатообразная форма верхних медиальных резцов (shov I^1), бугорок Карабелли на M^1 (cara M^1), фор-

ма M^2 по Дальбергу (Ну3+, 3), шестибугорковые первые нижние моляры ($M_1$6), четырехбугорковые первые и вторые ($M_1$4 и $M_2$4), *tami*, коленчатая складка метаконида (dw), дистальный гребень тригонида (dtc) M_1, вариант II второй борозды метаконида (2med(II)). С первым и вторым векторами в сумме связано 58,9 % вариабельности анализируемых признаков. Расположение анализируемых популяций в пространстве первых двух измерений очень показательно: серия средневековых ингушей занимает изолированное положение как по отношению ко всему массиву кавказских групп, так и по отношению к современным ингушам и чеченцам (Рис. 2).

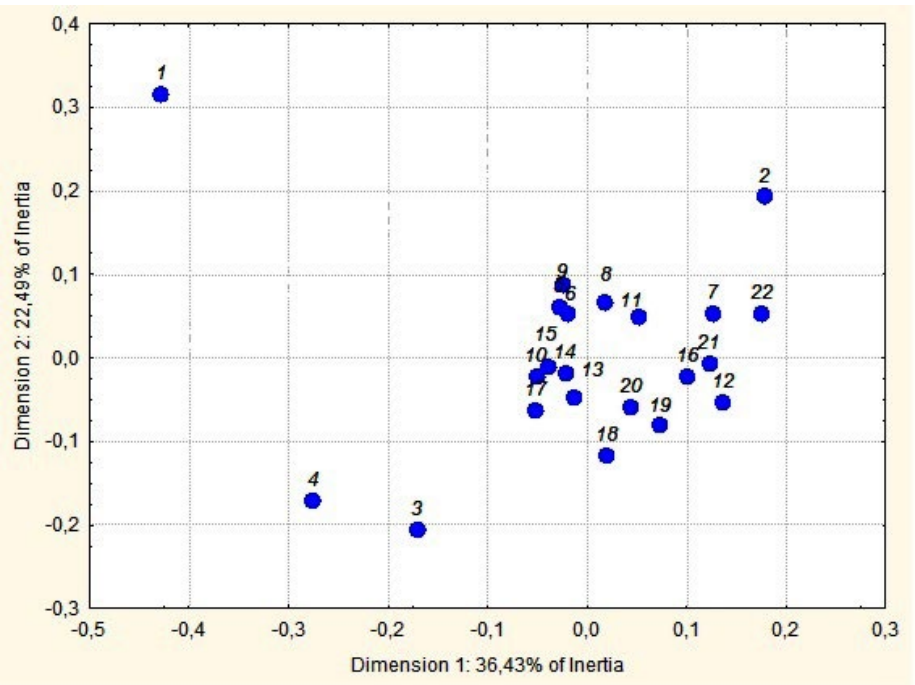

Рис. 2. Взаимное расположение серии ингушей горной Ингушетии XV–XVIII вв. и современных народов Кавказа (Correspondence analysis) 1 – ингуши горной Ингушетии XV–XVIII вв., 2 – ингуши г. Назрань (Кочиев 1979), 3 – ингуши г. Назрань (Кашибадзе 2006), 4 – чеченцы, 5 – карталинцы, 6 – кахетинцы, 7 – горные гр. в.грузии, 8 – месхи, 9 – джавахи, 10 – имеретины, 11 – мегрелы, 12 –гурийцы, 13 – аджарцы, 14 – рачинцы, 15 – сваны, 16 – абхазы, 17 – армяне, 18 – адыгейцы, 19- кабардинцы, 20 – осетины, 21 – азербайджанцы, 22 – дагестанцы. Группы 3–22 по: Кашибадзе 2006

Картина, которую мы видим на графике, в общих чертах совпадает с тенденциями, выявленными В.Ф. Кашибадзе, несмотря на различия в числе и наборе анализируемых признаков (*Кашибадзе* 2006: 135). Однако, как несложно заметить, все периферийные, обособившиеся группы – это сравнительно малочисленные серии, в то время как остальные – суммарные серии, значительные по численности.

Для исключения влияния фактора численности анализируемых групп на результаты анализа, рассмотрим серию средневековых ингушей на фоне территориальных выборок современных народов. На этом этапе анализа ограничимся территорией Северного Кавказа и в качестве сравнительного фона привлечем данные по территориальным группам осетин, адыгейцев, кабардинцев, карачаевцев и балкарцев.

Несмотря на изменившийся состав выборок и масштаб сравнения, положение ингушских групп на поле графика осталось прежним и средневековые ингуши горной Ингушетии все так же обособлены от остальных (Рис. 3).

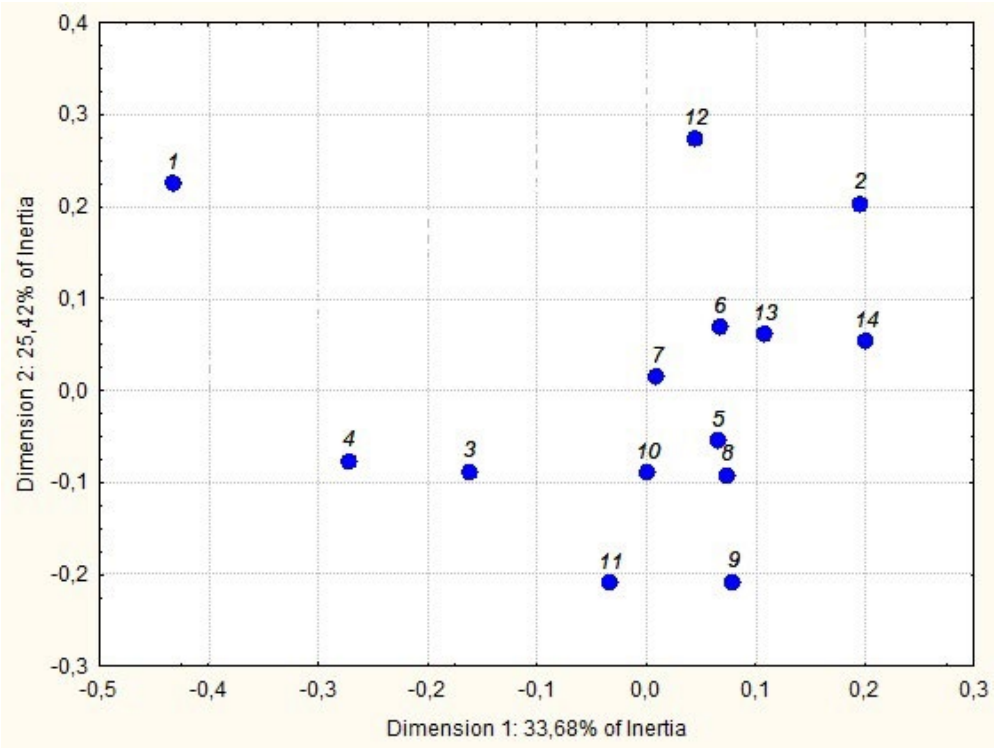

Рис. 3. Взаимное расположение серии ингушей горной Ингушетии XV–XVIII вв. и территориальных групп современных народов Северного Кавказа (Correspondence analysis)
1- ингуши горной Ингушетии XV–XVIII вв., 2- ингуши г. Назрань (Кочиев 1979), 3- ингуши г. Назрань (Кашибадзе 2006), 4- чеченцы, 5- осетины Цхинвальского р-на, 6- осетины Джавского р-на, 7- осетины Ирафского р-на, 8- осетины Гизельдонского р-на, 9- адыгейцы Красногвардейского р-на, 10- адыгейцы Шовгеновского р-на, 11- кабардинцы Красногвардейского р-на, 12- карачаевцы Карачаевского р-на, 13- балкарцы Эльбрусского р-на, 14- кабардинцы Чегемского р-на.
Группы 3–14: Кашибадзе 2006.

Это означает, что для средневековых ингушей характерен иной одонтологический комплекс, нежели для современных народов Северного Кавказа, в том числе и для современных ингушей и чеченцев.

В поисках аналогий этому комплексу, привлечем для сравнения данные по древнему населению Кавказа: от эпохи бронзы и до средневековья. Набор признаков, по которым производилось сопоставление, отличается от предшествующих этапов анализа – в него не вошли *tami* и вариант II впадения второй борозды метаконида. Вектор 1, отражающий 29,57% вариабельности признаков (инерции), дифференцирует группы по степени выраженности восточного компонента, на что указывают высокие нагрузки на такие признаки как коленчатая складка метаконида (dw), дистальный гребень тригонида (dtc), шестибугорковые первые нижние моляры ($M_1$6) и лопатообразные медиальные резцы (shov I^1) (рис. 4а).

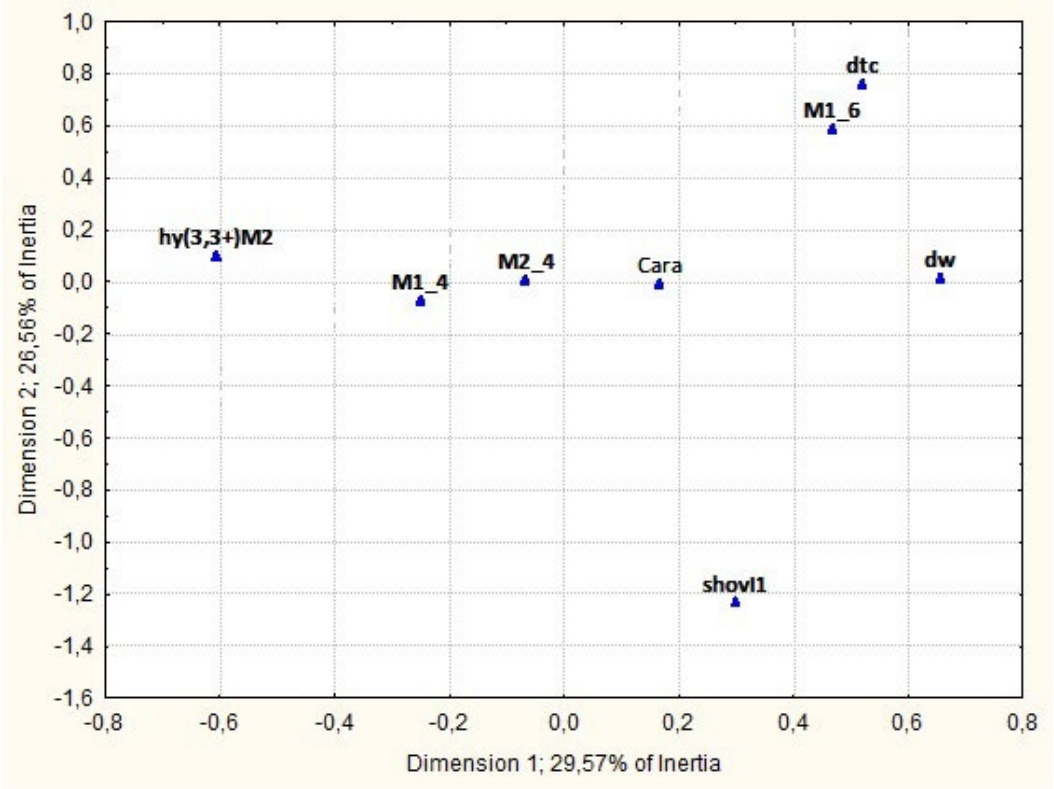

Рис. 4 а. Результаты анализа соответствия (Correspondence analysis) 8 одонтологических признаков в пространстве 1 и 2 измерений.

Высокие отрицательные нагрузки по этому вектору демонстрируют признаки редукционного комплекса – четырехбугорковые M_1 и, в еще большей степени, редуцированные формы гипоконуса на вторых верхних молярах (Ну 3, 3+ M^2), то есть они маркируют матуризованный комплекс. Второй вектор, отражающий вариабельность признаков, соизмеримую по величине с первым, противопоставляет группы с высокими частотами разных восточных маркеров: лопатообразности медиальных резцов, с одной стороны, и дистального гребня тригонида с шестибугорковыми первыми нижними молярами, с другой. При этом все остальные показатели расположились в зоне нулевых значений вектора. Среди представленных групп выборки средневековых ингушей из склепов горной Ингушетии и современные ингуши, изученные В.Ф. Кашибадзе, занимают практически центральное место на графике. Они оказались в окружении серий эпохи бронзы с территории Восточной Грузии (суммарная серия, сформированная из материалов Муракеби, Ваисцкали, Чалианхеви, Февреби, Ничбисисхеви и Гулгула) (*Кашибадзе* 2006: 61), суммарной серии с территории Армении (включает Лчашен, Артик и Анунк) и собственно серии Лчашен (рис. 4б).

Для населения эпохи бронзы территории Кавказа, по наблюдениям В.Ф. Кашибадзе, был характерен матуризованный вариант с низкой степенью редукции гипоконуса вторых верхних моляров (не выше 34,2%), неожиданно высокие или повышенные частоты бугорка Карабелли (38–71%), коленчатой складки метаконида (14–22%) и дистального гребня тригонида (до 15,4%) (*Кашибадзе* 2006: 63). Этот комплекс мы

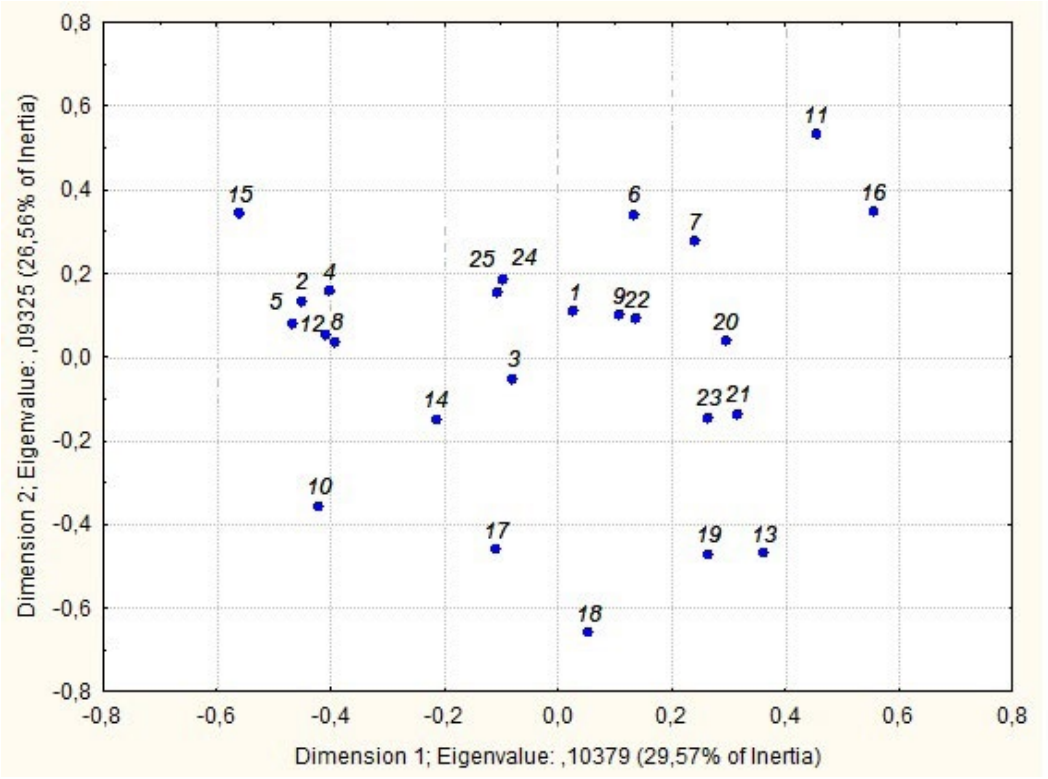

Рис. 4 б. Результаты анализа соответствия (Correspondence analysis) серий современных ингушей, ингушей горной Ингушетии XV–XVIII вв. и серий древнего населения Кавказа 1 – ингуши горной Ингушетии XV–XVIII вв., 2 – ингуши г. Назрань (Кочиев 1979), 3 – ингуши г. Назрань (Кашибадзе 2006); 4–5: позднефеодальный период, XIV–XVIII вв. (4 – Рустави, 5 – Сиони); 6–10: среднефеодальный период, XI–XIII вв. (6 – Жинвали, 7 – Аджария, 8 – Шатили, 9 – Адыгея, 10 – Мцхета); 11–14, 17: раннефеодальный период, IV–X вв. (11 – Жинвали, 12 – Самтавро, 13 – Мцхета 1, 14 – Мцхета суммарно, 17 – Брут 1, 2); 15–16: античный период, III в. до н.э. – III в.н.э. (15 – Заманкул, 16 – Беслан); 18–25: поздняя бронза, XV–XII вв. до н.э. (18 – Дигоми, 19 – Церовани, 20 – Самтавро, 21 – Мцхета суммарно, 22 – Восточная Грузия суммарно, 23 – Грузия суммарно, 24 – Лчашен, 25 – Армения суммарно). Группы 3–14, 18–25: Кашибадзе 2006; 15–17: Герасимова и др. 2008.

отчетливо наблюдаем в нашей серии ингушей из средневековых горных склепов. При этом уровень грацилизации нижних моляров, особенно первых, у средневековых ингушей даже ниже, чем в сериях эпохи бронзы, на втором – сопоставим с древними сериями. Все эти наблюдения позволяют сделать заключение о сохранении у средневекового населения горной Ингушетии древнего, архаичного комплекса, характерного для населения Кавказа эпохи бронзы, в частности, на территории Восточной Грузии. Очевидно, труднодоступность горных ущелий, отсутствие миграций, способствовали консервации этих элементов. У современных ингушей, проживающих на территории Назранского района, специфичность одонтологического комплекса в определенной мере сохранилась, однако процесс грацилизации нижних моляров у них продвинулся существенно дальше. На графиках, представляющих результаты многомерного

анализа современных групп Кавказа, они в равной степени дистанцируются как от основного массива кавказских народов, так и от средневековых ингушей, демонстрируя близость лишь с чеченцами. Возникает вопрос о причинах такой удаленности по признакам одонтологии современных ингушей от средневековых с территории Горной Ингушетии. Возможно, ряд исторических событий XIX в., когда начались наиболее активные миграции ингушей на равнину в связи с подписанием в 1810 г. «Акта присяги шести ингушских фамилий с Россией» (*Анчабадзе*, *Волкова* 1993), привели к трансформации антропологического типа по крайней мере той части ингушей, что проживает в предгорье. Еще одной причиной таких преобразований могли стать изменения в составе населения, связанные с широким распространением среди ингушей эпидемий, в том числе чумы, о чем уже писалось выше.

Известно, что у ингушей каждый род имел боевую башню и однофамильцы хоронили умерших в одном склепе (Ингуши 2013: 150). В связи с этим интересно проанализировать материал из горных склепов на предмет встречаемости редких морфологических вариантов в строении зубов и зубочелюстной системы, которые рассматриваются исследователями как «маркеры родства». Однако такие редкие морфы были отмечены в единичных случаях. В склепе из комплекса Мужган у двух индивидов зафиксирован центральный бугорок на первых нижних молярах, в Эгикале – ротация (разворот зуба в альвеоле на 45° и 90°) верхних премоляров у трех индивидов из 25.

Таким образом, изученная нами по одонтологической программе краниологическая серия средневековых ингушей может быть охарактеризована как относящаяся к западному кругу одонтокомплексов. В его пределах серия относится не к грацильным формам, как большинство современных групп Кавказа, а к матуризованному варианту, уходящему своими корнями к населению эпохи бронзы на Кавказе.

Научная литература

Албогачиева М.С.-Г., Мартазанов А.М., Соловьева Л.Т. (отв. ред.) Ингуши / Сер. «Народы и Культуры». М.: Наука, 2013.

Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века. М.: ИЭА РАН, 1993.

Ахриев Ч.Э. Избранное. Назрань, 2000.

Гадиев У.Б., Мацковский В.В. Датировки памятников архитектуры горной Ингушетии методом радиоуглеродного анализа // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции XXX “Крупновские чтения”. Карачаевск: 2018. С. 429–431.

Герасимова М.М., Суворова Н.А., Фризен С.Ю. Исследование палеоантропологических материалов раннего средневековья из Северной Осетии в связи с происхождением алан // Вестник антропологии. Вып. 16. 2008. С. 84–99.

Герасимова М.М., Хить Г.Л. Историко-антропологические сведения // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева / Сер. «Народы и Культуры». М.: Наука, 2013. С. 37–45.

Долгиева М.Б., Картоев М.М., Кодзоев Н.Д., Матиев Т.Х. История Ингушетии / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. Магас: 2011.

Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.

Зубов А.А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: ЭТНО-ОНЛАЙН, 2006.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993.
Кашибадзе В.Ф. Кавказ в антропоисторическом пространстве Евразии. Одонтологическое исследование. Ростов на Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006.
Кочиев Р.С. Закавказье и Северный Кавказ // Этническая одонтология СССР / отв. ред. А.А. Зубов, Н.И. Халдеева. М.: Наука, 1979. С. 114–140.
Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия / 2-е издание. Магас: Сердало, 2008.
Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис: 1870.
Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1963.

References

Akhriev, Ch.E. 2000. *Izbrannoe* [Favorites]. Nazran'.
Albogachieva, M.S.-G., Martazanov, A.M., Solov'eva, L.T. ed. 2013. *Ingushi* [Ingush]. Moscow: Nauka.
Anchabadze, Iu.D.and N.G. Volkova. 1993. *Etnicheskaia istoriia Severnogo Kavkaza XVI–XIX veka* [Ethnic History of the North Caucasus]. Moscow: IEA RAN.
Dolgieva, M.B., M.M. Kartoev, N.D. Kodzoev, and T.Kh. Matiev. 2011. *Istoriia Ingushetii* [History of Ingushetia], edited by N.D. Kodzoev. Magas.
Gadiev, U.B., V.V. Matskovskii. 2018. Datirovki pamiatnikov arkhitektury gornoi Ingushetii metodom radiouglerodnogo analiza [Dating architecture monuments of mountain Ingushetia by the method of radiocarbon analysis]. In *Kavkaz v sisteme kul'turnykh sviazei Evrazii v drevnosti i srednevekov'e*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii XXX "Krupnovskie chteniia", 429–431. Karachaevsk.
Gerasimova, M.M., G.L. Khit'. 2013. Istoriko-antropologicheskie svedeniia [Historical and anthropological information]. In *Ingushi*, edited by M.S.-G. Albogachieva, A.M. Martazanov, L.T. Solovieva, 37–45. Moscow: Nauka.
Gerasimova, M.M., N.A. Suvorova, and S.Iu. Frizen. 2008. Issledovanie paleoantropologicheskikh materialov rannego srednevekov'ia iz Severnoi Osetii v sviazi s proiskhozhdeniem alan [Study of paleoanthropological materials of the early Middle Ages from North Ossetia in connection with the origin of the Alans]. In *Vestnik antropologii* 16: 84–99.
Kashibadze, V.F. 2006. *Kavkaz v antropoistoricheskom prostranstve Evrazii. Odontologicheskoe issledovanie* [Caucasus in the anthropohistorical space of Eurasia]. Rostov na Donu: Izdatel'stvo IuNTs RAN.
Kochiev, R.S. 1979. Zakavkaz'e i Severnyi Kavkaz [Transcaucasia and the North Caucasus]. In *Etnicheskaia odontologiia SSSR* [Ethnic odontology of the USSR], edited by A.A. Zubov, N.I. Khaldeeva, 114–140. Moscow: Nauka.
Krupnov, E.I. 2008. *Srednevekovaia Ingushetiia* [Medieval Ingushetia], 2-e izdanie. Magas: Serdalo.
Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Vol. III. 1870. [Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. III]. Tiflis.
Semenov, L.P. 1963. *Arkheologicheskie i etnograficheskie razyskaniia v Ingushetii v 1925–1932 godakh* [Archaeological and ethnographic searches in Ingushetia in 1925–1932]. Groznyi: Checheno-Ingush. Bk. Izdatel'stvo.
Zubov, A.A. 1968. *Odontologiia: Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Odontology: Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka.
Zubov, A.A. 2006. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov* [Manual for anthropological analysis of odontological materials]. Moscow: ETNO-ONLAIN.
Zubov, A.A., and N.I. Khaldeeva, 1993. *Odontologiia v antropofenetike* [Odontology in anthropophenetics]. Moscow: Nauka.
Zubov. A.A. 1973. *Etnicheskaia odontologiia* [Ethnic odontology]. Moscow: Nauka.

Lejbova, Natalya A., and Umalat B. Gadiev. **The Medieval Population of Mountainous Ingushetia According to Odontological Data**

Although population of the Caucasus has been studied in a rather detailed way, there are peoples whose anthropological portrait is still incomplete. Among them are the Ingush, one of the oldest autochthonous peoples of the Caucasus. This work presents new material on the dental anthropology of medieval Ingush, collected in 2017 during expeditions to the Jairakh and Sunzhen districts of the Republic of Ingushetia. In the Jairakh district, the investigations were carried out in the crypt complexes of the 15th–18th centuries – Targim, Agikal, Tsori, Salgi, and in Sunzhen region - in crypts near the village of Muzgan. The craniological series of medieval Ingush studied according to the dental anthropology program can be described as belonging to the western range of odontological complexes. Unlike most modern Caucasian groups, it does not belong to gracile forms, but rather to a maturized odontological variant, which has deep roots in the Caucasus. The results once again demonstrate a certain conservatism and stability of the dental system, which preserves morphological traits of ancestral groups longer than other anthropological systems

Key words: *physical anthropology, dental anthropology, Caucasus, Ingush, Vainakhs, southern gracile type*

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/210-234

© С.Ю. Фризен, У.Б. Гадиев

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СКЛЕПОВ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ)*

В статье представлены результаты исследования краниологических материалов из пяти склепов горной Ингушетии. Проведен внутригрупповой анализ. Представлены индивидуальные данные исследованных черепов

Ключевые слова: *краниология, Кавказ, склепы, Ингушетия, внутригрупповой анализ*

Склеповые сооружения горной Ингушетии представляют собой наиболее значительную группу среди местных историко-архитектурных погребальных комплексов. В настоящее время существует разработанная еще в советское время типологическая классификация и периодизация этих памятников. Исследователями выделены три группы склепов: подземные, полуподземные и наземные. В пределах горной Ингушетии подземные склепы датируются XI–XIV вв., полуподземные – второй половиной XIII–XV вв., наземные XV–XVIII вв. (*История Ингушетии* 2011: 130).

В 2017 г. в рамках проекта Президиума РАН и при финансовой поддержке мэра Назрани Тумгоева Алихана Магомедовича, нами был осуществлен экспедиционный выезд с целью сбора палеоантропологических материалов из склепов горной Ингушетии. В ходе исследований были собраны палеоантропологические материалы из 5 склепов у селений Таргим, Эгикал, Салги, Цори и Мужган. Была собрана представительная краниологическая серия (36 мужских и 20 женских черепов). Сбор материала производился без нарушения культурного слоя.

Палеоантропологические материалы с территории Ингушетии изучались В.В. Бунаком (*Бунак* 1953) в рамках исследования склепов Северного Кавказа. Автором были изучены материалы из 3-х склепов (Камышк, Лег и Эгикал). В этой ингуш-

Фризен Сергей Юрьевич – к.и.н., научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр., 32-а). Эл.почта: frizents@iea.ras.ru. **Sergey Y. Frizen –** Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: frizents@iea.ras.ru

Гадиев Умалат Бесланович – зам.директора ГКУ Археологического центра им. Е.И. Крупнова (Республика Ингушетия) (г. Назрань, ул. Московская 5). Эл.почта: umalat06@list.ru. **Umalat B. Gadiev** – GKU Archaeological Center named after E.I. Krupnova (Republic of Ingushetia, Nazran, ul. Moscow 5). E-mail: umalat06@list.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 11 Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России, 25 «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», раздел программы «1. Методология анализа и интерпретации археологического наследия, разработка вопросов его сохранения и презентации; создание баз данных по археологическим данным и биоархеологическим материалам», проект «Этногенез народов Кавказа и Крыма по данным физической антропологии»

ской сборной серии вариационные ряды и сочетания признаков оставляют впечатление неоднородности. Позднее, материалы были повторно изучены В.П. Алексеевым (*Алексеев* 1974), серия была расширена за счет новых материалов. Суммарная серия, куда вошли кроме собранных В.В. Бунаком, черепа из сборов Л.Д. Габолаева также из склепов по долине р. Армхи, состоит из 127 мужских черепов и 75 женских. Черепа происходит, главным образом, из могильников у сел Эгикал, Эрзги, Лежг, Лезги и Камышк. При всех незначительных различиях между сериями из отдельных могильников, их объединяет комплекс признаков, характерный для большой группы популяций центральнокавказских народов, принадлежащих к кавкасионскому антропологическому типу (*Алексеев* 1974; *Алексеев, Гохман* 1984). М.М. Герасимовой были изучены, но не опубликованы подробно материалы XIII–XIV вв. из склепов и каменных ящиков могильника Кели. В 2006 году А.П. Бужилова опубликовала итоги исследования палеоантропологических материалов из Экажевских курганов (*Бужилова* 2006), относящихся к эпохам бронзы и раннего железного века .

Также необходимо отметить публикацию Герасимовой М.М. и Хить Г.Л. в томе «Ингуши», вышедшею в серии «Народы и культуры» (*Герасимова, Хить* 2013), в которой авторы дают сводку исследований антропологических материалов Ингушетии. Таким образом, на сегодняшний день, краниологические материалы с территории Республики представлены фактически только сериями В.В. Бунака и В.П. Алексеева и серией из Келийских могильников, изученной М.М. Герасимовой. В связи с этим, с целью расширения объема краниологических материалов, нами и был предпринят экспедиционный выезд 2017 г. В этой публикации представлены индивидуальные данные (таблицы 1, 2) о собранных и измеренных нами черепах, полученные в ходе экспедиции. Публикация носит предварительный характер, т.к. работа еще не завершена и будет продолжена в ближайшее время.

Как уже говорилось, нами была собрана серия из 5 склепов. Сохранность материала хорошая, однако, в связи с тем, что материал собирался без нарушения культурного слоя, численность выборок различна. Наиболее представительной является серия из склепа Эгикал (18 мужских и 8 женских черепов). Остальные значительно уступают по численности (Таргим 4♂ и 2♀; Цори 3♂ и 3♀; Мужган 6♂ и 3♀; Салги 4♂ и 3♀). Неоднородность серий из склепов Ингушетии отмечались В.В. Бунаком и В.П. Алексеевым. Изученная нами серия визуально также неоднородна в рамках европеоидного краниологического комплекса, но выделить составляющие ее компоненты не представляется возможным. В связи с неравномерной численностью выборок из склепов проводить их сопоставление между собой, на наш взгляд, не имеет смысла.

В связи с этим нами был предпринят внутригрупповой анализ суммарной серии. Анализ среднеквадратического уклонения (таблица 3), как в мужской, так и в женской выборках, демонстрирует значения средние или ниже среднего.

Нами был проведен внутригрупповой анализ с использованием метода Главных Компонент (рис. 1).

В мужской серии анализировались 34 черепа по 13 признакам (1; 8; 17; 9; 45; 48; 77; Zm; 72; 75(1); 54:55; 52:51; SS:SC). Три Главные компоненты описывают более 55% изменчивости. Наиболее значимыми являются верхняя высота лица (48), высотный (17) и продольный (1) диаметры – по первой; носовой (54:55) и орбитный (52:51) указатели и наименьшая ширина лба – по второй; общий лицевой угол (72), угол выступания носа (75(1)) и симотический указатель (SC: SS) – по третьей. На

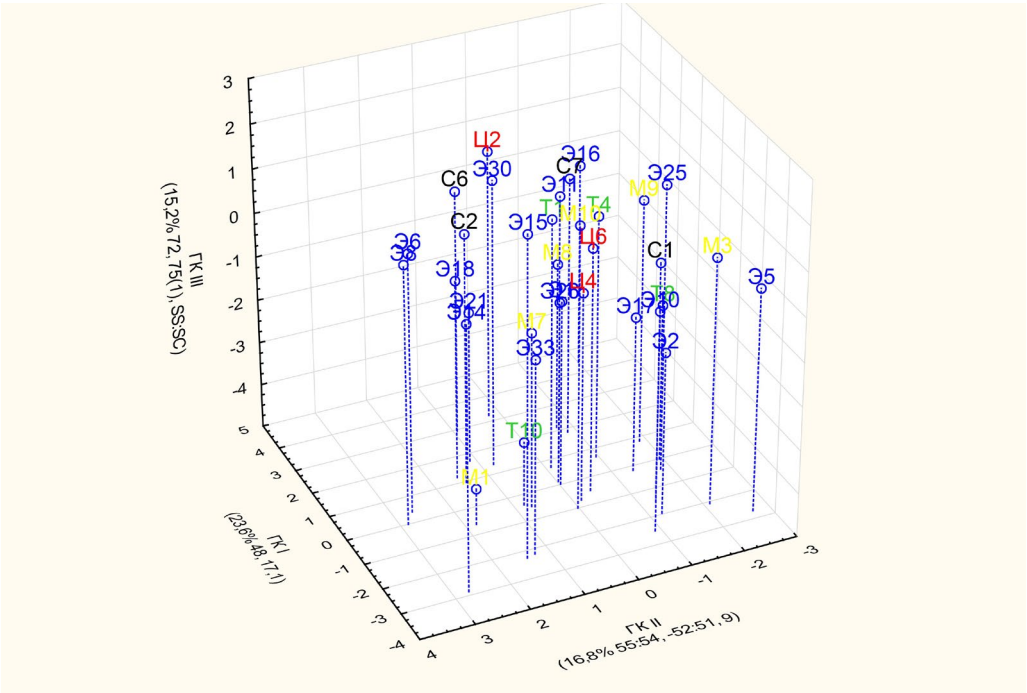

Рис. 1. Мужские черепа из склепов горной Ингушетии в пространстве 3х Главных Компонент.

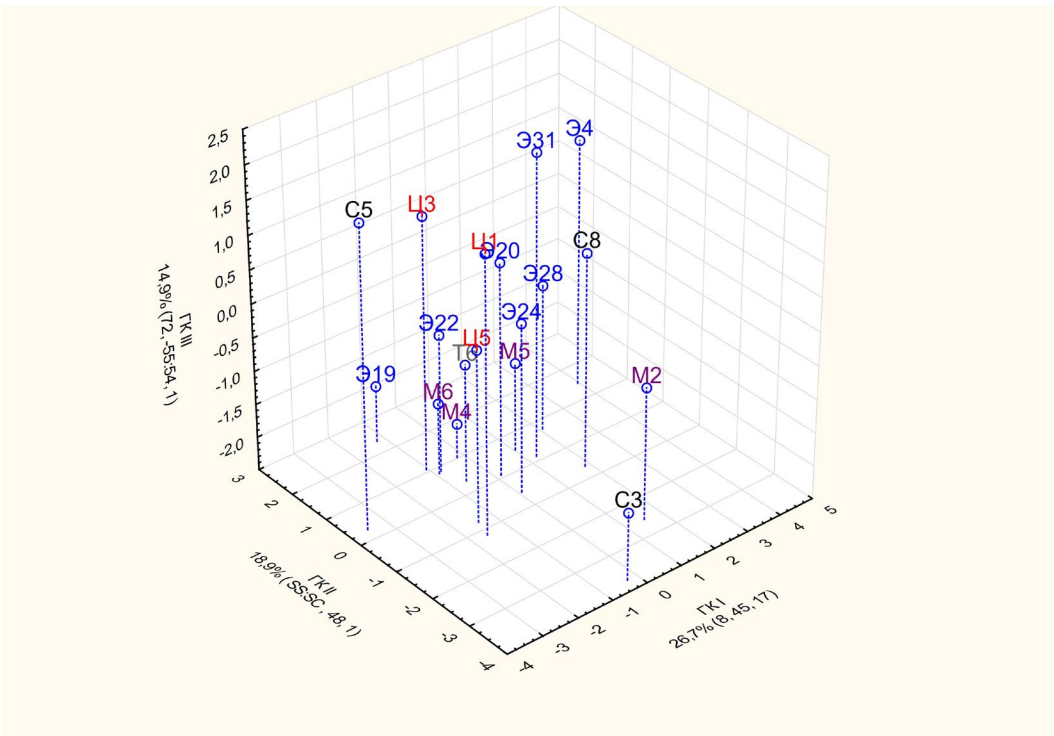

Рис. 2. Женские черепа из склепов горной Ингушетии в пространстве 3х Главных Компонент.

полученном графике (рис. 1) можно выделить лишь обособленно расположенные черепа: № 1 из склепа Мужган и № 10 из склепа Таргим. Череп № 1 из склепа Мужган выделяется из общей выборки наименьшим в серии симотическим указателем (SS:SC), и наибольшим значением назо-малярного угла (77). Череп № 10 из склепа Таргим отличается наибольшим значением зигомаксиллярного угла (Zm) и наименьшими значениями общего лицевого угла (72) и угла выступания носа [75(1)]. На наш взгляд, эти отличия могут быть проявлением индивидуальной изменчивости и не являются основанием для исключения данных черепов из общей выборки.

При анализе женской выборки (18 черепов) были использованы 12 признаков (1; 8; 17; 45; 48; 77; Zm; 72; 54:55; 52:51; SS:SC). Три компоненты описывают более 60% изменчивости. (рис.2).

По Первой Компоненте наиболее значимыми являются поперечный (8), скуловой (45) и высотный диаметры; по Второй – симотический указатель (SS:SC), верхняя высота лица (48) и продольный диаметр (1); по Третьей – общий лицевой угол (72), носовой указатель (54:55) и продольный диаметр (1). На графике выделяются череп № 2 из склепа Мужган и череп № 3 из склепа Салги. Череп № 2 из склепа Мужган отличается наибольшим в серии значением высотного диаметра и наименьшими значениями скулового диаметра, верхней высоты лица и зигомаксиллярного угла; симотический указатель (29,4) ниже только на черепе № 3 из склепа Салги (18,8), который помимо данного указателя, характеризуется наименьшим значением продольного диаметра и наибольшим значением назо-малярного угла, и чуть большим значением верхней высоты лица (59мм), чем на черепе Мужган 3 (57мм).

Мужская и женская выборки из изучаемых склепов демонстрируют сходные тенденции и являются достаточно однородными для использования средних значений суммарной серии при межгрупповом сопоставлении. В связи с тем, что работа по сбору материала из склепов горной Ингушетии будет продолжена (ориентировочно, апрель 2020) проведение межгруппового сопоставления пока не является целесообразным и будет проведено после окончания исследования.

Таблица 1

Индивидуальные данные мужских черепов из склепов горной Ингушетии

	Таргим				Эгикал				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
1	184,0	186,0	173,0	174,0	179,0	170,0	164,0	180,0	176,0
8	143,0	141,0	146,0	141,0	148,0	143,0	139,0	154,0	151,0
17	133,0	133,0	135,0	133,0	133,0	123,0	121,0	138,0	134,0
5	104,0	103,0	107,0	105,0	101,0	95,0	89,0	105,0	98,0
10	123,0	126,0	124,0	125,0	128,0	124,0	122,0	134,0	132,0
9	102,0	102,0	97,5	106,5	99,0	98,5	97,0	105,0	106,0
40		96,0	99,0	93,0	101,0	96,0	87,0	100,0	95,0
11	119,5	117,0	121,0	122,0	125,0	122,0	117,0	128,0	130,0
12	115,5	114,0	112,0	114,0	116,0	112,0	103,0	114,0	122,0
20	116,6	111,0	110,5	114,8	114,0	111,4	107,1	122,3	114,9
45	138,5	133,0	139,5	145,0		134,0	129,0		
48		74,5	70,0	69,0	75,0	73,0	70,0	67,0	
47			117,0						
46	109,0	106,0	107,0	114,0		99,0	104,0	117,0	111,0
43	100,0	102,0	96,0	103,0		95,0	94,0	99,0	103,0
54	25,0	26,0	22,5	23,5	27,0	26,0	23,5	26,5	27,0

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				Эгикал				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
55	53,5	56,0	51,5	51,0	54,0	55,0	53,0	48,5	49,0
51	46,0	42,0	42,0	45,5	42,5	40,0	42,0	44,0	44,5
51a	42,0	38,5	38,0	40,5	40,5	37,5	39,0	42,0	41,0
52	36,0	33,5	35,0	35,0	31,5	32,5	33,5	29,5	30,5
SC	12,0	13,5	8,0	10,5	9,0	6,5	5,5	11,5	8,5
SS	8,5	6,5	5,0	4,5	4,0	3,5	2,5	5,5	4,5
MC	19,5	25,5	21,5	23,5	17,0	15,0	18,0	23,5	20,0
MS	11,0	10,5	9,5	8,5	7,5	4,5	6,5	9,5	8,5
DC		28,5	25,0	26,0	20,5	19,5	22,5	27,0	23,5
DS		14,5	13,5	13,0	11,0	10,5	11,0	12,0	12,5
77	133,0	134,0	136,0	135,0		149,0	143,0	139,0	141,0
Zm	134,0	126,0	128,0	139,0		129,0	117,0	123,0	131,0
ВИЛ	26,5	25,5	24,0	22,5	22,5	24,5	28,5	21,0	26,5
ВИЗ	29,0	28,0	27,0	24,5	30,0	25,0	27,0	28,0	28,0
32	77,0	63,0	70,0	70,0	78,0	81,0	80,0	75,0	79,0
32a	83,0	72,0	77,0	76,0	80,0	85,0	84,0	82,0	90,0

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				Эгикал				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
72		88,0	84,0	81,0	86,0	86,0	86,0	90,0	90,0
73	93,0	92,0	86,0	93,0	85,0	87,0	89,0	93,0	90,0
74		75,0	79,0	78,0	79,0	81,0	82,0	81,0	90,0
75			60,0	60,0	59,0	56,0			52,0
75(1)			24,0	21,0	27,0	30,0			38,0
65			123,0	127,0					
66			104,0	118,0					
71a			35,0	31,0					
69/3			45,0	45,0					
67			12,5	11,0					
8:1	77,7	75,8	84,4	81,0	82,7	84,1	84,8	85,6	85,8
48:45		56,0	50,2	47,6		54,5	54,3		
48:17		56,0	51,9	51,9	56,4	59,3	57,9	48,6	
40:5		93,2	92,5	88,6	100,0	101,1	97,8	95,2	96,9
54:55	46,7	46,4	43,7	46,1	50,0	47,3	44,3	54,6	55,1
52:51	78,3	79,8	83,3	76,9	74,1	81,3	79,8	67,0	68,5

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				**Эгикал**				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
SS:SC	70,8	48,1	62,5	42,9	44,4	53,8	45,5	47,8	52,9
DS:DC		50,9	54,0	50,0	53,7	53,8	48,9	44,4	53,2
	Эгикал								
№	**Э10**	**Э11**	**Э13**	**Э14**	**Э15**	**Э16**	**Э17**	**Э18**	**Э21**
1	170,0	172,0		175,0	173,0	189,0	181,0	179,0	183,0
8	142,0	153,0		145,0	141,0	157,0	149,0	157,0	154,0
17	121,0	132,0		128,0	133,0	145,0	128,0	129,0	136,0
5	93,0	98,0		101,0	99,0	107,0	96,0	100,0	101,0
10	118,0	132,0		125,0	124,0	135,0	131,0	137,0	132,0
9	97,0	102,0		97,5	98,0	100,0	96,0	102,0	106,0
40	86,0	91,0		96,0	89,0	105,0	98,0		99,0
11	120,0	123,0		119,0	119,0	133,0	121,0	130,0	128,5
12	110,0	112,0		109,0		124,0	115,0	120,0	118,0
20	105,1	117,9		108,8	113,3	126,6	119,6	118,3	136,0
45	130,0	133,0		138,0	133,0	143,0	138,0	147,0	142,0
48		74,0	70,0	62,0	62,0	83,0	75,0		74,0

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				Эгикал				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
47									
46	102,0	107,5	105,0	107,5	103,0	108,0	108,0	113,0	115,5
43	93,0	102,0	101,0	97,0	93,0	92,0	99,0	96,0	99,0
54	23,5	22,0	22,0	27,5	24,0	23,0	24,5	26,5	24,5
55	47,5	43,0	50,0	45,5	46,0	57,0	54,0	52,5	53,0
51	41,5	42,5	41,5	44,5	41,5	44,5	43,0	45,0	43,5
51a	39,0	38,5	38,0	43,5	37,5	41,5	40,5	41,0	40,0
52	32,5	33,5	31,5	30,5	29,0	36,5	34,0	34,5	33,5
SC	7,5	5,5	9,0	8,5	7,5	8,7	8,5	10,0	8,5
SS	3,5	4,5	5,0	4,5	4,5	5,5	4,5	4,5	3,0
MC	17,0	21,5	17,5	19,0	20,0	18,0	19,5	21,5	24,0
MS	9,0	8,5	7,5	8,0	11,5	9,5	7,0	8,5	8,5
DC	19,5	25,5	21,5	23,5	22,5	21,0	24,0	25,5	26,5
DS	11,5	14,5	11,5	13,5	13,5	14,5	12,5	13,5	12,5
77	142,0	139,0		141,0	140,0	135,0	145,0	139,0	144,0
Zm	130,0	129,0	132,0	132,0	130,0	120,0	127,0	127,0	125,0

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				**Эгикал**				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
ВИЛ	23,0	27,0		23,5	25,5	24,5	24,0	21,0	24,0
ВИЗ	26,5	28,5		24,5	26,5	28,5	34,0	30,5	28,0
32	73,0	76,0		74,0	75,0	69,0	73,0	71,0	73,0
32a	79,0	86,0		84,0	84,0	76,0	82,0	76,0	81,0
72	89,0	88,0		86,0	91,0	84,0	84,0	90,0	86,0
73	92,0	90,0		87,0	92,0	87,0	86,0	92,0	87,0
74	84,0	85,0		76,0	91,0	77,0	79,0	90,0	78,0
75	58,0	50,0		49,0	50,0	51,0	56,0	57,0	51,0
75(1)	31,0	38,0		37,0	41,0	33,0	28,0	33,0	35,0
65									
66									
71a									
69/3									
67									
8:1	83,5	89,0		82,9	81,5	83,1	82,3	87,7	84,2
48:45		55,6		44,9	46,6	58,0	54,3		52,1

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				**Эгикал**				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
48:17		56,1		48,4	46,6	57,2	58,6		54,4
40:5	92,5	92,9		95,0	89,9	98,1	102,1		98,0
54:55	49,5	51,2	44,0	60,4	52,2	40,4	45,4	50,5	46,2
52:51	78,3	78,8	75,9	68,5	69,9	82,0	79,1	76,7	77,0
SS:SC	46,7	81,8	55,6	52,9	60,0	63,2	52,9	45,0	35,3
DS:DC	59,0	56,9	53,5	57,4	60,0	69,0	52,1	52,9	47,2
	Эгикал					Цори			Мужган
№	**Э23**	**Э25**	**Э26**	**Э30**	**Э33**	**Ц2**	**Ц4**	**Ц6**	**М1**
1	179,0	174,0	171,0	185,0	162,0	174,0	173,0	176,0	173,0
8		141,0	154,0	144,0	142,0	150,0	145,0	151,0	153,0
17		133,0	135,0	138,0	134,0	141,0	131,0	124,0	136,0
5		103,0	101,0	112,0	99,0	100,0	94,0	97,0	98,0
10	125,0	124,0	133,0	126,0	126,0	130,0	131,0	135,0	133,0
9	98,0	94,0	105,0	101,5	100,0	107,5	101,5	98,5	104,0
40		93,0	97,0	104,0	93,0	89,0	87,0	94,0	89,0
11		121,0	115,0	127,0	121,0	126,5	122,0	128,0	128,0

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				**Эгикал**				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
12		112,0	112,0	119,0	111,0	115,0	124,0	117,0	113,0
20		113,9	119,9	119,1	113,9	123,8	119,3	114,3	124,4
45		135,0		142,5	138,0	145,0	134,5	137,0	142,5
48	74,0	73,0	73,0	71,0	69,0	79,0	69,0	71,0	64,0
47								115,0	
46	102,0	101,5	106,5	108,0	109,0	109,0	108,5	103,0	107,5
43		93,0	100,0	103,0	98,0	104,0	93,0	95,0	98,0
54	21,0	24,5	26,5	27,5	27,0	23,0	24,5	26,0	22,5
55	54,0	51,5	53,0	56,0	50,5	50,5	51,0	51,5	49,5
51	41,0	41,0	40,5	46,0	44,5	45,0	45,5	42,5	43,0
51a	38,0	36,5	38,0	42,0	41,0	40,0		38,0	
52	33,0	34,0	36,5	32,0	34,0	37,5	36,0	34,5	36,0
SC	8,5	9,0	7,5	11,5	8,0	8,0	10,5	8,0	3,5
SS	5,0	5,0	3,5	6,0	3,5	5,0	4,5	5,0	0,5
MC	16,0	17,5	17,5	22,5	18,0	18,0	18,5	20,0	17,5
MS	8,5	9,5	8,5	9,5	6,5	8,5	8,5	7,5	5,0

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				Эгикал				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
DC	22,0	21,5	24,0	26,5	21,5	22,5		24,0	
DS	13,5	15,0	13,0	13,5	9,5	13,5		13,5	
77	130,0	132,0	140,0	130,0	144,0	138,0	140,0	143,0	152,0
Zm		127,0	126,0	123,0	134,0	124,0	126,0	125,0	134,0
ВИЛ		21,0	27,0	22,5	24,5	28,0	29,0	28,0	27,0
ВИЗ		29,0	24,0	24,5	21,0	20,0	25,0		25,0
32		67,0	75,0	68,0	73,0	76,0	83,0	79,0	78,0
32a		78,0	82,0	76,0	80,0	83,0	89,0	85,0	88,0
72		89,0	86,0	89,0	86,0	93,0	90,0	91,0	85,0
73		91,0	90,0	91,0	90,0	94,0	95,0	90,0	87,0
74		91,0	78,0	85,0	76,0	91,0	81,0	95,0	
75		52,0	52,0	55,0	48,0	50,0	59,0	59,0	
75(1)		37,0	34,0	34,0	38,0	43,0	31,0	32,0	
65									
66									
71a									

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				**Эгикал**				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
69/3									
67									
8:1		81,0	90,1	77,8	87,7	86,2	83,8	85,8	88,4
48:45		54,1		49,8	50,0	54,5	51,3	51,8	44,9
48:17		54,9	54,1	51,4	51,5	56,0	52,7	57,3	47,1
40:5		90,3	96,0	92,9	93,9	89,0	92,6	96,9	90,8
54:55	38,9	47,6	50,0	49,1	53,5	45,5	48,0	50,5	45,5
52:51	80,5	82,9	90,1	69,6	76,4	83,3	79,1	81,2	83,7
SS:SC	58,8	55,6	46,7	52,2	43,8	62,5	42,9	62,5	14,3
DS:DC	61,4	71,3	54,2	50,9	44,2	60,0		56,3	
	Мужган					**Салги**			
№	**М3**	**М7**	**М8**	**М9**	**М10**	**С1**	**С2**	**С6**	**С7**
1	169,0	172,0	181,0	174,0	177,0	175,0	191,0	177,0	182,0
8	134,0	147,0	150,0	145,0	145,0	138,0	145,0	160,0	142,0
17	132,0	144,0	143,0	141,0	129,0	128,0	136,0	136,0	143,0
5	99,0	103,0	106,0	103,0	104,0	97,0	104,0	99,0	108,0

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				Эгикал				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
10	116,0	127,0	132,0	128,0	123,0	124,0	124,0	135,0	129,0
9	97,0	100,0	102,5	94,0	100,0	101,0	101,0	101,0	101,5
40	92,0	97,0	97,0		97,0	88,0	97,0	88,0	97,0
11	122,0	120,0	127,0	122,0	121,0	116,5	124,5	133,0	124,0
12	106,0	114,0	121,0	111,0	108,0	106,0	116,0	123,0	114,0
20	112,5	119,8	123,6	119,3	111,7	108,3	117,5	124,0	122,2
45	129,0			141,0	131,0	126,0	138,0	146,5	
48	69,0	68,0	77,0		69,0	73,0	72,0	79,0	75,0
47						116,0	123,0		
46	104,0		106,0	102,0	104,0	106,0	107,0	108,5	
43	91,0		94,0	94,0	95,0	93,0	97,0	99,0	
54	22,5	25,0	24,5	23,5	28,0	26,5	25,5		25,0
55	52,5	47,5	59,5	53,0	52,5	53,5	50,0	55,5	54,0
51	43,5	45,0	43,5	44,0	41,5	43,5	42,0		45,0
51a	40,5	41,0			37,0	39,5	37,5		41,0
52	34,0	33,5	36,0	35,5	32,5	35,0	31,5	35,5	38,5

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				**Эгикал**				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
SC	8,0	7,5	10,0		14,0	10,5	9,5		8,5
SS	4,5	3,5	4,5		6,0	4,5	3,5		5,0
MC	17,5	17,5	14,5		23,0	21,5	19,5		18,0
MS	6,5	7,5	6,5		8,0	8,5	8,0		10,0
DC	21,0	22,5			26,0	25,0	22,5		
DS	9,5	12,5			13,5	13,5	11,0		
77	140,0		142,0	134,0	134,0	135,0	137,0	136,0	
Zm	126,0		129,0	120,0	123,0	127,0	131,0	128,0	
ВИЛ	23,0	27,5	27,0	25,0	27,5	24,5	28,5	24,5	26,0
ВИЗ	23,0	23,0	28,0	26,0	26,5	27,5	28,0	29,0	24,7
32	75,0	82,0	82,0	78,0	85,0	74,0	77,0	72,0	79,0
32a	80,0	86,0	86,0	82,0	81,0	81,0	83,0	80,0	86,0
72	87,0	85,0	89,0		89,0	88,0	93,0	96,0	95,0
73	88,0	89,0	91,0		91,0	90,0	96,0	98,0	96,0
74	81,0	82,0	81,0		82,0	82,0	83,0	94,0	90,0
75	52,0	59,0			53,0	57,0	59,0		

Таблица 1 (продолжение)

	Таргим				**Эгикал**				
№	**Т1**	**Т4**	**Т8**	**Т10**	**Э1**	**Э2**	**Э5**	**Э6**	**Э8**
75(1)	35,0	26,0			36,0	31,0	34,0		
65						116,0			
66						96,0			
71a						28,0			
69/3						47,0			
67						11,0			
8:1	79,3	85,5	82,9	83,3	81,9	78,9	75,9	90,4	78,0
48:45	53,5				52,7	57,9	52,2	53,9	
48:17	52,3	47,2	53,8		53,5	57,0	52,9	58,1	52,4
40:5	92,9	94,2	91,5		93,3	90,7	93,3	88,9	89,8
54:55	42,9	52,6	41,2	44,3	53,3	49,5	51,0		46,3
52:51	78,2	74,4	82,8	80,7	78,3	80,5	75,0		85,6
SS:SC	56,3	46,7	45,0		42,9	42,9	36,8		58,8
DS:DC	45,2	55,6			51,9	54,0	48,9		

Таблица 2

Индивидуальные данные женских черепов из склепов горной Ингушетии

	Таргим		Эгикал						
№	**Т6**	**Т9**	**Э4**	**Э7**	**Э19**	**Э20**	**Э22**	**Э24**	**Э28**
1	166,0	171,0	179,0		169,0	174,0	175,0	172,0	166,0
8	139,0	137,0	150,0		138,0		139,0	140,0	144,0
17	127,0	128,0	133,0		122,0	129,0	127,0	132,0	128,0
5	90,0	94,0	99,0		99,0	103,0	92,0	103,0	97,0
10	118,0	120,0	128,0		119,0		129,0	119,0	132,0
9	94,5	96,0	104,0		94,5	99,0	96,5	93,0	104,0
40	95,0		96,0		94,0	95,5	91,0		93,0
11	113,0	119,5	124,0		116,0		114,0	117,0	126,0
12	108,0	109,0	113,0		104,0		108,0	111,0	112,0
20	116,0	108,7	119,9		106,2		114,6	115,0	113,7
45	126,5		139,0				129,5	129,5	134,5
48	66,0		69,0	63,5	66,0	63,0	69,0		72,0
47									
46	103,5	102,0	110,0		101,0	105,0	102,5	100,0	108,0
43	94,0		98,0		92,0	95,0	97,0		95,0
54	26,5	23,5	27,5	27,5	24,5	22,0	26,5	23,5	26,5
55	47,0	51,5	51,0	49,0	48,0	51,0	52,0	45,0	51,0
51	40,5	40,5	44,5	43,0	44,5	43,5	42,5	39,0	43,0
51a	38,0		41,5	40,0	41,5	41,0	37,5		40,5
52	30,5	33,5	37,0	34,5	33,0	33,5	31,0	31,0	38,0
SC	9,5	8,5	11,0	7,5	4,5	11,5	8,5	9,5	9,0
SS	5,0	3,0	5,5	3,5	3,0	5,0	3,0	3,5	4,0
MC	18,0	19,0	21,5	19,5	14,5	18,5	20,0	20,0	19,0
MS	7,0	6,5	8,5	6,0	7,5	9,5	10,5	7,0	9,0
DC	22,0		23,5	24,0	19,0	21,5	23,5		22,5
DS	10,5		13,5	9,5	11,5	13,0	11,5		13,5
77	140,0	145,0	129,0		145,0	140,0	142,0	144,0	144,0
Zm	126,0		122,0		125,0	122,0	129,0		122,0
ВИЛ	23,0	24,5	29,5		24,0	22,0	33,0	21,5	24,0
ВИЗ	26,0	28,5	23,0		23,0	26,5	29,0	23,0	27,0
32	80,0	76,0	78,0		73,0		83,0	78,0	78,0
32a	84,0	80,0	84,0		78,0		86,0	81,0	83,0

Таблица 2 (продолжение)

	Таргим		Эгикал						
№	Т6	Т9	Э4	Э7	Э19	Э20	Э22	Э24	Э28
72	89,0		87,0		82,0		84,0		85,0
73	95,0		90,0		88,0		88,0	90,0	91,0
74	78,0		82,0		78,0		81,0		76,0
75	58,0		58,0					50,0	
75(1)	31,0		29,0						
65									
66									
71a									
69/3									
67									
8:1	83,7	80,1	83,8		81,7		79,4	81,4	86,7
48:45	52,2		49,6				53,3		53,5
48:17	52,0		51,9		54,1	48,8	54,3		56,3
40:5	105,6		97,0		94,9	92,7	98,9		95,9
54:55	56,4	45,6	53,9	56,1	51,0	43,1	51,0	52,2	52,0
52:51	75,3	82,7	83,1	80,2	74,2	77,0	72,9	79,5	88,4
SS:SC	52,6	35,3	50,0	46,7	66,7	43,5	35,3	36,8	44,4
DS:DC	47,7		57,4	39,6	60,5	60,5	48,9		60,0

Таблица 2

Индивидуальные данные женских черепов из склепов горной Ингушетии (часть 2)

	Эгикал	Цори			Мужган			
№	Э31	Ц1	Ц3	Ц5	М2	М4	М5	М6
1	174,0	171,0	176,0	169,0	162,0	169,0	172,0	178,0
8	144,0	139,0	139,0	141,0	144,0	140,0	142,0	140,0
17	134,0	129,0	125,0	129,0	135,0	127,0	134,0	128,0
5	106,0	94,0	97,0	92,0	100,0	95,0	103,0	96,0
10	127,0	129,0	122,0	125,0	130,0	119,0	125,0	120,0
9	103,5	95,0	94,5	97,5	100,0	92,5	95,0	97,0
40	92,0	86,5	88,0	92,0	88,0	94,5	98,0	97,0
11	125,0	115,0	116,0	114,5	116,0	120,0	123,0	121,0
12	108,0	110,0	107,0	117,0	112,0	107,0	108,0	119,0

Таблица 2. Часть 2 (продолжение)

	Эгикал	**Цори**			**Мужган**			
	Э31	**Ц1**	**Ц3**	**Ц5**	**М2**	**М4**	**М5**	**М6**
20	111,7	112,1	104,5	114,5	109,6	110,8	112,3	112,8
45	136,5	125,0	127,5	121,0	127,0	131,5	134,5	
48	70,0	63,0	67,0	60,0	57,0	69,0	67,0	61,0
47		105,0		103,0				
46	109,0	100,0	100,0	102,0	101,5	105,0	102,0	
43	96,0	87,0	94,0	93,0	87,0	96,0	102,0	
54	25,0	23,5	23,0	22,0	21,0	31,0	25,5	26,0
55	50,0	46,0	47,0	44,0	43,5	50,0	51,5	47,5
51	43,5	41,0	41,0	42,0	43,5	44,0	44,5	39,5
51a	39,0	39,0	37,0		40,0		41,0	37,5
52	33,5	33,0	32,0	32,0	35,5	34,0	33,5	28,0
SC	11,5	10,0	9,0	8,5	8,5	10,5	9,0	10,5
SS	6,0	4,5	4,5	4,5	2,5	4,5	4,5	4,5
MC	18,5	16,5	19,5	17,5	18,5	17,0	15,5	17,5
MS	10,0	8,0	6,5	8,0	6,5	7,0	6,5	8,5
DC	23,0	21,5	24,5		22,0		19,5	23,0
DS	15,5	11,5	11,5		12,0		11,0	13,0
77	137,0	143,0	139,0	142,0	136,0	144,0	147,0	
Zm	136,0	139,0	131,0	130,0	121,0	132,0	122,0	
ВИЛ	31,0	30,0	25,5	29,5	27,5	24,0	26,0	28,0
ВИЗ	21,5	28,0	31,5		19,5	25,5	24,0	30,5
32	80,0	101,0	84,0	90,0	81,0	75,0	80,0	88,0
32a	84,0	98,0	87,0	94,0	87,0	79,0	85,0	91,0
72	92,0	93,0	89,0	89,0	86,0	82,0	83,0	82,0
73	91,0	101,0	94,0	97,0	90,0	85,0	85,0	87,0
74	81,0	69,0	77,0	67,0	84,0	75,0	82,0	67,0
75	59,0	70,0	57,0	60,0	56,0	53,0	54,0	56,0
75(1)	33,0	23,0	32,0	29,0	30,0	29,0	29,0	26,0
65								
66								
71a								
69/3								

Таблица 2. Часть 2 (продолжение)

	Эгикал	Цори			Мужган			
	Э31	Ц1	Ц3	Ц5	М2	М4	М5	М6
67								
8:1	82,8	81,3	79,0	83,4	88,9	82,8	82,6	78,7
48:45	51,3	50,4	52,5	49,6	44,9	52,5	49,8	
48:17	52,2	48,8	53,6	46,5	42,2	54,3	50,0	47,7
40:5	86,8	92,0	90,7	100,0	88,0	99,5	95,1	101,0
54:55	50,0	51,1	48,9	50,0	48,3	62,0	49,5	54,7
52:51	77,0	80,5	78,0	76,2	81,6	77,3	75,3	70,9
SS:SC	52,2	45,0	50,0	52,9	29,4	42,9	50,0	42,9
DS:DC	67,4	53,5	46,9		54,5		56,4	56,5
DS:DC	47,7		57,4	39,6	60,5	60,5	48,9	

Таблица 2. Часть 3

	Салги		
№	С3	С5	С8
1	161,0	180,0	168,0
8	146,0	129,0	143,0
17	132,0	124,0	133,0
5	91,0	95,0	99,0
10	131,0	116,0	129,0
9	104,0	97,5	105,0
40	83,0	87,0	89,0
11	120,0	112,0	121,0
12	102,0	105,0	106,0
20	116,5	106,1	109,4
45	132,0	124,0	138,0
48	59,0	66,0	71,0
47	104,0		
46	107,0	104,5	107,0
43	95,0	88,0	102,0
54	25,5	24,0	26,5
55	47,0	50,5	52,0
51	42,5	42,5	41,0
51a		39,5	38,5

Таблица 2. Часть 3 (продолжение)

№	Салги		
	С3	**С5**	**С8**
52	31,0	33,5	34,0
SC	8,0	7,5	8,5
SS	1,5	2,5	3,0
MC	18,0	20,0	21,0
MS	5,0	6,5	6,5
DC		24,0	24,5
DS		11,0	11,0
77	150,0	146,0	144,0
Zm	133,0	135,0	128,0
ВИЛ	31,5	25,5	30,0
ВИЗ	23,0	33,5	24,0
32	97,0	84,0	88,0
32a	101,0	89,0	91,0
72	91,0	91,0	90,0
73	96,0	96,0	91,0
74	79,0	81,0	85,0
75	59,0		55,0
75(1)	32,0		35,0
65	119,0		
66	97,0		
71a	29,0		
69/3	44,0		
67	11,0		
8:1	90,7	71,7	85,1
48:45	44,7	53,2	51,4
48:17	44,7	53,2	53,4
40:5	91,2	91,6	89,9
54:55	54,3	47,5	51,0
52:51	72,9	78,8	82,9
SS:SC	18,8	33,3	35,3
DS:DC		45,8	44,9

Таблица 3

Данные мужской и женской выборок из склепов горной Ингушетии

	Мужские черепа					Женские черепа				
№	**n**	**x**	**min**	**max**	**σ**	**n**	**x**	**min**	**max**	**σ**
1	35	176,4	162,0	191,0	5,0	19	171,2	161,0	180,0	4,2
8	34	146,8	134,0	160,0	5,1	18	140,8	129,0	150,0	3,1
17	34	133,5	121,0	145,0	4,6	19	129,3	122,0	135,0	3,0
5	34	100,9	89,0	112,0	3,7	19	97,1	90,0	106,0	3,7
10	35	127,8	116,0	137,0	4,3	18	124,3	116,0	132,0	4,6
9	35	100,6	94,0	107,5	2,7	19	98,1	92,5	105,0	3,5
40	31	94,5	86,0	105,0	4,1	17	91,7	83,0	98,0	3,5
11	34	123,3	115,0	133,0	3,9	18	118,5	112,0	126,0	3,7
12	33	114,3	103,0	124,0	3,9	18	109,2	102,0	119,0	3,3
20	34	116,9	105,1	136,0	5,0	18	111,9	104,5	119,9	3,1
45	27	137,4	126,0	147,0	4,7	15	130,4	121,0	139,0	4,4
48	31	71,7	62,0	83,0	3,6	18	65,5	57,0	72,0	3,5
47	4	117,8	115,0	123,0	2,6	3	104,0	103,0	105,0	0,7
46	33	106,9	99,0	117,0	3,0	18	103,9	100,0	110,0	2,7
43	32	97,2	91,0	104,0	3,2	16	94,4	87,0	102,0	3,3
54	35	24,8	21,0	28,0	1,6	20	25,1	21,0	31,0	1,9
55	36	51,8	43,0	59,5	2,6	20	48,7	43,5	52,0	2,4
51	35	43,2	40,0	46,0	1,4	20	42,3	39,0	44,5	1,4
51a	31	39,6	36,5	43,5	1,5	15	39,4	37,0	41,5	1,3
52	36	33,8	29,0	38,5	1,7	20	33,1	28,0	38,0	1,6
SC	34	8,9	3,5	14,0	1,6	20	9,1	4,5	11,5	1,2
SS	34	4,5	0,5	8,5	0,8	20	3,9	1,5	6,0	1,0
MC	34	19,4	14,5	25,5	2,2	20	18,5	14,5	21,5	1,3
MS	34	8,3	4,5	11,5	1,1	20	7,5	5,0	10,5	1,2
DC	29	23,5	19,5	28,5	1,9	15	22,5	19,0	24,5	1,3
DS	29	17,4	9,5	15,0	1,2	15	12,0	9,5	15,5	1,2
77	32	138,8	130,0	152,0	4,0	18	142,1	129,0	150,0	3,5
Zm	32	127,6	117,0	139,0	3,5	16	128,3	121,0	139,0	4,8
ВИЛ	34	25,1	21,0	29,0	1,9	19	26,8	21,5	33,0	3,0
ВИЗ	33	26,6	20,0	34,0	2,2	18	25,9	19,5	33,5	3,0
32	34	75,3	63,0	85,0	3,8	18	83,0	73,0	101,0	5,7
32a	34	81,9	72,0	90,0	3,2	18	86,8	78,0	101,0	4,9

Таблица 3 (продолжение)

	Мужские черепа					Женские черепа				
№	**n**	**x**	**min**	**max**	**σ**	**n**	**x**	**min**	**max**	**σ**
72	32	88,1	81,0	96,0	2,6	16	87,2	82,0	93,0	3,3
73	33	90,5	85,0	98,0	2,5	17	91,5	85,0	101,0	3,6
74	31	83,1	75,0	95,0	4,6	16	77,6	67,0	85,0	4,3
75	25	54,6	48,0	60,0	3,6	13	57,3	50,0	70,0	3,1
75(1)	25	33,1	21,0	43,0	4,0	12	29,8	23,0	35,0	2,3
65	3	122,0	116,0	127,0		1	119,0	119,0	119,0	
66	3	106,0	96,0	118,0		1	97,0	97,0	97,0	
71a	3	31,3	28,0	35,0		1	29,0	29,0	29,0	
69/3	3	45,7	45,0	47,0		1	44,0	44,0	44,0	
67	3	11,5	11,0	12,5		1	11,0	11,0	11,0	
8:1	34	83,3	75,8	90,4	3,0	18	82,4	71,7	90,7	2,9
48:45	23	52,2	44,9	58,0	2,9	14	50,6	44,7	53,5	2,1
48:17	29	53,6	46,6	59,3	2,9	17	50,8	42,2	56,3	3,2
40:5	31	93,9	88,6	102,1	2,9	17	94,8	86,8	105,6	4,1
54:55	35	48,1	38,9	60,4	3,6	20	51,4	43,1	62,0	3,0
52:51	35	78,2	67,0	90,1	3,8	20	78,2	70,9	88,4	3,4
SS:SC	34	50,9	14,3	81,8	8,7	20	43,2	18,8	66,7	7,9
DS:DC	29	54,2	44,2	71,3	4,5	15	53,4	39,6	67,4	6,2

Благодарности

Выражаем огромную благодарность мэру г. Назрань Тумгоеву Алихану Магомедовичу за помощь в организации исследования.

Научная литература

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.

Бужилова А.П. Антропология погребальных комплексов эпохи бронзы и раннего железного века по материалам раскопок в Ингушетии (2006) // Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. Материалы охранных археологических исследований. Т. 6. М.: ИА РАН, 2006. С. 138–151.

Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник МАЭ, т. XIV. Л.: АН СССР, 1953. С. 306–419.

Герасимова М.М., Хить Г.Л. Историко-антропологические сведения // Ингуши. Серия «Народы и культуры» / отв. ред. серии В.А. Тишков. М.: Наука, 2013. С. 37–45.

Кодзоев Н.Д. (ред.) История Ингушетии. Нальчик: Тетраграф, 2011.

References

Alekseev, V.P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza*. [Origin of the peoples of the Caucasus]. Moscow: Nauka.

Alekseev, V.P., I.I Gokhman. 1984. *Antropologiia aziatskoi chasti SSSR* [Anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka.

Bunak, V.V. 1953. Cherepa iz sklepov gornogo Kavkaza v sravnitel'no-antropologicheskom osveshchenii [Skulls from the tombs of mountainous Caucasus, in anthropological comparison]. In *Sbornik MAE*. Leningrad: AN SSSR. XIV: 306-419.

Buzhilova, A.P. 2006. Antropologiia pogrebal'nykh kompleksov epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka po materialam raskopok v Ingushetii (2006) [Anthropology of bronze age and early iron age burial complexes after excavations in Ingushetia]. In *Pogrebal'nye pamiatniki epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka ravninnoi zony.* Respubliki Ingushetiia. Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovanii. Vyp. 6 [Funeral monuments of the Bronze Age and the Early Iron Age of the lowlands of the Republic of Ingushetia. Materials of archaeological research. Vol. 6], edited by Voronin K.V., Malashev V.Yu., 138–151. Moscow: IA RAN.

Gerasimova, M.M., G.L. Khit'. 2013. Istoriko-antropologicheskie svedeniia [Historical determinants of individual and public information]. In *Ingushi. Seriya* «*Narody i kul'tury*», edited by V.A. Tishkov. Moscow: Nauka. 37–45.

Kodzoev, N.D. (red.). 2011. *Istoriia Ingushetii* [Istoriia Ingushetii]. Nal'chik: Tetragraf. 130.

Frizen Sergey Y., and Umalat .B. Gadiev. **Craniological Materials from the Crypts of Mountainous Ingushetia. (Preliminary results)**

The article outlines the results of a study of craniological materials from five crypts in mountainous Ingushetia. It presents individual data of the studied skulls and results of an intragroup analysis

Key words: *Craniology, the Caucasus, crypts, Ingushetia, intragroup analysis*

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/235-242

© С.Б. Боруцкая

ОСТЕОМЕТРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКРОПОЛЯ БАТАЛЬНОЕ (ЛЕНИНСКИЙ РАЙОН, РЕСПУБЛИКА КРЫМ)*

В ходе исследования погребений из крымско-татарского некрополя Батальное были измерены скелеты 9 женщин и 13 мужчин и рассчитаны некоторые индексы. Обнаружено среднее или ниже среднего соотношение длин верхних и нижних конечностей, немного удлиненное плечо. У мужчин предплечье чаще было удлинено относительно плеча, у женщин наоборот, – чаще укорочено. И у мужчин, и у женщин были укорочены голени, согласно круральному индексу. Женщин отличали очень узкие плечи. Степень массивности длинных костей у мужчин различна, за исключением чаще массивных лучевых и большеберцовых костей. Для женщин были характерны средне-массивные и грацильные длинные кости, за исключением костей предплечья. Длина тела при жизни у мужчин составила 162,1 см – 175,1 см. Реконструированная длина тела женщин составила 146,4 см – 160,0 см

Ключевые слова: *некрополь, скелет, остеометрическое исследование, верхние конечности, нижние конечности, пропорции конечностей*

Введение

За два года раскопок некрополя Батальное, обнаруженного в Ленинском районе полуострова Крым, в общей сложности было получено 13 мужских, 9 женских и 4 детских костяка. Скелеты имели по большей части хорошую сохранность. Только в единичных случаях нам пришлось применить методику восстановления длины кости по ее фрагменту Н.Н. Мамоновой (*Мамонова* 1968). Для взрослых скелетов было проведено полноценное остеологическое исследование. По результатам измерений костей скелетов далее были рассчитаны индексы пропорций конечностей и тела, определены индексы массивности (прочности) длинных костей, рассчитана прижизненная длина тела. Результаты исследования приведены в таблицах 1-6. В ряде случаев для сравнения в верхней части таблицы с названием индекса указаны величины размаха вариации индексов у человека современного типа. Эти данные взяты из работ Е.Н. Хрисанфовой, Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина, иногда это результаты наших наблюдений (*Рогинский, Левин* 1978; *Хрисанфова* 1978). Восстановление прижизненной длины тела мы проводили по формулам Бунака, Пирсона и

Боруцкая Светлана Борисовна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Ленинские горы, 1/12) Эл. почта: vasbor1@yandex.ru. **Svetlana .B Borutskaya** – Moscow state University. (Moscow, Leninskie goru, 1/12). E-mail: vasbor1@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00429

Ли, Дюпертюи и Хеддена (цит. по: *Алексееву* 1966). В таблицах приведены средние результаты расчета для отдельных индивидов и для группы в целом.

Результаты исследования

Пропорции тела и конечностей

Результаты вычисления индексов, абсолютной и относительной ширины плеч и таза, прижизненной длины тела представлены в таблицах 1,2,3 и 4.

Таблица1

Индексы пропорций конечностей мужских индивидов из могильника Батальное

Индексы / Погребения	**Интермембральный 60-84**	**Плече-бедренный 68,8-72,9**	**Луче-б. берцовый 62-71**	**Брахиальный 71-82**	**Круральный 73,3-86,6**
П.46	71,85	73,98	69,23	75,87	81,08
П.44	–	74,84	–	79,89	–
П.9	72,29	71,43	73,39	81,49	79,32
П.32	–	78,51	–	–	79,57
П.51	72,02	72,03	72,01	79,94	79,95
П.52	69,85	70,63	68,92	80,95	82,96
П.24	71,69	72,69	70,41	75,80	78,24
П.2	69,57	71,59	67,04	74,46	79,52
П.1	72,19	74,07	69,84	75,59	80,17
Кв.6 п.1 к.2	68,86	71,08	66,12	75,78	81,46
Кв.81 п.2	–	–	63,57	88,77	–
Яма 1 п.1	73,73	75,68	71,35	77,08	81,76
Кв.8 я.1 п.1	68,16	69,44	66,58	77,85	81,20
n	10	12	12	12	11
Min	68,86	69,44	63,57	74,46	78,24
Max	73,73	78,51	73,39	88,77	82,96

Таблица 2

Индексы пропорций конечностей женских индивидов из могильника Батальное

Индексы / Погребения	Интермембральный 60–84	Плече-бедренный 68,8–72,9	Луче-б. берцовый 62–71	Брахиальный 71–82	Круральный 73,3–86,6
П.12	–	–	67,94	–	81,61
П.36	71,11	75,71	65,38	69,50	80,48
П.17	70,29	71,93	68,24	75,61	79,70
П.51	68,36	70,31	65,99	77,36	82,42
П.48	71,99	74,94	68,29	72,73	79,81
Кв.6 п.1 к.1	–	78,95	–	–	82,55
Кв.8 п.1	70,72	73,61	67,16	74,01	81,11
Кв.76 п.1	73,24	75,82	69,97	72,76	78,84
Кв.66 п.1	70,33	73,56	66,28	71,88	79,77
n	7	8	8	7	9
Min	68,36	70,31	65,38	69,50	78,84
Max	73,24	78,95	69,97	77,36	82,55

Интермембральный индекс. Показывает соотношение длины рук и ног. Для большинства индивидов группы он имел значение среднее и ниже среднего, что соответствует среднему соотношению длин конечностей, или же относительно укороченным верхним конечностям.

Плече-бедренный индекс. Имеет значение среднее и выше среднего, причем нередко, значительно выше среднего. Таким образом, можно говорить, что и у мужчин, и у женщин из группы Батальное в основном были удлинены проксимальные отделы рук относительно проксимальных отделов ног, согласно данному индексу.

Луче-большеберцовый индекс. Имеет низкие значения в группе, что соответствует удлиненным голеням относительно предплечий, в соответствии с данным индексом.

Брахиальный, или лучеплечевой индекс. У мужчин этот индекс имеет значения близкие к средним или же высокие, что указывает на относительно удлиненные медиальные части рук по сравнению с проксимальными. У женщин значения индекса

оказались разными, но в основном средними и ниже среднего. То есть, у женщин встречались и индивиды с относительно укороченными предплечьями.

Круральный, или берцово-бедренный индекс. У всех представителей группы из Батального значения данного индекса средние и ниже среднего. То есть можно говорить об относительно средней или укороченной длине голеней у крымско-татарских мужчин и женщин, оставивших могильник Батальное.

Таблица 3

Ширина плеч и таза, длина тела у мужских индивидов из могильника Батальное

Погребения	Ширина плеч (см)	Плече-ростовой	Ширина таза (см)	Тазовый	Тазо-ростовой	Длина тела (см)
П.46	–	–	28,0	–	16,36	171,2
П.44	37,8	22,12	–	–	–	170,9
П.9	39,7	23,27	28,7	–	16,82	170,6
П.32	41,2	24,14	–	–	–	170,8
П.51	36,6	22,52	25,2	–	15,51	162,5
П.52	37,9	22,60	29,6	–	17,64	167,8
П.24	33,5	20,66	28,2	–	17,39	162,1
П.2	34,6	20,67	27,8	–	16,59	167,6
П.1	34,2	20,26	25,7	–	15,22	168,8
Кв.6 п.1 к.2	36,8	21,88	28,4	84,51	16,88	168,2
Кв.81 п.2	–	–	–	–	–	175,1
Яма 1 п.1	35,3	21,16	26,5	78,49	15,89	166,8
Кв.8 я.1 п.1	36,7	21,31	28,8	84,03	16,72	172,2
n	11	11	10	3	10	13
Min	33,5	20,26	25,2	78,49	15,51	162,1
Max	41,2	24,14	29,6	84,51	17,64	175,1

Таблица 4

Ширина плеч и таза, длина тела у женских индивидов из могильника Батальное

Погребения	Ширина плеч (см)	Плече-ростовой	Ширина таза (см)	Тазовый	Тазо-ростовой	Длина тела (см)
П.12	–	–	–	–	–	150,1
П.36	34,4	21,90	27,5	–	17,50	157,1
П.17	30,7	20,22	26,1	–	17,19	151,8
П.51	33,4	21,11	25,7	–	16,22	158,4
П.48	33,1	21,40	25,8	–	16,68	154,7
Кв.6 п.1 к.1	–	–	24,8	75,81	16,94	146,4
Кв.8 п.1	29,2	18,74	–	–	–	155,8
Кв.76 п.1	31,0	20,46	25,4	81,10	–	151,5
Кв.66 п.1	32,5	20,31	27,6	77,54	17,25	160,0
n	7	7	7	3	6	9
Min	29,2	18,74	24,8	75,81	16,22	146,4
Max	34,4	21,90	27,6	81,10	17,50	160,0

Ширина плеч. Мужчинам была присуща разная ширина плеч, от относительно узких у индивида из погребения 24, до широких у индивида из погребения 32. Женщины отличались очень узкими плечами, и по абсолютному, и по относительному параметрам.

Ширина таза. Все индивиды характеризовались шириной таза средней и выше среднего. Самая большая ширина таза, 29,6 см, оказалась у относительно низкорослого мужчины из погребения 52. Самый узкий таз оказался у грацильной низкорослой женщины из погребения 1 (костяк1) квадрата 6, – 24,8 см.

Длину тела, которая была у индивидов при жизни, мы восстанавливали с помощью трех формул: Бунака, Пирсона и Ли, Дюпертюи и Хеддена (*цит. по Алексееву* 1966). Далее мы определяли среднее значение показателя. Результаты приведены в таблицах 3 и 4. Размах вариаций по росту у мужчин соответствовал величинам от 162,1см до 175,1 см. Распределение индивидов группы по прижизненной длине тела носит нормальный характер. Таким образом, в группе представлены индивиды с ростом низким, ниже среднего, средним и выше среднего. То есть, самого разного роста.

Длина тела женщин из Батального равнялась 146,4 см – 160,0 см. То есть, рост женщин был низким и ниже среднего. И в принципе соответствовал таковому современного крымско-татарского населения полуострова.

Массивность скелетов конечностей

Нами были вычислены индексы массивности (прочности) длинных костей конечностей. Результаты представлены в таблицах 5 и 6.

Таблица 5

Индексы массивности скелетов мужских индивидов из могильника Батальное

Кости / Погребения	**Ключица 6/1 20-30**	**Плечевая 7/1 18-22**	**Лучевая 3/1 14-18**	**Локтевая 3/2 15-18**	**Бедренная 8/2 18-21**	**Б.Берцовая 10b/1 18-23**
П.46	–	18,90	17,24	15,02	21,08	19,89
П.44	29,03	20,98	–	16,22	20,65	–
П.9	28,92	21,79	17,22	15,27	21,32	22,31
П.32	23,08	18,70	–	–	20,21	21,93
П.51	26,67	22,65	19,43	17,11	20,75	20,99
П.52	28,85	25,40	20,78	18,67	22,20	23,24
П.24	27,86	21,02	18,49	–	20,83	22,78
П.2	21,83	19,69	18,18	15,42	18,94	20,78
П.1	27,14	19,71	17,90	16,53	20,04	22,28
Кв.6 п.1 к.2	23,84	20,19	18,85	17,09	19,43	19,78
Кв.81 п.2	–	23,16	16,60	15,83	–	18,84
Яма 1 п.1	27,40	19,64	16,60	16,33	–	21,00
Кв.8 я.1 п.1	26,85	20,92	18,97	17,20	20,94	21,05
n	11	13	11	11	11	12
Min	21,83	18,70	16,60	15,27	18,94	18,84
Max	29,03	25,40	20,78	18,67	22,20	23,24

Мужчины. Массивность ключиц чаще всего была выше среднего и даже высокой, но в отдельных случаях ключицы были и довольно грацильными. Плечевые и локтевые кости по степени прочности были разными. Лучевые кости характеризовались массивностью средней, выше среднего и высокой. Бедренные кости в основном были средней массивности, хотя есть и исключения. Большеберцовые кости в целом были средней и выше среднего степени прочности.

Таблица 6

Индексы массивности костей женских индивидов из могильника Батальное

Кости / Погребения	**Ключица 6/1 20-30**	**Плечевая 7/1 18-22**	**Лучевая 3/1 14-18**	**Локтевая 3/2 15-18**	**Бедренная 8/2 18-21**	**Б.Берцовая 10b/1 18-23**
П.12	–	–	17,76	16,83	20,21	20,95
П.36	22,00	16,35	15,84	16,51	18,33	19,23
П.17	25,40	20,56	18,89	18,27	20,80	21,07
П.51	21,90	18,92	15,72	17,94	18,53	19,60
П.48	28,78	19,48	–	18,48	18,98	20,73
Кв.6 п.1 к.1	21,60	17,79	–	–	20,50	19,46
Кв.8 п.1	25,41	19,00	18,22	18,31	19,73	20,30
Кв.76 п.1	25,60	19,60	18,26	16,35	19,14	20,77
Кв.66 п.1	23,31	18,75	16,52	15,32	18,85	20,17
n	8	8	7	8	9	9
Min	21,60	16,35	15,72	15,32	18,33	19,23
Max	28,78	20,56	18,89	18,48	20,80	21,07

Женщины. За исключением одного случая (п.48) ключицы женщин из могильника Батальное характеризовались грацильностью и средней степенью массивности. Плечевые кости отличались средней и пониженной степенью массивности. Лучевые кости можно охарактеризовать как средне и высоко массивные. Локтевые кости имели почти такую же характеристику. Исключение составляет костяк из погребения 1 квадрата 66, локтевые кости которого были грацильными. Бедренные кости были средне-массивными и грацильными. Большеберцовые кости характеризовались средней степенью прочности.

Заключение

В процессе исследования погребений из крымско-татарского некрополя Батальное в общей сложности были измерены скелеты 9 женщин и 13 мужчин. В результате анализа индексов пропорций тела и конечностей населения крымских татар из могильника Батальное обнаружено среднее или ниже среднего соотношение длин верхних и нижних конечностей, немного удлиненное плечо по сравнению с бедром, согласно плече-бедренному индексу. У мужчин предплечье чаще было удлинено относительно плеча, у женщин наоборот, – чаще укорочено. И у мужчин, и у женщин были укорочены голени относительно бедра, согласно круральному ин-

дексу. Женщин отличали очень узкие плечи. Степень массивности длинных костей у мужчин различна и незакономерна, за исключением лучевых и большеберцовых костей, чаще массивных. Для женщин чаще были характерны средне-массивные и грацильные длинные кости, за исключением костей предплечья. Рассчитанная прижизненная длина тела у мужчин составила 162,1см – 175,1см. То есть мужчины, оставившие могильник Батальное, были значительно дифференцированы по росту от величин, соответствующих низкому росту, до величин роста выше среднего. Реконструированная длина тела женщин составила 146,4см – 160,0см. То есть, длина тела женщин из некрополя Батальное была низкой и ниже среднего.

Научная литература

Алексеев В.П. Остеометрия. Москва, 1966.

Мамонова Н.Н. Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии. Москва, 1968. Вып. 29. С. 171–177.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. Москва: МГУ, 1978.

Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. Москва: МГУ, 1978.

References

Alekseev, V.P. 1966. *Osteometrija*. [Osteometry]. Moscow.

Mamonova, N.N. 1968. Opredelenie dliny kostei po ikh fragmentam. [Determination of the length of bones by their fragments]. *Voprosy antropologii*. Moscow, 29: 171–177.

Roginsky, Y.Ya. and M.G. Levin. 1978. *Antropologia*. [Anthropology]. Moscow: Moscow State University.

Khrisanfova, E.N. 1978. *Evolutsionnaja morphologia skeleta cheloveka*. [Evolutionary morphology of the human skeleton]. Moscow: Moscow State University.

Boroutskaya, Svetlana B. **Osteometric study of the necropolis Batalnoe of the Crimean peninsula**

Skeletons of 9 women and 13 men were measured and a number of indices were calculated during the study of burials from the Crimean Tatar Batalnoe necropolis. The ratio of the lengths of the upper and lower extremities was found to be average or lower than average, the shoulder is relatively long. In men, the forearm was often long relative to the shoulder; in women, on the contrary, it was often shorter. Both men and women had short tibia according to the crural index. Women are characterized by very narrow shoulders. The degree of massiveness of long bones in men varies, with the exception of usually massive radius and tibia. Women are characterized by medium-massive and gracile long bones, with the exception of the bones of the forearm. The body length in men was estimated as 162.1–175.1 cm. The reconstructed body length of women is 146.4 –160.0 cm

Key words: *necropolis, skeleton, osteometric study, upper limbs, lower limbs, limb proportions.*

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/243-251

© А.В. Иванов, С.В. Васильев

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЫМСКИХ ТАТАР: ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЯ У с. БАТАЛЬНОЕ*

В статье приводится антропологический анализ населения, оставившего позднесредневековый некрополь Батальное Западное (Ленинский район, Республика Крым). Большой интерес эта серия представляет в связи с изучением этногенеза крымских татар. В работе дается краниологическая характеристика крымских татар XVI–XVIII вв. Выявлены морфологические особенности изученного населения. Это брахикранность, низкое, среднеширокое лицо, относительно узкий нос и некоторая уплощенность в горизонтальной профилировке. Сравнительный анализ показал близость данного населения к сельскому населению средневековья северного предгорья и центральной части Крыма

Ключевые слова: *крымские татары, краниология, этногенез, сравнительный анализ*

Введение

В 2016 г. на территории Ленинского района Республики Крым силами НПЦ «Крымское археологическое общество» проводились охранно-спасательные археологические раскопки поселения Батальное Западное. Необходимость проведения археологических раскопок была вызвана тем обстоятельством, что часть памятника попадала в створ сооружения объекта «Магистральный газопровод Краснодарский край – Крым (I очередь, сухопутная часть, Крым КМ 82-КМ 102)». Работы проводились на основании Открытого листа № 146.

Некрополь располагается к западу от с. Батальное на левом берегу пересохшего безымянного ручья, в 3,3 км на ЗЮЗ от школы с. Батальное и в 3,2 км на ЗЮЗ от АЗ с. Батальное в Ленинском районе Республики Крым.

Данный археологический памятник впервые выявлен в 2015 году сотрудниками ООО 2 «Терра». (А.М. Скоробогатов, В.Н. Зинько, А.А Смирнов) и датирован по подъемному материалу, как памятник позднего средневековья XVI–XVIII вв.

Иванов Алексей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН. Эл. почта: ivav@yandex.ru. **Aleksey V. Ivanov** – Institute of archaeology of the Crimea, RAS (Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Prospekt Akademika Vernadskogo, 2). E-mail: ivav@yandex.ru

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: vasbor1@yandex.ru . **Sergey V. Vasilyev** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: vasbor1@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00429

Материалы и методы

После реставрации были измерены 12 мужских и 6 черепов, принадлежавших женщинам. Половой диморфизм в серии выражен достаточно четко, впрочем, отдельные мужские черепа и костяки демонстрировали определенную грацильность, при этом сохраняя выраженный рельеф и определяющие морфологические признаки.

Результаты исследования

Наиболее важные измерения и указатели, характеризующие форму черепа мужчин и его составляющих, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Краниометрические характеристики мужских черепов из могильника Батальное Западное

№	Признак	N	X	S
1	Продольный диаметр	12	176,8	8,04
8	Поперечный диаметр	12	145,5	3,21
17	Высотный диаметр	10	133,9	4,07
5	Длина основания черепа	10	100,7	5,06
9	Наименьшая ширина лба	10	96,5	3,34
10	Наибольшая ширина лба	12	125,2	5,41
11	Ширина основания черепа	12	125,6	5,76
12	Ширина затылка	12	116,3	8,05
45	Скуловой диаметр	9	128,5	10,21
40	Длина основания лица	9	94,3	7,35
48	Верхняя высота лица	8	68,3	4,61
43	Верхняя ширина лица	10	103,0	2,94
46	Средняя ширина лица	4	94,8	3,50
55	Высота носа	8	51,8	3,37
54	Ширина носа	9	24,6	1,51
51	Ширина орбиты от мф.	12	38,6	2,75
52	Высота орбиты	10	33,4	2,76
77	Назо-молярный угол	9	144,2	4,49
<zm	Зиго-максиллярный угол	8	132,1	2,96
8/1	Черепной указатель	12	82,5	4,43
48/45	Верхний лицевой указатель	7	55,1	9,48
	Симотический указатель	7	33,3	8,67
54/55	Носовой указатель	8	46,9	4,28
52/51	Орбитный указатель	10	86,7	9,20

Таблица 2

Краниометрические характеристики женских черепов из могильника Батальное Западное

№	Признак	N	X	S
1	Продольный диаметр	6	177,2	7,19
8	Поперечный диаметр	6	145,3	3,72
17	Высотный диаметр	5	128,0	5,05
5	Длина основания черепа	3	98,8	–
9	Наименьшая ширина лба	6	102,2	2,32
10	Наибольшая ширина лба	6	127,8	1,94
11	Ширина основания черепа	6	126,0	3,35
12	Ширина затылка	6	114,7	6,41
45	Скуловой диаметр	5	129,0	2,12
40	Длина основания лица	3	89,3	–
48	Верхняя высота лица	6	66,3	2,50
43	Верхняя ширина лица	6	105,8	3,54
46	Средняя ширина лица	3	96,0	–
55	Высота носа	6	53,5	0,84
54	Ширина носа	5	25,7	1,58
51	Ширина орбиты от мф.	6	42,2	2,04
52	Высота орбиты	6	35,2	2,14
77	Назо-молярный угол	6	139,1	2,41
<zm	Зиго-максиллярный угол	6	130,2	2,89
8/1	Черепной указатель	6	82,1	2,32
48/45	Верхний лицевой указатель	5	51,4	2,74
	Симотический указатель	6	33,9	3,19
54/55	Носовой указатель	5	48,0	3,11
52/51	Орбитный указатель	6	83,7	7,80

Серия характеризуется средними значениями продольного диаметра (♂176,8; ♀177,2) в сочетании со значительной шириной (♂145,5; ♀145,3) и средней высотой (♂133,9; ♀128,0) черепной коробки. По продольно-поперечному указателю мужская часть выборки преимущественно брахикранна (82,5), однако присутствуют два долихо- мезокранных индивида (№№ 4,21), женская – брахикранна (♀82.1), при двух индивидах со значениями указателя на границе с мезокранными формами. Значения высотно- поперечного указателя низкие для мужчин и средние для женщин (♂92,5; ♀88,4). Лоб покатый (♂78,5; ♀81,0), затылок умеренно широкий (♂116,25; ♀114,27).

Верхняя высота лица у мужской части выборки на границе низких и средних значений признака (68,3) и средняя (66,3) у женщин. Скуловой диаметр у мужчин в

пределах малых значений (128,5), у женщин несколько выше и может быть охарактеризован как большой (129,0). Широтные параметры лицевого отдела у мужской выборки, как на верхнем (103,0), так и на среднем (94,8) уровне лежат на границе средних и малых величин признаков. Женская выборка представляется заметно более широколицей с большими значениями ширины лица, как на верхнем (105,83), так и на среднем (96) уровне. По верхнелицевому указателю мужская выборка на границе рубрикации мезен — лептен (55,1), женская – мезен(51,4).

Орбиты по серии относительно небольшие, средневысокие: по указателю у мужчин (86,7) – гипсиконхные, у женщин (83,7) – мезоконхные.

Высота и ширина носа у мужчин на границе малых и средних значений (51,8; 24,6), у женщин высота носа на границе средних и высоких значений при средних значениях ширины (53,5; 25,7). Соответственно по носовому указателю мужская выборка на границе лепто- и мезоринных форм (46,9), а женская – мезоринная (48,03). Угол выступания носа удалось измерить только на трех мужских черепах: представлены варианты слабо, средне и сильно выступающего носа.

Значения симотического указателя (♂33,3) характеризует переносье как относительно низкое у мужчин и более высокое (♀33,9) – у женщин. Лицо у мужчин мезо и ортогнатное, у женщин присутствует случай прогнатизма (№17). Величина NM (144,2) и ZM (132,1) углов у мужской выборки указывает на некоторое ослабление горизонтальной профилировки лицевого отдела, как на верхнем, так и на среднем уровне; у женщин профилировка выражена сильнее, однако величины углов лежат на границе умеренных величин признаков (NM 139, 1; ZM 130,2). Глубина FC – средняя.

Серии для межгруппового анализа

Для межгруппового анализа были подобраны серии, относящиеся к периоду позднего средневековья – раннего нового времени, представляющие различные группы населения Крымского полуострова периода Крымского ханства.

Серия, представляющая сельское мусульманское население Евпаторийского и Перекопского уездов, была собрана К.С. Мережковским во время его научного вояжа на полуостров в 1880 г. (*Мережковский* 1881: 105–130). Спустя почти столетие материал был обработан и опубликован В.П. Алексеевым (*Алексеев* 1980: 169–181).

Антропологический материал, характеризующий г. Инкерман османского периода, был получен в ходе раскопок Е.В. Веймарна[1] 1947 года и в дальнейшем был введен в научный оборот К.Ф. Соколовой (*Соколова* 1963: 131–134, прил. 4, 5).

Антропологические серии, представляющие мусульманское население XVI–XVIII вв. еще двух городских поселений ЮЗ Крыма, были получены в ходе археологических исследований столицы крымского Ханства г. Бахчисарай (*Белый, Неневоля* 1994: 169–181) и приморского города Балаклавы; антропологический материал был обработан и опубликован одним из авторов настоящей публикации – А.В. Ивановым (*Иванов* 1997: 360–366; *Иванов* 1999: 412–421).

[1] Е.В. Веймарн, исследовавший памятник в 1950 гг., усматривал два этапа функционирования некрополя в XIV–XVII вв. Выделяя, по его мнению, более ранние захоронения, связанные с полиэтничным христианским населением «слободы крепости Каламита» и более поздние могилы исламизированного населения Инкермана османского периода (*Веймарн* 1963: 86). Антропологический материал был опубликован К.Ф. Соколовой единым массивом.

Две серии из могильников у сел Целинное и Чкалово (совр. Нижнегорский р-н.) представляют позднесредневековое мусульманское население степного Крыма. По мнению исследователей памятников, (*Корпусова* 1985: 69-107; *Нечитайло, Бунатян* 1985: 6–40), они связаны с кочевниками, в этническом плане определяемыми как ногайцы; антропологические данные по ним опубликованы С.И. Круц (*Круц* 2003: 206–233). Анализ обстоятельств раскопок и исторической топографии региона дает основание полагать, что памятники представляют собой некрополи сельских поселений, прекративших свое существование в начале – середине XIX века в процессе эмиграции степного крымско-татарского населения в пределы Оттоманской порты (*Иванов* 2018: 16).

Представляется небезынтересным сопоставить собственно крымских татар и представителей христианской общины полуострова периода Крымского ханства, определяемых в качестве крымских греков. Антропологическая серия получена в ходе исследования некрополя при деревне Мангуш (современное Прохладное Бахчисарайского района РК), до событий 1778 г. населенной тюркоязычными греками – урумами (*Белый, Неневоля* 1994: 52–53); материал измерен А.В. Ивановым.

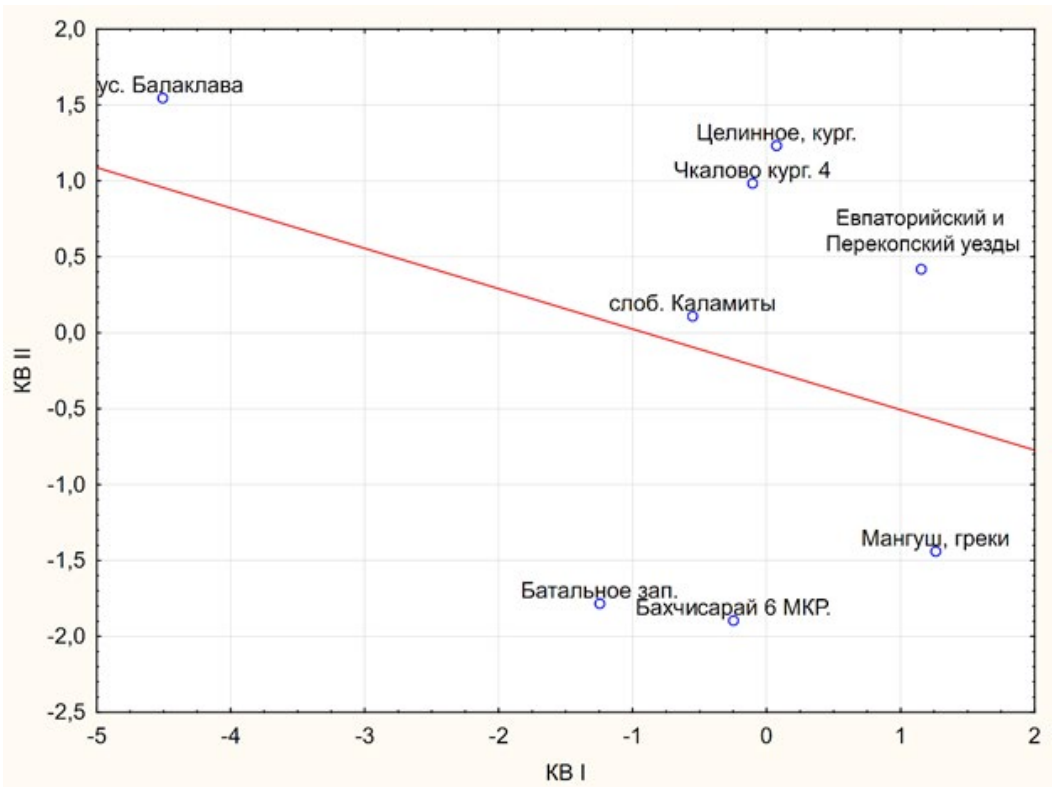

Рис. 1. Серия из Батальное Западное на фоне серий из других средневековых некрополей Крыма в поле первых двух канонических переменных.

В межгрупповом анализе, выполненном для мужских серий, было использовано 14 признаков, отражающих морфологию черепной коробки и лицевого отдела рассматриваемых выборок. Суммарно первый и второй канонический векторы описывают около 74% изменчивости. Первый вектор связывает параметры лицевого отдела: ос-

новные нагрузки приходятся на скуловой диаметр (0,71), высоту носа (0,54) и высоту орбиты (-0,56); с ростом скулового диаметра наблюдается увеличение высоты носа и уменьшение высоты орбит. Соответственно наибольшие нагрузки второго канонического вектора связаны с верхней высотой лица (0,94), шириной орбиты (0,494), высотой переносья по симотическому указателю (0, 353) и углом выступания носа (-0,339). Увеличение высоты лицевого отдела сопровождается увеличением ширины орбит и высоты переносья, при одновременном уменьшении угла выступания носа.

На представленном графике исследуемая серия проявила наибольшее сходство с сериями из некрополей 6 МКР г. Бахчисарая и дер. Мангуш; серии, представляющие население степных районов северного Крыма, образовали отдельный кластер в верхней правой части поля; серия из Каламиты – Инкермана, заняла промежуточное, а Балаклава совершенно изолированное положение в верхнем левом поле.

Представленная картина нуждается в этно-исторической интерпретации. Наиболее близки исследуемой серии из могильника Батальное Западное материалы некрополя в 6 МКР г. Бахчисарая. Обе серии вполне характеризуют антропологический тип характерный для населения центральных районов и северных предгорий Крымского полуострова. При этом отметим, что в период своего функционирования, некрополь, исследованный на территории современного 6 МКР. представлял собой кладбище жителей из одной из пригородных слобод, достаточно удаленной от ядра городской застройки. Соответственно делать на основе его материалов обобщающие выводы об антропологическом типе, общем для ханской столицы в целом не вполне корректно, есть все основания полагать, что антропологический состав населения этого крупного городского центра был значительно сложнее.

Весьма любопытна выявленная близость исследуемой серии с материалами, представляющими общину тюркоязычного греческого населения с. Мангуш. Антропологический состав крымских греков периода Крымского ханства до настоящего времени совершенно не изучен. В литературе присутствуют различные точки зрения на его формирование (*Араджиони* 1993: 143–169). В свете полученных результатов, представляется обоснованным вернуться к проблеме участия в его формировании христианизированного населения, связанного происхождением с тюркскими этносами кипчакско-половецкого круга.

Несколько неожиданными предстали выявленные различия между исследуемой серией и сериями, представляющими население степных районов Северного Крыма. Учитывая явный недостаток материала, на данном этапе исследований можно лишь согласиться с выводами наших предшественников о существенных морфологических различиях в среде крымско-татарского населения по направлению с севера на юг от Перекопа до Южного берега Крыма.

Промежуточное положение серии, представляющей население Каламиты – Инкермана представляется закономерным. Исследователь антропологических материалов некрополя К.Ф. Соколова охарактеризовала оставившее его население как весьма смешанное, противопоставляя узколицые и широколицые, тяготеющие к мезо-долихокрании формы из более раннего слоя могильника (XIV–XV вв.) и также узко – и широколицые варианты брахикранного населения города периода «турецкой оккупации» (*Соколова* 1963: 131–134).

Крайнее изолированное положение Балаклавской серии связано с историей формирования местной мусульманской общины в XVI–XVIII вв. Есть основания пола-

гать, что своим происхождением она связана с миграцией исламизированного населения с южного побережья Черного моря. Османские фискальные документы сер. XVI в. выделяют 6 домохозяйств, принадлежавших собственно крымским татарам, из основной массы мусульманского населения города (*Иванов* 2003: 251). Э. Челеби, посетивший город в 1667г., характеризуя этнический состав его населения, указывает, что «большинство народа (происходит) из племени лазов с противоположного (берега Черного моря). Татарский народ в таких скалах жить не может» (*Челеби* 1999: 32). Таким образом, данные антропологического исследования могут быть интерпретированы как подтверждающие письменные источники, но при этом отметим, что данными по антропологическому составу населения позднесредневекового Лазистана авторы не располагают.

Заключение

Таким образом, при введении в научный оборот даже единичной серии, представляющей один из крымских этносов нового времени, пришлось затронуть значительный объем вопросов, как собственно антропологического, так и этно-исторического свойства, и еще раз отметить весьма неравномерную изученность населения Крымского полуострова в антропологическом плане.

Краниологический анализ показал, что мужская часть выборки брахикранная, с небольшой высотой лица, с ослабленной горизонтальной профилировкой лицевого скелета и узким носом. Женская часть выборки тоже характеризуется брахикранией, средней высотой лица с хорошей горизонтальной профилировкой лицевого скелета, более широким носом и хорошо выступающим переносьем.

Сравнительный краниометрический анализ показал, что серия близка к сельскому населению центральных районов и северных предгорий Крыма. В целом анализ подтверждает наблюдения о морфологических различиях крымских татар по направлению север – юг.

Научная литература

Алексеев В.П. Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма // Сборник музея Антропологии и Этнографии. Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Ленинград, 1980. Вып. XXXVI. С. 169–181.

Араджиони М.А. К вопросу о некоторых концепциях этногенеза тюркоязычного позднесредневекового христианского населения Юго-Западного Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. Сборник научных трудов Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Симферополь, 1993. С. 143–159.

Белый О.Б., Неневоля И.И. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Бахчисарае // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 1994. С. 52–53.

Веймарн Е.В. Середньовічний комплекс фортеці Каламита // Археологічні пам′ятки УРСР. Стародавні пам′ятки Инкерманської долини. 1962.Т. XIII. С.74–87

Иванов А.В. Антропологический материал из мусульманского некрополя в 6 МКР. г. Бахчисарая // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 3. С. 360–366.

Иванов А.В. Исследования некрополя средневековой Балаклавы в 1993 и 1995 гг. // *Х*ерсонесский сборник. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 412–431.

Иванов А.В. Балаклава XIV-XVIII вв. Очерк этно-конфессиональной истории // Херсонесский сборник. Севастополь, 2003. Вып. XII. С. 248–254.

Иванов А.В. Об истории антропологического изучения татар Крымского полуострова // Вестник Антропологии. 2018. № 4 (44). С.5–26.

Корпусова В. Л. Курганы у с. Целинное // Курганы Степного Крыма. Киев,1985. С. 69–107.

Круц С.И. Антропологическая характеристика ногайцев XVI–XVIII вв. // Антропология ногайцев. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Москва, 2003. Вып. IV. С. 206–233.

Мережковский К.С. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. // Географические известия. Санкт-Петербург, 1881. Т. XVII. Вып. 2. С. 105–130.

Нечитайло А.Л., Бунатян Е.П. Курганная группа близ с. Чкалово // Курганы Степного Крыма. Киев, 1985. С. 6–40.

Соколова К.Ф. Антропологічні матеріали могильників Инкерманської долині // Археологічні пам′ятки УРСР. Стародавні пам′ятки Инкерманської долини. 1962. Т. XIII. С. 124–154.

Челеби Э. Книга путешествия. Симферополь, 1999.

References

Alekseev, V.P. 1980. Kharakteristika kraniologicheskikh materialov iz pozdnikh musul'manskikh zakhoronenii Kryma. [Characterization of craniological materials from the late Muslim burial places of Crimea.]. *Sbornik muzeya Antropologii i Ehtnografii. Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR.* Vyp. XXXVI [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Research on paleoanthropology and craniology of the USSR Vol. XXXVI], 169–181. Leningrad.

Aradzhioni, M. A. 1993. K voprosu o nekotorykh kontseptsiyakh ehtnogeneza tyurkoyazychnogo pozdnesrednevekovogo khristianskogo naseleniya Yugo-Zapadnogo Kryma [On the issue of some concepts of ethnogenesis of the Turkic-speaking late medieval Christian population of South-Western Crimea]. *Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma. Sbornik nauchnykh trudov Bakhchisaraiskogo gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika* [History and archeology of South-West Crimea. Collection of scientific papers of the Bakhchisaray State Historical and Cultural Reserve], 143–159. Simferopol.

Belyi, O.B., and Nenevolya, I.I. 1994. Okhrannye raskopki musul'manskogo mogil'nika v g. Bakhchisarae. [Security excavations of a Muslim burial ground in the city of Bakhchisarai]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu* [Archaeological research in Crimea], 52–53. Simferopol.

E.V. Veimarn. 1962. Seredn'ovichnii kompleks fortetsi Kalamita. [Medieval complex of Kalamita Fortress]. *Arkheologichni pam'yatki URSR. Starodavni pam'yatki Inkermans'koï dolini. Vol. XIII* [Archaeological memorials of URSR. The ancient memory of the Inkerman Valley. Vol. XIII], 74–87.

Ivanov, A.V. 1997. Antropologicheskii material iz musul'manskogo nekropolya v 6 MKR. g Bakhchisaraya. [Anthropological material from the Muslim necropolis in 6 MKR Bakhchisaray]. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik. Vyp.* 3 [Bakhchisaray historical and archaeological collection. Issue 3], 360–366. Simferopol.

Ivanov, A.V. 1999. Issledovaniya nekropolya srednevekovoi Balaklavy v 1993 i 95 gg.[Investigations of the necropolis of medieval Balaclava in 1993 and 95]. *Khersonesskii sbornik. Vyp.* X [Chersonesos collection. Issue 10], 412–431. Sevastopol.

Ivanov, A.V. 2003. Balaklava XIV–XVIII vv. Ocherk ehtno-konfessional'noi istorii [Balaclava XIV–XVIII centuries. Essay on ethno-confessional history]. *Khersonesskii sbornik. Vyp. XII* [Chersonesos collection. Issue 10], 248–254. Sevastopol.

Ivanov, A.V. 2018. Ob istorii antropologicheskogo izucheniya tatar Krymskogo poluostrova. [On the history of the anthropological study of the Tatars of the Crimean peninsula]. *Herald of anthropology,* 4 (44): 5-26.

Korpusova, V. L. 1985. Kurgany u s. Tselinnoe. [Barrows near the village Virgin]. *Kurgany Stepnogo Kryma* [Barrows of the Steppe Crimea]*,* 69–107. Kiev.

Kruts, S.I. 2003. Antropologicheskaya kharakteristika nogaitsev XVI–XVIII vv. [Anthropological characteristics of Nogai XVI–XVIII centuries]. *Antropologiya nogaitsev. Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. IV.* [Anthropology of Nogais. Materials on the study of historical and cultural heritage of the North Caucasus. Vol. 4], 206–233. Moscow.

Merezhkovskii, K.S. 1881. Otchet ob antropologicheskoi poezdke v Krym v 1880. [Report on an anthropological trip to the Crimea in 1880]. *Geograficheskie izvestiya* 8(2): 105–130.

Nechitailo, A.L., Bunatyan, E.P. 1985. Kurgannaya gruppa bliz s. Chkalovo. [Kurgan group near Chkalovo]. *Kurgany Stepnogo Kryma* [Mounds of the Steppe Crimea], 6–40. Kiev.

Sokolova, K.F. 1962. Antropologichni materiali mogil'nikiv Inkermans'koï dolini. [Anthropological materials of the Inkerman Valley burial grounds]. *Arkheologichni pam'yatki URSR. Starodavni pam'yatki Inkermans'koï dolini,* 13: 124–154.

Chelebi E. 1999. *Kniga puteshestviya*. [*Travel book*.]. Simferopol.

Aleksey V. Ivanov, and Sergey V. Vasilyev. **Craniological characteristics of the late medieval Crimean Tatars (based on materials from the necropolis near the village of Batal'noe)**

The article provides an anthropological analysis of the population that left the late medieval necropolis of Batal'noe of the West (Leninsky district, Republic of Crimea). This series is of great interest in connection with the study of the ethnogenesis of the Crimean Tatars. The craniological characteristic of the Crimean Tatars of the 16th-18th centuries is given in the work. The morphological features of the studied population are revealed. This is brachycranion, a low, medium-wide face, a relatively narrow nose and some flatness in the horizontal profile. A comparative analysis showed the proximity of this population to the rural population of the Middle Ages in the northern foothills and the central part of Crimea

Key words: *Crimean Tatars, craniology, ethnogenesis, comparative analysis*

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/252-267

© А.П. Пестряков, О.М. Григорьева, Ю.В. Пеленицына

АВСТРАЛИЙСКИЕ АБОРИГЕНЫ: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ*

Настоящая работа посвящена изучению краниологических особенностей австралийских аборигенов (мужские и женские серии) по специальной программе признаков черепной коробки. По признакам этой программы рассматривается территориальная дифференциация популяций австралийских аборигенов. Согласно нашей панойкуменной краниологической классификации (Пестряков, Григорьева 2004), коренное население Австралии относится к панойкуменному краниотипу тропидов, т.е. к населению с относительно небольшой величиной черепной коробки (сравнительно с другими панойкуменными краниотипами – пацифидами и голарктидами), по форме длинной, узкой и относительно высокой. Первичное заселение континента могло идти только с севера. На территории Австралии выделяются два контрастных краниотипа, которые, вероятно, маркируют две основные волны внутриконтинентальной миграции аборигенного населения. Черепа мигрантов первой волны были более крупными и относительно низкосводными. Они наиболее характерны для аборигенов Южной Австралии, из территории которой они в дальнейшем проникали и на север, в аридную зону Центральной Австралии. Вторая крупная волна миграции маркируется более мелкоголовыми высокосводными черепами, которые в настоящее время характерны для севера континента (Квинсленд и, особенно, Северная Территория и северо-запад Австралии). Территории юго-востока Австралии (штаты Виктория и Новый Южный Уэльс) является наиболее комфортной зоной для обитания человека. Здесь, шло смешение этих двух основных волн миграции, что способствовало проявлению гетерозиса. Краниологические серии Западной Австралии и северо-западной Австралии, видимо, также имеют смешанное происхождение, но с заметным тяготением к группам Северной Территории. Данные по кра-

Пестряков Александр Петрович – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: labrecon@yandex.ru. **Aleksandr P. Pestriakov** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru.

Григорьева Ольга Михайловна – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: labrecon@yandex.ru. **Olga M.Grigorieva** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru.

Пеленицина Юлия Вадимовна – студентка 4 курса Российского Государственного Гуманитарного Университета. (Москва, Миусская площадь, 6). Эл. почта: j.pelenitsyna@gmail. **Yulia V. Pelenitsyna** – Russian state Humanitarian University. (Moscow, Miusskaya sq. 6). E-mail: j.pelenitsyna@gmail.

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Homo». Подтема «Антропология древних и современных популяций».

ниологии тасманийцев говорят об их существенном отличие от общего австралийского массива. Особенно это характерно для их женщин. Возможно, предки тасманийцев представляли собой самую первую волну заселения древнего материка Сахула, до отделения от него острова Тасмания

Ключевые слова*: краниология, краниотип, тропиды, австралийские аборигены, миграционные волны*

Введение

В периоды четвертичных оледенений значительная часть воды океанов, осаждаясь в виде снега, образовывала покровные оледенения материков. Вследствие этого обнажались мелководные шельфовые моря, образуя сухопутные перешейки между континентами. Хорошо известна территория Берингии, соединяющая в палеолите материки Азии и Северной Америки. Именно по этому сухопутному мосту произошло первичное заселение Америки человеком. Сходная, но не идентичная, ситуация наблюдалась в морях той территории, которая в настоящее время отделяет материк Австралии от Малайского архипелага. Осушение шельфовых морей между юго-восточной Азией и Австралией привело к появлению двух больших континентальных масс. Западная часть Малайского архипелага вместе с территориями шельфа Южно-Китайского и Яванского морей образовали субконтинент **Сунда**, соединённый с материком Евразии. Австралия, Новая Гвинея и Тасмания вместе с шельфом Тиморского и Арафурского морей на севере и Бассова пролива на юго-восток от Сунды образовали большой материк **Сахул**.

Тем не менее, между суперматериком Сахул и Сундой сохранялись узкие глубоководные моря. Благодаря этому, сохранилась специфическая архаичная фауна (однопроходные и сумчатые животные) материка Сахул, ограниченного с северо-запада биогеографической линией Уоллеса. Однако древнейшие популяции человека смогли пересечь узкие морские проливы между этими массивами суши и стали заселять просторы Сахула, в том числе будущего континента Австралии. Это произошло не позже 40 тыс. лет от нашего времени.

Заселение этого континента естественно шло с севера, и основные миграционные потоки, а их видимо было несколько, шли с севера на юг и юго-восток. Поэтому антропологические характеристики (в нашем случае, краниологические) наиболее ранних волн автохтонного населения в наибольшей чистоте должны быть представлены именно на юге Австралии.

В целом аборигенное население характеризуется тёмным цветом кожи, обычно волнистыми (но не курчавыми) волосами головы, заметным развитием третичного волосяного покрова у мужчин, этим отличаясь от населения островов Новая Гвинея и Тасмания (других частей палеоматерика Сахул), и тем более, от населения Малайского архипелага. Антропологические исследования обнаруживали ещё ряд других морфологических особенностей австралийских аборигенов, характерных для большинства австралийских групп. Это позволило антропологам выделить исконное население континента в особую австралоидную малую расу (*Рогинский, Левин* 1978: 375), по нашему мнению, входящую в большую веддо-австралоидную расу (*Пестряков* 2006: 114).

Австралия – самый засушливый из континентов мира. Большая часть Южной, Западной и Центральной её территории в основном представляют собой пустыни. Наиболее комфортной зоной обитания, как для древнего, так и для современного, европейского по происхождению населения, была юго-восточная часть континента – территории современных штатов Виктории и Нового Южного Уэльса.

Особенности жизни племён австралийских аборигенов изучались многочисленными специалистами, в том числе сотрудниками нашего института. Фундаментальную энциклопедическую работу, касающуюся этногенеза, ранней истории и культурных особенностей австралийцев в своё время опубликовал В.Р. Кабо (*Кабо* 1969). В дальнейшем его работы продолжила его ученица О.Ю. Артёмова (*Артёмова* 1987). В культурно-хозяйственном отношении племенные группы аборигенов мало отличаются друг от друга (*Роуз* 1989). Господствующий тип их хозяйства был только присваивающий: охота, собирательство, в меньшей мере рыболовство. Нигде, на всей территории Австралии не было обнаружено никаких серьёзных следов земледелия.

Целью нашей работы было изучение пространственной изменчивости основных метрических характеристик черепной коробки аборигенов территории Австралии (как мужских, так и женских краниосерий), что может пролить свет на основные направления внутриконтинентальной миграции этого населения.

Материалы и методы

Краниологию австралийских аборигенов изучали многие зарубежные антропологи: Г. Морант (*Morant* 1927), У. Хауэллс (*Howells* 1937), Г. Милицерова (*Milicerowa* 1955) и другие. Из отечественных антропологов ценную краниологическую сводку, в которой среди прочего есть данные по австралийцам, опубликовал В.П. Алексеев (*Alexejev* 1973).

Наше исследование полностью опирается на материалы каталога Алеша Хрдлички, который опубликовал индивидуальные данные метрических признаков, исследованных им черепов (Хрдличка 1928), что позволило нам высчитывать наши нестандартные параметры по каждому черепу. Краниологический материал объединялся им по административным территориям страны (штатам). К сожалению, там слабо представлены материалы по территориям Западной и Центральной Австралии.

Рассматривались следующие признаки, отдельно по каждой объединенной серии: наибольший продольный диаметр (№1 по Мартину), наибольший поперечный диаметр (№8), высотный диаметр базион–брегма (№17), черепной указатель (8:1), высотно-поперечный указатель (17:8). Также рассчитывали величины четырёх генерализованных параметров, введённых в антропологическую практику авторами настоящей статьи (Пестряков, Григорьева 2004). Важнейшим из них является общая ростовая величина черепной коробки (ОРВ), высчитываемая векторным сложением трёх взаимноперпендикулярных диаметров черепной коробки по формуле – $ОРВ = (1^2+8^2+17^2)^{1/2}$. Величины трёх следующих указателей: долихоидности (УД), брахиоидности (УБ) и гипсиоидности (УГ) вычисляются единообразным способом. Это средние геометрические отношения каждого из трех названных диаметров черепной коробки к двум оставшимся (в %). Например, $УД = 100*[(1^2/ (8*17)]^{1/2}$ и.т.п.

Обсуждение результатов

Ниже, в таблице 1, представлены: численность австралийских аборигенных серий (мужские черепа), объединенных по административным территориям страны и среднегрупповые метрические величины признаков черепной коробки. Регион Центральная Австралия и северо-запад Австралии по официальной административной схеме не выделяются, но данные по их краниологическим материалам (весьма малочисленным) для нас важны. В качестве сравнения к австралийским краниосериям добавлена краниосерия тасманийцев, изученная также А. Хрдличкой. Величины межгрупповых параметров вычислялись без учёта данных по тасманийцам.

Таблица 1

Среднегрупповые величины основных метрических краниологических признаков австралийских аборигенов и тасманийцев (мужские серии)

Территориальные группы	**1**	**8**	**17**	**ОРВ**
Южная Австралия – n = 198	190,9	133,0	130,8	267,0
Виктория – n= 74	190,9	134,5	136,8	270,7
Новый Южный Уэльс – n=59	190,0	132,8	134,8	268,3
Квинсленд – n= 52	186,2	131,7	136,6	265,9
Северная Территория – n =107	185,2	129,2	135,3	263,3
Северо-Западная Австралия – n= 6	187,2	127,7	133,2	262,9
Западная Австралия – n=10	186,0	132,5	131,9	263,8
Центральная Австралия – n=6	189,0	135,2	130,8	266,7
Тасманийцы - n=22	***189,2***	***139,4***	***134,0***	***270,4***
Число австралийских групп	8	8	8	8
Межгрупповая средняя	188,17	132,08	133,75	266,08
Межгрупповая дисперсия (σ)	2,30	2,51	2,43	2,70
Коэффициент вариации (V)	1,22	1,90	1,81	1,01

Из таблицы хорошо видны некоторые закономерности изменчивости величин метрических параметров черепной коробки в этих сериях. Среди основных диаметров черепной коробки более всего варьирует её ширина, менее всего длина. Наиболее крупноголовые черепа тяготеют к юго-восточным и южным территориям континента. Параметр ОРВ варьирует здесь от 267,0 до 270,7 – всегда больше средней межгрупповой величины в 266,08. Мелкоголовые, наоборот, – к северу и западу Австралии. Параметр ОРВ здесь варьирует от 262,9 до 265,9 – всегда меньше средней межгрупповой его величины. Аборигены Центральной Австралии в этом отношении занимают как бы промежуточное положение (ОРВ=266,7). Точно такая же картина пространственной изменчивости длины черепной коробки – признака, от которого в наибольшей степени зависит её общая величина. Поперечный диаметр черепа, наиболее варьирующий в межгрупповом отношении, также на севере и северо-западе континента имеет наименьшую величину. Высотный диаметр показывает здесь

существенно иную закономерность территориальной изменчивости сравнительно с двумя другими. Наименьшая величина его регистрируется в Южной, Центральной и Западной Австралии (130,8 – 131,9 мм). В восточных штатах и Северной Территории его величина достоверно много больше (134,8-136,8 мм).

Мужская серия тасманийцев отличается от усредненной австралийской серии значительно большей величиной черепной коробки (ОРВ). По этому параметру с ней может сравниться лишь серия штата Виктория, территориально наиболее близкого с островом Тасмания. Наибольшая ширина черепной коробки у тасманийцев намного превосходит соответствующую величину любой австралийской серии, превосходя среднюю межгрупповую величину наших австралийских серий практически на три межгрупповые сигмы.

По данным этой таблицы построена дендрограмма (рис. 1).

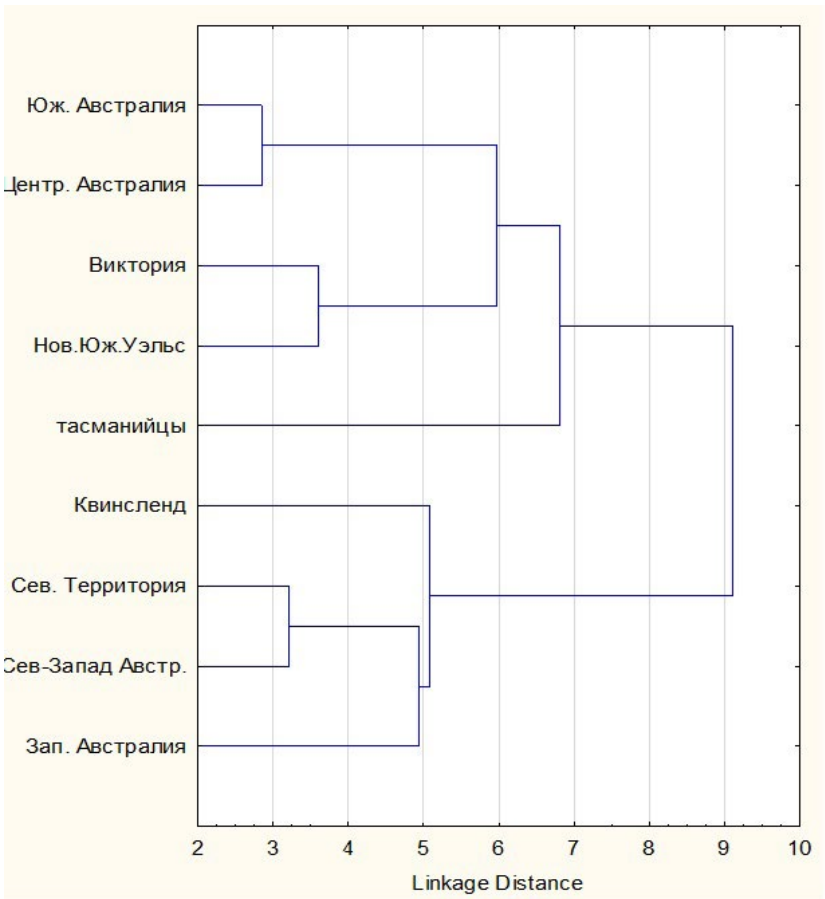

Рис. 1. Дендрограмма взаимного расположения австралийцев (мужчины) различных территорий по параметрам 1, 8, 17 и ОРВ.

На дендрограмме (рис. 1) выделяется два основных кластера, которые иллюстрируют табличные данные. Первый кластер объединяет южную и юго-восточную серии Центральной Австралии, к которым примыкает серия тасманийцев. Причем аборигены Южной Австралии сближаются с аборигенами Центральной Австралии, а краниосерии Виктории близки к таковым Нового Южного Уэльса. Второй основной

кластер объединяет краниосерии Севера и Запада Австралии. При этом австралийцы Северной Территории наиболее близки к таковым северо-западной Австралии. Здесь наиболее удалена от других серий этого кластера краниосерия Квинсленда, штата, расположенного на наиболее вероятном пути миграций с севера к юго-восточной Австралии, поэтому имеющая более сложный генезис.

Далее на рисунке 2 представлено парное корреляционное поле изменчивости наших серий по двум важным метрическим признакам.

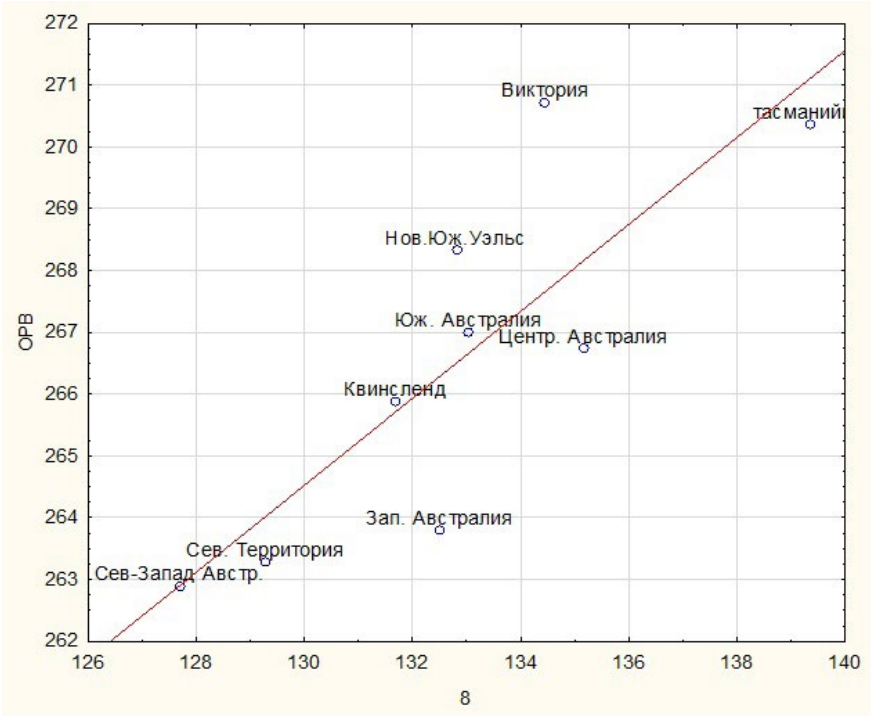

Рис.2. Корреляционное поле изменчивости общей величины черепной коробки (ОРВ) и её ширины (8), изучаемых мужских краниосерий.

В правом верхнем углу, отдельно от всех фиксируется серия тасманийцев (крупноголовая и с большой шириной черепной коробки) и территориально наиболее близкая к ним серия штата Виктория. В противоположном левом нижнем углу группируются серий севера, северо-запада и запада континента, самые мелкоголовые.и с наименьшей величиной ширины черепной коробки. Остальные краниосерии аборигенов Австралии занимают здесь промежуточное положение.

Далее в таблице 2 представлены величины параметров, характеризующие форму черепной коробки тех же мужских серий.

Согласно данным этой таблицы наименьшая межгрупповая вариабельность (σ) проявляется у черепного указателя (**8:1**= 1,02) и у указателя брахиоидности (**УБ** =1,65). Наибольшая вариабельность фиксируется у индексов, связанными с величиной высотного диаметра: у высотно-поперечного указателя (**17:8** =2,87) и у указателя гипсиоидности (**УГ** =2,11). Среднегрупповая величина черепного указателя во всех сериях австралийцев характеризуется долихокранией или даже ультрадолихо-

кранией (от 68,3 до 71,5). Высотно-поперечный индекс имеет наибольшую величину в северной и северо-западной краниосериях (103,8 - 104,7), а наименьшую величину в южной и центральной Австралии (96,9-98,4). Аналогична изменчивость показателя гипсиоидности (УГ).

Таблица 2

Среднегрупповые величины параметров формы черепной коробки австралийских аборигенов и тасманийцев (мужские серии)

Территориальные группы	**8:1**	**17:8**	**УД**	**УБ**	**УГ**
Южная Австралия – n = 198	69,7	98,4	144,8	84,3	82,1
Виктория– n= 74	70,5	101,8	140,9	83,2	85,4
Новый Южный Уэльс– n=59	70,0	101,3	141,9	83,2	84,8
Квинсленд – n= 52	70,8	103,8	139,0	82,6	87,3
Северная Территория – n =107	69,9	104,7	140,2	81,8	87,4
Северо-Западная Австралия	68,3	104,4	143,7	80,9	86,2
Западная Австралия – n=10	71,3	99,7	140,9	84,6	84,1
Центральная Австралия n=6	71,5	96,9	141,2	86,1	81,9
Тасманийцы– n=22	73,7	96,2	138,3	87,6	82,6
Число австралийских групп	**8**	8	8	8	**8**
Межгрупповая средняя	70,25	101,37	141,57	83,35	84,90
Межгрупповая дисперсия (σ)	1,02	2,87	1,87	1,65	2,11
Коэффициент вариации (V)	1,45	2,83	1,32	1,98	2,48

Черепа тасманийцев в сравнении с обобщённой серией австралийцев по форме несколько менее длинные, но значительно более широкие. По высотным указателям (17:8 и УГ) они близки к низкосводным сериям австралийцев юга и центральной части континента.

Дендрограмма (рис. 2) иллюстрирует данные этой таблицы.

Здесь четко выделяется наиболее отдаленный кластер северных краниосерий (Квинсленд, Северная Территория и северно-западная Австралия). Другой кластер разбивается на два подкластера, один из них объединяет серии Южной и Центральной Австралии, другой все остальные австралийские краниосерии. К этому основному кластеру здесь также примыкает серия тасманийцев.

Таким образом, и по абсолютным размерам черепной коробки и по ее форме, среди краниосерий австралийских аборигенов наиболее отчетливо выделяются две территориальные группировки. Первая - серии Южной и Центральной Австралии, вторая – серии Квинсленда, Северной Территории и северо-западной Австралии. Следовательно, данные по мужским краниосериям австралийских аборигенов с определенной степенью вероятности фиксируют наличие двух потоков заселения континента. Первая волна миграции более всего представлена в Южной и Центральной Австралии, а

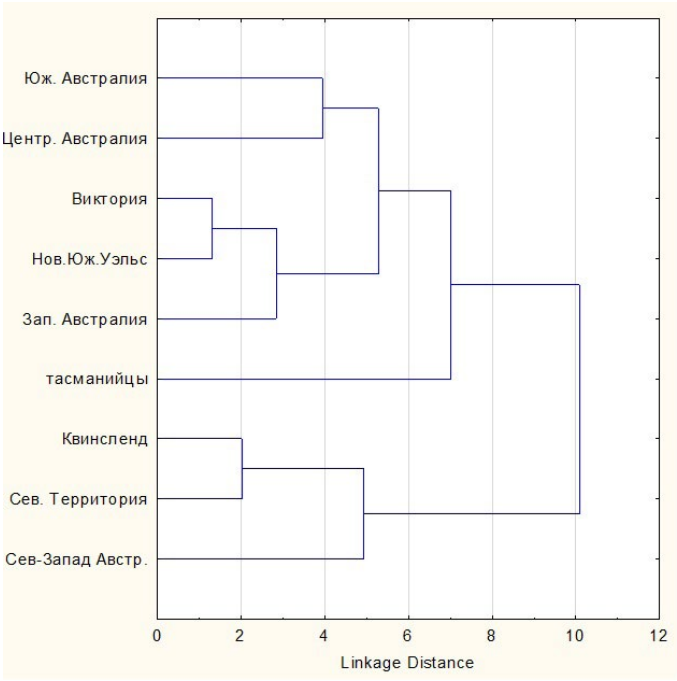

Рис.3. Дендрограмма взаимного расположения австралийцев (мужчины) различных территорий по параметрам формы черепной коробки:ЧУ, ВПУ, УД, УБ. УГ.

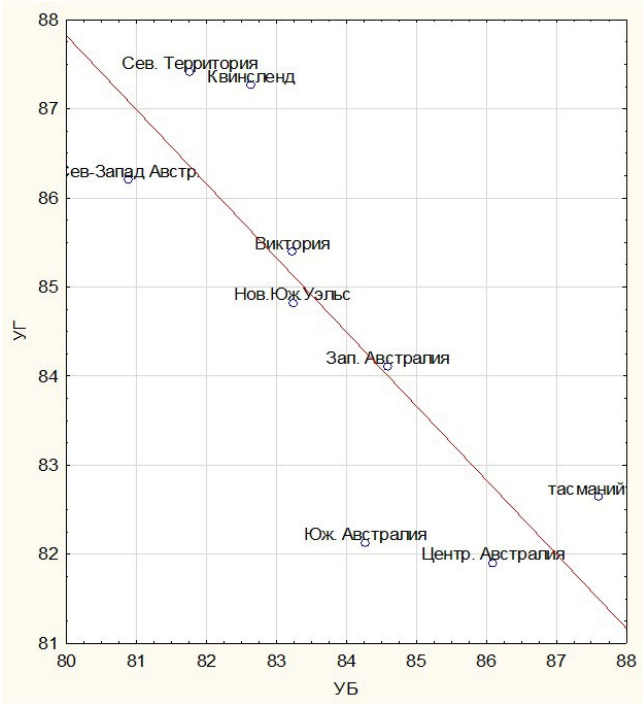

Рис.4. Корреляционное поле изменчивости указателей ширины (УБ) и высоты (УГ) изучаемых мужских краниосерий.

вторая – в Северной Австралии. Краниосерии юго-восточной Австралии и Западной Австралии, занимают промежуточное положение между этими полярными вариантами. Тасманийцы значительно ближе к краниосериям кластеру австралийцев юга, юго-востока и центра континента, чем таковым севера и северо-запада.

Ниже представлено корреляционное поле изменчивости величин двух важных указателей формы черепа.

Здесь в верхнем левом углу фиксируются краниосерии севера и северо-запада континента: т.е. самые узкие и высокие по форме черепа. В противоположном нижнем правом углу – краниосерии Южной и Центральной Австралии и тасманийцы, самые относительно широкие и низкосводные.

По аналогичной схеме далее рассмотрим женские краниологические серии, исходные данные по которым взяты из той же работы А. Хрдлички (*Hrdlicka* 1928). К сожалению, среди женщин нет данных по аборигенам Центральной Австралии.

Таблица 3

Среднегрупповые величины метрических признаков австралийских аборигенов и тасманийцев (женские серии)

Территориальные группы	1	8	17	ОРВ
Южная Австралия – n=156	181,6	128,4	125,0	254,9
Виктория – n=49	181,4	128,7	128,2	256,8
Новый Южный Уэльс – n=44	179,4	129,6	129,8	255,9
Квинсленд – n=51	177,9	126,8	128,8	253,0
Северная Территория – n= 80	174,7	125,0	129,6	250,5
Северо-Западная Австралия – n=3	174,7	125,3	129,0	250,8
Западная Австралия – n=7	179,3	127,9	128,3	254,9
Тасманийцы – n=15	175,6	133,8	125,9	254,2
Число австралийских групп	7	7	7	7
Межгрупповая средняя	178,59	127,24	128,37	253,91
Межгрупповая дисперсия (σ)	2,63	1,99	1,62	2,32
Коэффициент вариации (V)	1,48	1,56	1,26	0,91

Наименьшая общая величина черепной коробки (ОРВ) среди женщин, так же, как и среди мужчин характерна для серий севера и северо-запада континента. Здесь ОРВ варьирует от 250,5 (Северная Территория) до 253,0 (Квинсленд), что несколько меньше средней межгрупповой величины в 253,91. Наибольшая величина этого параметра зафиксирована также, как и у мужчин на юго-востоке Австралии (Виктория и Новый Южный Уэльс) – ОРВ варьирует от 255,9 до 256,8. Несколько меньше величина этого параметра в сериях Южной, Западной Австралии и у тасманийцев.

Из основных диаметров черепной коробки у женщин в межгрупповом отношении менее всего варьирует величина высотного диаметра (у мужчин величина продольного диаметра).

Данные таблицы 3 как обычно иллюстрируются дендрограммой (рис. 5).

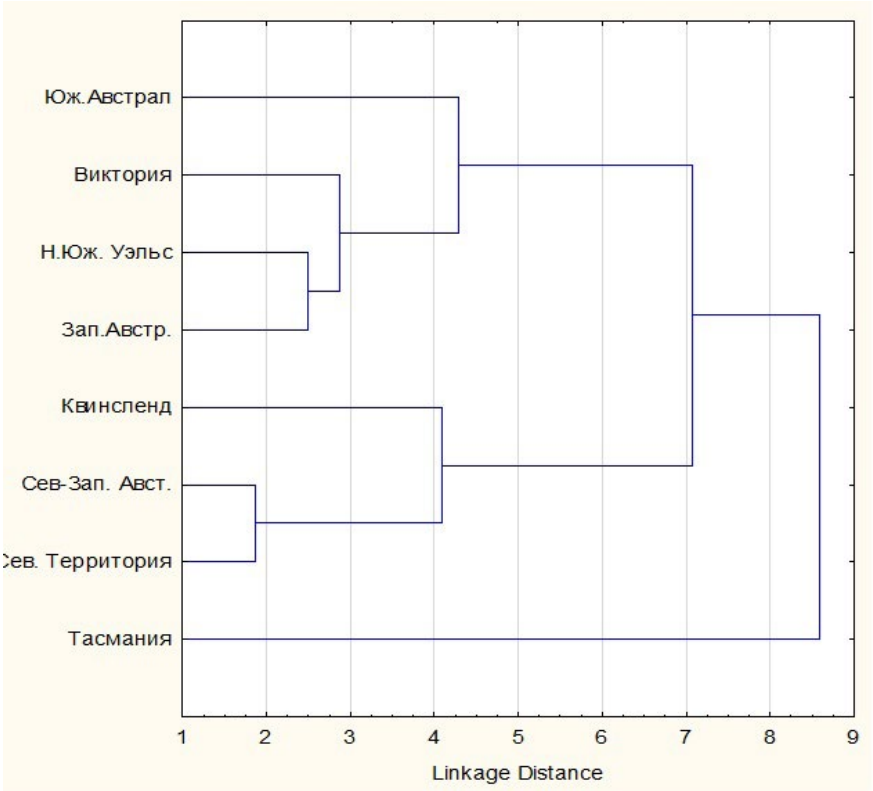

Рис. 5. Дендрограмма взаимного расположения австралийцев (женщины) различных территорий по параметрам 1, 8, 17 и ОРВ.

На дендрограмме (рис. 5) выделяются два кластера: первый объединяет австралийские группы юга, юго-востока и запада Австралии, а второй – серии Квинсленда, Северной Территории и северо-западной Австралии. То есть наблюдается картина принципиально сходная с той, которая представлена мужскими сериями. Однако серия тасманийцев-женщин, в отличие от серии тасманийцев-мужчин, по данным признакам, отдалена как от одного, так и от другого кластера австралийцев.

Далее на рис. 5 представлено парное корреляционное поле изменчивости наших серий по тем же двум метрическим признакам, которые использовались при изучении мужских серий.

Здесь, так же как, и в предшествующих графиках, явственно видно различие между краниосериями северных регионов континента и краниосериями его юга и юго-востока. Австралийки Квинсленда занимают промежуточное положение, между контрастно-различными группировками.

Серия тасманийцев - женщин и на дендрограмме и на данном графике расположена совершенно отдельно от всего массива австралийских серий.

Далее в таблице 4 даны величины параметров, характеризующие форму черепной коробки в женских сериях.

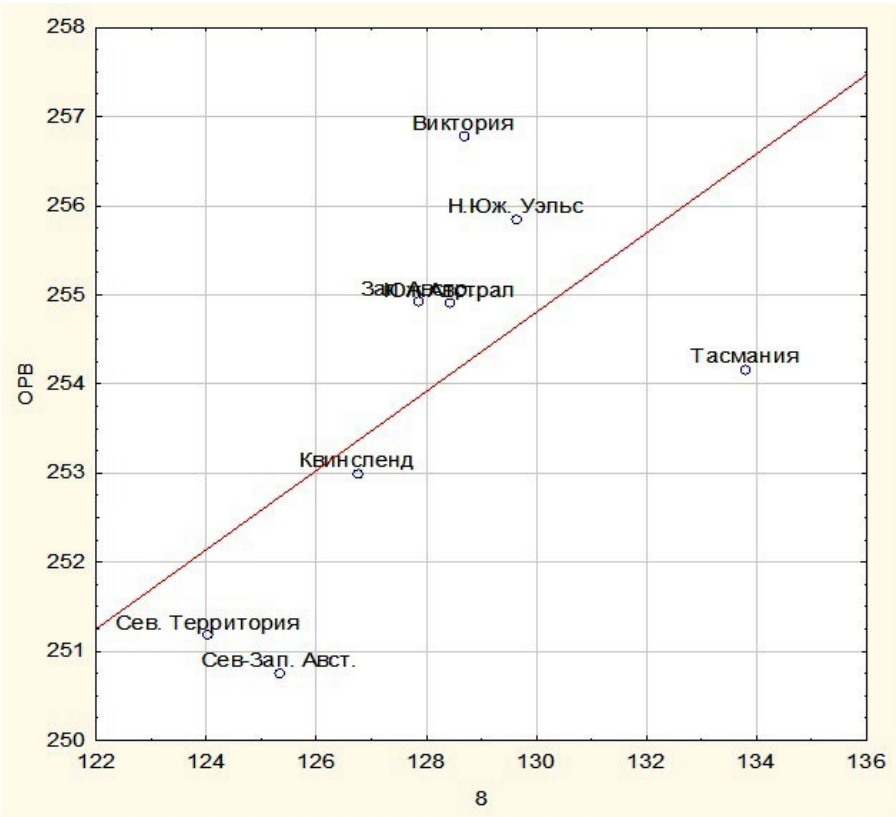

Рис.6. Корреляционное поле изменчивости общей величины черепной коробки (ОРВ) и её ширины (8) изучаемых женских краниосерий.

Таблица 4

Среднегрупповые величины параметров формы черепной коробки австралийских аборигенов и тасманийцев (женские серии)

Территориальные группы	**8:1**	**17:8**	**УД**	**УБ**	**УГ**
Южная Австралия – n=155	70,3	97,5	143,4	85,2	82,0
Виктория – n=49	71,0	99,7	141,4	84,5	83,9
Новый Южный Уэльс – n=44	72,3	100,3	138,7	84,9	85,1
Квинсленд – n=51	71,3	101,7	139,4	83,8	85,8
Северная Территория – n=80	71,6	103,6	137,6	83,2	87,6
Северо-Западная Австралия – n=3	71,8	103,0	137,4	83,5	87,3
Западная Австралия 1, – n=7	71,4	100,5	140,0	84,4	84,8
Тасманийцы – n=15	***76,3***	***94,1***	***135,3***	***90,1***	***82,2***
Число австралийских групп	7	7	7	7	7
Межгрупповая средняя	71,3	101,0	139,8	84,1	85,3
Межгрупповая дисперсия (σ)	0,60	2,28	1,99	0,99	1,98
Коэффициент вариации (V)	0,84	2,59	1,42	1,18	2,32

Для всех женских серий, как и для мужчин австралийцев характерна долихокрания.

Здесь также, как и среди мужских серий, наименьшая межгрупповая изменчивость фиксируется у признаков, связанных с шириной черепной коробки: черепного указателя (8:1, σ=0,60) и указателя брахиоидности (УБ, σ=0,99). Наибольшая изменчивость характерна для параметров, связанных с высотой черепной коробки (17:8, ***σ=2,28*** и УГ, ***σ=1,98***).

В отличие от всех женских серий австралийцев, сравниваемая с ними серия тасманиек мезокранная (8:1 = 76,3, УБ=90,1).

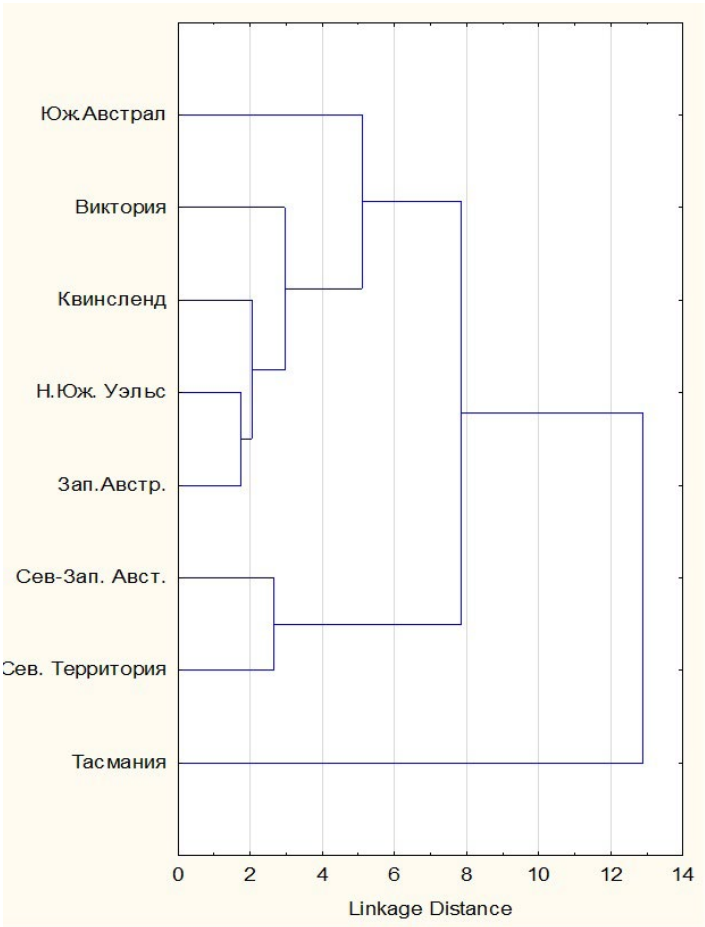

Рис. 7. Дендрограмма взаимного расположения австралийцев (женщин) различных территорий по параметрам ЧУ, ВПУ, УД, УБ. УГ.

Следующая дендрограмма (рис. 7) иллюстрирует взаиморасположение изучаемых женских территориальных серий по признакам формы черепа.

Согласно рис. 7, по форме черепной коробки различных территориальных серий австралийцев практически повторяется картина предыдущей дендрограммы (рис. 6), т.е. от основного массива австралийских серий наиболее отделена серия тасманийцев, а затем серии северо-запада Австралии и Северной Территории.

Далее рассмотрим изменчивость важнейших признаков формы черепной коробки (УБ и УГ) на парном корреляционном поле (рис. 8).

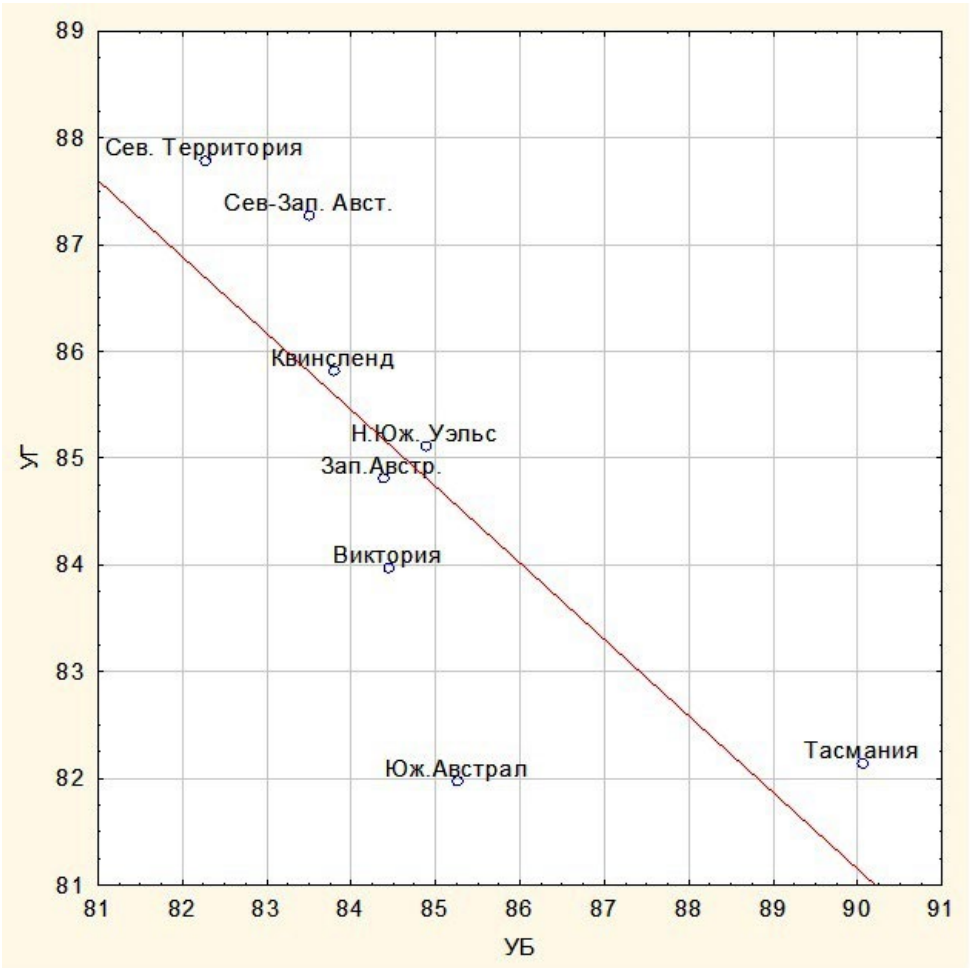

Рис. 8. Корреляционное поле изменчивости указателей ширины (УБ) и высоты (УГ) изучаемых женских краниосерий.

Здесь сразу бросается в глаза отличие двух краниосерий от основного массива. Женщины-тасманийцы занимают крайний нижний левый угол графика – в этой серии черепа по форме относительно австралийцев очень широкие и низкие. Другая отличительная женская краниосерия – группа черепов Южной Австралии, таких же низкосводных, как тасманийцы, и по указателю брахиоидности (УБ) превышающая другие серии женщин австралиек.

Основной массив краниосерий австралийских женщин демонстрирует ту же закономерность, что и мужчины: краниосерии Северной Территории и северо-западной Австралии отличаются от краниосерий юго-востока и запада более высокой формой черепа (величиной параметра УГ). Серия Квинсленда здесь, как и в других случаях занимает промежуточное положение.

Таким образом, согласно приведенному анализу краниосерии аборигенов Австралии отчетливо делятся на две основные группы: **первая** обычно объединяет серии южной, центральной и юго-восточной Австралии, а **вторая** – серии северной, северо-западной и иногда западной.

Тасманийцы, и мужчины, и, особенно, женщины заметно отличаются от всех групп австралийских аборигенов, но их черепа обнаруживают некоторое морфологическое сходство к территориально близким им южным и юго-восточным краниосериям австралийцев. Тасманийцы-женщины резко отличаются от всех австралийских краниосерий как по основным абсолютным размерам, так и по форме черепной коробки.

Выводы

1. Согласно приведённым данным, и среди мужчин, и среди женщин наиболее крупноголовые серии находятся на юге континента (Виктория, Новый Южный Уэльс, Южная Австралия), а наиболее мелкоголовые серии на севере (Квинсленд, Северная Территория, северо-западная Австралия). Краниосерии Центральной Австралии (мужчины) тяготеют в этом отношении к югу континента, а краниосерии Западной Австралии к северу.
2. По особенностям формы черепной коробки особенно выделяется краниосерия Южной Австралии. Здесь черепа абсолютно и относительно наиболее удлинённые и низкосводные. Этим серия отличается от юго-восточных краниосерий Виктории и Нового Южного Уэльса и сближается с малочисленной мужской серией Центральной Австралии.
3. Для серий севера континента (Квинсленд и Северная Территория) кроме отмеченной ранее малой величины черепов характерна их максимальная высокосводность.
4. По этим данным можно предположить следующую последовательность основных миграционных волн на континенте – их было не менее двух.
5. Черепа ранних мигрантов были относительно крупными и низкосводными, они наиболее характерны для Южной Австралии, из которой они в дальнейшем проникали на север, в аридную зону Центральной Австралии.
6. Вторая крупная волна миграции маркируется мелкоголовыми высокосводными черепами, характерными для севера континента (Квинсленд и, особенно, Северная Территория и северо-запад Австралии).
7. Краниосерии юго-востока Австралии (наиболее комфортной зоны для обитания человека) видимо представляют собой метисов этих двух миграционных волн. Максимальная величина черепов здесь вероятно объясняется феноменом гетерозиса.
8. Аборигенное население Западной Австралии краниологически более сходно с таковыми Северной Территории, но, по нашим данным, у него есть также некоторое сходство с аборигенами Центральной и Южной Австралии. Следовательно, здесь, видимо, также столкнулись популяции первой и второй волн заселения континента.
9. Тасманийцы в краниологическом отношении занимают независимое положение среди серий австралийских аборигенов. Особенно это характерно для тасманийцев - женщин. Можно предположить, что тасманийцы представляют собой реликт самой ранней волны заселения человечеством материка Сахул. В дальнейшем, в результате послеледниковой трансгрессии моря, образовался Бассов пролив, отделивший Тасманию от австралийского континента. Вследствие этого тасманийцы оказались в изоляции от процессов, проходив-

ших на территории собственно Австралии, что предопределило их культурное и антропологическое отличие от австралийских аборигенов.

Научная литература

Артёмова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М.: Наука, 1987.

Кабо В.Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Наука, 1969.

Пестряков А.П. Австралоидная раса // Большая Российская энциклопедия (БРЭ), т.I, М., 2005.

Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. Ежегодник № 30. М.: Наука, 2004. С. 86–131.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. Высшая школа. М., 1978.

Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М.: Прогресс, 1989.

Alexejev V.P. Craniological material from new Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula // Anthropologie. Moravske Muzeum – Ustav Anthropos. Brno, 1973. Pp. 201–248.

Howells W. Anthropometry of the natives of Arnhem Land and the Australian race problem. Papers of Peabody museum of American archaeology and ethnology, Harvard university. Vol. XVI. № I Cambridge, Massachusetts, 1937.

Hrdlicka A. Catalogue of human crania in the United States national museum collectilns. Procceedings of the of the United States national museum. Vol. 71, Washington, 1928.

Margetts B.M., Freedman L. Morphometrics of Western Australians aboriginal skulls. Rec. West. Aust. Mus., 1977. Vol. 6 (1). Pp. 63–104.

Milicerowa Halina Crania Australica. «Panstwowe Wydawnictwo Naukowe» – Wroclaw, 1955.

Morant G. A study of the Australian and Tasmanian skulls based on previously published previously published measurements. Biometrica, 1927. Vol. XIX. Part III–IV.

References

Alexejev, V.P. 1973. Craniological material from new Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula. *Anthropologie*, 201-248. Moravske Muzeum - Ustav Anthropos. Brno.

Artyomova, O.Yu. 1987. *Lichnost' i sotsial'nyye normy v rannepervobytnoy obshchine*. [Personality and social norms in an early primitive community]. Moscow: Nauka.

Howells, W. 1937.Anthropometry of the natives of Arnhem Land and the Australian race problem. Papers of Peabody museum of American archaeology and ethnology. *Harvard university,* I Cambridge, Massachusetts: XVI.

Hrdlicka, A. 1928. *Catalogue of human crania in the United States national museum collectilns.* Procceedings of the of the United States national museum. Washington: 71.

Kabo, V. R. 1969. *Proiskhozhdeniye i rannyaya istoriya aborigenov Avstralii* [Origin and early history of Aboriginal Australia]. Moscow: Nauka.

Margetts, B.M., L. Freedman. 1977. Morphometrics of Western Australians aboriginal skulls. Rec. *West. Aust. Mus.,* 6 (1): 63–104.

Milicerowa, Halina 1955. *Crania Australica. «Panstwowe Wydawnictwo Naukowe».* Wroclaw.

Morant, G. 1927. *A study of the Australian and Tasmanian skulls based on previously published previously published measurements*. Biometrica. Vol. XIX. Part III–IV.

Pestryakov, A.P. 2005. Avstraloidnaya rasa [Australoid race]. In *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya (BRE).* Moscow: I: 114.

Pestryakov, A.P., O.M. Grigoriyeva. 2004. Kraniologicheskaya differentsiatsiya sovremennogo naseleniya [Craniological differentiation of the modern population]. In *Rasy i narody*. YEzhegodnik 30: 86–131. Moscow: Nauka.

Roginskiy, Ya.Ya., M.G. Levin. 1978. *Antropologiy*a [Anthropology]. Moscow: Vysshaya shkola.

Rouz, F. 1989. *Aborigeny Avstralii. Traditsionnoye obshchestvo* [Australian Aborigines. Traditional society]. Moscow: Progress.

Aleksandr P. Pestriyakov, Olga M. Grigorieva, Yulia V. Pelenitsina. **Australian Aborigines: geographical variability of craniological features**

This work is devoted to the study of craniological traits of Australian aborigines (male and female samples) and their geographical differentiation applying a special program of cranial traits. According to the craniological classification (Pestryakov, Grigorieva, 2004), native population of Australia belongs to the Tropid craniotype, i.e. is characterized by a relatively small size and long, narrow and relatively high form of the skull. The primary settlement of the Australian continent could only origin in the North. There are two contrasting craniotypes in Australia, which probably reflect the two main waves of the aboriginal migration across the continent. The skulls of the first migratory wave were larger and relatively low-vaulted. They are mostly characteristic of the aborigines of South Australia, who later also migrated to the north, to the arid zone of Central Australia. The second major wave is characterized by smaller high-vaulted skulls, which are now characteristic of the population of the north of the continent (Queensland and, especially, the Northern Territory and North-West Australia). The territory of the southeast of Australia (Victoria and New South Wales states) is the most favorable area for human living. The two main migratory waves mixed there, which led to the observed craniological heterosis. The craniological samples of western and northwestern Australia are also of mixed origin, but are more comparable to the Northern Territory groups. The Tasmanians are significantly different from the General Australian population in terms of craniology. This is especially true for the female sample. Perhaps the ancestors of the Tasmanians represented the very first settlement wave of the ancient Sahul continent, before the separation of the island from the mainland

Key words: *craniology, craniotype, tropids, the Australian aborigines, the migratory wave*

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/268-285

© В.В. Куфтерин, Е.В. Волкова

ФИЗИЧЕСКИЙ ТИП НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ПО ДАННЫМ ОСТЕОМЕТРИИ (МАТЕРИАЛЫ НОВО-САСЫКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА)*

В работе представлены результаты остеометрического исследования серии посткраниальных скелетов (22 мужских и 30 женских) из Ново-Сасыкульского могильника пьяноборской культуры в Нижнем Прикамье. Памятник датируется I – рубежом II–III вв. н.э. Суммарно население, оставившее могильник, характеризуется мезоморфным (с тенденцией к некоторой долихоморфии) типом телосложения и средней или выше средней длиной тела. Результаты внутригруппового анализа позволяют высказать предположение о смешанном характере группы. Итоги межгруппового канонического дискриминантного анализа демонстрируют наибольшее сходство посткраниальных скелетов из Ново-Сасыкуля с мазунинскими группами (Покровский, Дубровский и Боярский «Арай» могильники), а также пьяноборской серией из могильника Старый Чекмак. Последний тезис не относится к женским посткраниумам из Старого Чекмака, которые характеризуются достаточно «гармоничным» соотношением длин сегментов конечностей и не показывают тенденцию к относительному удлинению голени. Некоторое повышение крурального указателя, согласно полученным результатам, может являться специфической особенностью прикамских групп пьяноборско-мазунинского времени

Ключевые слова: *физическая антропология, остеометрия, пьяноборская культура, ранний железный век, Нижнее Прикамье, Ново-Сасыкульский могильник*

Введение

Население Прикамья рубежа эр, соотносимое с носителями пьяноборской (чегандинской) культуры, будучи хорошо исследованным краниологически, совер-

Куфтерин Владимир Владимирович – к.б.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: vladimirkufterin@mail.ru. **Vladimir V. Kufterin** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: vladimirkufterin@mail.ru.

Волкова Елизавета Валерьевна – младший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия). Эл. почта: erminea.wolf@gmail.com. **Elizaveta V. Volkova** – Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia). E-mail: erminea.wolf@gmail.com.

* Работа выполнена на базе Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00113-мол_а «Этнокультурная атрибуция населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа (по материалам Ново-Сасыкульского могильника)»).

шенно не изучено в отношении особенностей посткраниальной морфологии. Исключением является небольшая предварительная публикация Е.В. Волковой материалов могильника Старый Чекмак (*Волкова* 2018). На фоне имеющихся данных по остеометрии более позднего мазунинского населения (*Рыкушина, Тихонов* 2000; *Широбоков, Черных* 2016; *Широбоков и др.* 2018), такая ситуация представляется не удовлетворительной. В настоящей публикации в научный оборот вводятся результаты остеометрического исследования серии посткраниальных скелетов из Ново-Сасыкульского могильника (Бакалинский район Республики Башкортостан), который представляет собой опорный памятник пьяноборской культуры в Нижнем Прикамье (*Воробьёва, Куфтерин* 2019). Могильник является наиболее полно исследованным пьяноборским некрополем. Его материалы могут быть датированы I – рубежом II–III вв. и в настоящее время находятся на хранении в Национальном музее Республики Башкортостан (*Воробьёва, Куфтерин* 2019). В краниологическом отношении «ново-сасыкульцы» демонстрируют мезоморфный, субдолихокранный, среднешироколицый европеоидный тип, с ослабленным выступанием носовых костей, характерный для материалов из других пьяноборских могильников (*Куфтерин* 2020). Приводимые в публикуемой работе остеометрические данные позволяют более полно охарактеризовать особенности физического типа населения, оставившего Ново-Сасыкульский могильник, а также представляют новые материалы к изучению посткраниальной морфологии носителей пьяноборской культуры в целом.

Материалы и методы

Исследованную серию составляют посткраниальные скелеты 52 индивидов (22 мужчин и 30 женщин), которые были измерены по методике Р. Мартина (*Алексеев* 1966) в рамках остеологического бланка Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая образца 1965 г. В работе использован 41 остеометрический признак (не измерялись кости таза), 13 производных от них указателей, а также 5 индексов, характеризующих конституциональные особенности. Реконструкция длины тела производилась с опорой на продольные параметры бедренной кости (формулы Пирсона – Ли и Троттер – Глезер), а также остеологическую длину нижней конечности (формула Бунака). Отметим, что, несмотря на хорошую или удовлетворительную сохранность, комплектность абсолютного большинства скелетов плохая (представлены элементы зачастую только одной стороны, причем не всегда исключительно правой или исключительно левой). Последнее обстоятельство существенно осложняет проведение полновесного внутригруппового анализа, в том числе, рассмотрение показателей асимметрии. Таким образом, серия анализировалась, большей частью, по средним характеристикам.

Оценка абсолютных значений признаков в общемировом и североевразийском масштабах проводилась с опорой на методические разработки и рубрикации В.В. Бунака (*Мамонова* 1986), А.Г. Тихонова (1997), М.Б. Медниковой (1998) и Д.В. Пежемского (2011). Расчет описательных статистик произведен с использованием программного пакета AtteStat, представляющего собой надстройку стандартного приложения MS Excel. Межгрупповая изменчивость остеометрических признаков для определения положения пьяноборской серии из Ново-Сасыкуля в системе посткраниальных размеров населения раннего железного века и раннего средневековья,

исследована с применением канонического дискриминантного анализа (пакет программ Statistica 12.0) по 8 параметрам, характеризующим элементы длиннотного комплекса и комплекса массивности (обхваты костей). При проведении канонического анализа применялись средние по сериям, а не индивидуальные размеры, что обусловлено особенностью представления первичных данных в ряде публикаций. Использовались значения преимущественно по правой стороне, а в случае их отсутствия восполнялись таковыми по левой без поправок.

Результаты и обсуждение

Остеометрические характеристики мужских и женских скелетов из Ново-Сасыкульского могильника представлены в таблицах 1 и 2.

Продольные параметры длинных костей мужских скелетов суммарно характеризуются средними величинами. Суммарная длина ключиц также средняя. Периметры (обхваты) плечевой и большеберцовой костей малые, бедренной – средние. Массивность костей по указателям описывается как средняя (для лучевой кости соответствующий индекс приближается к верхней границе групповых средних). Небольшие величины среднеквадратических отклонений по указателям свидетельствуют о преобладании в исследуемой серии нормостенических вариантов по комплексу массивности. Форма поперечного сечения диафизов плечевых костей в целом в пределах средних величин, с вариациями от платибрахии до резкой эврибрахии. Лучевые кости довольно уплощенные (нижняя граница групповых средних), локтевые суммарно характеризуются эуролением (при наличии платоленных вариантов). Пилястр бедренных костей выражен слабо, верхняя часть их диафизов скорее платимерная, при значительных вариациях соответствующего указателя. Форма сечения диафизов большеберцовых костей суммарно характеризуется мезо- или эурикнемией. Длина тела (164-169 см), по рубрикации Мартина, средняя или несколько выше средней. Тип пропорций реконструируется как мезоморфный, со средними соотношениями длин сегментов конечностей (несколько повышенная в североевразийском масштабе величина крурального указателя может свидетельствовать о тенденции к некоторому удлинению голени относительно бедра).

Таблица 1

Морфометрическая характеристика костей посткраниального скелета из Ново-Сасыкульского могильника. Мужчины

Признак	Правая					Левая				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Плечевая кость										
H1	13	317,6	301	339	10,59	16	316,1	288	350	15,70
H2	13	311,2	295	332	10,14	16	311,4	284	345	15,29
H3	13	50,4	47	55	2,22	14	50,1	46	55	2,79
H4	13	62,5	58	66	2,67	18	62,3	55	69	3,61

Таблица 1 (продолжение)

Признак	Правая					Левая				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Плечевая кость										
H5	14	23,2	21	28	1,66	18	22,8	20	28	2,02
H6	14	18,1	16	21	1,36	18	18,1	15	21,5	1,50
H7	14	62,5	59	67	2,44	18	62,0	56	71	4,17
H7a	14	67,3	61	75	3,91	18	66,8	60	77	4,90
H6:5	14	78,3	67,9	91,3	5,69	18	79,7	71,4	93,5	5,61
H7:1	13	19,7	18,2	21,6	1,12	16	19,7	17,9	21,9	1,13
Лучевая кость										
R1	12	243,8	234	259	8,21	13	248,1	232	265	9,68
R2	12	230,6	219	247	8,74	13	236,2	221	251	9,65
R4	13	16,3	14	20	1,73	14	16,6	14	20	1,57
R5	13	11,7	11	13	0,75	14	12,1	11	13,5	0,78
R3	13	41,4	38	47	2,43	14	41,4	38	48	2,82
R5:4	13	72,5	61,1	86,7	7,99	14	72,9	62,9	80,0	5,19
R3:2	12	18,0	16,4	20,1	1,10	13	17,6	15,9	19,4	1,01
Локтевая кость										
U1	10	268,3	255	280	7,86	12	270,3	253	290	10,63
U2	11	236,7	223	251	8,84	15	237,5	221	253	10,92
U11	13	13,5	12	15	0,88	17	13,6	11	16	1,37
U12	13	16,2	15	19	1,30	17	16,8	13,5	19	1,63
U13	13	20,5	18	23	1,53	17	20,5	17	25	1,96
U14	13	24,3	21	27	1,91	17	25,0	21	30	2,25
U3	12	36,4	33	40	1,98	16	37,5	33	42	3,50
U3:2	11	15,4	14,3	17,0	0,94	15	15,7	13,0	17,7	1,58
U11:12	13	83,8	68,4	93,3	7,44	17	81,1	68,8	100,0	7,17
U13:14	13	84,6	73,1	100,0	8,19	17	82,3	65,4	100,0	9,65

Таблица 1 (продолжение)

Признак	Правая					Левая				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Ключица										
Cl1	16	149,0	136	159	6,86	12	150,0	129	162	9,36
Cl6	17	37,4	30	45	3,74	13	35,5	28	42	4,14
Cl6:1	16	25,2	19,1	29,6	2,47	12	24,1	21,2	30,4	2,72
Бедренная кость										
F1	11	445,3	413	483	19,78	15	443,3	397	493	24,49
F2	11	440,0	406	479	20,49	15	438,9	389	490	25,33
F21	11	80,1	75	86,5	3,34	16	79,3	69	86,5	4,45
F6	13	28,2	26	31	1,59	17	28,8	25	33	2,19
F7	13	27,2	25	31	1,63	17	27,3	24	30	1,82
F9	13	31,2	29	34	1,69	17	30,5	26	33	1,66
F10	13	26,2	24	29	1,68	17	26,3	24	30	1,93
F8	13	86,2	79	92	4,04	17	87,4	76	97	5,67
F8:2	11	19,8	18,6	21,2	0,89	15	20,0	18,2	21,7	1,07
F6:7	13	104,0	93,5	114,8	6,18	17	105,8	93,1	116,0	5,90
F10:9	13	83,8	77,4	96,7	5,29	17	86,4	72,7	96,8	6,42
Большая берцовая кость										
T1	15	359,9	339	386	16,62	15	358,5	331	393	17,68
T1a	15	364,0	342	391	16,42	15	364,9	336	402	17,72
T3	15	75,1	69	83	3,56	15	74,5	64	82	4,41
T6	15	50,5	46	56	2,33	15	50,7	47	54	2,34
T8	15	29,1	25	31	1,55	15	29,0	24	34	2,42
T8a	15	33,0	30	36	1,93	15	34,0	29	42	3,08
T9	15	21,5	18	24	1,73	15	21,4	18,5	27	2,33
T9a	15	23,3	20	28	2,13	15	23,2	19	29	2,45
T10	15	79,3	71	84	3,77	15	80,1	72	93	5,83
T10b	15	70,7	67	78	3,41	15	70,9	64	84	4,89
T9a:8a	15	70,9	60,6	84,8	6,86	15	68,4	60,6	86,2	6,23
T10b:1	15	19,7	17,7	22,1	1,34	15	19,8	18,2	21,8	1,10
Малая берцовая кость										
Fib1	8	352,5	325	375	17,59	12	356,8	337	390	15,36

Таблица 1 (продолжение)

Признак	Правая					Левая				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Указатели и длина тела										
H1+R1/F2+T1	8	71,2	69,0	74,6	1,81	7	70,5	67,6	73,2	1,77
T1:F2	10	81,9	77,9	87,3	2,63	11	81,2	78,2	86,4	2,79
R1:H1	10	76,9	74,6	80,0	1,47	12	77,5	75,0	80,8	1,84
H1:F2	10	72,9	70,6	76,5	1,86	12	72,3	69,9	74,4	1,35
R1:T1	9	68,3	65,9	72,2	2,09	9	68,6	64,8	72,9	2,37
Пирсон, Ли, F1	11	165,0	159,0	172,1	3,71	15	164,7	155,9	174,0	4,61
Троттер, Глезер, F1	11	168,8	161,3	177,6	4,60	15	168,4	157,6	179,9	5,69
Бунак, F1+T1	10	165,2	159,2	172,7	4,32	11	165,3	156,8	175,1	5,18

Продольные параметры длинных костей женских скелетов, в частности, плечевых и бедренных, средние. Обхватные – для проксимальных сегментов малые или очень малые, для большеберцовой кости – скорее средние. Массивность костей, судя по указателям, также средняя. Ключицы среднедлинные и среднемассивные. Плечевые кости в поперечном сечении довольно уплощенные (при вариациях от платидо эврибрахии), лучевые – в целом, также уплощены значительно. Форма сечения верхней части диафиза локтевых костей – на границе платоленных и эуроленных вариантов. Пилястр на бедренных костях практически не выражен, верхняя часть их диафизов, соответственно также улощенная (платимерия). Верхняя часть диафиза больших берцовых расширена (эурикнемия), при наличии в серии платикнемичных вариантов строения. Длина тела (154-157 см), суммарно, как и у мужчин, средняя или несколько выше средней. Пропорции характеризуются как мезоморфные, с некоторой тенденцией (в североевразийском масштабе) к укорочению бедра относительно плеча и голени.

Таблица 2

Морфометрическая характеристика костей посткраниального скелета из Ново-Сасыкульского могильника. Женщины

Признак	**Правая**					**Левая**				
	N	**M**	**Min**	**Max**	**SD**	**N**	**M**	**Min**	**Max**	**SD**
Плечевая кость										
H1	13	301,3	275	317	14,45	17	299,8	267	327	14,92
H2	13	296,4	272	314	14,15	17	295,7	264	324	15,04
H3	12	44,9	41	48	2,02	17	46,1	41	51	2,60

Таблица 2 (продолжение)

Признак	Правая					Левая				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Плечевая кость										
H4	14	56,0	49	60,5	3,53	17	58,5	48	65,5	4,21
H5	14	21,2	18	23	1,46	17	21,4	19	23	1,29
H6	14	15,7	13	18	1,60	17	16,3	14	19	1,55
H7	14	55,1	49	61	3,38	17	56,8	50	63	3,42
H7a	14	60,8	50	66	4,82	17	61,6	56	67	3,44
H6:5	14	74,1	62,2	81,8	5,15	17	76,4	65,2	90,5	6,09
H7:1	13	18,4	16,8	20,7	1,10	17	19,0	16,9	20,9	1,06
Лучевая кость										
R1	11	229,6	210	252	13,15	17	230,3	197	272	16,48
R2	11	218,3	199	242	12,92	17	218,2	186	260	16,58
R4	13	14,2	11	16	1,62	17	15,0	13	17	1,39
R5	13	10,4	9	12	0,76	17	10,7	9	12	0,73
R3	13	34,5	30	38	2,33	17	36,1	31	43	3,35
R5:4	13	73,8	62,5	82,8	6,84	17	71,9	63,6	84,6	5,79
R3:2	11	15,8	13,2	17,6	1,35	17	16,6	13,3	19,4	1,47
Локтевая кость										
U1	10	249,2	233	270	12,42	13	255,0	236	291	14,59
U2	10	220,8	205	236	10,65	14	225,4	206	265	15,34
U11	12	11,6	10	13	0,98	14	11,7	10	14	1,14
U12	12	14,4	12	16	1,22	14	15,6	13	18	1,55
U13	12	18,0	14	21	2,22	14	18,9	14	23	2,70
U14	12	22,5	20	25	1,58	14	23,6	20	27	2,15
U3	11	33,0	28	38	3,32	14	33,3	29	40	3,05
U3:2	10	15,2	13,1	16,4	1,26	14	14,8	12,0	17,5	1,46
U11:12	12	80,9	71,0	92,9	6,15	14	74,8	64,7	82,4	4,67
U13:14	12	80,1	60,9	95,5	9,15	14	79,8	66,7	95,8	8,17
Ключица										
Cl1	15	136,7	118	155	12,12	13	137,6	127	150	6,03
Cl6	16	32,3	27	37	2,87	13	33,0	28	38	3,83
Cl6:1	15	23,8	20,3	27,2	2,18	13	24,0	20,9	28,4	2,69

Таблица 2 (продолжение)

Признак	Правая					Левая				
	N	**M**	**Min**	**Max**	**SD**	**N**	**M**	**Min**	**Max**	**SD**
Бедренная кость										
F1	9	416,8	399	454	16,71	17	414,9	370	452	23,98
F2	9	412,3	394	450	16,86	17	410,9	362	449	24,23
F21	9	75,2	72	78,5	2,60	17	73,0	64	79	4,43
F6	9	25,9	25	28	1,05	17	25,6	21	30	2,58
F7	9	26,2	23	28	1,48	17	25,6	20	30	2,46
F9	9	31,0	28	33	1,80	17	29,6	23	33	2,51
F10	9	24,0	21	26	1,66	17	23,6	19	26	2,26
F8	9	80,3	75	87	3,39	17	78,6	64	89	6,77
F8:2	9	19,5	18,0	20,8	0,86	17	19,1	17,5	20,6	0,87
F6:7	9	98,9	96,2	108,7	4,10	17	100,4	84,6	125,0	10,62
F10:9	9	77,6	65,6	86,7	6,33	17	79,9	63,3	96,3	8,13
Большая берцовая кость										
T1	12	344,5	319	372	16,41	14	341,8	290	390	27,21
T1a	12	349,3	325	376	16,44	14	347,8	296	398	27,40
T3	12	69,0	66	73	2,09	14	68,4	58	76	4,63
T6	12	46,7	45	49	1,23	12	46,4	41	50	3,06
T8	12	27,0	24	30	1,77	14	26,3	22	30	2,66
T8a	12	30,3	27	34	2,31	14	30,0	26	34,5	3,12
T9	12	19,7	17	22	1,50	14	19,3	15,5	22,5	1,99
T9a	12	22,0	19	26	1,91	14	21,5	17	27	2,54
T10	12	72,8	66	80	4,15	14	72,6	63	86	6,81
T10b	12	66,3	60	74	3,67	14	64,6	55	75	5,36
T9a:8a	12	72,8	61,8	82,1	7,45	14	71,9	61,8	88,9	7,67
T10b:1	12	19,3	16,9	21,4	1,37	14	18,9	16,4	20,9	1,11
Малая берцовая кость										
Fib1	7	331,7	314	358	17,02	11	337,2	286	377	24,77
Указатели и длина тела										
H 1 + R 1 / F2+T1	4	71,2	70,2	71,9	0,76	9	70,4	69,0	72,6	1,03
T1:F2	8	84,5	81,0	89,2	2,31	13	82,8	78,6	88,4	2,30

Таблица 2 (продолжение)

Признак	Правая					Левая				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Указатели и длина тела										
R1:H1	9	77,0	69,9	80,0	3,17	15	76,9	71,6	83,2	3,21
H1:F2	5	74,5	72,3	75,8	1,46	10	72,7	70,8	75,7	1,64
R1:T1	7	68,0	67,0	69,6	0,93	10	67,7	65,5	69,7	1,26
Пирсон, Ли, F1	9	153,9	150,4	161,1	3,25	17	153,6	144,8	160,8	4,67
Троттер, Глезер, F1	9	157,0	152,7	166,2	4,11	17	156,6	145,5	165,7	5,93
Бунак, F1+T1	8	156,8	152,2	161,3	3,08	13	156,1	145,3	162,4	5,68

Анализ внутригрупповой изменчивости остеометрических признаков в Ново-Сасыкульской серии, как уже отмечалось, существенно осложняется плохой комплектностью большинства скелетов (представленных, зачастую, костями только верхней или только нижней конечности). В связи с этим, рассмотрение группы на индивидуальном уровне, а тем более, применение многомерных методов для формализованного внутригруппового анализа, представляется не целесообразным, если вообще принципиально осуществимым. Показатели дисперсии ожидаемо велики для продольных размеров практически всех костей (особенно нижней конечности). Отметим, что у мужчин длины костей верхней конечности (в частности, предплечья) при этом варьируют нормально. Изменчивость поперечных и обхватных размеров костей в основном нормальная и у мужчин, и у женщин. Однако указатели сечения демонстрируют повышенную вариабельность, что маркирует различия не в абсолютных размерах поперечного комплекса, а в форме костей. Факт повышенной вариабельности продольных параметров на фоне довольно высокой изменчивости указателей сечения длинных костей позволяет высказать крайне осторожное предположение о том, что исследуемую группу следует признать смешанной.

Для сравнительного анализа особенностей посткраниальной морфологии пьяноборского населения были привлечены 28 мужских и 22 женские остеологические серии раннего железа – раннего средневековья, сгруппированные по географическому принципу (Прикамье, Волго-Уральский регион, Западная Сибирь, Алтай и Минусинская котловина, Тува, Юго-западный и северокавказский регионы, Средняя Азия). Перечень сравнительного материала и источники данных приводятся в таблице 3.

Таблица 3

Остеологические серии, использованные в сравнительном анализе

№	Серия / могильник	Культура	Датировка	Источник данных
1	Ново-Сасыкульский	Пьяноборская	I–II/III вв.	настоящая публикация
2	Старый Чекмак	»	I в. до н.э.–I в. н.э.	Волкова 2018; неопубликованные данные Е.В. Волковой
3	Покровский	Мазунинская	IV–V вв.	Рыкушина, Тихонов 2000
4	Боярский «Арай»	»	III–IV/V вв.	Широбоков, Черных 2016
5	Дубровский	»	IV–V вв.	Широбоков и др. 2018
6	Разные памятники (суммарно)	Савроматская	VII–IV вв. до н.э.	Фирштейн 1961; Медникова 1998
7	»	Раннесарматская	IV–II вв. до н.э.	Фирштейн 1970
8	Старые Киишки	»	II–I вв. до н.э.	Медникова 1998
9	Разные памятники (суммарно)	Среднесарматская	I в до н.э.–II в. н.э.	Фирштейн 1970
10	»	Позднесарматская	II–IV вв.	»
11	Покровка 10	»	»	Пежемский 2008
12	Разные памятники (суммарно)	Саргатская (ранний период саргатского этапа)	II в. до н.э.–рубеж эр	Ражев 2009
13	»	Саргатская (поздний период саргатского этапа)	рубеж эр–III в.	»
14	Абатский 3	Кашинская	IV–V вв.	»
15	Гришкин Лог	Тагарская (баиновский этап)	VII в. до н.э.	Медникова 1995
16	Разные памятники (суммарно)	Тагарская (подгорновский этап)	VI–IV вв. до н.э.	»
17	»	Тагарская (сарагашенский этап)	IV–III вв. до н.э.	»
18	Масляха 1, 2	Каменская (большереченская)	III–I вв. до н.э.	Рыкун 1997

Таблица 3 (продолжение)

№	Серия /могильник	Культура	Датировка	Источник данных
19	Барангол	Пазырыкская	V/IV–II вв. до н.э.	Бородовский, Тур 2015
20	Аймырлыг XXXI	«Сюнну», каменные ящики	III–I вв. до н.э.	Богданова, Радзюн 1991
21	Аймырлыг XXXI	«Сюнну», грунтовые могилы	»	»
22	Разные памятники (суммарно)	Скифы	VII–III вв. до н.э.	Дебец 1948; Зиневич 1967; Кондукторова 1972
23	Старокорсунское, хутор им. Ленина	Меоты	VI в. до н.э.– III в. н.э.	Абрамова 2017
24	Уллубаганалы	Кобанская	VII–VI вв. до н.э.	Тихонов 1996
25	Беслан	Аланская	III в.	Фризен, Фризен 2012
26	Николаевка-Казацкое	Поздние скифы	I в до н.э.– III в. н.э.	Кондукторова 1979
27	Разные памятники Украины (суммарно)	Сарматская	III в. до н.э.– III в. н.э.	Кондукторова 1956
28	Алтынасар, Томпака-сар, Косасар 2	Джетыасарская	последние века до н.э.– первые века н.э.	Ходжайов 1987; Медникова 1998
29	Гурмирон	кочевники	I в. до н.э.– I в. н.э.	Ходжайов 1980

Межгрупповой канонический дискриминантный анализ, как отмечалось, проведен по 8 остеометрическим признакам (наибольшие длины и наименьшие окружности плечевой и лучевой костей, длина в естественном положении и окружность середины диафиза бедренной, общая длина и наименьшая окружность большеберцовой). Элементы канонических векторов (КВ) для межгруппового анализа представлены в таблице 4.

У мужчин КВ I максимально связан с наименьшей окружностью лучевой и общей длиной большеберцовой костей, а также с наименьшей окружностью плеча, продольными параметрами бедренной и лучевой костей (последние три признака – с обратным знаком). КВ II дифференцирует группы по наименьшей окружности лучевой, общей длине и наименьшей окружности большеберцовой кости. Суммарно первые два вектора охватывают 90% (!) межгрупповой дисперсии.

У женщин КВ I делит группы по наименьшей окружности лучевой и общей длине большеберцовой костей в сочетании с обратными нагрузками на длину бедра и наименьшую окружность голени. КВ II связан с изменчивостью длины плеча. Эти векторы определяют около 80% межгрупповой изменчивости. Для женщин довольно значимым (почти 12% дисперсии) оказался и КВ III, определяющийся окружностями костей нижней конечности.

Таблица 4

Элементы канонических векторов (КВ) для межгруппового анализа остеометрических данных

Признак	Мужчины			Женщины		
	КВ I	**КВ II**	**КВ III**	**КВ I**	**КВ II**	**КВ III**
H1	0,038	0,326	1,669	– 0,429	0,991	– 0,336
H7	– 1,597	– 0,331	– 0,389	0,789	0,206	0,698
R1	– 1,114	– 0,313	– 1,920	0,240	0,546	– 0,113
R3	1,332	0,935	0,414	– 1,207	0,081	– 0,612
F2	– 1,050	– 0,713	0,435	0,969	– 0,513	– 0,174
F8	0,192	0,328	0,240	0,231	0,057	1,362
T1	1,377	1,415	– 0,059	– 2,278	– 0,140	– 0,082
T10b	0,503	– 1,541	– 0,336	1,079	– 0,667	– 1,031
% изменчивости	59,55	30,47	5,56	57,65	22,63	11,67

Нужно отметить, что полученные результаты расходятся с тезисом о том, что таксономическую ценность для межгруппового разграничения в раннем железном веке имеют признаки верхней конечности (*Медникова* 1998: 37). По всей видимости, не в меньшей степени межгрупповая вариабельность определяется изменчивостью продольных размеров и периметров костей ног.

В координатном пространстве первых двух векторов, мужские прикамские серии пьяноборского и мазунинского времени образовали компактное скопление ближе к центральной части графика (рис. 1). Они локализуются в области положительных значений и КВ I и КВ II, что может быть связано с относительным удлинением голени и повышенной массивностью предплечья в этих группах на фоне несколько укороченных лучевой и бедренной костей. Отметим, что по значениям КВ I полярные положения заняли саргатские выборки, специфика которых заключается в укороченных берцовых отделах (*Ражев* 2009: 138) и серии из южнорусских степей с прилегающими территориями, характеризующиеся, наоборот удлиненным дистальным сегментом нижней конечности. К Ново-Сасыкульской мужской серии в пространстве векторов наиболее близкой оказалась пьяноборская группа из могильника Старый Чекмак, которая также выделяется некоторым удлинением дистальных сегментов (голени) (*Волкова* 2018).

Рассмотрение взаимного расположения женских остеологических серий (рис. 2), дает возможность отметить, что женщины из Ново-Сасыкуля в наибольшей степени сближаются с выборкой из Боярского «Арай» могильника мазунинской культуры в Удмуртском Прикамье. Специфика женских прикамских серий (отрицательные значения КВ I и II) определяется, в общем-то, теми же признаками, что и мужских – удлинением голени и укорочением проксимальных сегментов (в данном случае, плеча) на фоне пониженной массивности бедренной и большеберцовой костей в сочетании с повышенной – лучевой. Женщины из старочекмакского могильника пьяноборской культуры, в отличие от мужчин, продемонстрировали обособленное положение на графике, что связано с более «гармоничным» вариантом соотношения длин сегментов конечностей в этой небольшой серии (*Волкова* 2018).

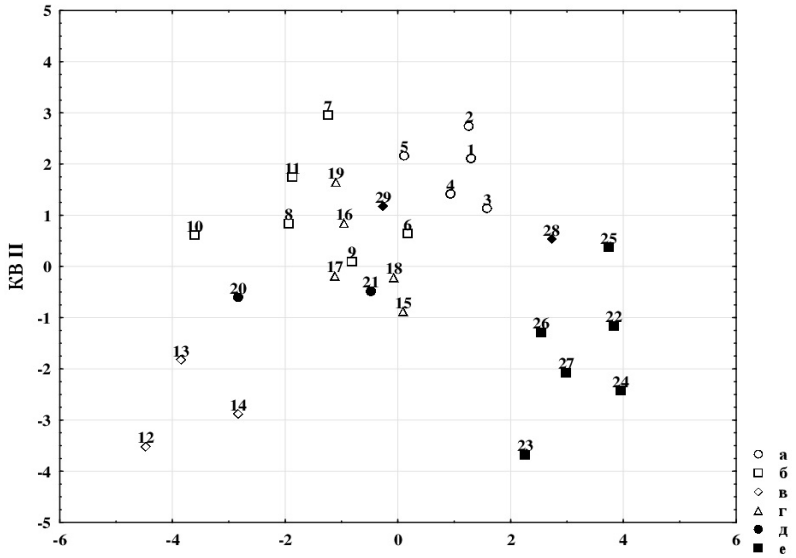

Рис. 1. Расположение мужских остеологических серий в пространстве I (КВ I) и II (КВ II) канонических векторов: а – Среднее и Нижнее Прикамье; б – Волго-Уральский регион; в – Западная Сибирь; г – Алтай и Минусинская котловина; д – Тува; е – Юго-западный и северокавказский регионы; ж – Средняя Азия. Номера сравниваемых групп соответствуют порядковым номерам в таблице 3.

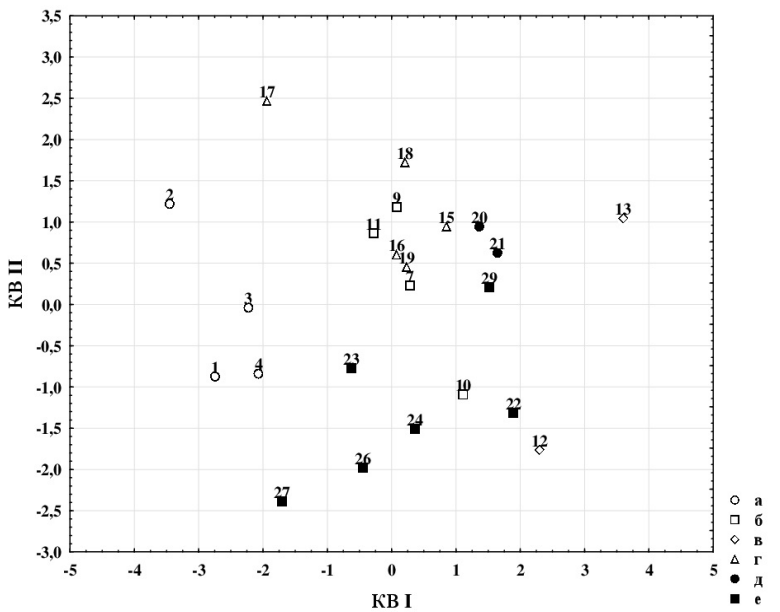

Рис. 2. Расположение женских остеологических серий в пространстве I (КВ I) и II (КВ II) канонических векторов: а – Среднее и Нижнее Прикамье; б – Волго-Уральский регион; в – Западная Сибирь; г – Алтай и Минусинская котловина; д – Тува; е – Юго-западный, северокавказский регионы и Средняя Азия. Номера сравниваемых групп соответствуют порядковым номерам в таблице 3.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие положения.

1. Население, оставившее Ново-Сасыкульский могильник, в целом характеризуется мезоморфным типом сложения со средней или несколько выше средней длиной тела. Отмечается тенденция к некоторой долихоморфии, что проявляется в повышении величины крурального указателя и характерно, например, для мазунинского населения из Покровского и Дубровского могильников в Среднем Прикамье.
2. Внутригрупповой анализ позволяет высказать осторожное предположение о смешанном характере группы, что находит выражение в завышении показателей дисперсии, особенно для продольных параметров длинных костей.
3. По результатам канонического анализа, Ново-Сасыкульская серия оказалась наиболее сходна с более поздними мазунинскими группами и пьяноборской выборкой из могильника Старый Чекмак (мужчины). Этот факт не вполне согласуется с результатами краниологического исследования материалов из Ново-Сасыкуля (*Куфтерин* 2020). В краниологическом отношении все пьяноборские серии сходны между собой, при этом довольно заметно отличаясь от кара-абызских и мазунинских. Данное обстоятельство подтверждает точку зрения, что признаки посткраниального скелета могут маркировать не столько этногенетические связи групп древнего населения, сколько картину их экологической дифференциации (*Медникова* 1998).
4. Наконец, мы не склонны абсолютизировать полученные итоги многомерного формализованного сопоставления материалов по посткраниальной морфологии населения раннего железного века – раннего средневековья, поскольку известно, что результаты канонического анализа могут существенно различаться для разных его алгоритмов в случае попытки определения близости тех или иных групп (*Тихонов* 2001: 164–165). Поэтому полученные сведения следует рассматривать лишь как указание на определенные тенденции, которые демонстрируют пьяноборско-мазунинские серии на фоне данных по посткраниальным размерам других культурных образований эпохи раннего железа.

Научная литература

Абрамова А.Н. Остеометрическая характеристика меотов Прикубанья VI в. до н.э. – III в. н.э. // Вестник антропологии, 2017. № 2 (38). С. 5–19.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М. Наука, 1966.

Богданова В.И., Радзюн А.Б. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из Центральной Тувы // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 44. Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии / отв. ред. И.И. Гохман. Санкт-Петербург: Наука, 1991. С. 55–100.

Бородовский А.П., Тур С.С. Барангольский некрополь пазырыкской культуры в горной долине Нижней Катуни (антропологический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2015. № 43 (3). С. 128–141.

Волкова Е.В. Антропология могильника Старый Чекмак (пьяноборская культура) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. А.А. Выборнова и др. Сама-

ра: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 200–201.

Воробьёва С.Л., Куфтерин В.В. Ново-Сасыкульский могильник как опорный памятник пьяноборской культуры в Нижнем Прикамье // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых / отв. ред. В.Е. Родинкова. М. ИА РАН, 2019. С. 91–93. DOI: 10.2568/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.91-93.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии. Т. 4. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948.

Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наукова думка, 1967.

Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины // Труды Института этнографии. Т. 33. Антропологический сборник I / отв. ред. Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М. Изд-во АН СССР, 1956. С. 166–203.

Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины. М. Изд-во МГУ, 1972.

Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М. Наука, 1979.

Куфтерин В.В. Краниология Ново-Сасыкульского могильника // Вестник Пермского университета. История, 2020. Вып. 1 (48). В печати.

Мамонова Н.Н. Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас / отв. ред. В.П. Алексеев, А.А. Зубов. М. Наука, 1986. С. 21–33.

Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М. ИА РАН, 1995.

Медникова М.Б. Остеометрическая методика в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / отв. ред. Е.З. Година. М. Старый сад, 1998. С. 33–86.

Пежемский Д.В. Морфология длинных костей скелета и конституциональные особенности поздних сармат по материалам могильника Покровка 10 // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М.: Восточная литература, 2008. С. 95–100.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Автореф. дисс. канд. биол. наук. Москва, 2011.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009.

Рыкун М.П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам могильников Масляха 1, 2) // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 1997. Вып. 1. С. 74–81.

Рыкушина Г.В., Тихонов А.Г. Предварительное сообщение об антропологических материалах из могильника мазунинской культуры Покровка // Народы России: от прошлого к настоящему / отв. ред. Т.И. Алексеева. Ч. 2: Антропология. М. Старый сад, 2000. С. 170–188.

Тихонов А.Г. Новые данные к антропологии населения кобанской культуры (по материалам могильника Уллубаганалы) // Вестник антропологии, 1996. Вып. 1. С. 74–96.

Тихонов А.Г. Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Москва, 1997.

Тихонов А.Г. Сравнение различных алгоритмов канонического анализа применительно к антропологическим данным // Вестник антропологии, 2001. Вып. 7. С. 156–165.

Фиртейн Б.В. Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области) // Труды Института этнографии. Т. 71. Антропологический сборник III / отв. ред. В.П. Алексеев, М.Г. Левин. М. Изд-во АН СССР, 1961. С. 53–81.

Фиртейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов.

Авары и сарматы. Ленинград: Наука, 1970. С. 69–200.

Фризен С.Ю., Фризен О.И. Предварительные итоги исследования остеологических материалов Бесланского могильника // Вестник антропологии, 2012. Вып. 22. С. 71–77.

Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент: Фан, 1980.

Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (антропологические исследования). Ташкент: Фан, 1987.

Широбоков И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология, 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.

Широбоков И.Г., Черных Е.М., Нечвалода А.И. Антропологическая характеристика скелетных останков из раскопок Дубровского могильника // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология, 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 499–512.

References

Abramova, A.N. 2017. Osteometricheskaia kharakteristika meotov Prikuban'ia VI v. do n.e. – III v. n.e. [Osteometric characteristic of the Kuban Meotians of VI century BC – III AD]. *Herald of anthropology* 2 (38): 5–19.

Alekseev, V.P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Osteometry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.

Bogdanova, V.I. and A.B. Radziun. 2015. Paleoantropologicheskie materialy gunno-sarmatskogo vremeni iz Tsentral'noi Tuvy [Paleoanthropological materials of Hun-Sarmatian time from Central Tuva]. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* 44: *Novye kollektsii i issledovaniia po antropologii i arkheologii*, edited by I.I. Gokhman, 55–100. St. Petersburg: Nauka.

Borodovskii,A.P., and S.S. Tur. 2015. Barangol'skii nekropol' pazyrykskoi kul'tury v gornoi doline Nizhnei Katuni (antropologicheskii aspekt) [Barangol: A Pazyryk cemetery on the Lower Katun, Gorny Altai (Anthropological study)]. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii* 43 (3): 128–141.

Volkova, E.V. 2018. Antropologiia mogil'nika Staryi Chekmak (p'ianoborskaia kul'tura) [Anthropology of Stary Chekmak burial ground (Pyany Bor culture)] In *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie, posviashchennoe 85-letiiu so dnia rozhdeniia G.I. Matveevoi i 70-letiiu so dnia rozhdeniia I.B. Vasil'eva. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, edited by A.A. Vybornov et al., 200–201. Samara: Izdatel'stvo SGSPU.

Vorob'eva, S.L., and V.V. Kufterin. 2019. Novo-Sasykul'skii mogil'nik kak opornyi pamiatnik p'ianoborskoi kul'tury v Nizhnem Prikam'e [Novo-Sasykul necropolis as a basic Pyany Bor culture cemetery in the Lower Kama region]. In *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia: ot kritiki istochnika k obobshcheniiu i interpretatsii dannykh. Materialy V Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh*, edited by V.E. Rodinkova, 91–93. Moscow: IA RAN. https://DOI:.org/10.2568/IARAS.2019.978-5-94375-270-4.91-93

Debets, G.F. 1948. *Paleoantropologiia SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. *Trudy Instituta etnografii* 4. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.

Zinevich, G.P. 1967. *Ocherki paleoantropologii Ukrainy* [Essays on paleoanthropology of Ukraine]. Kiev: Naukova dumka.

Konduktorova, T.S. 1956. Materialy po paleoantropologii Ukrainy [Materials on paleoanthropology of Ukraine]. In *Trudy Instituta etnografii* 33: *Antropologicheskii sbornik* 1, edited by G.F. Debets and M.G. Levin, 166–203. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

Konduktorova, T.S. 1972. *Antropologiia drevnego naseleniia Ukrainy* [Anthropology of the ancient population of Ukraine]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.

Konduktorova, T.S. 1979. *Fizicheskii tip liudei Nizhnego Pridneprov'ia na rubezhe nashei ery (po materialam mogil'nika Nikolaevka-Kazatskoe)* [Physical type of the Lower Dnieper population

at the turn of our era (based on materials from the Nikolaevka-Kozatskoye burial ground)]. Moscow: Nauka.

Kufterin, V.V. 2020. Kraniologiia Novo-Sasykul'skogo mogil'nika [Craniology of Novo-Sasykul burial ground]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia* 1 (48): In press.

Mamonova, N.N. 1986. Opyt primeneniia tablits V.V. Bunaka pri razrabotke osteometricheskikh materialov [An attempt of using V.V. Bunak's tables in the osteometric study]. In *Problemy evoliutsionnoi morfologii cheloveka i ego ras*, edited by V.P. Alekseev and A.A. Zubov, 21–33. Moscow: Nauka.

Mednikova, M.B. 1995. *Drevnie skotovody Iuzhnoi Sibiri: paleoekologicheskaia rekonstruktsiia po dannym antropologii* [Ancient pastoralists of Southern Siberia: paleoecological reconstruction according to anthropological data]. Moscow: IA RAN.

Mednikova, M.B. 1998. Osteometricheskaia metodika v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiiakh [Osteometry in bioarchaeological reconstructions]. In *Istoricheskaia ekologiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovanii*, edited by E.Z. Godina, 21–33. Moscow: Staryi sad.

Pezhemskii, D.V. 2008. Morfologiia dlinnykh kostei skeleta i konstitutsional'nye osobennosti pozdnikh sarmat po materialam mogil'nika Pokrovka 10 [Long bones morphology and constitutional features of the Late Sarmatians according to materials from Pokrovka 10 burial ground]. In Malashev, V.Yu., and L.T. Yablonskii. *Stepnoe naselenie Iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia (po materialam mogil'nika Pokrovka 10)*. Moscow: Vostochnaia literature: 95–100.

Pezhemskii, D.V. 2011. *Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia* [Variability of longitudinal parameters of human tubular bones and possibilities of constitutional reconstruction], PhD diss. abstract, Moscow State University.

Razhev, D.I. 2009. *Bioantropologiia naseleniia sargatskoi obshchnosti* [Bioanthropology of the Sargatian community]. Yekaterinburg: UrO RAN.

Rykun, M.P. 1997. K antropologii naseleniia lesostepnogo Altaia v epokhu rannego zheleza (po materialam mogil'nikov Masliakha 1, 2) [To problems of anthropology of the forest-steppe Altai population in the Iron Age (on materials of burial Maslyakha 1, 2)] *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* 1: 74–81.

Rykushina, G.V., and A.G. Tikhonov. 2000. Predvaritel'noe soobshchenie ob antropologicheskikh materialakh iz mogil'nika mazuninskoi kul'tury Pokrovka [Preliminary report about anthropological materials from Mazunino culture burial site Pokrovka]. In *Narody Rossii: ot proshlogo k nastoiashchemu* 2: *Anthropology*, edited by T.I. Alekseeva, 170–188. Moscow: Staryi sad.

Tikhonov, A.G. 1996. Novye dannye k antropologii naseleniia kobanskoi kul'tury (po materialam mogil'nika Ullubaganaly) [New data on anthropology of the Koban culture population (on materials from Ullubaganaly burial ground]. *Herald of anthropology* 1: 74–96.

Tikhonov, A.G. 1997 *Fizicheskii tip srednevekovogo naseleniia Evrazii po dannym osteologii* [Physical type of the medieval population of Eurasia according to osteological data], PhD diss. abstract, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.

Tikhonov, A.G. 2001. Sravnenie razlichnykh algoritmov kanonicheskogo analiza primenitel'no k antropologicheskim dannym [Comparison of different algorithms in canonical analysis applied to anthropological data]. *Herald of anthropology* 7: 156–165.

Firshtein, B.V. 1961. Savromaty Nizhnego Povolzh'ia (po antropologicheskim materialam iz raskopok v nizov'iakh r. Eruslan Stalingradskoi oblasti) [Savromatians of the Lower Volga (according to anthropological materials from excavations in the lower reaches of the Eruslan river, Stalingrad region)]. In *Trudy Instituta etnografii* 71. *Antropologicheskii sbornik* 3, edited by V.P. Alekseev and M.G. Levin, 53-81. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

Firshtein, B.V. 1970. Sarmaty Nizhnego Povolzh'ia v antropologicheskom osveshchenii [Sarmatians of the Lower Volga region in the light of anthropological data]. In Tot, T.A., and B.V. Firshtein. *Antropologicheskie dannye k voprosu o Velikom pereselenii narodov. Avary i sarmaty,* 69–200. Leningrad: Nauka.

Frizen, S.Yu., and O.I. Frizen. 2012. Predvaritel'nye itogi issledovaniia osteologicheskikh materialov Beslanskogo mogil'nika [The osteological study of the materials from Beslan burial ground. Preliminary results]. *Herald of anthropology* 22: 71–77.

Khodzhaiov, T.K. 1980. *K paleoantropologii drevnego Uzbekistana* [On paleoanthropology of the ancient Uzbekistan]. Tashkent: Fan.

Khodzhaiov, T.K. 1987. *Etnicheskie protsessy v Srednei Azii v epokhu srednevekov'ia (antropologicheskie issledovaniia)* [Ethnic processes in the Central Asia at Middle Ages (anthropological investigations)]. Tashkent: Fan.

Shirobokov, I.G., and E.M. Chernykh. 2016. Dannye fizicheskoi antropologii i problema formirovaniia naseleniia Prikam'ia serediny I tysiacheletiia n.e. (po materialam Boiarskogo "Arai' mogil'nika) [Physical anthropology data on the origin of Prikamye population in the middle of the 1st millennium AD (according to the materials of Boyarskiy "Aray" burial site]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriia i filologiia.* 26 (1): 25–34.

Shirobokov, I.G., E.M. Chernykh, and A.I. Nechvaloda. 2018. Antropologicheskaia kharakteristika skeletnykh ostankov iz raskopok Dubrovskogo mogil'nika [Anthropological characteristic of skeletal remains from excavation of the Dubrovsky burial ground]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriia i filologiia.* 28 (4): 499–512.

*Vladimir V. Kufterin, E.V. Volkova***. Osteometric Study of an Early Iron Age Postcranial Sample from Lower Kama Region (Novo-Sasykul Burial Ground)**

The article outlines results of an osteometric study of a postcranial sample (22 male and 30 female skeletons) from Novo-Sasykul burial ground in the Lower Kama region (Pyany Bor culture). Novo-Sasykul necropolis dates back to between the I and the turn of the II–III cc. AD. In total, the Sasykul population is characterized by a mesomorphic (with a tendency to dolichomorphism) body type proportions and an average or higher than average body length. Results of intragroup analysis allow to conclude that the studied sample was mixed. Results of the intergroup canonical discriminant analysis demonstrate the greatest proximity of the Novo-Sasykul postcranial skeletons to the Mazunino culture samples (Pokrovsky, Dubrovsky and Boyarsky "Arai" burial grounds), as well as to the Pyany Bor culture sample from Stary Chekmak cemetery. The latter thesis does not apply to female skeletons from Stary Chekmak, characterized by a rather "harmonious" ratio of the limb segment lengths and do not show a tendency towards relative lengthening of the tibia. A slight increase in the crural index may be a specific feature of the Pyany Bor and Mazunino culture population groups from the Kama region

Key words: *physical anthropology, osteometry, Pyany Bor culture, Early Iron Age, Lower Kama region, Novo-Sasykul burial ground*

ЛИЧНОСТИ В НАУКЕ

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/286-291

© М.М. Герасимова, Н.А. Лейбова, А.В. Дедик

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИЗМЕНЧИВОСТИ В АНТРОПОЛОГИИ. НОВОЕ В МНОГООБРАЗИИ ТРАДИЦИОННОГО», ПОСВЯЩЕННАЯ 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ АНТРОПОЛОГА, Д-РА ИСТ. НАУК, ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗУБОВА (1934–2013) (13–16 МАЯ 2019 г., МОСКВА) *

Статья представляет собой хронику прошедшей Международной научной конференции «Проблемы изучения изменчивости в антропологии. Новое в многообразии традиционного», посвященной 85-летию со дня рождения выдающегося антрополога, д-ра ист. наук, профессора А.А. Зубова. Основной целью конференции являлось представление научного наследия профессора А.А. Зубова и достижений сформированного им направления – одонтологии. На конференции обсуждалось современное состояние и перспективы развития физической антропологии в отечественной и мировой науке, была показана роль новых методов и новых теоретических разработок с учетом антропологического разнообразия. Также была показана роль антропологии в перспективе интеграции наук

Ключевые слова: *А.А. Зубов, физическая антропология, одонтология, конференция*

Герасимова Маргарита Михайловна – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, заведующая кабинетом-музеем антропологии им. акад. В.П. Алексеева Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл.почта: gerasimova.margarita@gmail.com. **Margarita M. Gerasimova** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com

Лейбова Наталья Александровна – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: nsuvorova@mail.ru. **Natalya A. Leibova** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: nsuvorova@mail.ru

Дедик Алёна Владимировна – специалист Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири, Гуманитарного института СФУ, (Красноярск, Свободный проспект, 82 А). Эл.почта: ejara.ru@mail.ru. **Alyona V. Dedik** – Institute for the Humanities, SFU, Russia (Krasnoyarsk, Svobodny prospect, 82 A). E-mail: ejara.ru@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

13–16 мая 2019 г. состоялась Международная конференция «Проблемы изучения изменчивости в антропологии. Новое в многообразии традиционного», посвященная 85-летию со дня рождения Александра Александровича Зубова (1934–2013).

Александр Александрович Зубов – выдающийся российский антрополог, главный научный сотрудник ИЭА РАН, д-р ист. наук, профессор РАН, заслуженный деятель науки РФ. Проработал в Отделе физической антропологии ИЭА РАН 50 лет – сразу после окончания кафедры антропологии и аспирантуры МГУ, вплоть до последних дней жизни (1963–2013), был заведующим отделом антропологии Института этнологии и антропологии РАН в течение 25 лет (1976–2001 гг.).

А.А. Зубовым впервые в отечественной антропологии была разработана методология, методика и программа одонтологических исследований; положено начало этнической (популяционной) одонтологии – новому направлению в отечественной физической антропологии; разработана и введена в научную практику одонтоглифика – новый раздел одонтологии, не имеющий аналогов в мировой науке. Автор основополагающих работ в области современной эволюционной антропологии, А.А. Зубов обосновал концепцию магистральной эволюции и универсального системогенеза, в центре которых рассматривается феномен возникновения Разума в масштабе Биосферы и Вселенной. Согласно этой концепции, становление человека как вида является закономерным и неизбежным следствием общей эволюции живых систем на Земле и логикой развития известной нам части Вселенной.

Конференция была организована Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН совместно с Государственным биологическим музеем им. К.А. Тимирязева. Стоит отметить, что наш Центр традиционно проводит конференции с Биологическим музеем, который не только предоставляет площадку для заседаний, но активно участвует в организационной работе, проводит экскурсию по музею и способствует созданию дружеской профессиональной атмосферы.

Конференцию открыл гл. научный сотрудник ЦФА ИЭА РАН, д-р ист. наук С.В. Васильев, сказав несколько теплых слов о своем учителе в области эволюционной антропологии. Затем в видеообращении участников и гостей конференции поприветствовала директор ГБМТ М.В. Рахчеева.

Пленарное заседание открыл доклад «Александр Александрович Зубов. Становление и развитие одонтологии и одонтологической школы в России. Человек на магистрали», который был сделан первой ученицей и первой аспиранткой А.А. Зубова, д-ром ист. наук Н.И. Халдеевой.

Следующим пунктом программы конференции была презентация С.В. Васильевым посмертно изданной книги А.А. Зубова – «Палеоантропологическая родословная человека», 2-ое исправленное и дополненное издание. В структуру прежних 10 глав, освещающих эволюцию человеческого рода, добавлено 122 новых раздела, посвященных палеоантропологическим находкам, которые не вошли в первое издание. Монография содержит также исчерпывающий материал для ознакомления с теоретическими разработками мировой науки в области эволюционной антропологии. Следует отметить, что существенная роль в подготовке рукописи к печати и в ее появлении в свет принадлежит Н.И. Халдеевой.

Работа конференции была продолжена докладами секции «Одонтологические исследования в изучении популяций современного и ископаемого человека». Ведущей за-

седания была Н.А. Лейбова (канд. ист. наук, ИЭА РАН). Было заявлено 14 и прочтено 13 докладов, в большинстве посвященных изучению одонтологии различных этнических групп современного населения (из Намибии – доклад И.В. Мастеровой и И.К. Габриелян, из Западной Бенгалии – Н.А Лейбовой, из Татарстана – Г.А. Аксяновой и А.И. Макеевой) и различных краниологических серий (из Западной Сибири – доклад Л.Н. и Ю.Г. Смердиных и М.П. Рыкун; городского населения Пензы XVII–XVIII вв., из Посурья и Примокшанья различных исторических периодов – доклады О.А .и О.В. Калминых и Д.С. Иконникова; известной серии из Халас-Погора – доклад Г.А. Аксяновой и Д.С. Иконникова). Интерпретации одонтологических характеристик отдельных зубов из неолитического могильника Яйский 1 был посвящен доклад М.П. Рыкун и Г.А. Аксяновой. Обзорный доклад об одонтологических исследованиях древнего и современного населения Среднего Поволжья был сделан А.И. Макеевой. Интересное исчерпывающее описание особенностей зубов Ивана Грозного было сделано в докладе Н.И. Халдеевой на основе снимка нижней челюсти, сделанного в 1963 г., когда одонтологическая программа еще не входила в антропологические исследования современных людей, а ограничивалась изучением ископаемых форм. Д.С. Иконников прочел доклад о филогенезе зубной системы, который по своей форме и содержанию скорее напоминал лекцию. Два доклада наших коллег-медиков из Луганска – Л.В. Стклянниной, и совместный доклад Л.М. Ломиашвили с коллегами из Омска, вызвали позитивную и доброжелательную критику, которую они с благодарностью приняли. Стоит отметить, что самое активное участие в работе секции приняли Д.С. Иконников и Г.А. Аксянова в качестве основного докладчика и содокладчика, каждый в трех выступлениях.

Утреннее заседание второго дня конференции (14 мая) «Photogrammetry for anthropology» было совместным с International Workshop on «Photogrammetric and computer vision techniques for video surveillance, biometrics and biomedicine». Ведущим заседания был В.А. Князь (канд. техн. наук, ГосНИИАС). На совместной секции было заслушано 8 докладов, посвященных применению в физической антропологии современных бесконтактных технологий.

Затем последовали два доклада совсем небольшой секции «Эволюционной антропологии». К сожалению, несмотря на бурный рост исследований за рубежом, в отечественной антропологии намечается спад интереса к этой области знания, хотя все возрастающий интерес общества к проблемам происхождения современного человека делает эти исследования весьма востребованными. С.В. Васильев рассказал о новой находке черепа архантропа из Дманиси (Грузия), в частности черепа Д2700, и его исследовании методом угловой морфометрии. М.М. Герасимова в совместном докладе с Н.И. Халдеевой осветила роль А.А. Зубова в формировании наших представлений о таксономическом статусе гейдельбергского человека.

Вечернее заседание было посвящено работе секции «Роль антропологии в решении проблем этногенеза и этнической истории древних и современных народов». Ведущие заседания – Е.В. Веселовская (д-р ист. наук, ИЭА РАН) и О.М. Григорьева (канд. биол. наук, ИЭА РАН). Всего было заявлено 7 докладов. Е.В. Веселовская прочла доклад «Новые материалы по антропологии неолитического населения Забайкалья», подготовленный группой коллег из ЦФА ИЭА РАН. Были представлены реконструкции внешнего облика неолитических охотников, которые ярко продемонстрировали здесь наличие двух антропологических типов. А.И. Бураев в своем докладе о роли антропологических данных в изучении этнической истории древнего населения Цен-

тральной Азии особое внимание обратил на возможности реконструкции антропологического состава древних тюрков Монголии по данным скульптурных изображений, которые с очевидностью свидетельствовали о смешанном европеоидно-монголоидном облике прототипов скульптур. Совместный и явно полемический доклад К.Н. Солодовникова, А.В. Колбиной и М.П. Рыкун «Некоторые дискуссионные вопросы палеоантропологии синташтинской культуры эпохи бронзы», к сожалению, не получил нужного резонанса из-за отсутствия на конференции коллег, компетентных в этом вопросе. А.П. Пестряков и О.М. Григорьева в совместном докладе на основе авторской программы, введенной в научный оборот А.П. Пестряковым, обсуждали особенности черепов австралийских аборигенов и проблему заселения Австралии. На основе собственных полевых исследований был сделан доклад О.А. Федорчук о краниологических особенностях двух групп индейцев Южной Америки. Также собственные исследования расовой соматологии современного населения Центрального Чили А. Кастро Степановой легли в основу совместного с Н.Н. Гончаровой доклада об антропологических компонентах в составе этого населения. Явление это отрадное, так как в последнее время соматологическое изучение популяций современного человечества, кефалометрия и кефалоскопия явно «не в моде», не только почти во всем мире, но и в России. Как в свое время писал А.А. Зубов, в этом нетрудно видеть результат определенного давления со стороны политики и этики на биологические аспекты изучения человека (*Зубов* 2002: 33).

Эта самая многочисленная секция конференции продолжила свою работу и на следующий день (15 мая). Ведущими заседания были М.М. Герасимова (канд. ист. наук, ИЭА РАН) и И.Г. Широбоков (канд. ист. наук, МАЭ РАН). На утреннем заседании было прочтено 7 докладов. Открыла заседание Е.А. Вагнер-Сапухина с докладом «Остеофенетика народов Поволжья». На основе внушительной авторской программы дискретно-варьирующих признаков на костях скелета остеологических серий народов Поволжья она рассматривала существующие гипотезы происхождения изученных ею групп и соответствие этих гипотез прослеженной ею остеофенетической дифференциации. С подробным историческим и историографическим обзором с привлечением собственных материалов выступил А.В. Иванов о крымских греках времен Крымского ханства. Вне программы был заслушан доклад Е.А. Горбачевского об ученых польской антропологической школы конца XIX – нач. XX вв. Совместный доклад С. Дзини, Н.В. Хохлова и Л.С. Бычковской о демографических и архивных исследованиях итальянцев Крыма XVIII–XIX вв. был прочтен Н.В. Хохловым. Следующим был интереснейший доклад Н.Х. Спицыной и Н.В. Балиновой, представленный Н.Х. Спицыной. Авторами было показано, как принципиальные различия у сельского населения абхазов и азербайджанцев в структуре брачных связей сказываются на демографической ситуации в популяциях. Последний доклад на утреннем заседании был сделан И.Г. Широбоковым, который поставил вопрос, имеют ли особенности пальцевых узоров адаптивное значение. Эта проблема рассматривалась им в связи с климато-географическими условиями обитания. Методами многомерной статистики было убедительно показано отсутствие какой-либо очевидной связи между климатом и типами пальцевых узоров. Стоит отметить, что столь интересный доклад принадлежал к категории «ученые шутят».

На вечернем заседании было заслушано 6 докладов. Л.Ю. Шпак представила результаты совместного с И.В. Перевозчиковым исследования, в ходе которого авторы

по данным изобразительного искусства реконструировали антропологический облик населения Средиземноморья I тыс. до н.э. И.В. Перевозчиков выступил с докладом «Антропологические «полюса» Европы в обобщенных образах». Совместный доклад А.М. Маурера, А.Х. Гильмитдиновой и Ю.А. Алексеева «Сопоставление двух способов фиксации кефалоскопических признаков (по материалам Индийской антропологической экспедиции ЦПИ 2018 года)» имел методический характер и посвящен результатам сравнительного анализа описательных признаков по двум способам фиксации, заключающихся в определении описательных признаков головы и лица в экспедиционных условиях, и в получении аналогичных данных по фотографиям.

Последний день конференции (16 мая) закрывала секция «Памяти посвящается…: российская антропология в лицах». Идея организации этой секции сформировалась в рамках традиции ЦФА вспоминать своих Учителей, наставников и коллег, уже ушедших из жизни, но оставивших яркий след в жизни каждого из докладчиков, на мини-конференциях «Памяти посвящается…». Организаторам представилось вполне уместным предоставить возможность участникам конференции выступить с докладами, посвященными памяти их учителей и коллег. А.А. Зубов всегда с уважением и теплотой относился к своим учителям и коллегам, и на своем 75-летии сделал прекрасный доклад, где он вспомнил обо всех своих коллегах антропологах, живых и ушедших из жизни, знаменитых и скромных, внесших свой посильный вклад в науку и становление нашего антропологического сообщества.

На секцию было заявлено 6 докладов. Е.В. Веселовская рассказала о своем учителе Г.В. Лебединской, о ее вкладе в развитие такого направления, как антропологическая реконструкция. Доклад М.М. Герасимовой был посвящен 115-й годовщине со дня рождения выдающегося антрополога М.Г. Левина. Совместный доклад, прочитанный М.П. Рыкун «К вопросу о методике полевых исследований в антропологических экспедициях (по материалам полевых дневников В.А. Дрёмова)», затронул не только вклад В.А. Дрёмова в развитие антропологии в Западной Сибири, но и поднял насущный вопрос о методике ведения совместных археологических, антропологических и этнографических экспедиций. А.В. Дедик (Южакова) выступила с трогательным докладом об А.Р. Киме, в котором были отражены основные этапы биографии и научной деятельности исследователя, а также были проанализированы основные работы, которые, несомненно, внесли большой вклад в развитие антропологии Западной Сибири. А.И. Бураев выступление посвятил своему учителю И.И. Гохману. Вне программы конференции был заслушан доклад Д.С. Иконникова о первой русской женщине-зоопсихологе Надежде Ладыгиной-Котс. В этом году исполнилось 130 лет со дня рождения блестящего учёного и соосновательницы Дарвиновского музея.

Также одним из пунктов программы была презентации монографии В.Р Окушко: «Основы физиологии зуба», издание 3-е, исправленное и дополненное, который являлся другом и коллегой А.А. Зубова. С презентацией книги, а также с предложениями сотрудничества выступил А.В. Захаров.

Завершающим докладом секции и всей конференции был доклад Г.А. Аксяновой «Учителя, наставники и единомышленники в антропологии: Ирина Михайловна Золотарева и Александр Александрович Зубов».

В заключение, хочется еще раз поблагодарить дирекцию и сотрудников Государственного биологического музея им. К.А. Тимирязева, участников и гостей конференции – всех, кто вместе с нами вспоминал Александра Александровича Зубова.

Научная литература

Зубов А.А. Физическая антропология на рубеже XX–XXI вв. Этнографическое обозрение, 2002. №3. С. 25–38.

References

Zubov, A.A. 2002. Fizicheskaya antropologia na rubezhe XX–XXI vv. [Physical anthropology at the turn of the 20th–21st centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 25–38.

Gerasimova, Margarita M., Natalya A. Lejbova, Alyona V. Dedik. **The International Scientific Conference «Problems of studying the variability in anthropology. New in the diversity of the traditional» dedicated to the 85th anniversary of the eminent anthropologist, Doctor of Sciences (History), Professor Alexander Alexandrovich Zubov (1934–2013) (Moscow, May 13th–16th, 2019)**

The article is a chronicle of the past International Scientific Conference «Problems of studying the variability in anthropology. New in the diversity of the traditional» dedicated to the 85th anniversary of the eminent anthropologist, Doctor of Sciences (History), Professor A.A. Zubov. The main purpose of the conference was to present his scientific heritage. The reports outlined achievements of the scientific area formed by Zubov – dental anthropology. The conference discussed the current state and prospects for development of physical anthropology in Russian and world science. The role of new methods and new theoretical developments taking into account anthropological diversity was shown. The importance of anthropology in the integration of sciences was also presented

Key words: *A.A. Zubov, physical anthropology, dental anthropology, conference*

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/292-302

© М.М. Герасимова, А.В. Дедик

МАКСИМ ГРИГОРЬЕВИЧ ЛЕВИН (1904–1963): 115 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ*

Очерк посвящен памяти Максима Григорьевича Левина, зам. директора Института этнографии АН СССР, зав. сектором антропологии в далекие 50-ые годы прошлого столетия, крупного антрополога и этнографа, посвятившего свою жизнь исследованию антропологии и этнографии народов Сибири и Дальнего востока и внесшего значительный вклад в методологию и методику изучения такого сложнейшего исторического явления, как этногенез

Ключевые слова: *М.Г. Левин, палеоантропология, антропология, этнография и этногенез народов Вост. Сибири и Дальнего Востока, методологические концепции историко-этнографических областей и хозяйственно-культурных типов*

В традициях нашего Отдела антропологии (ныне Центра физической антропологии *Института этнологии и антропологии РАН*) проводить регулярные Бунаковские и Герасимовские чтения и мини-конференции, посвященные нашим учителям, коллегам, именитым и не очень, внесшим свой посильный вклад в развитие нашей науки. Такие конференции, рассказы старших коллег о своих учителях, коллегах и друзьях, знакомство молодежи с их жизнью и творчеством делают прочтение их трудов не «обязаловкой», необходимой для написания литературных обзоров, а интереснейшим делом, занятием, будирующим мысль, подсказывающим неординарные аспекты исследований, разрешения поставленных когда-то проблем новыми методами исследований. Результатом такого контакта исследователей старого и молодого поколений антропологов и явился этот небольшой очерк, посвященный М.Г. Левину в связи со 115-летием со дня его рождения.

Яркая и короткая жизнь М.Г. Левина, оценка его научных исследований и методологических и методических разработок нашли отражение в немногочисленных публикациях об этом незаурядном человеке и его научной деятельности. К сожалению, в отечественной антропологии историей науки занимались и занимаются

Герасимова Маргарита Михайловна – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, заведующая кабинетом-музеем антропологии им. акад. В.П. Алексеева Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл.почта: gerasimova.margarita@gmail.com. **Margarita M. Gerasimova** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com

Дедик Алёна Владимировна – специалист Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири, Гуманитарного института СФУ, (Красноярск, Свободный проспект, 82 А). Эл. почта: ejara.ru@mail.ru. **Alyona V. Dedik** – Institute for the Humanities, SFU, Russia (Krasnoyarsk, Svobodny prospect, 82 A). E-mail: ejara.ru@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

и то, спорадически, единицы исследователей. К счастью, прекрасный очерк жизни Максима Григорьевича Левина и анализ его научной и административной деятельности находим в статье В.П. Алексеева, посвященной памяти ученого, в связи с его 80-летием со дня рождения (*Алексеев* 1984). В.П. Алексеев в очень сжатой форме, по введенным им рубрикам самую высокую оценку дает сделанному М.Г. Левиным: это и региональные антропологические исследования, и вклад в палеоантропологию Сибири, и разработка классификации и генезиса азиатских монголоидов, в частности, выделение амуро-сахалинской расы, методические разработки (предложены стандартный набор краниологических признаков, легший в основу краниологического бланка, которым мы пользуемся и в настоящее время, новый диагностический признак – форма скуловой вырезки), исследования по археологии Северо-Востока Азии и собственные полевые работы М.Г. Левина, разработка историко-этнической типологии и проблем этногенеза, статьи с критическим анализом буржуазных концепций. К этому надо добавить организацию науки, а также преподавательскую деятельность, создание с Я.Я. Рогинским учебника антропологии (*Рогинский, Левин* 1955, 1963, 1978). И можно только удивляться, и восхищаться этим человеком.

Существует также замечательный эмоциональный очерк о жизни и человеческих качествах ученого, написанный его учениками, в последствие ставшими крупными исследователями, академиком Т.И. Алексеевой и чл.-кор. РАН С.А. Арутюновым. В этом очерке приводятся обширные выдержки из дневников М.Г. Левина, говорящие о нем, как об умном и доброжелательном человеке, о его качествах, как ученого – требовательности к себе, взыскательности. Т.И. Алексеева и С.А. Арутюнов на всю жизнь сохранили самые теплые, самые благодарные воспоминания о своем Учителе (*Алексеева, Арутюнов* 2004). О деятельности М.Г. Левина, как администратора, о его авторитете в Институте этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН), о его воздействии на окружающих прекрасно написано в небольшом отрывке из очерка академика В.П. Алексеева «Общение» (*Алексеев* 1993). Также в совместном очерке подробно изложена научная деятельность М.Г. Левина, посвященная народам Сибири и Дальнего Востока, что, конечно, не исчерпывает научный арсенал ученого (*Герасимова, Васильев* 2016).

В настоящем небольшом очерке кратко, тезисно напомним о наиболее значимых работах Максима Григорьевича, не только оставивших след в научном наследии ученого, не только ставшие фундаментом для построения многих современных представлений общего плана в антропологии и этнографии, морфогенезе и этногенезе отдельных народов. Сибири и Дальнего Востока, но и будирующих новые исследования в русле предложенных концепций. И особенно хотим остановиться на понятиях, ставших стержневыми в отечественной науке, о культурно-этнографических областях и хозяйственно-культурных типах, что нам, как палеоантропологам, сталкивающимися с проблемами культурно-хронологического определения погребальных памятников, ближе всего (*Левин, Чебоксаров* 1955). Итак, кратко обозначим основные темы, разрабатывавшиеся Максимом Григорьевичем Левиным:

1. Прежде всего – статья, написанная в соавторстве с Г.Ф. Дебецем и Т.А. Трофимовой (*Дебец, Левин, Трофимова* 1952). В своей работе 1948 г., до сих пор настольной книге отечественных палеоантропологов, Г.Ф. Дебец писал о существенной роли палеоантропологических данных в решении проблем доисторических миграций, поскольку в археологии нет критериев для выявления причин сходства памятников

материальной культуры на разных территориях или культурной преемственности на одной территории. Встает вопрос, связано ли распространение того или иного элемента культуры с расселением людей, или оно следствие обмена, торговли, захвата и тому подобных причин (*Дебец* 1948: 21).

Очевидное представление о том, что появление нового антропологического комплекса всегда есть результат переселения какой-то группы людей и следствие брачных контактов, а появление нового языка или новых культурных элементов может происходить путем заимствования, культурного обмена без каких-либо брачных связей, до этой статьи не было сформулировано в виде четкого тезиса. В ней были впервые отчетливо сформулированы методологические принципы использования антропологических данных в качестве исторического источника. В основе предлагаемой методологии лежал *принцип отсутствия причинно-следственных связей между расой, языком и культурой;* принцип группировки рас, языков и культур в причинно-независимые общности, имеющие, однако, определенную географическую, лингвистическую, социальную приуроченность в определенное время, что и дает возможность использования антропологических данных для самых разнообразных исторических реконструкций. Этот принцип и сегодня остается краеугольным камнем в теории отечественной антропологии и этнографии (этнологии).

2. М.Г. Левин внес значительную лепту в изучение антропологического арктического типа, представителями которого являются чукчи и эскимосы. Ему принадлежит первая в антропологической литературе и убедительная критика «теории эскимосского клина», выдвинутой в свое время Ф. Боасом, В. И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом (*Левин* 1947).

Точка зрения об «эскимосском клине», разделяющем общий пласт древнего населения по обе стороны Берингова пролива, существовала чуть – ли не до середины прошлого века. М.Г. Левин на краниологическом материале показал отсутствие существенных различий между краниологическими сериями чукчей и эскимосов, доказал, что, по выражению Г.Ф. Дебеца, «американоидные» особенности чукчей выражены не более отчетливо, чем у эскимосов (*Дебец* 1951). Также этой работой была подтверждена гипотеза А.М. Золотарева о древнем субстрате на арктическом побережье Азии с элементами древнеэскимосской культуры, которые явственно прослеживаются и у современных чукчей (*Золотарев* 1937, 1938). Эта идея была в известной мере развита на археологическом материале в работах Р.С. Васильевского (*Васильевский* 1971, 1973, 1974).

Антропологические особенности древних черепов, обнаруженных много позднее, в Якутии (Диринг-Юрях), на р. Анадырь (Усть-Бельский могильник), на Колыме (Родинка II) также свидетельствуют о раннем формировании арктической расы (*Гохман* 1961; *Гохман, Томтосова* 1983). А когда в распоряжении Максима Григорьевича появились материалы из Уэленского и Эквенского могильников, в раскопках которых он принимал непосредственное участие, они позволили ярко проиллюстрировать теоретические построения исследователя. Статистически достоверно было показано, что по основным расово-диагностическим признакам краниологический тип древнего населения побережья Берингова пролива близок к краниологическому типу современных эскимосов Гренландии и отличается от типа черепов современных азиатских эскимосов. Значительная древность резко долихокранного типа азиатского побережья представляет собой новый и весьма существенный аргумент в

пользу того, что и в западной части территории расселения эскимосов этот тип предшествовал мезокранному типу современных азиатских эскимосов (*Левин* 1964). В дальнейшем результаты изучения материалов из первых могильников с территории Чукотки нашли отражение в работе Г.Ф. Дебеца (*Дебец* 1975).

Проблемы, поднятые М.Г. Левиным, касающиеся формирования эскимосского антропологического типа и происхождения эскимосов, их этногенеза и этнической истории, получили свое продолжение и развитие в работах исследователей последующих поколений: (*Гохман* 1961; *Арутюнов, Сергеев* 1969, 1975; *Алексеев, Балуева* 1976; *Файнберг* 1980; *Гохман, Томтосова* 1983; *Алексеев, Гохман* 1984; *Алексеева* 2003; *Пестряков, Григорьева* 2003; *Герасимова* 2013; *Васильев, Герасимова* 2015).

3. Среди исследований М.Г. Левина существенное место занимают соматологические и краниологические исследования населения Охотского побережья, тунгусо-манчжурских народов в бассейне Нижнего Амура, а также нивхов Нижнего Амура и Сахалина (*Левин* 1936, 1937, 1947а). Результаты этих исследований в области антропологии и этнографии опубликованы в фундаментальной монографии «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока» (*Левин* 1958). «Эта книга стала классическим произведением, демонстрирующим лучшие стороны морфологического подхода к решению генетических вопросов расоведения и географического метода в анализе вариаций отдельных признаков» (*Алексеев* 1984: 71).

М.Г. Левиным была выделена амуро-сахалинская раса и предложена гипотеза древних контактов континентальной и тихоокеанской ветвей монголоидной расы, проявлением которых явились особенности нивхов. Им присущ специфический комплекс антропологических особенностей: усиление роста бороды по сравнению с тунгусо-манчжурскими народами, потемнение пигментации, слабое развитие монголоидных особенностей глазной области. Максим Григорьевич видел в этих особенностях реликтовый самостоятельный очаг расообразования. Одонтологические данные, собранные в 70-х годах прошлого века, интерпретируемые с позиций сегодняшнего дня, также свидетельствуют о существенных отличиях нивхов от тунгусо-манчжурских народов Приамурья (*Халдеева* 1979).

4. М.Г. Левину принадлежит существенный вклад в отечественное сибиреведение: о происхождении оленеводства и алтае-саянской прародине доместикации оленя, об упряжном специализированном транспортном собаководстве, связанном с развитием рыболовецкого хозяйства, в условиях развивающегося обмена. Изучение оленеводства и упряжного собаководства – все это звенья одной большой проблемы – проблемы соотношений хозяйственно-культурных комплексов Северной Евразии (*Золотарев, Левин* 1938; *Левин* 1946; *Василевич, Левин* 1951; *Вайнштейн* 1970, 1971).

5. М.Г. Левиным было сформулировано стержневое понятие для отечественной этнографической школы – концепция историко-этнографических областей (ИЭО) и хозяйственно-культурных типов (ХКТ) (*Левин, Чебоксаров* 1955). Однако, в настоящее время создается впечатление, что эти понятия о ХКТ и ИЭО в известной степени размыты, они стали не совсем точно обще употребляемы и в других отраслях исторического знания, например, в археологии. Поэтому считаем необходимым привести определения, данные в первоисточнике: «Под историко-этнографической областью мы понимаем территорию, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту террито-

рию, сложилась определенная культурная общность (*Левин, Чебоксаров* 1955: 10). Историко-этнографическая область или историко-культурная область (ИКО) – категории исторические, возникающие, развивающиеся и исчезающие в процессе развития конкретных этносов и их группировок на определенной территории. Под хозяйственно-культурным типом следует понимать комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях при определенном уровне их социально-экономического развития. Сходные проявления материальной и духовной культуры совсем не обязательно свидетельствуют о родстве народов, а скорее об адаптивных возможностях человеческих коллективов к определенным условиям существования в определенных физико-географических условиях на определенном уровне социального развития.

Безусловно, перечисленные нами направления научной деятельности М.Г. Левина отнюдь не исчерпывают все многообразие его научных интересов, его кипучей творческой натуры. Но хочется более подробно остановиться именно на работе 1955 г. Крупный ученый, исследователь широкого профиля, член-кор. РАН С.А. Арутюнов считает, что только с вышеупомянутой статьи «в науку были введены понятия, имеющие универсальное операциональное значение для этнографической классификации» (*Алексеева, Арутюнов* 2004: 350). С этого времени в литературу вошла и прочно закрепилась предложенная М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым классификация способов производства, и их подразделения в зависимости от географической зональности. На материале этнографии народов мира были выделены основные наиболее распространенные типы охотников, собирателей и рыболовов; ранних земледельцев и скотоводов, пашенных земледельцев различных природных зон. В качестве примера историко-этнографических областей были выделены Камчатско-Чукотская и Амуро-Сахалинская (круг интересов М.Г. Левина) и Волго-Камская и Прибалтийская (область интересов Н.Н. Чебоксарова).

Исходя из идей М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова была сформулирована и предложена В.П. Алексеевым концепция антропогеоценозов (*Алексеев* 1975). Анализ типологии историко-этнографических областей и их соотношений с географическими, историко-культурными и антропологическими данными, позволил В.П. Алексееву сформулировать концепцию этногенетических пучков (*Алексеев* 1979). Исходя из определения ИЭО, данного М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым, в котором задействованы по выражению В.П. Алексеева две координаты (географическая и историко-культурная), он вводит третью – общность происхождения, этногенетическое единство. Так, комбинируя самые разнообразные антропологические, лингвистические, историко-этнологические и археологические данные, В.П. Алексеев выделил десять этногенетических пучков на территории Северной Евразии в пределах бывшего СССР (Там же).

В дальнейшем, концепция ХКТ, разработанная в этнографии, была «адаптирована» для археологии, был обоснован тезис о соотношении отдельных ХКТ с вариантами археологических культур, представления об историко-культурных областях получили в археологии дополнительные импульсы к развитию (*Савинов* 2007: 48; цит. по *Ткачев* 2016: 68).

Значительное внимание к соотношению ХКТ и археологической культуры, не синонимичности терминов «общность/область», под которыми в археологии подразумевается, как правило, общность этническая, тому, как подчас бесперспективна

этническая интерпретация археологических комплексов, и как необходимо для разрешения всех возникающих проблем обращение к трудам по теории этнографии, а именно к этой статье М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова, 1955 г., находим в последних работах Л.Т. Яблонского (*Яблонский* 2013, 2014, 2017).

Почему мы так подробно остановились на этой небольшой статье, составившей вместе с другими теоретическими статьями М.Г. Левина с его ближайшими коллегами, компендиум необходимых методологических основ физической антропологии, использующей биологические данные для исторических реконструкций? Той ее области, которая использует антропологический материал в качестве исторического источника, и целью которой является реконструкция древних и современных локальных этногенезов (*Алексеев* 1979, 1989). Дело в том, что в настоящее время прерогатива в палеоантропологии от группового уровня реконструкции антропологического состава археологической культуры, от реконструкции происхождения и этнической истории отдельных народов смещается в сторону индивидуальной реконструкции, изучения патологий и травм, следов телесных модификаций, физической активности, диетических предпочтений и т.п. индивида, то есть к изучению повседневной жизни человека, опрокинутой в прошлое. Вопросы происхождения тех или иных народов древности и современного населения различных стран и материков отданы генетикам и палеогенетикам. Безусловно, наш век – век междисциплинарных исследований и осмысления их результатов. Однако, на этом пути кроме отсутствия подчас критической оценки источника смежной профессии, сложности оценки достоверности выводов смежной науки, существует, о чем мы писали выше, «независимость механизмов возникновения, проявления и распространения базовых признаков этничности, языка, физического типа и материальной культуры» (*Яблонский* 2017: 38). Поэтому в качестве нити Ариадны мы предлагаем специалистам смежникам подробное ознакомление с основополагающими статьями М.Г. Левина, 1952 и 1955 гг., блестящего ученого, прекрасного лектора, интересного, веселого, мудрого и доброго человека, с которым один из авторов этой статьи имел счастье быть знаком, слушал его лекции и работал вместе с ним.

Научная литература

Алексеев В.П. Общение (часть 2). Этнографическое обозрение, 1993. № 2. С. 149–155.

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. Москва: Наука, 1989.

Алексеев В.П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика. Природа, 1975. №. 7. С. 18–23.

Алексеев В.П. Историческая антропология. Москва: Высшая школа, 1979.

Алексеев В.П. Максим Григорьевич Левин – антрополог, этнограф, организатор науки (К 80-летию со дня рождения). Советская этнография, 1984. № 6. С. 65–77.

Алексеев В.П., Балуева Т.С. Материалы по краниологии науканских эскимосов (к дифференциации арктической расы). Советская этнография, 1976. № 1. С. 84–100.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. Москва: Наука, 1984.

Алексеева Т.И. Древнее и современное население Берингии // Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва: Наука, 2003. С. 367–370.

Алексеева Т.И., Арутюнов С.А. Максим Григорьевич Левин: ученый, учитель, человек // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. Москва: Наука, 2004. С. 331–357.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). Москва: Наука, 1969.

Арутюнов С.А, Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский мо-

гильник. Москва: Наука, 1975.

Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (I Западный очаг одомашнивания оленя). Советская этнография, 1970. № 6. С. 3–14.

Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (II Роль саянского очага в распространении оленеводства в Евразии). Советская этнография, 1971. № 4. С. 37–52.

Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение. Советская этнография, 1951. № 1. С. 63–87.

Васильев С.В., Герасимова М.М. Краниология гренландских эскимосов. Человек и Север: Антропология, археология, экология. Материалы всероссийской конференции «Человек и Север: Антропология, археология, экология». Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015. С. 18–21.

Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского севера. Новосибирск: Наука, 1973.

Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского севера. Истоки, адаптация и эволюция приморских культур. Автореф. дис. докт. ист. наук. Новосибирск, 1974.

Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971.

Герасимова М.М. Древние черепа с Чукотки. Вестник антропологии, 2013. № 1 (23). С. 67–84.

Герасимова М.М., Васильев С.В. Максим Григорьевич Левин (1904–1963) – антрополог и этнограф, исследователь народов Сибири и Дальнего Востока // Universum Humanitarium. Научный журнал НГУ. Серия. Методы и методология гуманитарной науки, 2016. № 2 (3). С. 120–132.

Гохман И.И. Древний череп с Чукотки // Записки Чукотского краеведческого музея, 1961. Вып. 2. С. 14–18.

Гохман И.И., Томтосова Л.Д. О времени формирования арктической расы // Краткие содержания докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке. Ленинград: МАЭ, 1983. С. 7–9.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды института этнографии. Новая серия. Т. XVII. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1951.

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник / Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Москва: Наука, 1975. С.198–240.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды института этнографии. Новая серия. Т. IV. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1948.

Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // Советская этнография, 1952. № 1. С. 22–35.

Золотарев А.М. Из истории этнических взаимоотношений на Северо-Востоке Азии // Известия Воронежского пединститута, 1938. Т. 4. С. 73–87.

Золотарев А.М. К вопросу о происхождении эскимосов // Антропологический журнал, 1937. № 1. С. 47–56.

Золотарев А.М., Левин М.Г. К вопросу о древности происхождения оленеводства // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. Москва; Ленинград, 1938. Т. 1. С.171–189.

Левин М.Г. Материалы по краниологии приморских орочей // Антропологический журнал, 1936. № 3. С. 323–326.

Левин М.Г. Антропологические типы Охотского побережья // Труды института этнографии. Т. 2. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1947а. С. 84–102.

Левин М.Г. К антропологии эскимосов // Советская этнография (книжная серия), вып.VI–VII. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. С. 216–223.

Левин М.Г. Краниологический тип ульчей (нани) // Антропологический журнал, 1937. № 1. С. 82–90.

Левин М.Г. О происхождении и типах упряжного собаководства // Советская этнография, 1946. № 4. С. 75–108.

Левин М.Г. Об антропологическом типе древних эскимосов // Труды Московского Общества

испытателей природы. Современная антропология. Т.XIV. 1964. С. 262–269.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Труды Северо-Восточной экспедиции. Труды института этнографии. Новая серия. Т. XXXVI. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // Советская этнография, 1955. № 4. С.3–17.

Пестряков А.П., Григорьева О.М. Изменчивость черепной коробки эскимосов в процессе их исторического расселения // Древние цивилизации Старого и Нового Света: культурное своеобразие и диалог интерпретаций. Москва: Изд-во Ипполитова, 2003. С. 159–165.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1955.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. 2-е издание. Москва: Высшая школа, 1963.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. 3-е издание. Москва: Высшая школа, 1978.

Савинов Д.Г. О теории хозяйственно-культурных типов применительно к археологическим источникам // Материалы научной конференции «XVII Уральское археологическое совещание». Екатеринбург–Сургут, 19–22 ноября 2007 г. Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2007. С. 46–48.

Ткачев В.В. Кожумбердынская культурная группа в контексте концепции культурного ландшафта и индоиранской проблематики // Известия ИГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология», 2016. Т. 16. С. 66–87.

Файнберг Л.А. Происхождение эскимосов и алеутов // Этногенез народов Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. Москва: Наука, 1980. С. 227–240.

Халдеева Н.И. Дальний Восток // Этническая одонтология СССР / отв. ред. А.А. Зубов, Н.И. Халдеева. Москва: Наука, 1979. С. 204–211.

Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. Москва: Грифон, 2017.

Яблонский Л.Т. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных наук // Материалы Круглого стола «Этничность в археологии или археология этничности?» / отв. ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. Челябинск: ОЦИКР «Рифей», 2013. С. 32–47.

Яблонский Л.Т. Этика в археологии изучения этносов // Этика в археологии / отв. ред. Т.Г. Обыденкова. Уфа: Изд. БГПУ, 2014. С. 21–32.

References

Alekseev, V.P.1993. Obshchenie (chast' 2) [Communication (part 2)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 149–155.

Alekseev, V.P. 1989. *Istoricheskaya antropologiya i etnogenez* [Historical Anthropology and Ethnogenesis]. Moscow: Nauka.

Alekseev, V.P. 1975. Antropogeocenozy – sushchnost', tipologiya, dinamika [Anthropogeocenoses essence, typology, dynamics.]. *Priroda*. 7 : 18–23.

Alekseev, V.P. 1979. *Istoricheskaya antropologiya.* [Historical Anthropology]. Moscow: Vysshaya shkola.

Alekseev, V.P. 1984. Maksim Grigor'evich Levin – antropolog, etnograf, organizator nauki (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya) [Maxim Grigorievich Levin – anthropologist, ethnographer, organizer of science (on the occasion of his 80th birthday)]. *Sovetskaya etnografiya*. 6: 65–77.

Alekseev, V.P. and T.S. Balueva. 1976. Materialy po kraniologii naukanskih eskimosov (k differenciacii arkticheskoj rasy) [Materials on the craniology of Naukhan Eskimos (on the differentiation of the Arctic race)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1: 84–100.

Alekseev, V.P., and I.I. Gohman. 1984. *Antropologiya Aziatskoj chasti SSSR* [Anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka.

Alekseeva, T.I. 2003. Drevnee i sovremennoe naselenie Beringii. Gorizonty antropologii. *Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamyati akademika V.P. Alekseeva* [The ancient and modern population of Beringia. Horizons of anthropology. Proceedings of the International Sci-

entific Conference in Memory of Academician V.P. Alekseeva]. Moscow: Nauka. Pp. 367–370.

Alekseeva, T.I. and S.A Arutyunov. 2004. *Maksim Grigor'evich Levin: uchenyj, uchitel', chelovek. Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Maxim Grigorievich Levin: scientist, teacher, person. Prominent Russian ethnologists and anthropologists of the 20th century]. Moscow: Nauka.

Arutyunov, S.A. and D.A. Sergeev. 1969. *Drevnie kul'tury aziatskih eskimosov (Uelenskij mogil'nik*) [Ancient cultures of Asian Eskimos (Uelen burial ground)]. Moscow: Nauka.

Arutyunov, S.A. and D.A. Sergeev. 1975. *Problemy etnicheskoj istorii Beringomor'ya. Ekvenskij mogil'nik* [Problems of the ethnic history of the Bering Sea. Equens burial ground]. Moscow: Nauka.

Vajnshtejn, S.I. 1970. Problema proiskhozhdeniya olenevodstva v Evrazii (I Zapadnyj ochag odomashnivaniya olenya) [The problem of the origin of reindeer husbandry in Eurasia (Part I. Western center of deer domestication)]. *Sovetskaya etnografiya.* 6: 3–14.

Vajnshtejn, S.I. 1971. Problema proiskhozhdeniya olenevodstva v Evrazii (II Rol' sayanskogo ochaga v rasprostranenii olenevodstva v Evrazii) [The problem of the origin of reindeer husbandry in Eurasia (Part II. The role of the Sayan hearth in the spread of reindeer husbandry in Eurasia)]. *Sovetskaya etnografiya*, 4: 37–52.

Vasilevich, G. M., and M.G. Levin. 1951. Tipy olenevodstva i ih proiskhozhdenie [Types of reindeer husbandry and their origin]. *Sovetskaya etnografiya* 1: 63–87.

Vasil'ev, S.V. and M.M. Gerasimova. 2015. Kraniologiya grenlandskih eskimosov. CHelovek i Sever: Antropologiya, arheologiya, ekologiya. *Materialy vserossijskoj konferencii «CHelovek i Sever: Antropologiya, arheologiya, ekologiya»* [Craniology of the Greenland Eskimos. Man and the North: Anthropology, archeology, ecology. Materials of the All-Russian Conference «Man and the North: Anthropology, Archeology, Ecology»]. Tyumen': IPOS SO RAN: 18–21.

Vasil'evskij, R.S. 1973. *Drevnie kul'tury Tihookeanskogo severa*. [Ancient cultures of the Pacific North]. Novosibirsk: Nauka.

Vasil'evskij, R.S. 1974. *Drevnie kul'tury Tihookeanskogo severa. Istoki, adaptaciya i evolyuciya primorskih kul'tur.* [Ancient cultures of the Pacific North. Sources, adaptation and evolution of coastal cultures]. PhD diss. abstract, Novosibirsk.

Vasil'evskij, R.S. 1971.*Proiskhozhdenie i drevnyaya kul'tura koryakov*. [The origin and ancient culture of Koryak]. Novosibirsk: Nauka.

Gerasimova, M.M. 2013. Drevnie cherepa s Chukotki [Ancient skulls from Chukotka]. *Vestnik antropologii.* 1 (23): 67–84.

Gerasimova, M.M. and S.V. Vasil'ev. 2016. Maksim Grigor'evich Levin (1904–1963) – antropolog i etnograf, issledovatel' narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Maxim Grigorievich Levin (1904–1963) – anthropologist and ethnographer, researcher of the peoples of Siberia and the Far East]. Universum Humanitarium. Nauchnyj zhurnal NGU. Seriya. *Metody i metodologiya gumanitarnoj nauki*. 2 (3): 120–132.

Gohman, I.I. 1961. Drevnij cherep s Chukotki [Ancient skull from Chukotka]. *Zapiski Chukotskogo kraevedcheskogo muzeya*. 2 : 14–18.

Gohman, I.I., and L.D. Tomtosova. 1983. O vremeni formirovaniya arkticheskoj rasy [On the formation of the Arctic race]. *Kratkie soderzhaniya dokladov nauchnoj sessii, posvyashchennoj osnovnym itogam raboty v desyatoj pyatiletke*. St. Peterburg: MAE: 7–9.

Debec, G.F. 1951. *Trudy instituta etnografii. Novaya seriya. Antropologicheskie issledovaniya v Kamchatskoj oblast*i [Anthropological research in the Kamchatka region]. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR: 17.

Debec, G.F. 1975. *Paleoantropologicheskie materialy iz drevneberingomorskih mogil'nikov Uelen i Ekven* [Paleoanthropological materials from the ancient Bering Sea burial sites Uelen and Equen]. Problemy etnicheskoj istorii Beringomor'ya. Ekvenskij mogil'nik, edited by S.A. Arutyunov and D.A. Sergeev, 198–240. Moscow: Nauka.

Debec, G.F. 1948. *Trudy instituta etnografii. Novaya seriya, Paleoantropologiya SSSR*. [Paleoan-

thropological materials from SSSR]. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR: 4.

Debec, G.F., M.G. Levin and T.A. Trofimova. 1952. Antropologicheskij material kak istochnik izucheniya voprosov etnogeneza [Anthropological material as a source for studying ethnogenesis]. *Sovetskaya etnografiya.* 1: 22–35.

Zolotarev, A.M. 1938. Iz istorii etnicheskih vzaimootnoshenij na Severo-Vostoke Azii [From the history of ethnic relations in Northeast Asia]. *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta*. 4: 73–87.

Zolotarev, A.M. 1937. K voprosu o proiskhozhdenii eskimosov [To the question of the origin of the Eskimos]. *Antropologicheskij zhurnal*. 1: 47–56.

Zolotarev, A.M. and M.G. Levin. 1938. K voprosu o drevnosti proiskhozhdeniya olenevodstva [On the question of the antiquity of the origin of reindeer husbandry]. *Problemy proiskhozhdeniya, evolyucii i porodoobrazovaniya domashnih zhivotnyh*. Moscow–St. Peterburg. 1: 171–189.

Levin, M.G. 1936. Materialy po kraniologii primorskih orochej [Materials on craniology of coastal orcs]. *Antropologicheskij zhurnal*. 3: 323–326.

Levin, M.G. 1947a. *Trudy instituta etnografii. Antropologicheskie tipy Ohotskogo poberezh'ya* [Anthropological types of the Okhotsk coast]. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR: 2.

Levin, M.G. 1947. K antropologii eskimosov [To the anthropology of the Eskimos]. *Sovetskaya etnografiya (knizhnaya seriya)*. VI–VII: 216–223.

Levin, M.G. 1937. Kraniologicheskij tip ul'chej (nani) [Craniological type of ulchi (nani)]. *Antropologicheskij zhurnal* .1: 82–90.

Levin, M.G. 1946. O proiskhozhdenii i tipah upryazhnogo sobakovodstva [On the origin and types of dog breeding]. *Sovetskaya etnografiya*. 4: 75–108.

Levin, M.G. 1964. *Trudy Moskovskogo Obshchestva ispytatelej prirody. Sovremennaya antropologiya.* Ob antropologicheskom tipe drevnih eskimosov [About the anthropological type of ancient Eskimos]. 14: 262–269.

Levin, M.G. 1958. *Trudy Severo-Vostochnoj ekspedicii. Trudy instituta etnografii. Novaya seriya. Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka* [Ethnic anthropology and problems of ethnogenesis of the peoples of the Far East]. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR: 26.

Levin, M.G. and N.N. CHeboksarov. 1955. Hozyajstvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti (k postanovke problem*y)* [Economic and cultural types and historical and ethnographic areas (to the statement of the problem)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4: 3–17.

Pestryakov, A.P. and O.M. Grigor'eva. 2003. Izmenchivost' cherepnoj korobki eskimosov v processe ih istoricheskogo rasseleniya [Variability of the Eskimo skull in the process of their historical settlement]. *Drevnie civilizacii Starogo i Novogo Sveta: kul'turnoe svoeobrazie i dialog interpretacij*. Moscow: izdatel'stvo Ippolitova: 159–165.

Roginski,j Ya.Ya., and M.G. Levin. 1955. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow: izdatel'stvo Mosk. un-ta.

Roginskij, Ya.Ya., and M.G. Levin. 1963. *Antropologiya.* 2-e izdanie [Anthropology. 2nd edition]. Moscow: Vysshaya shkola.

Roginskij, Ya.Ya., and M.G. Levin. 1978. *Antropologiya.* 3-e izdanie [Anthropology. 3rd edition]. Moscow: Vysshaya shkola.

Savinov, D.G. 2007. O teorii hozyajstvenno-kul'turnyh tipov primenitel'no k arheologicheskim istochnikam. *Materialy nauchnoj konferencii «17 Ural'skoe arheologicheskoe soveshchanie».* Ekaterinburg–Surgut (19–22 noyabrya 2007) [On the theory of economic and cultural types as applied to archaeological sources. Materials of the scientific conference «XVII Ural Archaeological Conference». Yekaterinburg–Surgut (November 19–22, 2007)]. Ekaterinburg: izdatel'stvo «Magellan».

Tkachev, V.V. 2016. Kozhumberdynskaya kul'turnaya gruppa v kontekste koncepcii kul'turnogo landshafta i inDOI:ranskoj problematiki [Kozhumberdyn cultural group in the context of the concept of cultural landscape and Indo-Iranian issues]. *Izvestiya IGU. Seriya «Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* 16: 66–87.

Fajnberg, L.A. 1980. Proiskhozhdenie eskimosov i aleutov [Origin of the Eskimos and Aleuts]. *Etnogenez narodov Severa*, edited by I.S. Gurvich. Moscow: Nauka: 227–240.

Haldeeva, N.I. 1979. Dal'nij Vostok [Far East]. *Etnicheskaya odontologiya SSSR*, edited by A.A. Zubov and N.I. Haldeeva. Moscow: Nauka: 204–211.

Yablonskij, L.T. 2017. *Na vostoke skifskoj ojkumeny* [In the east of the Scythian oikumena]. Moscow: Grifon.

Yablonskij, L.T. 2013. Problemy koncepcii etnogeneza na sovremennom etape razvitiya gumanitarnyh nauk. *Materialy Kruglogo stola «Etnichnost' v arheologii ili arheologiya etnichnosti? »* edited by V.S. Mosin and L.T. Yablonskij, 32–47. CHelyabinsk: OCIKR «Rifej».

Yablonskij, L.T. Etika v arheologii izucheniya etnosov. *Etika v arheologii,* edited by T.G. Obydenkova. Ufa: izdatel'stvo BGPU: 21–32.

Margarita M. Gerasimova, Alyona V. Dedik. **Maxim Grigorievich Levin (1904–1963): 115 years since birth**

The essay is dedicated to the memory of Maxim Grigorievich Levin, who was deputy director of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, head of the anthropology sector in the distant 50s of the last century. Levin was a major anthropologist and ethnographer who devoted his life to the study of anthropology and ethnography of the peoples of Siberia and the Far East. He made a significant contribution to the methodology of studying such a complex historical phenomenon as ethnogenesis

Key words: *Levin, paleoanthropology, anthropology, ethnography and ethnogenesis of the peoples of Eastern Siberia and the Far East, methodological concepts of historical and ethnographic regions and economic and cultural types*

УДК 39+02(470)(092)
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/303-306

© Н.И. Халдеева, Н.Х. Спицына, С.В Васильев

МАРГАРИТА МИХАЙЛОВНА ГЕРАСИМОВА. ЧЕЛОВЕК В НАУКЕ И НАУКА В ЧЕЛОВЕКЕ*

Юбилейный очерк посвящен ведущему научному сотруднику Центра физической антропологии, бессменному заведующему кабинетом-музеем имени академика Алексеева В.П., замечательному человеку и большому ученому Герасимовой Маргарите Михайловне. Вся научная жизнь Маргариты Михайловны прошла в стенах ИЭА РАН. Ею изучалось население бескрайних просторов нашей страны от эпохи палеолита до позднего средневековья. Герасимову М.М. можно смело назвать «человеком науки»

Ключевые слова: *Герасимова Маргарита Михайловна, физическая антропология, этногенез народов Кавказа*

Текущий 2019-й – год юбилея Маргариты Михайловны Герасимовой, ведущего научного сотрудника Центра Физической Антропологии Института Этнологии и Антропологии РАН. Здесь она работает с 1956 года.

Халдеева Наталья Ивановна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: nathal40@mail.ru. **Natalia I. Haldeeva** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: nathal40@mail.ru

Спицына Наиля Хаджиевна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта:nailya47@mail.ru. **Nailya H. Spitsyna –** Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: nailya47@mail.ru

Васильев Сергей Владимирович – д.и.н., главный научный сотрудник Центра физической антропологии, Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru. **Sergey V. Vasilyev** – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Родилась Маргарита Михайловна в Ленинграде в семье известного ученого-антрополога профессора Михаила Михайловича Герасимова – основателя и руководителя Лаборатории пластической/антропологической реконструкции, её мама Тамара Сергеевна работала в одном из подразделений Президиума РАН.

После завершения учебы на кафедре антропологии Биологического факультета МГУ (1952–1956гг.), где преподавали профессора М.А. Гремяцкий и Я.Я. Рогинский, она становится сотрудником Отдела антропологии Института этнографии АН СССР – сегодня Центр Физической Антропологии ИЭА РАН. В это время в Отделе работали антропологи мировой известности – профессор В.В. Бунак, зав. лабораторией пластической/антропологической реконструкции профессор М.М. Герасимов, профессор Г.Ф. Дебец, профессор М.Г. Левин, будущий Академик В.П. Алексеев и будущий руководитель Отдела антропологии А.А. Зубов.

Маргарита Михайловна сразу включилась в жизнь и дела Отдела. Будучи, в высшей степени, контактным человеком она стала членом этого коллектива, его молодой силой. Получив предварительный опыт работы в археологических экспедициях еще в МГУ, в регионах Поволжья (периода бронзы и сарматского времени), она продолжила актуальные профессиональные контакты с археологами и другими смежными специалистами. Активно взялась за сбор палеоантропологического материала из Прибайкалья. В последующие годы изучала материалы античности Причерноморья, юга Осетии, и большинства регионов в рамках СССР и за рубежом (Бельгия). Хронологическая принадлежность ее материалов – от палеолита до Средневековья. Научный анализ проводился ею в контексте расоведения и этногенеза. Кроме того, Маргарита Михайловна в совершенстве освоила специальность антрополога-реставратора, не отказываясь от наиболее сложных краниологических серий.

На заседаниях Отдела антропологии часто дискутировались самые актуальные проблемы антропологии, пути ее развития в соотношении с мировыми исследовательскими трендами, горячо обсуждались работы аспирантов и молодых специалистов, все это стало для неё необходимым опытом и школой.

Маргарита Михайловна обладает не частым даром организатора, придавая характеру работы настрой особой значимости, подчеркивая актуальность конкретной проблемы и хода исследования. Она всегда внимательна к коллегам, вносит теплую интонацию реального исследовательского сотрудничества. Она умеет установить и сохранять контакты с коллегами и сотрудниками из других подразделений, с антропологами, археологами не только Москвы, но многих городов России и других стран.

Круг её профессиональных интересов не был замкнутым, но развивался за счет обращения к другим направлениям, в частности к палеоприматологическим объектам, к исследованию челюстного материала по шимпанзе, рассматриваемого в эволюционном аспекте. В данном случае Маргарита Михайловна в сотрудничестве с руководителем Центра физической антропологии Сергеем Владимировичем Васильевым анализировали специфику строения нижнечелюстного аппарата шимпанзе, вектор эволюционной динамики морфологических вариаций по специально разработанной ими новой программе.

Маргарита Михайловна всегда проявляла интерес ко всему новому в антропологической науке. В 1975 году Маргарита Михайловна успешно защитила кандидатскую диссертации на материалах эпохи раннего железа с территории Северного Причерноморья. Она обладает особым даром социабельности и установления контактов, которые, как правило, продолжаются и на личной почве, в частной обстановке как с ровесниками, так и с молодыми коллегами. Её беседы всегда содержательны, с интересными эпизодами и случаями из жизни, которые часто связаны с событиями широкого круга известных антропологов и многих интересных людей. Беседы с Маргаритой Михайловной никогда не становятся просто времяпровождением – они построены в жанре исторических эссе.

Маргарита Михайловна всегда принимает участие с докладами в работе международных научных форумах. Также широки её международные научные контакты. Так, благодаря ее предварительной договоренности и согласованию календаря рабочих поездок, группа антропологов нашего Отдела в течение ряда лет выезжала в Париж для работы в Музее человека с несколькими программами (2008–2013 гг.).

В течение многих лет сотрудники нашего Центра ежегодно участвуют с докладами в организуемой белорусскими антропологами Международной конференции в Минске по проблемам современной антропологии. Во всех подобного рода профессиональных и личных контактах благодаря инициативе Маргариты Михайловны они всегда интересны, информативны и актуальны для всех участников. Это не беседы на упрощенные темы, здесь широко обсуждаются и дискутируются вопросы науки, культуры, выстраиваются перспективные планы совместных работ.

В выходные дни в Париже мы всей группой путешествовали по городу, пригородам или участвовали в автобусных маршрутах по достопримечательностям. Для всех участников таких поездок/походов получался двойной эффект – от прогулок, новых урбанистских впечатлений и незабываемого общения – теплого и дружеского. Думаю, что главная роль в этом принадлежит Маргарите Михайловне. При этом повторялся эффект коллектива, спаянности, уверенности. Ещё одна инициатива М.М. Герасимовой – продолжать многолетнюю традицию нашего Центра регулярного (каждое пятилетие) проведения конференций памяти великих ученых-антропологов В.В. Бунака, М.М. Герасимова, Г.Ф. Дебеца, М.Г. Левина. В этом 2019 году была впервые организована конференция, посвященная памяти А.А. Зубова. На эти собрания съезжаются

коллеги всех соответствующих российских Центров и специалисты других регионов и стран. Кроме всего прочего Маргарита Михайловна является заведующей Кабинетом палеоантропологии им. академика В.П. Алексеева. На базе фонда палеоантропологических, одонтологических, и библиотечных материалов Кабинета проводится широкий круг исследовательских работ, приезжают российские и зарубежные специалисты для работы в его фондах, организуются конференции, читаются лекции студентам.

Однако, это только фон, за которым стоит громадная работа по сбору палеоантропологического материала, его анализа, публикаций статей и монографий и конечно отчетов, которые всегда выполнены ею на необходимом уровне.

Несомненно, она является ведущим научным сотрудником не только по формальным критериям, но по уровню высокого профессионализма и масштабу личности.

В целом, профессиональным и человеческим кодом Маргариты Михайловны являются высокий профессионализм, ответственность, классика, компетентность, строгое и доброе наставничество учителя, и четкое прогнозирование динамики современной антропологии.

Бывают предприятия, которые принято называть градообразующими, или даже системообразующими, поскольку с возникновением их закипает активная жизнь, вокруг них возникают населенные пункты со своей неповторимой инфраструктурой, постепенно налаживается социальная и культурная жизнь. События, ставшие рядовыми, сейчас этим уже никого не удивишь. А есть люди, вполне себе мирные, интеллигентные, безмерно далекие от производства, но само существование их и главное душевность и творчество объединяет и цементирует коллективы. Все-таки роль личности в истории велика, чтобы там нам не говорили по этому поводу философы. Именно таким и является клан антропологов Герасимовых, без них наша антропология не полна! Как бы неожиданно не звучало подобное заявление, но оно полностью оправдано жизнью Маргариты Михайловны. Прекрасный юбилей, да еще такой значительный, 85 лет вам не шутка, к которому она подошла на пике своей творческой активности, позволяет оценить масштаб личности, с которой всем нам посчастливилось работать.

Сколько же времени тратит она на молодежь, и сколько отдает сил и энергии когда-то аспирантам, теперь уже молодым и не очень сотрудникам, даже и не определишь. Причем работает всегда терпеливо, не раздражается и абсолютно бескорыстно учит работать с материалом, писать, статьи, редактирует, поправляет, поправляет и, в конце концов, доводит до ума. За всем этим стоит колоссальный опыт, знания, все-таки Маргарита Михайловна прирожденный педагог. Но не всепрощающий, а очень принципиальный и очень даже строгий.

Открытый дом, хлебосольный, с порога тебя встречает хозяйка, и сразу из шумной, суетной Москвы попадаешь в теплую, уютную старомосковскую атмосферу. Это чувство знакомо многим антропологам, археологам, особенно иногородним, приезжающим на стажировки, конференции. Многие из них находили и находят здесь и поддержку и кров, и становятся настоящими друзьями. Даже их семьи и дети считают Маргариту Михайловну родным человеком.

Дорогая Маргарита Михайловна, поздравляем Вас с юбилеем, здоровья и больших дальнейших успехов.

Ваши друзья и коллеги

Haldeeva, Natalia I., Spitsyna, Nailya H. and Sergey V. Vasilyev. **Margarita Mikhaylovna Gerasimova. A Person in Science and Science in the Person**

The jubilee essay is dedicated to the leading researcher at the Center for Physical Anthropology, the permanent head of the cabinet-museum named after Academician Alekseev V.P., a remarkable person and great scientist Margarita Mikhailovna Gerasimova. The entire scientific life of Margarita Mikhailovna took place within the walls of our institute. She studied the population of the vast expanses of our country from the Paleolithic era to the late Middle Ages. Gerasimova M.M. can safely be called a "human of science"

Key words: *Gerasimova Margarita Mikhailovna, physical anthropology, ethnogenesis of the peoples of the Caucasus*

.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+930.23
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/307-310

© Ю.Д. Анчабадзе

РЕЦЕНЗИЯ НА: Д.В. ГРОМОВ. НЕМЦОВ МОСТ. СТИХИЙНАЯ МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ. М.: ИЭА РАН, 2017. – 230 С., ИЛЛ.

27 февраля 2015 г. на Большом Москворецком мосту в г. Москве был убит известный политик, признанный на тот момент лидер оппозиционных сил Борис Немцов. Убийство получило беспрецедентный общественный резонанс. В течение многих дней оно находилось в центре внимания российских и мировых СМИ, свое отношение к происшедшему, а также к личности погибшего высказали ведущие медийные персоны, примечательной была также массовая реакция на взволновавшее всех трагическое событие: 1 марта состоялось массовое мемориальное шествие памяти Б.Е. Немцова, его похороны 3 марта также прошли при большом стечении народа.

В то же время трагический инцидент имел следствием еще одно явление. В первые же часы после события к месту убийства стали приносить цветы, поминальные свечи, плакаты и другую мемориальную атрибутику. Акция продолжилась и в последующие дни, превратив Большой Москворецкий мост, который в скором времени в обиходном словоупотреблении получил наименование Немцов мост, в мемориальный локус по сохранению памяти о погибшем политике. Возникновение стихийных мемориалов на месте знаковых событий достаточно распространенные явление, однако Немцов мост отличается рядом уникальных и своеобычных черт, которые выделяют его от аналогичных мемориальных пространств. Эти особенности описал и проанализировал Д.В. Громов в своем новом исследовании, посвященном данному феномену.

Характерной чертой мемориала Немцов мост является, прежде всего, длительность его существования. Рассматривая историю подобного рода объектов – по авторскому определению, *спонтанных мемориалов* - можно отметить, что подавляющее их большинство, пережив в первый период после события стадию активной репрезентации, охватывающую дни, недели, а иногда месяцы, впоследствии прекращает свое существование, вследствие затухания на объекте специфических коммеморативных практик. В то же время известны мемориалы, обладающие, опять-таки по авторскому определению, - *длительным коммеморативным действием*. Таковы возникшие гораздо раньше Немцова моста и функционирующие

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: anchabadze@list.ru.
Yuri D. Anchabadze – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Prospect, 32A). E-mail: anchabadze@list.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

по сей день мемориал у парижского моста Альма, где 31 августа 1997 г. в автокатастрофе погибла принцесса Диана, или мемориал у бесланской школы, где в сентябре 2004 г. разыгралась страшная трагедия с захватом террористами детей-заложников. Однако очевидно, что политические и социокультурные детерминанты названных мемориальных локусов сильно разнятся, и это выделяет Немцов мост в ряду аналогичных ему объектов.

Прежде чем приступить к анализу названных детерминантов, Д.В. Громов обращается к истории мемориала, начиная от появления на асфальте первых цветов, которые были положены, по сведению автора, еще до того, как были убраны заграждения вокруг лежащего тела. В последующие дни гора цветов росла, одновременно появлялась другая поминальная атрибутика, и в дальнейшем мемориал уже не прекращал своего существования, переживая многие эмоциональные и драматические периоды своего бытия. История мемориала реконструирована подробно и детализировано, Д.В. Громову удалось описать ее едва ли не подневно. Это также дало возможность автору выделить в истории определенные этапы, охватывающие порой лишь несколько недель, а то и дней, которые знаменуют, по вполне обоснованному мнению Д.В. Громова, важные ступени институализации мемориала.

Важнейшей чертой при этом является то обстоятельство, что длительность существования мемориала привела к достаточно сложной его самоорганизации. Довольно быстро образовалась большая группа активистов, которая поддерживает жизнедеятельность мемориала, формируя пространство его бытовой повседневности. Д.В. Громов анализирует состав и обязанности участников дежурств на мемориале, обрядность, совместные действия вне дежурства; крайне интересный раздел монографии посвящен экономике мемориала. Важнейшей задачей активистов Немцова моста стало противодействие многочисленным попыткам властей и политических противников уничтожить мемориал. Это привело к возникновению института дежурных, которые следят за порядком и охраной, что, безусловно, продлило существование мемориального локуса.

Д.В. Громов рассматривает историю мемориала в трех дискурсах его существования. Анализируя политический дискурс, автор приводит данные, основанные на интервьюировании активистов Моста. Любопытным является то, что «большинство опрошенных настаивало на **неполитическом** характере мемориала» (с. 51; выделение автора). В качестве целевой мотивации они указывают на требование установки на месте гибели Бориса Немцова мемориальной доски или таблички, настаивают также на проведении независимого расследования убийства. Одновременно активисты указывают на морально-этическое содержание их акции, связанное с необходимостью сохранения памяти о жестоко убиенном человеке, который являл собой символ бескомпромиссной честности и многих других ярких личных достоинств.

Однако вряд ли можно полностью отвлечься от политической составляющей мемориала. Д.В. Громов полностью прав, когда рассматривает Немцов мост в качестве примера политического акционизма, заключая, что «коммеморация оказалась реакцией на нерешенность политических проблем, породивших трагедию» (с. 173). Трудно сказать, что в таком случае следует понимать под *решенностью* проблем, но возникновение и функционирование мемориала являются слепком современного политического, общественного и культурного состояния России.

Д.В. Громов подчеркивает, что феномен Немцова моста стал возможен в условиях демократизации обществ. Нет сомнений. Вряд ли мемориал мог зародиться и уж во всяком случае просуществовать хоть малое время в условиях даже брежневского СССР – бульдозеры и иная эффективная техника прекратили бы его существование в считанные минуты. Изменившиеся политические условия в постсоветской России сделали возможным проведение стихийных коммеморативных акций, посвященные тем или иным резонансным событиям – как показала практика, нынешние власти к подобного рода акциям относятся, по крайней мере, нейтрально. Однако их реакция на появление на Большом Москворецком мосту в первые же дни после убийства Б. Немцова стихийного поминального мемориала оказалась крайне негативистской. Чутко реагирующие на веяния «из-за стены», а возможно получая оттуда прямые указания, сотрудники «Гормоста», а также участники провластного движения SERB предпринимали неоднократные попытки уничтожить мемориал, но именно эти действия парадоксальным образом способствуют продлению его существования. Рассматривая конфликт как стимул самоорганизации, Д.В. Громов отмечает, что многократные организованные нападения на мемориал стали причиной возникновения практики постоянного, круглосуточного дежурства на Немцовом мосту, что стало отличительной чертой этого коммеморативной акции.

На мой взгляд важно и другое. Именно восстановление мемориала после его первого же его уничтожения (25 марта это сделали участники движения SERB, а через два дня сотрудники «Гормоста») положило начало политическому дискурсу Немцова моста. Восстановление мемориала и его дальнейшее существование представляется актом противостояния с властью, по существу является самым ярким символическим высказыванием в рамках протестного акционизма, форма которого (высказывания) позволяет не прибегать к иным видам вербального или визуального протеста. Формальные требования к властям («Большинство моих информантов – свидетельствует Д.В. Громов, говорили, что согласны прекратить дежурства после установления памятного знака») представляются неким лукавством, которое позволяет активистам Моста внешне дистанцироваться от политического дискурса мемориала. Активисты Моста также не допускают в поминальной атрибутике и проводимой обрядности всего, что можно интерпретировать как политический акционизм, и это позволяет им находиться в «дискурсе закона» (Д.В. Громов), не предоставляя властям повода ликвидировать мемориал на правовых основаниях.

Однако как бы активисты Моста ни дистанцировались от политического дискурса мемориала, он является очевидным для его противников. Не случайно претензии, которые предъявляются мемориалу со сторону «Гормоста», SERB'а, «афганцев» и других его противников носят политический характер. При этом очевидно, что за их обвинениями в «поддержке терроризма» «подготовке оранжевой революции», «стремлении устроить Майдан», принадлежности к «пятой колонне» и др. мемах, скрываются иные, гораздо более глубокие пласты консервативной и охранительной идеологии, которая неприемлема для большинства активистов Немцова моста, которые, естественно, репрезентируют совершенно иной политический дискурс.

Последний Д.В. Громов соотносит с «символическим продолжением политической деятельности Бориса Немцова». Безусловно. Автор показал, как в рамках символической интеракции (гл. IV) плакаты с изречениями политика, оставаясь формально поминальной атрибутикой, несут важный общественно-политический

посыл. Но специфика постоянно функционирующего городского мемориала имеет и другие политические интеракции, которые, на мой взгляд, в немалой степени способствуют поддержанию его жизнедеятельности.

Для активистов Моста сопричастность к его функционированию является формой личной политической репрезентации, публичной демонстрацией своих общественно-политических взглядов и убеждений. Для представителей соответствующей части политического спектра в современной России существует весьма ограниченный набор возможностей для публичных высказываний. Непредставленность демократических сил в законодательных структурах власти, игнорирование и демонизация демократов в ведущих медиа страны, маргинальность либеральной идеологии в общественном сознании социума, да и не преодоленная разобщенность в стане российских демократов – все это лишает «сторонников Немцова» трибуны и каналов манифестации своих позиций.

Мемориал дал такую возможность, прежде всего, тем приверженцам демократических идей, которые сами по себе, возможно, не являются волонтерами открытого уличного активизма, но готовы демонстрировать свою политические предпочтения, участвуя в повседневной жизни мемориала. По существу, здесь собираются люди, небезразличные к актуальной политической повестке дня и солидарные друг с другом в ее понимании, хотя, как свидетельствует автор, активисты Немцова моста могут высказывать не во всем совпадающие взгляды. В любом случае история Немцова моста войдет в летопись демократического движения в России.

Одновременно мне видится и другая функциональность мемориала. Из собранных Д.В. Громовым интервью очевидно, что для многих активистов Немцова моста волонтерство на мемориале отвечает неким глубоко личным, индивидуальным переживаниям, весьма характерным для современного атомизированного урбанистического быта. По одному из характерных высказываний, на Мост приходят, в том числе, чтобы «спастись от одиночества». Волонтерство на мемориале дает такую возможность, тем более, что его активисты образовали весьма привлекательное сообщество, в котором неформальные, дружеские отношения основаны на сходном образовательном, культурном и мировоззренческом статусе членов корпорации. «Мы полночи фланировали вдоль мемориала, читая друг другу стихи», – свидетельствует один из активистов Моста. «Начали, как принято, вести задушевную беседу: о семье, о Мосте, о литературе и об истории», - рассказывает женщина - волонтер мемориала; по ее же свидетельству: «за разговорами с интересными людьми ночь и прошла». Подводя итог прошедшего дежурства, она свидетельствует, что оно выдалось «спокойное и немного философское, в чем-то неожиданное и очень предсказуемое. С конфликтной ситуацией и с философскими разговорами». Один из волонтеров свои чувства выразил в поэтической форме:

«А что твой уют? Заполнять пустоту.
Решаем все тут, на Немцовом мосту».

Общность политических взглядов в данном случае является дополнительным фактором интеграции и единения сообщества

Заключая свои впечатления от прочитанной книги, подчеркну новаторский характер исследования Д.В Громова. Автор увидел совершенно новое явления в современной российской социальной действительности и представил его глубокий и фундированный антропологический анализ.

УДК 39+930.23
DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/311-314

© Н.Г. Деметер

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИИ СЕРИИ «ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ».

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ/ ГУРКО А.ВЛ., ЧАКВИН И.В., КАСПЕРОВИЧ Г.И. [И ДР.]. МИНСК: БЕЛАРУСКАЯ НАВУКА, 2010

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ГРОДНЕНСКОГО ПОНЕМАНЬЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ / А.ВЛ.ГУРКО [И ДР.] ; РЕДКОЛЛ.: А.ВИКТ.ГУРКО [И ДР.]; НАЦ. АКАД. НАУК БЕЛАРУСИ, ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУС. КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКА И ЛИТ. – МИНСК: БЕЛАРУСКАЯ НАВУКА, 2014

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ / А. ВЛ. ГУРКО [И ДР.] ; НАУЧ. РЕД. А. ВИКТ. ГУРКО; НАЦ. АКАД. НАУК БЕЛАРУСИ, ЦЕНТР ИССЛЕД. БЕЛОРУС. КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКА И ЛИТ., ФИЛ. «ИН-Т ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРА ИМ. К. КРАПИВЫ». – МИНСК : БЕЛАРУСКАЯ НАВУКА, 2016

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ (ВИТЕБЩИНЫ) В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: НАУЧ. РЕД. А. ВИКТ. ГУРКО; НАЦ. АКАД. НАУК БЕЛАРУСИ, ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУС. КУЛЬТУРЫ, ЯЗЫКА И ЛИТ., ФИЛ. «ИН-Т ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРА ИМ. К. КРАПИВЫ». МИНСК : БЕЛАРУСКАЯ НАВУКА, 2017

В 2010–2017 гг белорусскими этнологами была опубликована фундаментальная серия обобщающих монографических работ под названием «Этнокультурные процессы историко-этнографических регионов Беларуси». Из шести историко-этнографических регионов, сформировавшихся в пределах границ Республики Беларусь (Поозерье, Поднепровье, Центральный регион, Понеманье, Восточное и Западное Полесье) – рецензируемые монографии посвящены четырем: Восточному Полесью (2010 г.), Понеманью (2014 г.), Центральной Беларуси (Минщина) (2016 г.) и Белорусскому Подвинью (Витебщина) (2017 г.). Готовится к изданию монография по Брестскому (Западному) Полесью.

Деметер Надежда Георгиевна – д.и.н., ведущий научный сотрудник ИЭА РАН. Эл. Почта: demetera@mail.ru. **Nadezda G. Demeter** – Institute of Ethnology and Anthropology RAS. E-mail: demetera@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Опубликованные монографии написаны учеными Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной Академии Наук Беларуси.

Актуальность изданных монографий несомненна. Исследование региональных особенностей дает возможность выявить многообразие белорусской культуры, усилить внимание к региональным культурам, как к ресурсу развития народа.

Созданию книг предшествовали исследования, проведенные в 2000–2018 гг. этнологами Национальной академии наук Беларуси и региональных вузов в рамках Государственного плана научных исследований, а также проектов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований. В результате многолетней совместной работы сложился устойчивый авторский коллектив, участвовавший в подготовке практически каждой из книг: исследователи Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси Гурко А.Викт., Гурко А.Вл., Ракова Л.В., Шейбак В.В., Кухаронак Т.И., Грунтов С.В., Романенко И.В., Бункевич Н.С. Кроме того, к написанию отдельных глав привлекались специалисты региональных ВУЗов и научных учреждений Беларуси.

Авторам монографий удалось дать комплексное представление об исторических и этнокультурных особенностях каждого из регионов Беларуси. Ценность рецензируемых монографий состоит в том, что они выполнены на основе широкого круга источников – опросов экспертов, статистических данных, архивных материалов, сведений, опубликованных в литературе, в том числе и исторических. Особого внимания заслуживают полевые материалы, собранные самими авторами. Несомненное достоинство монографий – их информативность. В них представлены: этническая история каждого из регионов, демографические процессы, религиозно-конфессиональная ситуация, материальная и праздничная культуры, семья и семейные традиции, художественная и театральная культура.

Каждый из разделов монографий написан на основе оригинальных подходов, идей и концепций авторов. Например, при рассмотрении эволюции этноконфессиональной структуры во всех монографиях серии авторами (Гурко А.Вл. и Гурко А.Викт.) дается характеристика каждой из конфессий, ее история и тенденции развития в регионе, обзор деятельности религиозных организаций во все рассматриваемые исторические периоды (от средневековья до современности), межконфессиональные и государственно-церковные отношения, особенности религиозной жизни в прошлом и настоящем. Особый интерес представляет анализ межнациональных отношений и особенности этнического самосознания жителей рассматриваемых регионов в современный период.

Открыла серию монография ***«Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем”,*** посвященная региону Мозырско-Припятского Полесья. Опираясь на исторические источники, авторы монографии приходят к выводу, что эти территории соотносятся с «руськими» или «рускыми» землями и волостями, за которыми закрепились региональные названия «Белая Русь» (С. 12). На основе анализа исторических, архивных, историографических, полевых, этнографических, музейных и справочно-статистических материалов впервые в белорусской этнографии определены основные тенденции эволюции, преемственности и изменчивости этнокультурной ситуации в Мозырско-Припятском локусе историко-этнографического региона Восточного Полесья, подробно проанализированы региональные особенности материальной культуры, в том числе традиционного костюма, жилья. В этом регионе, по мнению исследователей, сконцентрированы и в значительные мере сохранены различ-

ные уникальные, в том числе архаичные, формы материального и духовного наследия. В результате проведенного авторами анализа демографических показателей исследуемого региона и сопоставления их с областными и республиканскими данными, удалось выявить местную специфику динамики численности населения этой территории, половозрастного состава, этнической структуры, брачности и разводов.

По итогам Международного конкурса 2011 года на лучший издательский проект «Научная книга» в Киеве, эта монография была удостоена Гран-при Международной ассоциации академий наук.

В следующей монографии «***Этнокультурные процессы Гродненского Понеманья в прошлом и настоящем***» представлен анализ исторических особенностей и этнокультурного своеобразия Гродненского Понеманья, расположенного на белорусско-литовско-польском пограничье, на стыке западной и восточной цивилизаций и на пересечении важнейших торговых путей. В исторических источниках земли Белорусского Понеманья именуются то «Литвой», то «Русью» (и в частности, Черной Русью). В монографии отмечено своеобразие региона, отличающегося сложным этническим и конфессиональным составом населения. Это территория компактного проживания представителей самой большой этноконфессиональной группы Беларуси – поляков-католиков.

По составу населения Гродненская область является наиболее полиэтнической в республике. Как убедительно доказывают авторы монографии, «в этом регионе сложились устойчивые формы сосуществования народов и взаимодействия их культур, также как и во взаимоотношениях их представителей». Из этого следует, что стратегии межэтнического взаимодействия, выработанные здесь, во многом являются эталонными для развития толерантности в других регионах республики.

В монографии «***Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем***» отмечается, что эта часть Беларуси – один из важнейших центров формирования белорусского народа и центр переплетения традиций разных регионов. В монографии, на основе анализа большого количества исторических источников, оригинальных материалов, литературных данных рассматривается этническая история Минщины, произведена реконструкция этнических реалий эпох ранней и поздней первобытности, древности, а также средневековья. Основное население этого историко-этнографического региона составляют белорусы, православная часть которых в XIV – XVII вв. именовалась «русинами», «русичами», «руссю». Этнический состав населения включал также балтов, поляков, татар, евреев, цыган, немцев. Авторы подчеркивают, что на Минщине наиболее активно, по сравнению с другими регионами, происходили процессы формирования белорусских религиозных традиций. В настоящее время в Минской области представлены все конфессии, внесшие наиболее значительный вклад в историческое становление и развитие духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа – православная, католическая, лютеранская церкви, ислам и иудаизм. Минск в настоящее время стал местом проведения многочисленных межконфессиональных и общецерковных мероприятий для всех религиозных организаций Беларуси.

Согласно переписи населения 2009 года 88,5% жителей области являются белорусами, русские составляют 7,1%, 1,3% – поляки; 1,2% – украинцы, по 0,1% – цыгане, евреи, армяне, татары, азербайджанцы. Авторы отмечают, что в столице Беларуси самая высокая плотность населения.

В монографии впервые проведен комплексный анализ миграционных процессов, дана характеристика социально-правового положения мигрантов, процессов их адаптации в этнодемографической среде и социально-экономической структуре Минщины. В книге показано своеобразие материальной культуры региона, отраженное в традициях питания, элементах традиционного костюма, в архитектурном наследии.

Монография ***«Этнокультурные процессы Белорусского Подвинья (Витебщины) в прошлом и настоящем»*** представляет регион, этнографическое своеобразие которого во многом определяется его географическим положением на пересечении исторически сложившихся торговых путей с Севера на Юг («из варяг в греки»), на границах с Литвой, Латвией и Россией. Авторы высказывают мнение о том, что земли Белорусского Подвинья в IX — первой половине XIII века входили в сферу политического влияния Полоцка и включались в понятие «Полоцкая земля». В разделе, посвященном этнической истории, отмечается, что полочан можно рассматривать «как славянскую локально-территориальную, раннегосударственную группировку, которая возникла на кривичской этнической основе». Древний Полоцк считается колыбелью христианства в Беларуси. Особенностью этноконфессиональной структуры Белорусского Подвинья, сохранявшейся на протяжении более трех столетий, было проживание там большого количества русских-староверов, которые избежали ассимиляции, сохраняя устойчивые особенности своей духовной и материальной культуры. Значимое влияние на население региона в конце XVIII – начале XX в. оказывали евреи, которые составляли большинство населения в местечках и более половины — в крупных городах региона.

В современную эпоху Белорусское Подвинье характеризуется гармоничными межнациональными и межконфессиональными отношениями. Авторы книги абсолютно обоснованно отмечают влияние религии на становление этнической идентичности в регионе, где религия становится мощным консолидирующим фактором. При этом большое значение приобретают сакральные атрибуты, такие, например, как Крест преподобной Ефросинии Полоцкой. Этнокультурная история региона связана также с расцветом искусства в 1918 – 1921 гг. и появлением профессиональной художественной школы в Витебске, прославленной именами всемирно известных художников Марка Шагала, Юделя Пэна, Казимира Малевича и др. Одним из самых известных культурных мероприятий региона стал Международный фестиваль искусств «Славянский базар» в Витебске.

В итоге, можно с уверенностью сказать, что серия опубликованных монографий впервые в белорусской этнологической науке дает целостное представление о важнейших аспектах культуры, этнической истории, демографических и миграционных процессах в различных регионах Беларуси от древности до настоящего времени. Исследование позволяет утверждать о древности истоков региональных отличий с одной стороны и общих закономерностях развития материальной и духовной культуры белорусов, с другой стороны. В монографиях представлены региональные особенности и вариативность культуры белорусов. Все монографии написаны на основе оригинальных материалов, собранных исследовательским коллективом во время этнографических экспедиций. Привлечение для исследования широкого круга разнообразных источников, демонстрируют глубину исследований и высокий научный уровень опубликованных монографий и их большую практическую значимость.

Книги представляют интерес для ученых не только Беларуси, но и соседних государств – Польши, Украины, России и, несомненно, для всех, кто интересуется историей и этнографией славянских народов.

CONTENTS

On the 80th anniversary of the Department of Ethnography, Faculty of History, Moscow State University

Karlov, Victor V., and Natalya P. Mironova. The Department of Ethnology in the scientific life of Lev Pavlovich Lashchuk 5

Tutorskiy, Andrey V. The Field of Life of Alexey Alexeevich Nikishenko 18

Voronina, Tatyana V. Воспоминания о кафедре этнографии МГУ (1968–1974 гг.) 33

State Anthropology and Ethnomonitoring

Belova, Natalya A. Ethnological Monitoring in Russia (the case of the Kostroma region) 37

Belova, Natalya A., and Dmitry A. Kaunov. The Results of Ethnological Monitoring in the Kaluga and Kostroma regions 44

Boyko, Ivan I., Alevtina P. Dolgova, and Kharitonova, Valentina G. Implementation of Language Policy in School Education of the Chuvash Republic (late 1980s– 2019) 56

Shiyan, Olga V. The Thorny Path of Labour Migrants in Russia: a participant observation 76

Ostapenko, Lyubov V., Roman A. Starchenko, and Irina A. Subbotina. Russian Youth in Moscow in the System of Interethnic Relations 88

Kulbachevskaya, Olga V. Ethno-social Situation and Interethnic Relations in Crimea 106

Traditions and Modernity

Sbitneva, Arina M. “Life” and “Death” of Historical Reconstruction Clubs in Modern Russia 120

Andrunina, Maria A. Family Rites of Pruzhany Polesye Based on 2019 Field Data From Pruzhany Disctrict of Brest Region of Belorussia 130

Turekeyev, Kuanyshbek Z. Modern Beliefs of the Karakalpaks Concerning the Tradition of Ancestor Veneration 149

Kappasov, Marat M. Agricultural practices among the nomads of the Lbishensky Disctrict of the Ural Region in the Beginning of the XX century 162

Kalandarov, Tokhir S. Tajik Migrant Religious Poetry 169

Physical anthropology

Gerasimova, Margarita M. Craniology of the Population of the Upper Left Bank of the Kuban River in VIII–XII centuries 178

Lejbova, Natalya A., and Umalat B. Gadiev. The Medieval Population of Mountainous Ingushetia According to Odontological Data 197

Frizen Sergey Y., and Umalat .B. Gadiev. Craniological Materials from the Crypts of Mountainous Ingushetia. (Preliminary results) 210

Boroutskaya, Svetlana B. Osteometric study of the necropolis Batalnoe of the Crimean peninsula 236

Ivanov, Aleksey V., and Sergey V. Vasilyev. Craniological characteristics of the late medieval Crimean Tatars (based on materials from the necropolis near the village of Batal'noe) 243

Pestriyakov, Aleksandr P., Olga M. Grigorieva, Yulia V. Pelenitsina. Australian Aborigines: geographical variability of craniological features 252

Kufterin, Vladimir V., and Elizaveta V. Volkova. Osteometric Study of an Early Iron Age Postcranial Sample from Lower Kama Region (Novo-Sasykul Burial Ground) 268

Persons in Science

Gerasimova, Margarita M., Natalya A. Lejbova, and Alyona V. Dedik. The International Scientific Conference «Problems of studying the variability in anthropology. New in the diversity of the traditional» dedicated to the 85th anniversary of the eminent anthropologist, Doctor of Sciences (History), Professor Alexander Alexandrovich Zubov (1934–2013) (Moscow, May 13th–16th, 2019) 286

Gerasimova, Margarita M. and Alyona V. Dedik. Maxim Grigorievich Levin (1904–1963): 115 years since birth 292

Haldeeva, Natalia I., Nailya H. Spitsyna, and Sergey V. Vasilyev. Margarita Mikhaylovna Gerasimova. A Person in Science and Science in the Person 303

Reviews

Anchabadze, Yuri D. Book Review: Nemtsov bridge. Spontaneous memorialization. M .: IEA RAS, 2017. (by D.V.Gromov) 308

Demeter, Nadezda G. Series Review: “Ethnocultural processes in historical-ethnographic regions of Belarus” 312

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ
2019. № 4 (48)

HERALD OF ANTHROPOLOGY
2019. № 4 (48)

Редакторы – М.Ф. Кучерова, Т.Н. Самарина, О.М. Григорьева
Технический редактор – Н.А. Белова
Компьютерная верстка – Н.А. Белова
Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова
Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 5.12.2019
Формат 70 x 108/16. Уч.-изд. л. 20,9
Тираж 500 экз. Заказ № 200
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Начальник участка – *В.М. Маршанов*
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А